

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2002

АНАТОЛИЙ

СЕВАСТИЯНОВ

*Мой знакомый
медведь*

Annotation

В книгу вошли три приключенческие повести. Автор — писатель, биолог-охотовед — работал старшим научным сотрудником Кроноцкого заповедника, занимался изучением бурых медведей Камчатки, один из которых и стал героем повести «Мой знакомый медведь». В основу «Зимовья на Тигровой» положен реальный случай нападения уссурийского тигра на человека, а в «Диком урмане» два человека оказываются в глухой тайге без огня, без оружия, без теплой одежды. Никто не знал, где они, никто не мог помочь. Они все преодолевали сами!

- [Мой знакомый медведь: Мой знакомый медведь; Зимовье на Тигровой; Дикий урман: Повести](#)
 -
 - [Мой знакомый медведь](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)

- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Зимовье на Тигровой](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Дикий урман](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Мой знакомый медведь: Мой знакомый медведь; Зимовье на Тигровой; Дикий урман: Повести

Худож. Ю. А. Станишевский. — М.: Армада-пресс, 2002. —480 с.: ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-309-00348-7

Мой знакомый медведь

Глава первая

На склоне вулкана, в каменной нише, лежала на спине медведица, придерживая всеми четырьмя лапами медвежонка, который урчал у нее на груди. Вдруг медведица услышала шорканье лыж. Уронила с себя медвежонка, высунула морду из берлоги, лбом сдвинув снег, и увидела охотника. В белой накидке он шел по синему снегу. Шел прямо к ней. Она затаилась, но охотник уже заметил мелькнувшую морду и приготовил ружье. Подошел, бросил в нишу комок снега. Медведица не выходила. Охотник снял лыжу и сунул ее в берлогу, держа наготове ружье. Медведица схватила лыжу зубами и с хрустом расщепила конец. Человек оторвал от накидки кусок белой тряпки, навернул на палку, поджег и сунул в берлогу. Медведица вырвала палку и в клочья разорвала тряпку. И в это время медведица выскочила из берлоги и прыжками бросилась в гору. Резко, со звоном ударил выстрел. Медведица ткнулась в снег, но тут же вскочила и, обожженная пулей, еще быстрее кинулась вверх. Около морды брызнула о камень вторая пуля. В берлоге заголосил медвежонок. Упав на колени, человек выхватил его, поднял над головой и начал бить, чтобы звереныш своим криком вернул мать. Но вопли не вернули ее.

Медвежонок фыркал, махал лапами, и охотник швырнул его в нишу. Но медвежонок успел уцепиться когтями за край и не спрятался в берлоге, а припустился бежать под уклон к берегу океана. На размягченном солнцем снегу строчились его маленькие следы.

Охотник поднялся на гребень, за которым скрылась медведица, и увидел: следы на махах шли ровно и

далеко. Значит, рана нетяжелая.

Он пошел по следам медвежонка. Они привели к обрывистому берегу. Человек остановился в удивлении. Маленький зверек, еще никем не обученный, прошел по самой кромке обрыва и забрался на ветку кедрового стланика. А ветка висела над пропастью. Далеко внизу ворчал океан и скалил белые зубы прибоа.

Осторожно, выверяя каждый шаг, охотник боком стал пробираться по кромке уступа, спиной прижимаясь к голой скале.

Медвежонок лежал с закрытыми глазами. Охотник дотянулся до него лыжной палкой. Ремешок, в который продевают руку, надел на голову зверька и стал поворачивать палку, закручивая ременную петлю... Потянул. Веткагнулась, а медвежонок вцепился в нее когтистыми лапками и замер. Его дергали за шею, но он даже не открывал глаз. Но когда охотник все, же сорвал его с ветки, рыжий бесенок вдруг ожил — бился на конце палки, стаскивая петлю, и раскрыл себе надвое кончик уха. Человек схватил медвежонка за загривок и, держа в вытянутой руке, осторожно вернулся на безопасное место. Затолкал зверька в вещевой мешок. Медвежонок сразу затих в темноте.

Охотничья палатка стояла неблизко. Медвежонок пригрелся у спины и почти всю дорогу спокойно лежал. А потом вдруг начал метаться, фыркать, рвать мешок когтями. Порвал на полоски, даже до куртки добрался. Охотник швырнул мешок в палатку. Мешок прыгал, катался, чихал. Человек развязал его и понял, какую пытку устроил себе медвежонок — он разорвал в мешке пачку крепкой махорки.

Медвежонок забился в угол и горько, по-детски всхлипывал.

Охотник покормил сушеной рыбой ездовых собак, вернулся в палатку и стал готовить ужин на маленькой, чуть больше буханки, железной печке. Когда он взял из

угла чайник, медвежонок встал. Человек теперь не казался ему таким страшным. Страшным был мешок. Медвежонок по стенке обошел его и задел лапой бинокль. Человек протянул к зверьку руку и получил пару царапин. А медвежонок заработал шлепок и опять забился в угол.

После ужина охотник лег спать. Медвежонок зашевелился, подобрался к голове человека, нашел ухо и принялся сосать. В это время затеяли драку собаки. Медвежонок сразу спрятался в угол. Охотник зажег свечку. Нужно было перевязать собак подальше друг от друга. А то не дадут спать.

Охотник вышел из палатки. Медвежонок вылез из своего угла, свалил бинокль, уронил воткнутый в полено нож, махнул лапой по свечке и опять забрался в угол. Свечка подожгла мусор, огонь перебрался к вороху бересты, приготовленной для растопки. От едкого дыма и огня медвежонок выскочил из палатки и бросился бежать. Собаки оглушительно залаяли, вздыбились, а медвежонок улепетывал в ночную темень тайги. Охотник пытался отцепить жожака, но тот хрипел от натянутого ошейника и не давал разомкнуть защелку. Охотник было замахнулся на собаку, но тут полыхнул красный свет. Охотник обернулся и увидел над палаткой пламя.

Пожар он потушил. Но теперь ему было не медвежонка. Сгорели спальный мешок, бок палатки. Пришлось ночью ехать в поселок...

Утром в зарослях кедрового стланика сидела медведица, а медвежонок, стоя на задних лапках, сосал ее. Медведица нашла детеныша по следам и теперь зализывала рваный кончик его уха.

Все это произошло на Камчатке...

А за многие тысячи километров, в небольшом поселке на берегу Московского моря, мальчишка слюнявил в это время палец и листал научную книжку,

выискивая что-нибудь про медведей, которые казались ему самыми интересными животными на земле. И конечно, не знал он тогда, что через несколько лет судьба сведет его с медведем, у которого порвано ухо.

Глава вторая

Звали мальчишку Витька Медведев. «Неудачник в семнадцать лет» — так он думал о себе, когда узнал, что его не приняли на биофак Московского университета.

— Ну и что же ты теперь намерен делать? — спросил его отец.

— Не знаю еще... Работать пойду... — Витька не хотел пока говорить родителям, что успел отправить на Камчатку письмо директору заповедника — объяснял, что мечтает стать биологом и изучать медведей в естественных условиях, просил взять его на любую должность... А отцу сказал: — Согласен на любую работу, лишь бы платили побольше.

Отец удивленно пожал плечами — непонятным было поведение сына. А Витька устроился на фабрику в тарный цех, сколачивать ящики. Говорили, там можно настучать на полторы сотни в месяц. Конечно, когда научишься стучать.

...Пока он тюкал молотком, скотив один ящик, его сосед сделал, наверное, десять. Но Витька не унывал. Смотрел, как работают другие, тоже брал гвозди в рот и старался загнать гвоздь одним ударом молотка. Над ним смеялись: «Что это у тебя гвозди спать ложатся?» Потом смеяться перестали. Все шли обедать, а он стучал. И оставался вечерами. Смотрели на парня с осуждением: «Молодой, а какой жадный».

Через полгода он стал получать больше всех. Только тогда наконец сказал отцу с матерью, что улетает на Камчатку.

— До второго захода в университет буду работать в заповеднике, поближе к будущей специальности зоолога и к медведям. — Витька показал ответ на свое

письмо. Директор заповедника писал: «Да, можем принять вас рабочим научной части, если приедете на Камчатку на свои деньги. Заповедник может оплачивать проезд только специалистам». Теперь деньги у него были, можно ехать, хотя Витька и не представлял, что это за должность — рабочий научной части.

— Дались тебе эти медведи, — сказал отец, — ты еще слишком молод, чтобы быть самостоятельным.

А Витька только спросил:

— Что делал ты, когда тебе было семнадцать?

И разговор на эту тему закончился, потому что в семнадцать отец ушел на фронт.

Витька летел на самолете первый раз в жизни и сразу самым дальним рейсом. Сидя в комфортабельном салоне большого самолета, он вспоминал огромную, во всю стену, карту в аэропорту. На ней в угол протянулась длинная тонкая линия: Москва — Петропавловск-Камчатский.

Он летел через всю страну, но сколько ни смотрел в иллюминатор, так и не разглядел ни Урала, ни сибирских просторов: голубое небо и слепящая равнина облаков — вот все, что было видно... Только перед Хабаровском облака ненадолго расступились, и Витька увидел тайну. Сопки внизу напоминали махровое полотенце — были сплошь в ворсинках заснеженных деревьев.

Потом Витька немного вздремнул и проснулся, когда зажглось табло: «Пристегните ремни». Самолет вырвался из облаков, и на крутом вираже Витька увидел Авачинскую губу. Он знал ее по «трем братьям» — трем знаменитым скалам среди воды, знакомым ему по фотографиям. Из Петропавловска ему предстояло лететь дальше, в Туманово — поселок на восточном побережье Камчатки.

Поселок Туманово прятался в распадке. Внизу текла небольшая речка и возле крайних домов впадала в океан. Витьку поразили океанские волны. Такие маленькие с самолета, они были в три раза выше сарая на берегу. А погода вроде бы и не была штормовой.

Распадок окружали горы. На севере — розовый от зимнего солнца конус Кроноцкой сопки. Левее и намного ближе — красивая зубчатая гряда. На западе большой потухший вулкан со срезанным взрывом конусом. Левее пускал султаны дыма невидимый за сопками Карымский вулкан.

Дома в поселке были все, как один, черные, словно обугленные. Оказалось, они обиты толем. Иначе здешние ветры продували бы их насквозь.

— Почему здесь такие чудные дома — со всех сторон пристройки? — спросил Витька мужика, с которым летел.

— Очень просто. Приезжает человек на Камчатку, думает три года прожить, по договору. Строит домишко лишь бы кое-как, на три года. Срок проходит, съездит на материк в большой отпуск — и опять сюда. Продлевает договор и пристройку лепит, чтобы жить удобнее. Потом еще остается — и опять пристройку. Так почти все до пенсии и живут. Нравится тут людям. — Мужик остановился и показал рукой. — Вон твоя контора.

Витька тащил тяжелый чемодан и рассматривал поселок. На стогу сидели черные вороны. Совсем как грачи, только у этих и клювы черные. Стога были покрыты рыболовными сетями, чтобы сено не раздувал ветер. Вместо воробьев летали белые с темными отметинками пуночки.

Прищепки на веревке с бельем заставили Витьку даже остановиться. Они были самодельные и раза в четыре больше обычных. Разжать их можно было, пожалуй, только двумя руками.

Возле конторы стоял толстый бамбуковый шест антенны. «Наверное, океан бамбук выбрасывает», — догадался Витька.

Директор заповедника, маленький толстый мужчина лет около шестидесяти, протянул Витьке листок:

— Пишите заявление. Сейчас все оформим, и вас проводят в коттедж. Будете в нем жить.

«Коттедж», отведенный Витьке, оказался таким же, как все, «обугленным» домиком, едва ли не по самую крышу занесенным снегом, только поменьше и похуже.

Высокий мужик, сотрудник заповедника, которого все встречные называли просто Гераськой, привел Витьку к дому, нагнулся под проводами и предупредил:

— Ночью не забывай, пригибайся. Ток есть... Радио тоже есть. — И он перешагнул через тонкие провода. Потом спустились в снежный колодец, открыли дверь в дом.

В комнате было сумрачно. Гераська повернул выключатель и, когда вспыхнула большая яркая лампочка, сказал:

— Ишь сколько света. Окошки лопнут.

Из окна со сколотым уголком стекла сильно дуло. Гераська заткнул дырку тряпкой, помог растопить печку. Затрещали дрова, стало тепло и в доме и на душе.

Глава третья

Все утро Витька думал о том, какую ему дадут работу: вдруг сразу отправят в тайгу с научными сотрудниками. Вот было бы здорово! А может, препараты какие-нибудь готовить заставят?..

Его заставили возить на санках дрова, а потом колоть замерзший уголь для котельной. Только в обед он зашел ненадолго в дом, где была научная часть заповедника. На полках увидел столько книг по биологии, что остановился перед ними, как перед только что найденным кладом. Для него это и был настоящий клад. А жена директора — заведующая научной библиотекой — сказала:

— Вам здесь делать нечего. Вам надо записаться в библиотеку в клубе. Художественная литература там.

— Я там запишусь... А можно вечером взять вот эту книжку?

— «Методику полевых исследований»? — удивилась библиотечарша. — Возьмите, если она вас интересует.

После работы, наскоро перекусив, Витька уткнулся в книжку и забыл обо всем на свете. Раньше он читал книжки о биологии кабана, лося, чтобы узнать, на что ученые обращают внимание, изучая зверей. А в этой книге были специально разработанная программа для изучения животных и методики различных наблюдений...

«С этой книжкой я уже не буду слепым котенком», — думал Витька, выписывая непонятные термины.

Ночью с чердака то и дело доносился негромкий шум. Это охотился на мышей горноста́й, следы которого были видны на сугробе у крыши. «Что-то он больше не бегает», — подумал Витька и посмотрел в окошко. На

улице было светло. Взглянул на часы. «Елочки с палочкой, просидел всю ночь. Уже пора на работу».

Витька вышел из дома и услышал шум проходящей электрички. «Какая же тут электричка? — вдруг спохватился он. — Что это шумит?» Шумел океан у другого края поселка. И шум прибора был очень похож на шум проходящего неподалеку поезда.

В это солнечное утро следы на снегу были бирюзовыми, как вечернее небо в жаркое лето. Дома Витька никогда не видел таких следов. Они как будто светились изнутри. Галина Дмитриевна, геоботаник заповедника, объяснила ему, что такими красивыми их делают примеси разных солей в снегу, которые ветер вместе с водяной пылью приносит с океана.

Когда Витька шел на работу, небо было ярко-голубое, почти синее, как на юге. Но вдруг возле окошка началась белая кутерьма пушистых снежинок. И вскоре за метелью уже не видно стало соседнего дома.

— Какая неожиданная пурга, — сказал Витька, сколачивая стеллаж для гербарных листов.

— У нас неожиданной пурги не бывает, — засмеялась Галина Дмитриевна, — тут ее всегда ожидай.

Пурга бушевала весь день. Громадные массы незамерзающей воды океана не давали настояться морозам. Они не были здесь сильными. Зато ветер разгонялся над океанским простором и снегом хлестал в лицо так, что хоть закрывай его руками и падай в сугроб. А надо было идти в магазин — дома нечего есть.

В поселке уже никаких тропинок. Местами ноги теряли опору в рыхлом снегу, и надо было ползти по сугробу. К магазину со всех сторон пробирались люди. Рядом с крыльцом сидела в сугробе пожилая женщина. Ее пальто веером распласталось по снегу. Она вытряхивала снег из рукава и кричала Витьке:

— Вы за мной! Я немножко посижу.

Маленький мальчуган выскочил из магазина на крыльцо и, как пингвин крылышками, замахал ручонками, потому что ветер перехватил дыхание. Отец завернул его в большой рыбацкий плащ, как завертывают какую-нибудь вещь.

— Вот за это нам и платят северные, — сказал он и, взяв сверток под мышку, вышел из магазина.

Возле дома Витька по самые плечи сунул руки в сугроб и с трудом открыл замок, хотя он и не запирался на ключ.

В эту ночь страшно было спать. По дому будто скребли десятки жестких метел — это буран шлифовал стены. А на крышу, казалось, сыпали из мешков песок. От ударов ветра домик вздрагивал, и Витька боялся — сорвет крышу. Утешало только, что не первый год стоит этот дом на Камчатке...

Проснулся Витька затемно, хотя с вечера долго не мог заснуть. На улице тихо. Повернул выключатель — света не было. Нащупал фонарик. Открыл дверь. За ней оказалась вторая, белая. Даже не сразу понял, что это отпечаток двери в снегу. Дом замело...

«Хорошо, что дверь открывается внутрь», — подумал Витька, принес табуретку, взял лопату и стал пробивать вверху нору, сбрасывая снег прямо в коридор. Наметенный до крыши снег был тяжелым, плотным, и лопата втыкалась в него с трудом.

И вдруг в лицо ударил ослепительный дневной свет. Оказалось, было уже светло, а дом, как и весь поселок, утонул под снегом. Из ровного снежного поля черными столбиками торчали железные трубы, дымили. Кое-где копошились люди. Неподалеку в крыше сарая мужик проделал дыру и через нее бросал корове сено.

Витька хорошо помнил, что в самой низине, у речки, стоял дом. Теперь там не было даже трубы. Два мужика с лопатами откапывали ее.

Электропровода тянулись теперь по самому снегу. Вдоль линии шли мужики и подставляли под провода колья.

— Чего стоишь? — крикнул один из них Витьке. — Иди «научника» своего откапывай.

Так называли они Сергея Николаевича — научного сотрудника заповедника.

Витька пошел к видневшейся трубе его дома и выкопал яму с двадцатью двумя ступеньками.

Сергей Николаевич, высокий мужчина лет тридцати пяти, в очках и с бородкой, выбрался по снежным ступенькам наверх и вместе с Витькой стал откапывать окна.

Глава четвертая

В первый же выходной день Витька отправился на Горячие ключи. Там даже зимой, среди снега, можно было искупаться в горячей воде. К тому же идти туда надо было по берегу океана и по тайге. Все это ему не терпелось увидеть, поэтому в субботу утром он был уже на берегу океана.

На земле лежали сугробы, а по океану катились волны. Между снегом и водой тянулась прибойная полоса, «прибойка» — ровный, как асфальт, черный морской песок. «Наверное, перегорел в вулканах», — подумал Витька. Он стоял на черном песке на грани, где самый большой материк соприкасался с самым большим океаном. Белые пенистые языки подкатывались к ногам. На бесконечные спины волн, идущих из далекой дали, можно было смотреть без конца, как на огонь костра. Как нескончаемый водопад, шумел прибой. Излучиной до синей дали выгибался берег. Далеко впереди сквозь кисею туманной дымки просвечивали скалы Кроноцкого полуострова. Под ногами хрустели ракушки, обломки панцирей крабов. На волнах стайки зимующих уток словно катались с гор, только не сверху вниз, а снизу вверх — утки, как поплавки, всплывали на каждый новый вал.

Вдруг проглянуло солнце. Как будто с переводной картинки сняли серый слой, и краски обнажились во всей их чистоте и яркости. Редкие зеленоватые льдинки сверкали на пепельном, усыпанном мелкими звездочками ледяных кристалликов песке. Сизокрылые чайки, замерев, стояли на «прибойке», а в стороне, отливая черным пером, важно прохаживался ворон. Совсем близко всплыли на волне расцвеченные солнцем утки-морянки. Маленькая стайка черных турпанов,

похожих на тетеревов, с белыми отметинами на крыльях, пролетела мимо Витьки и, брызнув сверкнувшей на солнце водой, опустилась неподалеку от морянок. Нерпичья голова показалась за третьей волной. Осматриваясь, нерпа поднялась повыше, показала из воды не только голову, но и часть груди. Издали она была похожа на полузатонувшую в воде большую толстую бутылку.

На песке, как громадная елочная игрушка, лежал стеклянный шар в ярко-лимонной капроновой оплетке — поплавков трала. Такой красивый, хоть бери его с собой и вешай дома под потолком как украшение. Рядом лежал абажур от настольной лампы с бежевым лучистым рисунком. Витька хотел взять его в руки, но абажур примерз к «прибойке». Тут только догадался, что это замерзшая медуза. Неподалеку вмерзли «абажуры» еще крупнее.

Слева, вдаль, поднимались горы. Они были такими крутыми, что на склонах не мог удержаться снег, и горы стояли высокой красноватой стеной. За ней курился дымок. Трудно было свыкнуться с мыслью, что дымит не какой-нибудь заводик, а настоящий вулкан, который вдруг может извергнуть реки лавы.

К берегу подступала каменноберезовая тайга. Вершины берез, которые стояли ближе к океану, были будто подстрижены, причесаны ветрами. Камчатская тайга оказалась совсем не такой, как представлял ее Витька. Не было ни одного хвойного дерева. Только серые каменные березы, почти не похожие на те березки, которые остались дома. Здесь они как старые яблони — корявые, растопыренные. Кора потрескалась, как будто на стволы налипли серые щепки. Деревья стояли редко, как в парке. Снег утопил весь подлесок. Иным деревьям было не по одной сотне лет, и, может быть, какие-то из них видели бывавшего в этих местах

Крашенинникова. Эти деревья и дали название тайге в этих местах — каменноберезовая.

На склоне распадка тени деревьев разрисовали снег, как шкуру зебры. Из-под наклонной березы как будто из пращи бросили зайца. Длинным прыжком он выскочил с лежки и поскакал поперек теней. Но поскакал не очень быстро, словно пробуксовывал.

Витька увидел след, похожий на след куницы, только крупнее, и понял — пробежал соболь. Его следы он видел первый раз в жизни и пошел по ним посмотреть, что делал в тайге настоящий таежный зверек. Соболь шнырял из стороны в сторону, пока не поднял с лежки зайца и не погнался за ним.

Снег после метели был странным: на нем печатались все следы, но под легкой порошей образовалась тонкая корочка наста, которая держала соболя и совсем не держала зайца. Он глубоко пробивал лапами снег, а соболь бежал поверху. И вскоре Витька нашел прикопанного снегом зайца. Есть его соболь не стал.

Витька долго петлял по соболиным следам и отыскал еще двух зайцев, тоже закопанных в снег. У каждого за ушами были отметины зубов — капельки крови. Соболь заготавливал зайцев впрок.

Вдруг Витька увидел заметавшегося впереди зайца. Зверек бежал не прямо, а прыгал из стороны в сторону. На него, подобрав крылья, пикировал белоплечий орлан. Заяц мотнулся назад, а орлан только повел крылом и точно угодил на него.

Присев отдохнуть на низкий кривой сук, Витька увидел странного, совсем неизвестного ему зверька. У него была непомерно большая голова и белое, гибкое туловище... Только когда зверек подбежал совсем близко, оказалось, что это всего-навсего ласка, тащившая в зубах пойманную полевку. Она юркнула с добычей в продушину под наклонным стволом.

В другой раз, когда Витька тоже тихо сидел на месте, к нему припрыгнул заяц. На человека он обратил внимание, только когда был от него шагах в десяти. Сел и недовольно стал топотать попеременно то одной, то другой задней ногой. Витька не шевелился. Заяц посидел и принялся умываться, как кошка, только не одной лапой, а сразу двумя. Потрет мордочку, часто-часто помашет перед собой лапками и опять умывается...

А к концу дня Витька увидел рысь. Она шла у самого края обрывистого каньона. У Витьки застучало в висках. Пятнистая шерсть крупной, высоконогой кошки показалась ему изумрудной. Он хотел подойти ближе. Но рысь заметила его, спрыгнула с обрыва и затаилась где-то среди выступов скалистой стены. Вроде бы и негде спрятаться — все видно. А рыси не было. Она была, пока не знала, что рядом человек. А только узнала — и нет ее. Сколько ни вглядывайся в камни — не найдешь.

После недавней пурги не осталось никаких примет лесной тропы. Витька неуверенно шел по просвету между деревьями, похожему на тропу. «Не задавайся далеко влево и не жмись к океану» — вот все, что мог сказать Гераська о том, как пройти на ключи. Он был уверен: приметы тропы остались, и не вдавался в подробности. Может быть, опытный глаз и нашел бы среди ровного снега тропу. Но Витька чем дальше шел по тайге, тем больше сомневался, правильно ли идет. В редкой каменноберезовой тайге в какую сторону ни глянешь, всюду можно рассмотреть уходящий вдаль просвет, вроде бы похожий на тропу. Витька пошел напрямую, надеясь, что наткнется на Горячие ключи. Ведь это не только маленькое озерцо, но и впадающая в океан речка, километра четыре длиной.

Выбираясь из глубокого распадка, Витька понял, что окончательно сбился с пути. Не могли же люди

карабкаться по таким распадкам, чтобы попасть на ключи. Он не боялся заблудиться в тайге, где с одной стороны почти всегда виден хороший ориентир — горы, а с другой — доносился шум океанского прибоя. Правда, уже едва слышный. В крайнем случае можно было по «прибойке» ночью идти в поселок.

Получилось так, что ночь наступила раньше, чем Витька ожидал. Случалось, лыжи начинали скользить в распадок по незаметному в темноте уклону, и, чтобы не разбиться о деревья, приходилось падать в снег.

Пришлось повернуть к океану, чтобы по «прибойке» брести назад, в поселок. Но до берега еще надо было пройти. Океан шумел уже близко, когда на пути встретился еще один глубокий распадок, на дне которого чернел ручей. Витька пошел вдоль него по самому краю, где не было берез. Но не было там и земли. Он шел по снежному козырьку и понял это, только когда рухнул вниз и в гряде снега покатился в распадок. «Внизу вода!» Витька лихорадочно хватался за снег, но не смог удержаться на склоне и спиной упал в воду. Тут же вскочил на ноги, выбрался из ручья — он был мелким, чуть выше колена. С перепугу не сразу понял, что вода в ручье теплая. И воздух над ним пропитан теплом и паром.

Это был Горячий ключ. Где-то в его верховьях стояла избушка. Идти по распадку на лыжах нельзя — склоны круто опускались к воде. В высоких резиновых сапогах Витька зашел в воду и, лыжей щупая дно, побрел по ручью. В мокрой телогрейке было холодно. Брюки тоже промокли, вода хлюпала в сапогах, но ноги не мерзли — вода теплая.

Ноги подкашивались. Витька хотел упасть в снег, полежать, отдохнуть. Но подумал: «Почему же на снег?» — и стал раздеваться. Снял всю одежду, горкой сложил на снегу, а сам лег в теплую воду ручья. Она была даже горячей! Среди снегов такая вода казалась

чудом. Лежал, как в ванне. Пододвинул под голову плоский камень, и, если бы не плечо, которое выступало из воды и мерзло, о лучшем отдыхе нельзя было и мечтать. А так приходилось то и дело переворачиваться с боку на бок, греть то одно, то другое плечо.

Усталость брала свое. Витька задремал. Над распадком сверкали колючие звезды. Ворочаться уже не хотелось. Чтобы не мерзло плечо, в полусне рукой плескал на него воду...

По берегу что-то быстро двигалось. Витька приподнял голову и с облегчением увидел, что это лисица. Опустив к снегу нос и так же низко держа хвост, она бежала по берегу. Витька потихоньку шлепнул по воде рукой, и лисица тут же пропала.

В ручье Витька хотел только немного отдохнуть, потом натянуть полумокрую одежду и идти дальше. Но подумал, что лучше и не надо ночлега. Совсем не хотелось вставать с отполированного водой ровного каменного ложа... Витька дремал, открывал глаза, всматривался в темноту и опять дремал. Проснувшись среди ночи, он видел, как луна разбрызгала по речке серебро, потом убрала его, скрывшись за тучку...

Когда Витька окончательно проснулся, ему показалось, что он попал в сказку. Было уже совсем светло, он лежал в теплом ручье, а к голубому небу вздымались ослепительные от снега сопки. Между ними по зеркальной воде маленького озера грациозно плавали лебеди. Неспешно, один за другим, они плыли вдоль берега. Первый задевал ветки прибрежных кустов, с них сыпался иней, и над белыми птицами вспыхивала маленькая снежная радуга. Лебеди зимовали на крохотном озерце среди снегов, на котором в незамерзающей теплой воде и полоске травы сохранился кусочек лета. Сочная, яркая зелень подсвечивала изумрудным светом сугробы берега...

Такая же полоска травы тянулась и вдоль теплого ручья. На зеленых листочках, как летом, сверкали росинки. Витька привстал. Лебеди шумно захлопали крыльями и улетели.

Вверх по ручью он увидел избушку. Ночью не дошел до нее совсем немного. Из избушки вышел дед, случайно взглянул вдоль ручья и опешил, приоткрыв беззубый рот:

по ручью, время от времени окунаясь в воду, шел голый человек.

Витька вышел из ручья и до избушки пробежал босиком по снегу.

— Здравствуй, — сказал он деду.

В избушке Витька облачился в дедову одежду и сходил за своей.

— Где бы посушить? — спросил он, не видя в доме печки.

— Печки нету, — подтвердил дед. — Ключом отапливаемся. От самого Горячего вода самотеком по батареям идет и с другого конца сливается. Не больно жарко, не больно холодно.

Отогревшись, Витька поведал деду, что с ним приключилось, как заночевал в теплом ручье.

А дед с охотой принялся рассказывать, от каких болезней лечат эти ключи.

— Охотник есть в Туманове. Простыл, парализовало и руки и ноги. На нарте привезли. А обратно сам ушел, на лыжах. У того вон ключа лет сорок назад проказу лечили. Я там ревматизм выгнал... Другому мужику медведь кожу с головы спустил. Трое суток изодранный лежал. Помирал совсем, пока нашли. А потом только полоска на затылке заметной осталась. Все приросло.

Деду показалось, что Витька слушает с сомнением.

— Вот и врач у нас новый все сомневался. А как сам с какой болезнью не сладит, стал на ключи посылать, для пробы. Теперь в газетах за эти ключи пишет. Иные

жалуются: «Не помогает». Искушается два раза и думает — все болезни вылечил. Профессор и тот, поди, сразу не вылечит. Только у ребятишек все царапины, все порезы за день, как живой водой, затягивает. А серьезную болезнь прогреть надо, пропарить с месячишко. До меня тут семья жила. Куры у них были. Зайдут, где помельче, и стоят. Медведица с медвежонком ходила. Скрюченная, как горбыль. Значит, целебная вода: зверь зря сидеть не будет.

В полдень, когда высохла одежда, Витька пошел назад, в поселок. Оказалось, со стороны ключей на деревьях сохранились у тропы старые затески.

Глава пятая

На высоком сугробе, как на троне, лежал большой пес, гордо держа голову. Он был похож на волка, только крупнее его. От дикого зверя его отличали и необычная стройность, и более рыжеватый, чем у волков, оттенок шерсти.

Витька давно заметил эту бездомную собаку и решил приручить ее. Неподалеку от места, на котором лежал пес, проходила тропинка. Но попасть на нее можно было только в конце поселка. Витька сунул в карман кусок колбасы, веревку и побежал между домов. По тропинке пошел неторопливо — вроде бы идет по своим делам мимо. Но собака поднялась и ушла с бугра. Она явно не хотела знакомиться. Обидно было: бездомная собака — и не хотела к нему идти.

На улице Витька не забывал посматривать по сторонам — небольшая капроновая веревка теперь у него была всегда в кармане.

А на улице приходилось работать часто. Дом, отведенный под научную часть заповедника, стоял на таком месте, что любая пурга заметала его по самую крышу. Витька без конца рыл в снегу колодцы, чтобы пустить дневной свет в окна.

Неожиданно Витьку направили помогать рабочим рыбокомбината. Он пришел на берег лимана. Там уже собрался народ, и все смотрели на чаек, которые стайкой неторопливо летали над свободной ото льда приустьевой частью. Время от времени чайки выхватывали из воды небольших рыбешек. То здесь, то там на обычной ряби появлялись маленькие кружки. Когда они стали частыми, как от дождя, рыбаки оттолкнули лодку и объехали косяк, окружили его неводом. Полный невод не смогли даже вытащить —

соединили его крылья, чтобы рыба не могла уйти, и принялись черпать ее сачками. По всему берегу пахло редкостными здесь, на Камчатке, свежими огурцами — это пахла корюшка. Рыбу таскали в большую яму, вырытую в сугробе. Одна уже была полна корюшки размером с мелкую селедку. Ее поймали ночью. Косяк, который зашел в темноте в лиман, весь светился, флуоресцировал. Этот свет и помог рыбакам.

Витька черпал рыбу вместе со всеми, таскал на носилках в ямы. В поселок он возвращался вместе с пожилым рыбаком. На мосту через речку они увидели собаку. Ту самую, которую Витька хотел приручить. Шерсть на ее загривке встала дыбом.

— Чего это Букет сердится? — удивился рыбак.

Витька с сожалением подумал: «У такой сильной собаки и такое имя — Букет».

Из-за холма выскочила собачья упряжка. Не слушая каюра, кинулась к Букету. Ездовые собаки не выносят псов-бездельников: рвут их в клочья. Человек на нарте втыкал в снег остол — прочную палку с железным наконечником, изо всех сил жал на нее, чтобы затормозить. Из-под железного конца остола летело похожее на веер большое снежное крыло, а упряжка все не замедляла хода. Букет свернул с дороги и потрусил вдоль снежного берега. Убегать от драки, даже смертельной, было, как видно, не в его привычках. Собаки настигли Букета. Он спрыгнул в речку. Каюр, видя, что дело плохо, кубарем свалился с нарты, а собаки кинулись с двухметрового берега на Букета.

Рыбак сказал Витьке:

— Ну, все. Разорвут.

Что было дальше, мешал видеть берег. Витька подбежал к реке. Собаки плотной шеренгой стояли в мелкой воде против Букета, оскалив зубы. Восемь крупных собак замялись в полуметре от одной, а не рвали ее в клочья, как бывает в таких случаях.

Букет припал боком к отвесному берегу и показывал им свои перламутровые ножи. Когда собака показывает клыки, другие отлично понимают их силу. Букету пришлось бы плохо, если бы они всей упряжкой кинулись на него. Но для этого одной из них нужно было броситься первой. И ни одна не решилась — она и погибла бы первой.

Витька был в болотных сапогах и тут же прыгнул в речку. Схватился за нарту и без особого труда оттащил умеривших пыл собак.

Хозяин повел упряжку вдоль речки, туда, где берег был ниже. Букет выскочил там же, где спрыгнул, и неторопливо, с достоинством побежал к поселку...

После этого случая Витька опять долго не видел его.

Ход корюшки кончился. На домах под карнизами крыш белели гирлянды развешанных рыбешек. Эти «сосульки» из корюшки были в поселке первыми вестниками камчатской весны. Снега так сверкали на солнце, что Витька, непривычный к такому свету, ослеп — в глаза будто бросили горсть песка: их саднило, жгло. Трое суток он не мог выйти из дома. Он уже не смеялся, когда старуха соседка выходила кормить кур в больших ультрамодных темных очках — других очков, поскромнее, не было в магазине. Витька и сам потом купил такие же.

За эти дни, пока Витька отсиживался в доме, в поселок пришла настоящая весна. Сугробы осели так, что вытаяли из-под снега все дома. Недавно одни крыши торчали — и вдруг весь поселок оказался поверх сугробов. Старуха, Витькина соседка, подставила шаткую лестницу и пыталась взобраться по ней на столб.

— Вы чего это, бабушка, по столбам лазаете? — удивился Витька.

Старуха воздела руки к небу. Там, почти под самыми проводами, была привязана бельевая веревка, на которой зимой сушилось белье. Пришлось помочь ей перевязать веревку пониже.

Когда Витька вышел на работу, Гераська взял большую двуручную пилу, и они полезли на крышу пилить слежавшийся снег толщиной больше метра: Гераська опасался, как бы снег не проломил крышу. Пила споро входила в заледенелый сугроб.

Сверху было хорошо видно, как вдали, по свободному от снега берегу океана, ползал трактор. Рядом с океанскими волнами он казался игрушечным. Ребятишки ехали на велосипедах по «прибойке» и казались бегущими друг за другом муравьями. А дальше, примерно в километре, бушевала пурга. Ее граница была такой четкой, что вызывала изумление. Среди сияющего нестерпимым светом дня бушевала полоса пурги, будто зажатая в стеклянные берега. Белой змеей протянулась она от гор до океана. Гераська сказал, что «научники» говорят: там проходит ветровая река. Есть, оказывается, и такие реки на Камчатке.

Из этой метельной реки выкатилась маленькая черная точка. Витька вглядывался и все больше убеждался — это бежит собака. Он давно не видел Букета и спросил с надеждой:

— Уж не Букет ли?

— Кто же еще? Всем собакам рыбы у комбината хватает. Он один по тайге мотается. Мяса, что ли, ему надо? Или по лесу скучает?

Узнав, что Витька хочет взять Букета себе, Гераська покачал головой:

— Ни у кого не живет. Никакие цепи не держат... — И он рассказал историю, поразившую Витьку своей жестокостью.

Оказывается, когда-то Букет ходил в упряжке. Хозяин, уезжая с Камчатки, не захотел никому отдать собак. Напился пьяным и всех перестрелял. Думал, и Букета тоже убил... Утром проспался, смотрит — Букет лежит на крыльце, а через весь поселок — красная полоса. Второй раз рука не поднялась. Улетел на материк. А Букет так один и живет в поселке.

Однажды Витька подходил к своему дому и вдруг почувствовал: в ладонь ткнулось что-то холодное, влажное. Он повернулся и увидел Букета. Это он ткнулся своим носом. Витька осторожно погладил собаку и сказал просто так, на всякий случай: «Рядом». К его удивлению и восторгу, Букет пошел рядом. Он знал эту команду и выполнил ее. Может быть, за то, что Витька когда-то оттащил от него разъяренных собак.

В дом Букет вошел осторожно, как вошел бы в него дикий зверь. Витька, будто невзначай, прикрыл дверь. Букет вопросительно посмотрел на него. Витька открыл дверь в комнату. Букет осторожно вошел, встал посередине и, не сходя с места, издали обнюхал каждый предмет. Посмотрел на Витьку, раскрыв пасть и часто дыша, — ему было жарко. Витька выпустил его в сени, снял с гвоздя старую телогрейку и положил в углу. Букет понял — это для него. Потоптался на телогрейке, но лечь не стал. Подошел к двери, поскреб лапой. Не хотелось выпускать его из дома, но Витька все же открыл дверь. Букет вспрыгнул на сугроб перед домом и, извещая всех о своем новом месте, слегка запрокинул голову и завыл. На его переливчатый и какой-то торжественный вой в разных концах отозвались ездые упряжки, и воздух над поселком заколебали красивые в стройном, жутковатом хоре собачьи голоса.

Глава шестая

День выдался яркий, теплый. Возле домов на заборах были развешаны одежда и старые медвежьи шкуры. Портняжным сантиметром Витька измерил одну из них, длину шерсти, когтей на задних и передних лапах, записал цвет и пошел к другому забору.

Уже всюду чувствовалась весна: и в ярком свете солнца, которое на глазах съедало снег, и в ярко-коричневых откосах гор, освободившихся от зимней одежды. На огородах разбрасывали золу, чтобы быстрее сошел снег, раньше просохла земля и можно было посадить картошку.

Витька ходил по поселку от шкуры к шкуре: ясно было, что охотники добывали здесь медведей не таких больших, килограммов до двухсот. И почти все медведи светло-бурого цвета.

Подошел Гераська и рассказал, что на днях медведь разнюхал в трясине корову, которая утонула еще осенью, вытащил ее и сожрал.

«Рядом был медведь, а я ничего не знал, — ругал себя Витька. — Давно бы надо в тайгу... Все думал: спят».

В тот же воскресный день он ушел за поселок и на тундрочке, как называют в этих местах любую полянку, нашел на мокром снегу свежие отпечатки медвежьих лап. Перед ним были следы настоящего медведя. Витька присел на корточки и осторожно потрогал отпечатки острых, длинных когтей.

Говорят, следы медведя похожи на следы человека. Теперь Витька увидел сам — сходство совсем небольшое: только в том, что идет зверь вразвалку и ширина шага у него примерно такая же, как у человека. Может, в рыхлом снегу следы и можно спутать, но на

плотном, сыром, где каждый коготь пропечатывается, след медведя никак не спутаешь с человеческим. Отпечатки передних лап и вовсе не похожи, потому что в ширину больше, чем в длину, и напоминают отпечатки громадных фасолин, положенных поперек хода зверя. Впереди «фасолин» ямки коротких пальцев и борозды длинных когтей.

Витька еще раз осмотрелся по сторонам, не видно ли медведя, и пошел по следам. Наконец-то ему довелось «почитать», что делал в тайге косолапый. Это была уже не книжка, из которой он что-то узнавал о медведях, это были следы живого зверя, и теперь от Витьки самого зависело, что он прочитает по ним.

Витька знал: ружье заряжено пулями, но все же вынул из стволов патроны, чтобы убедиться, ружье — на самый крайний случай, если голодный медведь вдруг бросится на него.

На берегу ручья зверь истоптал снег и вырыл в нем яму. Витька измерил глубину — шестьдесят три сантиметра. Через такой слой снега косолапый учуял остатки рыбы, погибшей после нереста. На снегу валялись жаберные дуги и зубатая нижняя челюсть кижуча.

Высотой медведь был не меньше восьмидесяти сантиметров. Это Витька определил по тому, что на суку, под которым прошел зверь, осталась шерсть. А от сука до отпечатка лапы было восемьдесят два сантиметра. Медведь мог быть и выше, мог пригнуться, пролезая под суком, но ниже он быть не мог.

У развороченной гнилой колоды коротенькая строчка следа полевки обрывалась рытвинами от медвежьих лап. На тундрочке медведь искал под снегом ягоды, в кедровом стланике пытался найти шишки. На припеке, где склоны распадка освободились от снега, ел сухую прошлогоднюю траву — вейник. Ни с того ни с сего вдруг побежал. Следы, которые до этого

шли спокойно, стали прерывистыми, сменились прыжками. Что напугало зверя, было непонятно.

Широким кругом Витька обошел место, где медведь шаг переменял на бег. Но никаких следов, кроме заячьих, ни поблизости, ни поодаль не нашел. Метров через триста зверь опять перешел на шаг...

Домой Витька вернулся потемну. Когда лег спать, весь потолок казался истоптанным медвежьими лапами. И сколько Витька ни вертелся, в глазах все стояли когтистые следы...

С того дня каждое утро он успевал походить по ближним к поселку распадкам, пытаясь увидеть медведя. Рассветало рано, и чуть свет Витька был уже в тайге, в распадках, а к девяти возвращался в поселок на работу. Теперь, когда медведи встали из берлог, спать по уграм казалось Витьке кощунством. Раньше Витька думал: стоит на Камчатке выйти из поселка — сразу увидишь медведей. А оказалось, многие жители поселка ни разу за свою жизнь не видели живого медведя.

По книжкам, почти сто тысяч медведей живет в стране, и Камчатка занимает одно из первых мест по плотности медвежьего населения. А Витьке пока не удалось увидеть ни одного.

За эти походы он изучил окрестности поселка лучше многих старожилов. Но зато ему частенько не хватало времени истопить печку в доме. Утром — в тайгу, днем — на работу, вечером — пораньше лечь, чтобы не проспять утром. Топил, когда уж совсем замерзал или нужно было просушить одежду.

Однажды он проснулся ночью и не мог понять, что с ним. Ломило шею, он сидел в темноте за столом. Пошарил перед собой руками — наткнулся на тарелку. Туг только вспомнил, что пришел вечером с работы, сварил уху, налил в тарелку и, пока ждал, чтобы чуть-чуть остыла, положил голову на стол и, значит, сразу

уснул. Измучился, вставая до рассвета, да и на работе в последние дни доставалось — часами приходилось перетаскивать вытаявшие из-под снега дрова. Вот и заснул возле тарелки...

Настал выходной, и можно было на весь день засесть в приготовленный накануне скрадок — ждать, когда придет медведь. Он ведь приходил сюда к проступившей на берегу ручья траве и пасся, скусывая зеленые стебли. Но Витька никак не мог застать его.

Из дома вышел, когда утро можно было определить только по часам. Чуть-чуть серел рассвет. Букет лежал на снежном намете. Он привык, что Витька куда-то рано уходил, не приглашая его, и не поднялся, а только приветливо застучал по снегу хвостом.

Почти на самом берегу лимана, у ручья, стоял белый шалаш из вырезанных ножом снежных кирпичей. Он не бросался в глаза, потому что стоял на снегу и еще потому, что по берегу лимана громоздились такие же высокие, как шалаш, обломки льдин. Витька уселся на подстилку из сухой травы и в маленькие смотровые окошки стал наблюдать за округой. Снег стаял только по берегам ручьев, по взгоркам. Когда совсем рассвело, рядом с полосой снега, на которой стоял шалаш, изумрудом засветилось пятно молодой травы, пощипанной медведем.

В лесу все еще сплошь лежал снег, но возле деревьев уже темнели проталины. Среди каменных берез вытаяли кусты камчатской рябины, по склонам распадков освободились из-под снега зеленые заросли кедрового стланика. Тайга густела снизу, становилась похожей на настоящую тайгу, а не на парк с редкими деревьями. Не так долго осталось ждать, когда, как говорил Гераська, «лес разобьется, и душа вздохнет».

На цепких веточках сухого куста рядом с шалашом висели клочья белой шерсти, оставленной линяющим зайцем. Утки-шилохвостки поодиночке и стайками

перелетали над тундрочкой, разыскивая на проталинах перезимовавшие ягоды, шикши^[1].

В воздухе с мелодичным криком гонялись друг за другом вороны. Короткими очередями то здесь, то там перестреливались дятлы, как будто мальчишки играли в войну. Звенели синицы. Сквозь шум прибоя из-за гребней океанских волн, отдаленных лиманом и песчаной косой, доносился будто нестройный лай собачьей упряжки — это по-весеннему кричали утки-морянки. Они всю зиму провели среди беспокойных волн.

Два ворона дрались в голубом небе. Один пикировал на другого, тот переворачивался спиной вниз, птицы, как руками, сцеплялись лапами и падали. У самой земли разлетались, и воздушный бой начинался снова. Возле шалаша бегали трясогузки, собирали каких-то жучков-паучков, которые черными точками усыпали снег. Камчатские трясогузки были совсем такими же, как на материке. Только окраска их ярче, контрастнее.

Настало время отлива. Обнажившееся кое-где дно лимана, пригретое солнцем, парило, как будто по отмелям развели десятки костров. Множество чаек кормилось по мелкой воде, что-то выискивая в иле. Прилетела черная ворона. Когда какая-нибудь чайка находила добычу, ворона гонялась за ней до тех пор, пока не отнимала. Чайки, такие дружные возле гнездовий, были совсем равнодушны к тому, что каждую из них по очереди грабила ворона. А чуть поодаль такие же вороны вместе с чайками ходили по мелкой воде и сами добывали корм. Насытившись, черная разбойница подлетела к шалашу, уселась на сухую ветку ивового куста, осмотрелась, блеснув на солнце черным глазом, расправила и поудобнее сложила крылья. Щелкнула клювом и, кланяясь, начала издавать несвойственные ей, воркующие звуки.

Растопырила перья, веером распушила хвост, обращая к солнцу свою весеннюю токовую песню.

С первой минуты, сидя в шалаше, Витька старался не пропустить тот желанный миг, когда вдруг где-нибудь на тундрочке покажется медведь.

Но солнце забиралось выше, а медведь не приходил... Витька смотрел из небольшого окошечка и думал, что совсем недавно все это было только в его мечтах. А теперь и океан, и горы, и, может быть, медведь — все наяву. И что бы ни случилось, теперь он не отступит от своей мечты — изучать медведей. Он хорошо помнил, когда у него пробудилась эта страсть. И было-то всего: случайный в их местах медведь с угла на угол перешел поле. Но этот след пройдет теперь, наверное, через всю Витькину жизнь...

«Недаром и фамилия у меня Медведев, — думал Витька. — Это, наверное, в роду. Прадеды, может, были медвежатниками или держали ручных медведей...»

От этих мыслей его отвлек крик чайки. Это были небольшие черноголовые чайки, уже подобравшие место для гнездовья. Витька вглядывался в окошечко, но ничего, кроме мельтешащих птиц, не видел.

Вдали виднелся скалистый мыс, дерзко вонзившийся в океан. Сбоку правильный конус вулкана белел снежной шапкой. Крупный белоплечий орлан неторопливо, царственно летел вдоль берега.

Неожиданно Витька услышал знакомый с детства звук: похожее на бляение барашка токование бекаса. Казалось, сюда, на Камчатку, бекас попал случайно из далеких теперь родных мест. Океан, вулканы, ожидание медведя — и вдруг такое знакомое дребезжание бекасыих перьев. Стоило только Витьке закрыть глаза — и показалось, что он сидит у болотца, за огородами, совсем рядом с родным домом...

Вдруг поблизости грянул пушечный выстрел. Витька от неожиданности чуть не вышиб снежную стенку. По

мелководью бежала крупная рябь: это многотонная льдина, похожая на гриб, разломилась надвое.

Чем больше заходило в лиман приливной воды, тем чаще раздавались эти раскаты. На дне лимана лежали ледяные глыбы. Каждая весила тонны, и все они были похожи на гигантские приземистые грибы. Приливы и отливы обсосали их снизу, и вода уже не могла приподнять и унести их в океан. Вода подтачивала «ножки», и многотонные «шляпы» с грохотом рушились в воду.

Медведь все не приходил. Теплое весеннее солнце оплавало снежные кирпичи шалаша. Вначале появились лишние окна, потом со стороны зеленой травы, откуда Витька ждал медведя, упала изъеденная солнцем стена. Потом упали и другие стены, но Витька все равно досидел до вечера.

Солнце зашло. Горы на западе плавали в воздушной дымке. В туманном свете вечерней зари они казались невесомыми.

Ничего не оставалось, как идти домой...

Утро, как назло, выдалось таким туманным, хоть не выходи из дома. Но Витька вышел. Теперь он даже и в непроглядном тумане мог не заблудиться, дойти до места, где встречались медвежьи следы. Надеялся: пока дойдет, туман растает. По кладям через ручей, по изгибам тропы определил, что пора свернуть на тундрочку. Ориентиром стал определенный шум прибоя справа. И время от времени как будто палили в тумане сигнальные пушки. Это опять ломались льдины на мелководье.

Под ногами тянулась тундрочка, то покрытая снегом, то мхом или шикшовником. В любую сторону видно метров на тридцать—сорок, а дальше тесный купол тумана сходил с землей.

Шел Витька долго, и все время был виден такой же небольшой круг тундры: в любую сторону всего шагов

на сорок. «Может случиться, — тешил себя Витька, — растает туман, и я где-нибудь рядом увижу медведя».

Проталины под ногами были проткнуты острыми зелеными проростками травы. Кое-где у ручья вывертывались между прелыми листьями нежные колесики папоротника. Уплотненную снегом травянистую прель искрестили полегшие осенью двухметровые стебли гигантской травы — шеломайника. Можно было представить себе, как трудно ходить вдоль ручьев летом, когда стеной стоит эта буйная трава.

Из тумана вынырнул ястреб-тетеревятник. Быстро махая крыльями, низом пролетел над пестрыми проталинами. С берега ручья с тревожным писком кинулись за ним кулички, и все пропали в тумане.

Надежды, что туман рассеется, не оставалось. Пора возвращаться в поселок: до работы не так уж много времени. Витька вышел к берегу лимана, увидел маячащую в тумане льдину-гриб. Пока не было приливной воды, захотелось поближе рассмотреть ее.

Такой густой туман стоял, наверное, потому, что утро было не по сезону теплым. Снег и лед таяли, как сахар. Льдина опиралась на песок зеленой ледяной «ногой». Снизу со всей многотонной «шляпы» непрерывно падали крупные капли, выбивая маленькие кратеры в песке. Падая в разных местах и с разной высоты, они отстукивали веселый, вроде бы маршевый такт. «Шляпа гриба», изъеденная снизу водяной рябью, была так причудливо выщерблена, что Витька, присев на корточки, засмотрелся на сине-зеленые с разводами узоры. И тут случилось то, что нередко случалось на лимане, — с грохотом обломился и рухнул прямо перед ним край льдины! Ободрал пальцы, вдавил в песок ружье. Витька отпрянул, перепуганный ударом и грохотом. Промокнул носовым платком ссадину, поднес руку к побелевшим губам,

подул и потянул за приклад ружье. Оно не поддавалось. Стволы придавил тяжелый, как бетонная плита, обломок льдины. Потянул сильнее — не поддавалось. Наконец придумал: вырыть вокруг ружья нору в песке, сделать подкопик под льдину.

Ножом и руками Витька стал выцарапывать песок. Жутко было подумать: ведь льдина могла прихлопнуть его самого.

В тумане помаячило какое-то пятно. Витька поднял голову и обомлел: на границе видимого круга и тумана двигался медведь. Но радости от долгожданной встречи не было: медведь, легко перебрасывая лапы, шел к нему. Витька в отчаянии тянул ружье. Но понимал, что это бесполезно: мало еще отрыл. Нал зверем трепыхались в тумане две вороны. Они то садились на землю, то присаживались медведю на спину. Витька прижался к льдине. Медведь вроде еще не видел его. Он остановился и когтями цапнул мох. Вороны сразу подсели ближе, но так, чтобы до них не дотянуться. Медведь кого-то прихлопнул и из-под лапы съел: наверное, поймал полевку.

Зверь был так близко, что Витька отлично разглядел его всего: почти черный, с проседью на загривке, шерсть на боку свалаялась. Он стоял и когтями трогал мох. Витька на четвереньках тихонько подлез подо льдину, под ту часть «шляпы», которая еще держалась, но тоже могла рухнуть. Из-под низкого ледяного «гриба» видны были только лапы. Сердце стучало так, что Витька боялся — медведь услышит этот стук. Крупные капли барабанили по спине, по голове, по рукам. Витька стоял на четвереньках на мокром песке, но не замечал сырости... Вот лапы шагнули в сторону, и их не стало видно.

Витька сжался, не зная, заходит ли медведь сзади или, может быть, ушел. Боялся шевельнуться. Ничего не было слышно, только капли тревожно отбивали дробь.

Витька попятился из-под льдины, осторожно привстал. Медведя не было!

Не думал Витька, что радость от первой встречи со зверем испытает не от его появления, а оттого, что он быстро ушел.

Глава седьмая

Однажды Витька по дороге на работу увидел, что возле конторы заповедника собралось много народу. Люди чем-то шумно возмущались.

— Убить его надо! — говорил один из мужиков. — Что ж, теперь из-за него на ключи не ездить? Пусть там медведи, что ли, лечатся, да? Развели бандитов!

У стены стоял новенький красный мотоцикл. Фара у него была разбита, сиденье распорото, спицы торчали в стороны, порваны какие-то провода...

Когда пригретая солнцем «прибойка» освободилась от наледей, все в поселке, у кого были мотоциклы, стали ездить купаться на Горячие ключи. В отлив песчаная полоса вдоль берега океана была ровной и плотной. За каких-нибудь полчаса мотоциклисты приезжали к устью ручья. Там оставляли мотоциклы и по тропке шли вверх к горячим ваннам и домику, где можно было переночевать. Пройти несколько километров лесом — одно удовольствие. Поэтому весной на Горячие ключи ездили из поселка многие. Мотоциклы оставляли возле устья. И до сих пор с ними ничего не случилось... Но оказывается, появился какой-то медведь-хулиган, который стал их громить: рвал сиденья, вытаскивал провода, ломал спицы. Вот на этого медведя и пришли с жалобой к директору заповедника.

Коли уж дело касалось медведя, Витька напросился узнать, почему он ломает мотоциклы, или хотя бы отвадить его от этого занятия. Как это сделать, подсказал Гераська.

Витька ликовал — события дали ему возможность несколько дней быть в тайге, выслеживать медведя и наблюдать за ним.

Он заторопился в тайгу. Забрал у Гераськи большой тяжелый мешок и отправился с ним к лиману. «Это тебе не дрова таскать», — с радостью думал Витька, сгибаясь под тяжестью мешка.

Большую часть пути надо было проплыть по лиману. Лодка оказалась великоватой для одного гребца. Но все же плыть было легче, чем тащить на себе мешок...

Когда садился в лодку, рыбаки почему-то посмеивались над ним. Витька слышал, как один говорил: «Сказать надо...» — «Ничего не говори, — остановил его другой. — Пускай опыта набирается, лучше запомнит».

«Что я не так сделал? — думал Витька. — Какого опыта надо набираться? — Он осмотрел вещи, лодку, весла. — Все вроде бы в порядке».

Плыть вдоль по лиману нужно было километров шесть-семь. Вначале, на свежие силы, лодка шла хорошо, и первую половину пути Витька проплыл без всяких приключений. Но потом угол лимана стал приближаться все медленней. Витька изо всех сил работал веслами, но, сколько ни греб, дальний угол, к которому плыл, не приближался, хотя лодка шла так же ходко, как и в начале пути: возле носа при каждом гребке журчала вода...

Витька долго, упорно работал веслами. Устали руки, спина, он греб, наверное, уже час после того, как заподозрил что-то неладное. А тайга в конце лимана вроде бы не приближалась...

Заметил наконец, что два залежавшихся снежных пятна на песчаной косе так и лежат в створе с лодкой, не смещаются ни вперед, ни назад. Он опустил весла, не понимая, почему же так получается, и с удивлением увидел, что эти пятна стали быстро смещаться одно перед другим. Тут только сообразил, что лодку гонит назад сильное течение. Значит, последний час он только и делал, что боролся с этим течением, а лодка

стояла на месте. Теперь же, когда опустил весла, ее понесло назад, к берегу, от которого плыл. Это незаметное в широком лимане течение началось потому, что настал отлив. Вода из лимана быстро уходила в океан, и Витьке не справиться было с этим течением, да еще на такой большой лодке.

Он взялся за весла только тогда, когда нужно было подчалить к берегу.

— С благополучным возвращением! — смеялись рыбаки.

Теперь Витьке было понятно, какого опыта ему не хватало. В эту сторону по лиману нужно было отправляться в прилив. Тогда течение само гонит лодку. Так оно и вышло, когда отлив сменился приливом. «А вот обратно, к поселку, нужно будет плыть в отлив, — решил Витька. — Тогда течение будет помогать».

Площадку, где ставили мотоциклы, Витька нашел сразу. Она была хорошо заметна по следам покрышек. К тому же около устья горячего ручья не было другой площадки, куда бы не дохлестывали волны. Мотоциклов на площадке не оказалось. Никто не хотел отдавать их на растерзание медведю.

Витька сбросил мешок, который порядком его измучил и намял железками плечи, пока тащил его от лимана.

Отдохнув, раскопал песок вокруг площадки, вытряс из мешка капканы и окружил ими площадку. Кольями обозначил проход, прикрепил картонку с воззванием к мотоциклистам заходить на площадку только по указанному проходу. Нарисовал схему, где поставлены капканы, и объяснил, что они небольшие, только поугаюют медведя.

Неизвестно было, скоро ли появятся мотоциклисты, которым в конторе заповедника сообщат, что ехать можно — меры приняты.

Витька пошел по тропке на ключи и услышал отдаленный треск мотоцикла. Он мчался по «прибойке», у самого уреза воды, оставляя шлейф голубого дымка. Белой пене опадающих волн удавалось иногда лизнуть его колеса. На мотоцикле сидели два парня. Подъехали, остановились перед картонкой и долго читали ее. Написано все было ясно, четко, но один из ребят все же взял палку и, прежде чем поставить мотоцикл, пошарил ею, как миноискателем, песок в проходе. С опаской поставили мотоцикл. Система работала.

Витька не пошел на ключи. Медведь мог услышать мотоцикл и сразу же прийти. На краю зарослей кедрового стланика была старая, полузаполненная живыми и старыми корнями яма. Опускаться в ее темноту было страшновато. Казалось, в сплетении корней клубками свились змеи. Но Витька знал, что змей на Камчатке нет, и залез в яму.

Стланик рос на склоне горы, начинающейся прямо от «прибойки». Сверху хорошо было видно и площадку, и «прибойку», и долину ручья. На песке у воды ворона долбила раковину двустворчатого моллюска, стараясь раскрыть ее створки. Океан без конца накатывал на «прибойку» волны.

Большой, почти с кряковую утку, дальневосточный кроншнеп пролетел мимо Витьки и сел вдали. У него был длинный, с карандаш клюв, загнутый как сабля. Кроншнеп повернул голову, глядя куда-то на откос горы. Витька высунулся из ямы и увидел медведя. Он был почти соломенного цвета. В зеленой ложбинке на откосе ел траву — щипал ее не как корова или лошадь, а как будто клевал, дергая сверху вниз головой. Витька торопливо достал блокнот и стал записывать: размеры медведя, цвет, как «клюет» траву.

Медведь спустился на «прибойку», по мокрому песку пошел к площадке, на которой стоял мотоцикл.

Он, наверное, и пришел сюда только потому, что услышал его треск.

Медведь шел по следу мотоцикла, во многих местах уже слизанному водой. Витька торопливо записывал: «Обнюхивает створки раковины моллюска, недавно расклеванного вороной. Отряхнулся. Смотрит на меня...»

«Как это на меня? — вдруг спохватился Витька и подумал: — Почему он смотрит на меня? Меня же ему не видно».

А медведь все смотрел в его сторону. Витька взялся за ремень ружья: «Если тронется ко мне, выстрелю вверх из одного ствола». Медведь лениво повел носом, спокойно отвернулся и пошел к мотоциклу. Зверь был небольшой. Это особенно хорошо стало заметно, когда он прошел мимо.

Витька с нетерпением ждал, что будет. К мотоциклу медведь подходил осторожно, он чуюл — недавно там были люди. Оглянулся по сторонам, встал на задние лапы, понюхал воздух, опустил на все четыре лапы, поводил носом по Витькиным следам, которые шли к засидке.

С какой бы стороны ни подошел медведь — его ждал сюрприз.

Но он перешагнул через капканы, и Витька уже испугался за мотоцикл. И тут медведь задней лапой наступил на капкан! Казалось бы, что для медведя соболиный капкан? Только щелкнет по лапе. Но зверь так подбросил зад, будто сделал стойку на передних лапах. Развернулся — и вдруг по передней лапе ударил другой капкан! Зверь отскочил, но капкан, к ужасу медведя, цепко держался железными челюстями за пальцы. Медведь хватил лапой о землю и отбил капкан. Лапа была свободной. Зверь припустился в гору с такой быстротой, словно его тянули вверх скоростной

лебедкой, только мелькали лапы. В считанные секунды медведь скрылся за увалом.

Теперь он вряд ли осмелится громить мотоциклы.

Довольный удачей, Витька пошел на ключи и с удовольствием искупался в теплой, почти горячей воде.

В отличном настроении возвращался он на другой день в поселок. Он отвадил медведя, а от сторожа на ключах узнал, почему этот зверь громил мотоциклы. Дело в том, что мальчишки как-то оставили на багажнике продукты, медведь попробовал и с тех пор «проверял» каждый мотоцикл.

Хорошее настроение у Витьки было еще и потому, что не придется маяться с лодкой. Отлив уже настал, но Витька ждал, пока вода разгонится и понесет лодку так, чтобы не браться за весла. «Вот что значит опыт! — ликовал Витька. — Можно подгадывать только под отлив или прилив, когда плывешь в обратную сторону. Вот что такое опыт!»

Витька вновь вспоминал, как шел по берегу океана соломенного цвета медведь, как «клевал» траву, как мчался, напуганный, в гору...

«Конечно, мне повезло. Так вот сразу встретиться с медведем и отвадить от мотоциклов — это удача, — думал Витька. — Теперь, если что-то случится с медведями, может, опять пошлют меня. Надо стараться, чтобы медвежьи дела поручали мне».

Плыть оставалось каких-нибудь метров триста—четыреста, когда тяжелая лодка чиркнула килем по дну и вдруг застряла на отмели. Витька толкнул лодку с мели и опять поплыл. Но вскоре лодка так застряла, что не сошла с мели, даже когда Витька вылез из нее. Это была уже не мель, которую можно объехать, это было дно обмелевшего в отлив лимана. Витька ходил по мелководью, выискивая, куда бы можно толкнуть лодку. Но близко не было никаких протоков... Вода уходила из лимана. Мимо плыли обрывки водорослей,

утиные перья, пучки прошлогодней травы, прибрежный мусор. Появились залысины мокрого обнажившегося дна. На них налетели кулики и длинными носами принялись ковырять ил. Витька стоял среди обмелевшего лимана, не зная, что делать. Тяжелая смоленая лодка намертво вдавалась в ил. Вода ушла из лимана раньше, чем лодка доплыла до берега. «Если бы работал веслами, давно бы уж доплыл, — ругал себя Витька. — Надо было трогаться с началом отлива и не лениться, грести. А теперь выходит: сам себя перехитрил».

Витька попробовал пройти к берегу пешком, но на пути оказались бочаги, протоки, которые не перейдешь и в высоких резиновых сапогах.

Вода все уходила в основное русло, которое осталось в стороне, много левее. Стало ясно — не выбраться из этой ловушки, пока не начнется прилив. А до него ждать часов десять—двенадцать. Витька забрался в ненавистную лодку, лег на дно и с горечью подумал: «Почему я такой невезучий? Ничего не обходится без приключений. Когда же я научусь все делать, как люди?»

Немилосердно жгло весеннее солнце. Палило сверху; сверкало снизу, отражаясь от мокрого ила. Витька не знал, куда спрятать лицо. Ничком ложился в лодку, закрывался руками. Но все равно к вечеру обожженное лицо стало пунцовым. «Раньше, раньше нужно было выезжать! — ругал себя Витька. — Грести, не лениться, грести».

Но, чтобы набраться этого опыта, понадобилось пройти сквозь солнечный огонь и коварную воду.

Глава восьмая

Витька с Гераськой делали забор возле дома научной части. Геоботаник Галина Дмитриевна собиралась что-то сажать за этим забором. Ямы нужно было копать на глубину отметки на лопате, а отметка эта была почти у самого конца черенка. Приходилось браться за лом, пробивать слой мерзлоты, не успевшей оттаять после зимы...

Над поселком летали кроншнепы, утки, возле пристани рыбокомбината, как белая метель, беспрестанно мельтешили в воздухе тысячи чаек. «А что же сейчас в тайге? — с тоской думал Витька. — Кипит, бурлит жизнь!»

Надо было начинать новую яму, а он разглядывал оброненное птицей крапчатое перо... Нужно было трамбовать землю вокруг столба, а он смотрел, как к чайкам у берега присоединились крупные черные бакланы.

Гераська журил Витьку и тут же успевал отвечать на его бесчисленные вопросы.

— А где сейчас медведицы с медвежатами держатся? — спрашивал Витька.

— По ручьям, где трава погуще... Да держи ты жердину ровнее, прибывать буду... Вдоль берега на «пробойке» выбросы собирают...

Витька знал, что Гераська считается лучшим в поселке медвежатником. Во время войны, когда фронту нужно было мясо, никто не добывал медведей больше его. Взглянув на старый глубокий шрам на щеке Гераськи, Витька несмело спросил:

— Не медведь?

— Лошадь укусила, — разочаровал его Гераська. — Раньше тут лошадей не было. А потом экспедиция

привезла на пароходе. Подошел к одной, лет шесть мне было, а она, стерва, как куснет за щеку. Вот с тех пор...

— А не жалко было медведей убивать?

— Меня потому и на фронт не брали, чтобы мясо добывал... А раз все же таки стрелять не стал. Шел через шеломайник к ручью. А медведь с другой стороны к воде лезет. Нос к носу столкнулись. Только он на той стороне, а я на этой. У меня ружье наготове. Хотел стрелять, а он уставился на меня, и вижу — соринка у него у глаза висит, мешает. Он ее раз лапой — и смахнул, ну прямо как человек. Я даже ружье опустил и стрелять не стал.

— Правду говорят, что медведь может в лапе рыбину держать?

— А как же! — подтвердил Гераська. — Медвежонок ложку свободно держит.

— А часто бывает, что медведь на человека нападает?

— Бывает, что и покалечит, конечно... Только это не медведь на человека напал, а человек его неловко ударил — ранил. Вот зверь и разъярился...

— А на скот медведи здесь нападают?

— Редко. Они у нас больше травоядные... Слушай, да мы так с тобой все лето забор ставить будем. Давай копай.

И Витька принимался долбить ломом неотгаявший пласт земли, подносил вместе с Гераськой столбы, подтаскивал жердины, утрамбовывал землю, чтобы крепче стояли столбы...

Над прогретой землей поднимался легкий парок. Неподалеку на молодой березке распевал дубровник. Чувствовалось, что у Гераськи, привыкшего к охоте, к экспедициям, где он бывал проводником, тоже не лежала душа к этому забору.

— Говорят, кунджа плавится, — сказал он со вздохом, — в выходной надо сходить...

Витька не знал, что значит «плавится», не представлял, как выглядит кунджа, а выходного ждал больше Гераськи, чтобы бежать в тайгу и искать медведей.

В воскресенье Витька пришел к берегу океана. На «прибойке», или на литорали, как называют ее научные сотрудники, он заметил небольшой серый предмет, который вроде бы тихонько двигался.

Витька прибавил шагу и вскоре уже бежал по «прибойке», потому что рассмотрел — на песке лежал живой нерпенек. Маленький, всего в полметра, он неподвижно лежал на мокром песке. Его белая шубка посерела от вулканического песка. Витька заходил то с одной стороны, то с другой, внимательно рассматривал нерпенка, делал пометки в записной книжке: длина, примерный вес... Записал, что нерпята в эту пору могут быть добычей медведей. Нерпенек безучастно водил из стороны в сторону глазами и, казалось, ничего не видел. Витька нагнулся над ним. нерпенек подпрыгнул и чуть не выхватил зубами записную книжку, развернулся и, делая телом волнообразные движения, бойко заколыхался к воде. Витька не стал его задерживать. Подхлынула волна, нерпенек вместе с ней проскользнул до глубины и пропал в новой прибойной волне...

Свежий след медведицы с медвежатами встретился Витьке на берегу лимана. Медведица зачем-то заходила сюда. Витька поднял голенища болотных сапог и тоже вошел в воду. Почти из-под ног выскочила камбала размером с ладонь. Трепеща плавниками, как крыльями, она быстро сделала полукруг над отмелью, остановилась, трепетнула плавниками, набросав на себя песок, и исчезла. Глубина была совсем небольшой, но, сколько Витька ни всматривался в место, где скрылась рыбина, ничего, кроме ровного дна, не видел. Подошел и легонько тронул песок ногой. Камбала

выскочила и стремительно поскакала вглубь, оставляя ударами плавников отметины на иле, похожие на отметины крыльев на воде, которые оставляют при взлете нырковые утки.

Почти при каждом шаге разбегались от сапог маленькие камбалки, чуть больше пяточка. Удирали то прямо, то зигзагом, то круто разворачивались и сзади ныряли в ил. Как Витька ни пытался поймать, рыбешкам всегда удавалось увернуться.

А ему так хотелось посмотреть, переползли у них глаза на одну сторону или нет. Он знал, что камбалы из икринок выклеваются нормальными рыбками, а потом, когда вырастут сантиметра в два, превращаются в настоящих камбал: глаза постепенно перемещаются на одну сторону, а другой рыбки могут ложиться на дно. Но ему так и не удалось поймать рыбешку руками.

Медведица, может быть, тоже охотилась на камбал.

Витька шел по берегу лимана. Возле устья усидел Гераська. Он только что пришел сюда и выкладывал из карманов рыболовные снасти: крупные блесны, толстую капроновую леску, намотанную на дощечку. И тут Витька увидел, что значит «плавится кунджа». Почти вся поверхность широкого протока, соединяющего лиман с океаном, была в больших, то появляющихся, то исчезающих кругах. Как будто из-под воды поднимались огромные пузыри воздуха и вспучивали воду. Крупная хищная рыба заходила из океана в лиман, и было похоже, что снизу били ключи.

Только раз в году заходит в лиман кунджа, и в эти дни она хорошо ловится на блесну.

В стороне у берега Витька заметил другое, непохожее движение: вода рябила треугольником. По поверхности торопливо плыл маленький зверек. То ли это была полевка, то ли ласка — он не успел рассмотреть. Вода всплеснулась крутым буруном,

мелькнула темная башка крупной рыбины, и не стало ни зверька, ни треугольной ряби.

— Бери вот, если хочешь, — предложил Гераська запасную блесну и леску.

Витька стоял в нерешительности, не зная, что делать: идти искать медведицу или попробовать немножко порыбачить. Мальчишкой он сидел иногда с удочкой, ловил всякую мелочь, а тут плескалась такая крупнущая рыба... Трудно было устоять против соблазна.

Гераська кольцами сложил леску на песке, раскрутил над головой тяжелую блесну, забросил ее далеко в лиман и тут же начал выбирать леску из воды. Витька проделал то же самое. Лучше, конечно, ловить кунджу на спиннинг, но его не было. Большой крючок-тройник был прикреплен к блесне не одним стальным спиральным колечком, а сразу двумя. Гераська говорил, что одно кольцо кунджа может разогнуть: «Сделает из него коротенькую проволочку — и все».

Витька забросил блесну раз... Другой... Третий... На четвертый раз блесну дернула крупная сильная рыбина. Вырвала леску из рук, и в воду одно за другим быстро побежали сложенные на песке кольца. Витька подхватил леску, вцепился в нее руками. Не думая, что надо бы измотать рыбину, а уже потом вытаскивать, Витька тянул ее на берег. Кунджа рвалась так, словно леску дергала не рыба, а сильная собака схватила зубами за поводок и вырывала его из рук. Витька, не ослабляя, тянул леску. Кунджа столбом выскочила из воды на всю свою метровую длину и опять шлепнулась в воду. Леска стала податливее, и Витька выволок на песок пятнистую розовато-фиолетовую рыбину. В ней было килограммов шесть. Блесну почти целиком захватила плотно сжатая пасть: снаружи блестел только желтый краешек. Витька прижал кунджу к песку и попытался раскрыть пасть. Куда там! Кунджа, как

бульдог, зажала блесну мертвой хваткой. Только палкой удалось разжать пасть.

Краем глаза Витька заметил, что и у ног Гераськи извивалась крупная рыбина.

У второй кунджи, которую Витька вытащил из воды, торчала изо рта еще не проглоченная рыбина. Видно, блесну она приняла за рыбешку, которой можно протолкнуть застрявший в горле кусок.

После третьей кунджи пришлось платком завязывать палец. Рыбина дернула леску, и она до крови резанула его на сгибе.

Витька вытаскивал кунджу за кунджой и уже привык к упорному сопротивлению рыбы. Но вдруг блесну схватила такая рыбина, что он не мог справиться с леской, не мог удержать ее. Кое-как изловчился, наверхнул леску на (рукав телогрейки и, пятясь, стал медленно вытягивать рыбину из глубины. «Может, нерпа зацепилась?» — испуганно думал он, опасаясь, что вот-вот лопнет леска или сломается мощный крючок...

Каково же было его удивление, когда выволок на песок обыкновенную кунджу. Она была не больше других — килограммов пять-шесть. Но крючок зацепил ее за хвост, и кундже было удобнее сопротивляться. По ходу она тянула раз в пять сильнее.

На песке лежало уже двенадцать крупных рыб. У Гераськи было чуть меньше. Но он сказал: «Хватит!» — и остановил Витьку. Ведь рыбу нужно было еще донести до поселка.

Из розово-фиолетовых кунджи превратились в черных — на них налип песок. Он легко смывался, и черные, как головешки, рыбы опять превращались в розовофиолетовых, с красивыми пятнами.

Когда Витька окунул в воду самую крупную кунджу, она, не дожидаясь, когда ее отмоют, упруго оттолкнулась и пропала в глубине.

Гераська связал свой улов, закинул связку за спину и понес. Витька поднял голенища резиновых сапог, зашел в воду и, держа в руке веревку, поволок свою рыбу по воде вдоль пологого берега океана. Это было легче, чем тащить пятьдесят килограммов на спине. А Гераська вроде бы и не чувствовал тяжести. Довольный, он рассказывал Витьке, что кунджа — хищная рыба, которая приносит вред, потому что пожирает ценные породы лососевых рыб.

Идти было далековато. Вдруг Гераська приостановился:

— Слышишь, птичка кричит: «Чавычу видел?»

Витька знал эту птичку. В детстве отец говорил ему: «Слышишь, чечевица выговаривает: «Витю видел?»

— У нас тут примета, — продолжал Гераська, — как чечевица прилетела — значит, в реки чавыча пошла... Вот видишь? — Гераська показал пальцем на два своих золотых зуба и рассказал, как года три назад рыбаки окружили неводом косяк чавычи. А рыба это большая, намного крупнее кунджи. Прыгнула одна через невод и угодила носом Гераське прямо в зубы. Сразу два выбила... С тех пор, как чечевица закричит, мужики в поселке смеются над Гераськой: «Чавычу видел? Тебе кричит...»

Наконец дошли до рыбокомбината и сдали улов.

На другой день Витька узнал, что пастух, который встретился вчера им с Гераськой, когда рыбачили, набрел за мысом на медведицу с медвежатами. Медведица то ли не заметила пастуха, то ли не обратила на него внимания, а может, понимала, что он не сделает ей вреда, шла спокойно мимо него. Несмышленный щенок пастуха увидел медвежат, с лаем припустился к ним и легонько куснул одного. Медвежонок отскочил в сторону, а над щенком оказалась медведица с поднятой лапой. Щенок сжался,

заскулил, а медведица, чуть помедлив, опустила лапу и легонько отшвырнула щенка с дороги.

Витька слушал этот рассказ и клял себя за то, что соблазнился рыбалкой. Если бы он вчера пошел с пастухом, увидел бы все своими глазами.

По тайге, даже рядом с поселком, бродили медведи, а ему приходилось возиться с забором. Но вот столбы поставлены, жерди прибиты, осталось зашить забор досками. И тогда, наверное, можно будет сходить на полевые с кем-нибудь из научных сотрудников.

— Чего ты молоток щупаешь? — спросил Гераська.
— Гвозди-то забивал когда?

— Забивал... Мне бы твой молоток.

— На, возьми... Какая разница!

Витька приставил доски к жердине в пролете между столбами и, беря по одной, стал прибивать.

Гераська с изумлением смотрел, как Витька одним ударом молотка загонял по самую шляпку гвоздь за гвоздем. И ни разу не промахнулся, ни одного не согнул.

— Подавай мне доски, быстрее работа пойдет, — предложил Витька.

Гераська подставлял доски, а Витька тут же вгонял в них гвозди. Пролеты между столбами закрывались один за другим. К вечеру забор был готов.

А немного погодя Витьку вызвал директор заповедника. Он, оказывается, видел, как ловко Витька работал молотком. Директор торжественно объявил Витьке, что теперь он будет зарабатывать вдвое больше — с завтрашнего дня его переводят в стройбригаду, новый дом строить.

Глава девятая

На рейде стояло первое в эту навигацию судно. К его борту прижался маленький катерок с плашкоутом. Волны не давали пассажирам высадиться на плашкоут по трапу. Поэтому людей спускали краном в клетке из крупноячеистой сетки. «Разгружали» первую в этом сезоне группу туристов.

Шагая по берегу с тяжелым рюкзаком за плечами, Витька время от времени наводил бинокль на белое океанское судно, а потом догонял Сергея Николаевича, шагавшего впереди с таким же набитым до предела рюкзаком.

Настроение у Витьки было отличное, потому что удалось уговорить директора не переводить его в стройбригаду, а оставить рабочим и даже отпустить на полевые работы.

Перед тем как свернуть на тундрочку, взвалили на плечи длинное тяжелое бревно. Оба знали, что впереди будет глубокая промоина, которую надо или далеко обходить, или переходить по бревну. А его можно найти только на берегу океана.

Ноги вязли в болоте, цеплялись за спутанную прошлогоднюю траву. Сгибаясь под тяжестью рюкзаков и бревна, едва добрались до места и тут поняли, что тащили бревно зря. Вода сошла, и промоину легко можно было перейти даже в коротких резиновых сапогах. Зато рюкзаки после бревна показались совсем легкими.

За тундрой начинались отроги Семячикского вулкана, покрытые уходящей далеко вверх каменноберезовой тайгой. По границе тайги и тундры на самых высоких деревьях по одной расселись черные вороны. Та, которая была всех ближе, громко

прокаркала. Ей ответила другая, сидевшая поодаль, еще дальше отозвалась третья, четвертая... По цепочке они, как часовые, передавали друг другу: идут люди.

Может, потому, что тайгу оповестили вороны, или, может, из-за шума шагов, но Витька с Сергеем Николаевичем почти не встретили ни зверей, ни птиц, пока не присели отдохнуть у большой впадины, заполненной снеговой водой.

Рядом на березке запел дубровник. Вокруг ярко зеленела черемша. Раньше Витька только слышал о ней, а теперь мог попробовать. Она оказалась приятной на вкус. Особенно хороша была с черным хлебом и солью. Похожая на листья ландыша, только зеленее и сочнее их, она показалась Витьке гораздо вкуснее зеленого лука. Он брал черемшу у самой земли, выдергивал белые, как у перьев лука, основания листьев и с удовольствием ел после долгой, не так уж богатой витаминами зимы.

Можно было подумать, что кругом, по всей тайге, упрятаны поселки: отовсюду доносился собачий лай... Но Витька знал, что ни поселков, ни собак здесь нет. Это кричали глухие кукушки, крик которых издали очень похож на отдаленный лай собак, на который там, на материке, выходят к деревьям заблудившиеся грибники. Куковали и обыкновенные кукушки, но голоса их слышались реже.

Из голой, без травы земли, с которой недавно стояло притененное стлаником пятно снега, выклюнулись плотные, большие, как кочешки капусты, зеленые проростки чемерицы, удивительные своими громадными размерами.

Из полузатопленных кустов выплыли две красивые утки. По хорошо заметным хохлам на головах было понятно — это утки-касатки. Они плыли к другому берегу, но то и дело оглядывались назад.

Из-за кустов вышла лисица и неторопливо направилась вдоль берега. Конец ее длинного хвоста почти касался земли. Лисица следила за утками и совсем не смотрела по сторонам. Витька и Сергей Николаевич прижались к дереву, под которым сидели. Лисица прошла от них в шагах пяти. Потом вдруг остановилась — Витька был уверен, что она наконец почуяла их. Но оказалось, ее привлекло что-то в траве. Она замерла, как охотничья собака на стойке, потом напряженно пошла вперед. Нагнула голову к земле и легонько стала копать одной лапой. И вдруг отпрянула: то ли укололась, то ли напугалась. Но не убежала, а опять принялась выцарапывать что-то из земли. Это были остатки рыбины, которую притащил сюда какой-нибудь зверь или птица. Грудь у лисицы была буроватотемная, а не белая, как у лисиц, которых приходилось видеть дома.

Она откопала рыбину, неторопливо съела и тихонько пошла дальше. Сергей Николаевич решил, что пора ей узнать, как близко она была от людей, и крикнул: «Эй! Рыжая!» Лисица не удостоила его даже взглядом. Она как будто и не слышала окрика. Сергей Николаевич крикнул громче. Лисица опять не прибавила шага, не обернулась. Удивленный, Витька приподнялся с земли. Хрустнул под ногой сучок, и этот тихий звук словно хлестнул по лисице. Она замелькала между деревьями, почти распластавшись по земле. Отбежала, посмотрела на людей. Они не гнались за ней, и она лениво потрусила дальше.

— Она не знает ни человеческого голоса, ни людских проказ.

Сергей Николаевич подточил охотничьим ножом карандаш и стал записывать.

Белоплечий орлан пролетел над верхушками деревьев. В лапах он нес остатки зайца, летел куда-то к

скалистым вершинам. Наверное, там у него гнездо, и он нес добычу самке.

Вдали, на другом склоне пади, увидели северного оленя с белыми боками и мраморно-серой спиной. Олень подымал рогатую голову, прислушивался и опять щипал молодую нежно-зеленую траву. Хотелось рассмотреть его поближе, но едва сделали шаг к нему, как олень перестал кормиться и вскинул голову. «Неужели услышал? — удивился Витька. — Ведь до него метров четыреста». Олень, не опуская головы, настороженно побежал, как будто не сгибая ног. Его поведение стало совсем непонятным — бежал он в их сторону.

Все объяснило бурое пятно, которое появилось в кустарнике. Это был медведь. Зверь не собирался нападать на оленя, просто пути их сошлись, и олень из предосторожности отбежал в сторону.

Медведь помаячил совсем немного и, к досаде Витьки, пропал в зарослях кедрового стланика.

Сергей Николаевич не переставал записывать на карточки биологической картотеки все, что увидел: где, когда, за каким занятием наблюдал зверя или птицу, какая в это время была погода.

Он закончил записи и обернулся. Витька стоял поодаль на четвереньках и медленно поворачивал голову из стороны в сторону, обозревая окрестности. Потом лег на землю, оперся на локти и опять стал рассматривать тайгу. Увидел, что Сергей Николаевич кончил писать, и поспешно встал.

— Тут медвежья лежка. Я смотрел, что он из нее видит, когда лежит.

Витька не пропускал ни одного четкого следа, чтобы не зарисовать его, ни одной медвежьей лежки, чтобы не осмотреть. На местах кормежек он собирал травы, которые ели медведи, перекладывал их клочками разорванных старых газет, чтобы потом

составить гербарий растений, которыми питаются на Камчатке медведи. Они ели вейник, морковник, осоку и даже хвощ.

Идти по каменноберезовому лесу мешали заросли бузинолистной рябины. Она росла похожими на бузину кустами. Среди рябинника еще можно было пробираться. Но когда на пути встречался жесткий кедровый стланик, приходилось искать обходы. Его ветви поднимались не выше, чем у обычного кустарника, но переплетались, так, что сквозь корявые сучья и густо-зеленую хвою не видно было земли. Ноги то опирались на пружинистые ветки, то проваливались. Приходилось искать обходы.

Однажды у зарослей стланика черная ворона поймала крупную полевку. Она едва прихватила ее клювом за шкурку и боялась перехватить удобнее, потому что, стоило отпустить ее, полевка тут же пропала бы в сплетении ветвей. Тогда ворона, резко взмахивая крыльями, поднялась высоко в воздух и бросила оттуда полевку на чистое место. Четко было слышно, как шлепнулась о землю толстая полевка. Ворона неторопливо спустилась, уверенная, что спешить незачем, и деловито принялась расклевывать ее.

Маленькое озерцо, к которому они вышли, окружала сырая тундрочка. Через нее тянулась тропинка, и Витька с удовольствием пошел по ней. Сергей Николаевич отстал, потому что увидел на вершине небольшой березки кулика. Это был кулик «фи-фи» — любитель посидеть на деревьях. Он беспокойно кричал, а Сергей Николаевич заносил его в свою картотеку.

Витька неторопливо шел по тропинке. На ней была крохотная лужица. Поднял ногу, и вода в лужице словно вскипела: множество рыбин размером с селедку заплескались в луже, пытаясь уйти в глубину. Но снизу сплошной стеной темнели спины таких же рыбин.

Витька упал на колени, выбросил из лужи нескольких гольцов и швырнул в траву. Пытался ухватить еще, но кипящий слой рыбы углубился уже на полметра и уходил все ниже, в глубину.

На тропе была не лужица, а необычная яма, до самого верха заполненная водой, в которой жила рыба. Трехметровый кол не достал дна. Яма расходилась вширь и формой была похожа на опрокинутую воронку. Наверное, подземным протоком она соединялась с озерцом, из которого и зашла рыба. Уйти обратно она почему-то не могла. А в торфяной яме с маленьким зеркальцем воды ей не хватало кислорода. Поэтому рыба и собралась вверх.

Гольцы, которых Витька успел поймать, были тощие: в яме не хватало не только кислорода, но и корма. Как образовалась эта яма, непонятно. Трава вокруг нее утоптана, и дальше тропинки не было. Витька понял, что это не тропинка, а медвежья тропа, по которой звери ходили ловить рыбу.

Неподалеку от берега океана снова встретился в траве свежий след медведя. Витька хотел поискать место, где лапы отпечатались четко, чтобы можно было зарисовать отпечаток во всю его величину. Но Сергей Николаевич велел готовиться к ночлегу, хотя до вечера было еще далеко.

Пришлось ставить палатку, разводить костер, кипятить чай. Витька старался делать все это как можно лучше, чтобы научные сотрудники всегда с охотой брали его на полевые. Он до звона натянул веревки палатки, развел костер, открыл банки с консервами и, когда вскипел чай, пошел звать Сергея Николаевича.

На краю поляны он застал его за странным занятием: с белого листа бумаги Сергей Николаевич аккуратно, пинцетиком, брал по одному дохлому

комарику, рядом укладывал на ватку в спичечном коробке и шепотом считал их...

Сергей Николаевич объяснил, что в программу работ заповедника включен учет кровососущих насекомых. В разных местах, в разное время года и суток Сергей Николаевич должен был затаиваться на несколько минут и специальной ловушкой, всасывающей комаров вместе с воздухом, отлавливать их на себе. Потом морить сигаретным дымом, высыпать из ловушки на листок бумаги и считать, перекладывая на вату в спичечный коробок.

Глава десятая

Прошло совсем немного времени, и Витька опять должен был ехать на полевые. На этот раз они отправлялись в тайгу на целую неделю втроем: Сергей Николаевич, Витька и Галина Дмитриевна.

...Избушку увидели издали. Она стояла на берегу впадающего в лиман ручья. Сразу за ней росли крупные корявые деревья — начиналась каменноберезовая тайга. Над ручьем, избушкой, тайгой высился громадный конус потухшего вулкана, и перед этой громадой избушка казалась темной соринкой.

Почти до самого порога избушки доплыли по ручью. Витька вышел на берег и забыл даже, что ему надо носить вещи из лодки. Вдали, на синей воде круглого озера на прилиманной тундре, плавали белоснежные, как будто фарфоровые, лебеди. Большие серпоклювые кроншнепы неторопливо ходили по мелководью. Стрижи чертили открытое над лиманом небо. Вытянув шею, перелетели утки. А в зеленой тайге, подступившей к тундре, неназойливо играл птичий оркестр. Рядом, на ивовом кусте, распевал соловей-красношейка. Его красивая ярко-красная манишка то сокращалась, то увеличивалась: под песню опускались и поднимались на шейке красные перышки. Соловей сидел на тонкой ветке и заливался, не обращая внимания на людей...

Витька представлял себе избушку рубленной из бревен. А она была сколочена из обитых толем досок и похожа не столько на зимовье, сколько на вагончик с округлой крышей.

Рядом с избушкой на дереве висела двуручная пила, тронутая ржавчиной. Дверь не заперта, а чтобы ее не открывал ветер, ручка привязана тонкой веревкой к гвоздю. Внутри, у окошка, большой ящик с полками,

заменяющий стол. У стены нары, на них крупная сухая трава, похожая на солому. Вместо стульев — два березовых чурбака. В углу покосившаяся ржавая печка. На ней закоптелый чайник, а возле трубы большая консервная банка, служившая сковородкой. На окошке стакан с гвоздями, напильник, мотки веревок разной толщины, пакетик с перцем для ухи. У другой стены железная кровать. На ней та же сухая трава. В стены вбиты большие гвозди: вешать ружья.

Галина Дмитриевна принялась наводить чистоту, а Витька и Сергей Николаевич стали носить вещи из лодки.

Вскоре на печке зашипел чайник. Галина Дмитриевна расстелила на столе чистую газету, нарезала хлеб, ополоснула кружки, открыла дверь и выплеснула воду из миски. И тут же отпрянула назад. Вода угодила в орлана — он не знал, что в избушке появились люди, и уселся на пне, рядом с дверью.

Не успели поесть, как увидели в окошко трех северных оленей. Они неторопливо бежали из тайги к лиману на тундру. Избушку они знали и без страха пробежали рядом. Хорошо были видны даже их глаза. Но, заметив лодку, вскинули головы и обогнули незнакомый предмет.

После обеда Сергей Николаевич и Галина Дмитриевна пошли в тайгу, а Витька стал готовить дрова, рыть яму для отходов, прилаживать мостки у ручья. Ему тоже хотелось в тайгу, но прежде нужно было закончить обязанности рабочего.

На эти полевые Витька взял им самим придуманные приспособления, которые, как он надеялся, помогут наблюдать за медведем. «Наука начинается там, где начинаются измерения», — любил повторять Сергей Николаевич. Пока медведи, которых приходилось видеть, были все на одно лицо. А надо было научиться различать их самих и их следы.

Иголкой Витька расчертил большой кусок прозрачной пленки на клетки по сантиметру. Как по клеткам срисовывают картинки, так, наложив на след разграфленную пленку, он собирался переносить его очертания на миллиметровку тоже по клеткам: точно по форме и по размерам каждый след. Самое главное — научиться отличать по следам одного медведя от другого. Тогда можно будет узнать, где какие медведи здесь живут, заходят ли на территорию друг друга, где в какое время года чаще бывают.

Витьке не терпелось испытать свое изобретение. В первый день не пустили в тайгу дела, а на следующее утро пошел дождь. Идти в тайгу ни у кого, кроме Витьки, желания не было. Но прежде он решил заняться другим. Вынул из рюкзака книжку, завернутую в клеенку.

— Молодец, — сказал Сергей Николаевич. — Не поленился нести. В такую погоду только читать. — Развернул книжку и с удивлением прочитал: «Сборник диктантов». Небрежно кинул на стол. — Ну и остряк.

Витька попросил Галину Дмитриевну поддиктовать ему. С тех пор как получил тройку за ошибки в сочинении, он каждый день писал по диктанту: снова готовился поступать. Галина Дмитриевна проверила диктант и поставила четверку.

Дождь не удержал Витьку. Прикрываясь грубым брезентовым плащом, он принялся рисовать медвежий след. Карандаш плохо приставал к влажной от сырого воздуха бумаге, но Витька был доволен: приспособление оказалось очень удобным.

Струйки бежали с капюшона по лицу, одежда под плащом пропиталась влагой. Надежды встретить медведя в такую погоду не было. Но дождь не мешал знакомиться с окрестностями.

Путь пересекла тропа. Она была похожа на человеческую, но Витька знал: тропу проложили

медведи. Звери набивают тропу так, что она становится похожей на колею от сдвоенного колеса грузовика. А людская тропинка гладкая, не сдвоенная. Медвежья тропа отличалась еще и тем, что проходила под резко пригнутой березкой, где человек бы тропинки не проложил.

Дождь лил почти всю неделю. Витька чистил картошку, топил печь, носил дрова и воду, а потом уходил в тайгу.

Все было бы ничего, если бы не тревожила мысль об экзаменах. До них осталось совсем немного времени, и надо было уезжать как раз в то время, когда в реки на нерест начнет заходить рыба, когда, как говорил Гераська, берега будут истоптаны медведями. Да и не готов он был к экзаменам. Все только собирался заняться повторением. Но сначала зарабатывал деньги на поездку, а потом началось знакомство с Камчаткой. Все думал: «Осмотрюсь немного и начну заниматься».

Не успел осмотреться — нагрязнула весна. А за ней и лето... Сколько раз увещевала его Галина Дмитриевна: «Бросай своих медведей, берись за ум-разум. Сиди все свободное время над учебниками, если по-настоящему хочешь стать зоологом». Но как было усидеть, когда рядом медведи...

«А если вообще не поступать в университет? — думал Витька между делом. — Заниматься самообразованием. Ведь внук знаменитого путешественника Семенова-ТянШанского стал доктором биологических наук, не закончив никакого высшего учебного заведения. Знаменитый Тур Хейердал стал академиком. А закончил, кажется, всего первый курс университета. А Капланов, который один ходил по следам тигра! Написал же он научную книжку: «Тигр, изюбрь, лось»! Тоже не кончал никаких высших учебных заведений. Главное, была бы возможность заниматься любимым делом. А такая возможность у меня есть...»

В долине ручья, который протекал мимо избушки, Витька нашел место, где пересекались медвежьи тропы. На склоне увала выбрал березку, которая росла наклонно почти над самыми тропами. Привязал к ней сооружение из тонких капроновых веревок — переносной веревочный лабаз с легкой, тоже веревочной, лестницей. Все это он придумал и сделал еще в поселке. Взгромоздился в свое сооружение примериться, как будет высматривать медведей. Сидеть в сплетении веревок оказалось возможно только несколько минут, потом они стали резать.

Витька попытался сесть поудобнее, но веревки сдвинулись, и он оказался стянутым ими — того гляди, задушат. Пришлось вынуть нож и кромсать веревки. Затея с переносным лабазом не удалась.

Но с березки над пересечением троп был очень хороший обзор, и Витька решил соорудить там лабаз попрочнее — из жердей и досок. Чтобы сделать его, пришлось не раз сходить к избушке за тяжелыми, намокшими под дождем досками. Зато лабаз получился хороший. На нем не только удобно было сидеть, но можно и переночевать, если придется наблюдать за медведями в лунную ночь. Сделал даже полочку под бинокль, а чтобы класть его бесшумно, обил ее куском войлока.

К избушке Витька возвращался напрямую, через увал. Глубокая медвежья тропа, пробитая между каменными березами, местами была полна воды. Мощные корни перегораживали тропу поперек, как ворота шлюзов. В одних местах воды было меньше, в других — тропа казалась узкой, заполненной водой канавой.

Под кустом ольхового стланика Витька увидел пятнышко сухой земли величиной с чайное блюдце. В центре его небольшое птичье гнездо. Оно было совершенно сухим — какая-то птичка очень удачно

выбрала место: сверху гнездо, как крышей, прикрывал плоский сук ольхового стланика. И даже такой, всюду проникающий дождь с туманом не замочил его.

Насквозь промокший, измучившийся Витька заспешил к себе в избушку. Но он так устал, что не мог идти быстро.

В стороне лежала каменная глыба размером с деревенский дом. Это была громадная вулканическая бомба, выброшенная когда-то во время извержения Семячикского вулкана. Витька тихонько брел и рассматривал эту вросшую в землю громадную базальтовую пирамиду. Подветренная сторона ее была сухой. Дождь монотонно шумел по траве, по деревьям. И вдруг под сухой стеной базальтовой глыбы он увидел спящего медведя! Из-за шума дождя зверь не услышал шагов. Витька был без ружья — оно мешало таскать доски.

«Только бы не шоркнуть травой, не хрустнуть веткой!» — подумал Витька и, балансируя руками, стал отходить к ближней березке. Хоть внизу у нее и не было сучьев, он чувствовал, что легко окажется на вершине, стоит только медведю сделать к нему шаг.

Но медведь спал... Витька записал все, что мог: и размеры его, и окраску, и где выбрал лежку, и какая местность вокруг...

Наконец настало утро, и столько дней скрытое хмарью солнце разлилось по спокойной глади лимана. На вершинах дальних сопok ярко белели остатки снега. Каменноберезовый лес трудно было узнать: деревья, трава из блеклых стали ярко-зелеными. Сверкали капли на острых кончиках травы. Как белые бабочки, светились в зелени трехлепестковые цветы — кукушкины тамарки.

Витька натянул резиновые сапоги и пошел к ручью умываться. Из бочажка в разные стороны мелькнули у дна темные рыбины. Вода обжимала голенища. Сквозь

нее было видно, как течение быстро относит потревоженные сапогами песок и камешки. Витька зачерпнул в ладони воду. Руки еще терпели, а лицо горело от ее ледяного холода.

В этот день они пошли в тайгу с Галиной Дмитриевной, чтобы выбрать постоянный фенологический маршрут. Витька должен был отмечать его вешками. А Сергей Николаевич отправился в тайгу один, чтобы наметить вторую половину маршрута.

Витька ставил вешки, помогал Галине Дмитриевне выкапывать растения, которых еще не было в ее гербарии. Потом маршрут пошел по медвежьей тропе, и его уже надо было метить. Новые растения встречались довольно часто, и Витька использовал каждую остановку, чтобы быстренько выкопать ножом ямку и набросать землю на тропу — потом на этой земле отпечатываются следы медвежьих лап, незаметные на утоптанном грунте.

Галина Дмитриевна останавливалась и для того, чтобы сделать описание местности и определить глубину снега в этом районе, хотя никакого снега уже не было, а давно зеленела густая трава. Галина Дмитриевна объяснила Витьке, что в распадке глубина снега зимой достигала четырех метров, а на ровных участках леса снежные сугробы были высотой два метра. Именно на этой высоте молодые побеги березовых веток были ровно «подстрижены» зайцами, кормившимися зимой. Даже среди зеленой листвы, если приглядеться, была видна линия зимних погрызов. Местами в узких распадках эти линии были чуть ли не у самых вершин березок.

По старой медвежьей тропе идти легко, как по хорошо проторенной людской тропинке. Только немного настораживало ожидание возможной встречи на узкой чужой тропе.

Над ручьем как-то странно пролетела птичка. Вначале Витька не обратил на нее внимания: старался не проглядеть где-нибудь медведя. Но когда птичка опять промелькнула неподалеку, он понял, что это вовсе не птичка, а летучая мышь. Среди бела дня она так же проворно, как в сумерках, летала то около деревьев, то над водой и охотилась за насекомыми. Интересно было во всех деталях наблюдать эту охоту, которая обычно происходит в сумерках или ночью, когда видишь только, как мелькает летучая мышь на фоне зари или отражающей небо воды. А тут она была отлично видна, летала чуть ли не перед Витькиным носом. Двенадцать минут наблюдали за ее охотой. Витька специально заметил время для Сергея Николаевича.

От ручья отходила небольшая протока и тут же снова впадала в ручей, огибая небольшой островок ольховника. Иногда мышь облетала островок, но больше охотилась прямо перед их глазами. Витька видел даже насекомых, которых она ловила. Сделав резкий пируэт, мышь атаковала крупную бабочку. Но добыча оказалась для нее слишком крупной. Она не смогла ухватить ее зубами, а только сбила и уже не пыталась поймать, хотя бабочка падала очень медленно. Иногда, ловя комара или мошку, она переворачивалась в воздухе спинкой вниз, ловила насекомое и тут же мгновенно принимала обычное положение. Пролетавшая мимо небольшая птичка спикировала на мышь, но та без труда увернулась, и птичка полетела дальше своим путем.

Витька мог объяснить себе охоту летучей мыши среди белого дня только тем, что много ночей подряд хлестал проливной дождь с ветром и мышь несколько суток отсиживалась где-нибудь в дупле. А когда наконец перестал дождь, изголодавшаяся, она вылетела покормиться днем.

Вдали, на берегу ручья, зашевелилась трава, и Витька увидел темного зверя, который тоже заметил людей и остановился. Сильные и кривые, как показалось Витьке, лапы его были расставлены в стороны, шея вытянута вверх, а мордочка вопросительно и настороженно повернута к ним. В этой странной позе зверь был похож на большую черепаху, если бы только она могла так высоко поднять голову. Но когда он прыжками побежал в заросли, Витька узнал в нем росомаху, хотя видел ее только на картинках.

На обратном пути, неподалеку от избушки, на тропке наткнулись на большую темно-зеленую кучу. Утром ее не было. Витька рассматривал медвежий «сувенир», по зеленому цвету которого было понятно, что медведь питался накануне только травой. Галина Дмитриевна взглянула на избушку и ахнула: дверь была распахнута, окно разбито... Медведь ограбил избушку.

Стали разбираться, как же все было. На черном толе, которым была обита избушка, остались следы грязных лап. Судя по их размерам, медведь был лет трех-четырех. Через трещину в стекле из окошка доносился запах жареной кунджи. Медведь выдавил стекло, засунул лапу в окошко и сгреб все с подоконника: перец, баночку со спиртом, нитки, карточки биологических наблюдений. Внутри избушки обои вокруг окна были исцарапаны медвежьими когтями — он пытался выгрести что-нибудь съедобное. На гвоздике, крепившем стекло, остался клочок светло-бурой шерсти. Окно было слишком маленьким, чтобы медведь мог влезть в избушку. Дверь не запиралась, придерживалась только привязанной к дверной ручке тесемкой. Медведь оборвал ее. Как все двери на Камчатке, эта тоже открывалась внутрь, и медведь без труда открыл ее. Большая жестяная банка, в которой оставалась жареная кунджа, валялась на полу

вылизанная до блеска. Все было перевернуто вверх дном.

— Вот так, наверное, бывает после землетрясения, — сказал Витька и стал записывать, что съел медведь и что оставил.

Он доел кунджу, съел полукилограммовую пачку сахара, пачку фруктового киселя, кусок соленой рыбы, почти весь запас свечей — две целых и три начатых, часть сухарей, попробовал хозяйственное мыло, но есть не стал. Сlopал пачку концентрата супа, две оставил. Начатую банку сгущенки он целиком забрал в пасть и изжевал так, что она стала похожа на смятый кусочек фольги.

Нетронутыми остались запечатанная пачка сахара, гречневая крупа, макароны и вермишель, часть сухарей и банки с консервами. Все это он небрежно смахнул с полки.

На полу среди прочего валялись аптекарские весы, их медведь ухитрился снять с гвоздя на стене. Витька проверил — весы работали. Медведь доставал их лапой, а другой оперся о стену, и на обоях остались четкие следы длинных когтей. Обои были исцарапаны еще и возле двери: выгребая из угла банки с консервами, медведь закрыл ее — иначе банок не достать. Витька тоже закрыл дверь и стал осматривать ее с внутренней стороны. Вереvoчная ручка была оторвана — видимо, медведь потянул за нее не на себя, а вниз. Массивная, из толстых досок дверь закрывалась легко и в то же время плотно — была подогнана так, чтобы не дуло в щели и не лезли комары. Оторвав ручку, медведь открывал дверь не где попало — обои и притолока исцарапаны когтями там, где была небольшая щербинка между дверью и косяком. Именно здесь и человек стал бы отковыривать ножом плотно пригнанную дверь без ручки.

Галина Дмитриевна покачала головой:

— Недаром в Норвегии говорят: «У медведя силы на десятерых, а ума на дюжину».

Было удивительно, что дикий зверь открыл дверь, — не вышиб ее, а открыл на себя. Может быть, пока она была открыта, он несколько раз входил и выходил. Может, по запаху определил место, по которому вошел. Это было понятно. Но что он не стал вышибать дверь, а старался поддеть когтями за щербинку, было удивительно.

В это время из тайги вышел Сергей Николаевич в запятнанной одежде и, как показалось, с окровавленной головой. Приглядевшись, Витька понял, что это он был виноват во всем. Сергей Николаевич был вымазан красной краской. Сработало Витькино устройство для мечения медведей, которое он установил на дальней тропе...

Он хотел разной краской пометить медведей, чтобы можно было отличать их одного от другого и к тому же узнать, далеко они забредают или держатся небольшого участка. Сергей Николаевич наткнулся на Витькину конструкцию раньше медведя...

Но все обошлось благополучно: Галина Дмитриевна быстро пришла в себя, а Сергей Николаевич «поостыл», пока шел от дальней тропы к избушке. Он даже заинтересовался, как сделано приспособление. И Витька с удовольствием показал еще не установленный над тропой полиэтиленовый мешочек, плотно завязанный, чтобы не сошла краска, и маленький крючкообразный самодельный нож, который мгновенно разрежет пленку, если потянуть за насторожку.

Галина Дмитриевна велела, не откладывая, сделать надежные запоры на дверь избушки изнутри и снаружи.

— Особенно изнутри, — подчеркнула она.

Из сухого березового полена Витька вытесал навертыш и здоровенным гвоздем прибил его к косяку.

Галина Дмитриевна похвалила забор и попросила сделать еще три таких же. Для верности.

Когда уходили из избушки в поселок, порог посыпали сухой горчицей, чтобы у медведя пропало желание опять устроить погром.

Глава одиннадцатая

В следующий раз Витька пришел в избушку поздно вечером. Он сам вызвался идти на полевые, и директор отпустил его сделать мостки, прокосить шеломайник на фенологическом маршруте, установить километровые столбы. Закрыв за собой дверь, Витька долго сидел в обнимку с ружьем, боясь выйти даже к ручью за водой для чая. Первый раз он был на палевых один, и ему все казалось: кто-то бродит в сумерках вокруг избушки. Может, там ходил медведь, который уже грабил избушку и опять собирался наведаться в нее.

Забившись в угол на нарах, Витька всю ночь продержал руку на ружье. Налетал ли ветерок, скрипела ли крыша, кричала ли чайка на лимане, Витька открывал глаза и вслушивался в ночные звуки...

Чуть свет он принялся делать мостки через первый ручей. Потом рубил жерди, прокладывал их через топь, косил шеломайник, делая проход в высокой траве. Стуком топора, шумом косы он настораживал все живое и за дни работы не увидел ничего интересного.

Вечером, когда возвращался в избушку, усталость побеждала страх. Витька быстро засыпал, но спал чутко. Днем припоминал, что в полночь на лимане кричали лебеди, потом где-то далеко проворчал вулкан, а под утро шуршала в щели под крышей трясогузка... Будто где-то внутри Витьки неведомый «сторож» незаметно нес службу, чтобы тут же разбудить, если вдруг нагрянет опасность.

Но все было спокойно...

С рассвета до темна пропадая на маршруте, Витька до срока закончил работу и мог теперь целых два дня ходить за медведями.

В долине ручья висилась стена гигантской травы. Это были настоящие травяные джунгли, через которые ему нужно было идти. Там росли шеломайник с листьями, похожими на кленовые, только еще крупнее, дудник, размерами больше напоминающий дерево, чем траву, волжанка, похожая на малину, чемерица с листьями-лодками. Но больше всего было шеломайника. Он рос так густо, что просматривался всего на метр. Чтобы хоть что-то видеть под ногами, Витька размахивал стволами ружья, пробивая себе путь. А трава была молодой, сочной и еще не перестала тянуться вверх. За сутки шеломайник вырос на длину карандаша.

Витька тонул в зеленых листьях. Вверху, внизу, перед глазами — они были всюду. Он то спотыкался о валежины, то попадал в неглубокие ямы, незаметные среди травы. Ничего не было видно: где кончаются заросли, много ли прошел. Рядом ни деревца, чтобы влезть, осмотреться. Может, и были неподалеку деревья, но разве увидишь их из такой травы.

Витька остановился перед растущими среди шеломайника двумя громадными медвежьими дудками. Высотой эти зонтичные растения были метра четыре и такой толщины, что казалось, на них можно влезть, как на дерево. Стволы, похожие на зеленый бамбук, снизу были толщиной почти с телеграфный столб. Витька и впрямь хотел было взобраться на них, чтобы осмотреться. Но едва коснулся рукой ствола, сразу почувствовал — это все-таки трава, а не дерево. Пришлось брать палку и, как саблей, крушить траву, чтобы не угодить в какую-нибудь особенно глубокую яму. Держать направление можно было только по солнцу, других примет не было.

И вдруг Витька вышел на небольшую поляну. Трава на ней была всего лишь по пояс, и среди нее четко выделялся ровный ряд ям. Это были еще не до конца

сглаженные временем остатки давнего камчадальского поселения, но никто из старожилков не знал, когда на месте этих ям были жилища.

Витька сел на край пологой ямы и попытался представить, как сотни лет назад здесь жили люди. Наверное, промышляли медведей, ловили в лимане рыбу... Неужели вот в этих местах был обычай, о котором недавно читал: убивать одного ребенка из родившейся двойни, а больных выбрасывать на съедение собакам? Не верилось в эту дикость, которую будто бы еще застали на Камчатке русские.

Сбоку в траве послышался шорох. Витька встал, держа палец на предохранителе заряженного пулями ружья, готовый в любое мгновение вскинуть его к плечу... Стоял долго, но все было тихо, и он пошел по шеломайнику дальше. Неподалеку трава оказалась примятой медведем. В ломком шеломайнике после зверя осталась такая же тропа, как и после Витьки. Зверь был рядом, а Витька не мог увидеть его. Может быть, медведь по-прежнему где-то близко, но как углядишь его в такой гуще. Ничего не оставалось, как идти по следу и пытаться хотя бы по нему что-то узнать.

Страшно было в таких зарослях красться по пятам медведя. Может быть, зверь сбоку или сзади и стоит только ему выбросить лапу, чтобы выбить ружье. Витька осторожно делал каждый шаг, раздвигая траву стволами. Увидел свежую лежку: кое-где на ней выпрямилась трава, отцепляясь от других травинков. Рядом нашел вторую, а дальше еще целый десяток. Медведь кормился лежа: лежал на брюхе и обкусывал траву вокруг. В такой траве это нетрудно. Только непонятно, один зверь тут кормился, или два, или больше. Уж очень много в траве ходов.

Возле одной лежки валялись остатки птичьего гнезда. Трава вокруг него была особенно примята и

даже вылизана. Наверное, птенцов медведь сожрал. Гнездо он стащил с маленького кустика жимолости.

То и дело слышались подозрительные шорохи. То ли ходил медведь, то ли просто трава шелестела.

«Не так уж часто медведи нападают на людей, — думал Витька. — Но ведь и люди совсем не часто бродят так среди медведей». Витька достал записную книжку, чтобы зарисовать расположение лежек, записать, какую траву ел медведь. Страшно было вместо ружья брать в руки карандаш. Хотелось прислониться спиной к дереву, чтобы хоть сзади обезопасить себя. Но вокруг не было ничего, кроме высоченной травы.

В учебнике написано, что одна из трудностей, с которыми сталкивается человек, изучающий животных, заключается в том, что животное боится наблюдателя. «А у меня двойная трудность, — подумал Витька, — еще и наблюдатель боится животного».

За спиной шоркнула трава — Витька резко обернулся, перекинув назад стволы. Подождал, послушал — было тихо. Может, просто выпрямился примятый ногами стебель? Витька поднял оброненный карандаш. Опять послышался шорох, уже сбоку. Ясно, поблизости ходил медведь. Он, конечно, тоже слышал или чуял Витьку, но не убегал, бродил почему-то радом, и от этого стало жутко. В голову полезли всякие страхи: «Может, медведь прячет добычу? Но вряд ли он жрал бы траву. В прошлом году мужик из поселка наткнулся в стланике на медведя. Тот прятал нерпу. К счастью, медведь был небольшой. Ударил лапой, сбил человека, а сам убежал. Мужик всем показывает портсигар, смятый ударом лапы... А может, зверь раненый и поэтому кормится лежа?»

Витька напряженно вслушивался, ожидая: вот-вот зашумит трава от ринувшегося к нему зверя... Но не слышно было и шорохов. Витька тоже не шевелился. Медведь, конечно, чуял его.

Знаменитый охотник на тигров Джим Корбет с восторгом писал, что ни тигры, ни леопарды не обладают хорошим обонянием, иначе охотникам на них пришлось бы туго. А медведь как раз чуял отлично, сам оставаясь невидимым в этой густой траве.

Недавно Витьку приводила в восторг сила жизни, с которой камчатская трава напористо раздвигала землю ростками. Но теперь он приходил в отчаяние от ее мощи. Трудно стало дышать в этой зеленой чаще. Может, потому, что солнце заволокла хмарь и по листьям зашуршал дождь.

Он капал несколько минут. Надеясь, что под шум дождя медведь ушел, Витька свернул в сторону и зашагал по-дальше от медвежьих лежек. И сразу намок — весь дождик остался на широких листьях шеломайника и обдавал с головы до ног при каждом шаге. Впереди треснула ветка — Витька ринулся в сторону, но и там перед ним задержались верхушки шеломайника. Объятый ужасом, Витька встал, не зная, куда направить стволы. От одежды шел пар — Витьке стало жарко от страха. В голове стучало: «Если звери знают страх, то какие-нибудь знают и смелость. Не все же трусы. Зачем жевать траву, когда рядом такая добыча! Может, они уже пробовали людей? От одного еще можно было бы отбиться. А тут кругом. Чего им надо?»

Казалось, вот-вот сзади или сбоку шарахнет лапой медведь. Витьке уже со всех сторон слышались шорохи.

«Надо пальнуть из обоих стволов, чтобы разбежались все эти медведи! Ну их к черту!» Витька вскинул ружье и нажал на крючок... Жал что есть силы, а оно не стреляло... Руки стали ватными — все это время ружье было незаряженным. Вчера он дал отдохнуть пружинам — первый раз разрядил ружье, а утром забыл зарядить. Снял со стены и пошел...

С металлическим хрустом «переломил» ружье, вынул из кармана патроны и медленно опустил их в стволы... Но что-то случилось с Витькой: ему уже не хотелось стрелять.

Опустошенный, он опустился на землю. «Как же так? Что же это? Все пропало? Сколько добивался оказаться среди медведей и теперь — стрелять, бежать? Куда бежать? Значит, я просто трус. Самый обыкновенный трус. Зачем мне Камчатка без медведей? Зачем было ехать сюда? Пусть лучше разорвут, чем так бояться. Я перестану их бояться! Клянусь, никогда больше не отступлю перед медведями. С сегодняшнего дня! Будь что будет!»

Витька встал и решительно двинулся вперед. Трава расступилась, и он вышел к ручью.

Сбоку один за другим, разбрызгивая воду, перебежали ручей два молодых медведя. Они были мокрые и от этого казались щуплыми. Один остановился на берегу, привстал на задних лапах и завертел головой. Увидел Витьку и ринулся в траву.

«Это они-то навели на меня такого страха?» — с укоризной подумал Витька, закинул ружье на плечо и пошел вниз по ручью.

Слева и справа высились зеленые стены. И только когда рядом в стене из травы зашевелились и сомкнулись листья, он понял, что это убралась в траву большая медвежья башка. С молодыми, видно, была еще и медведица...

Но Витька все равно не снял с плеча ружье.

Глава двенадцатая

За день Витька так наворотел голову, что под вечер уже не хотелось лишний раз посмотреть в сторону. Он сидел на лабазе и все еще надеялся увидеть медведя. Но оказывается, и сверху это непросто: он, может, бродит где-то километра за три. Однако что значит искать его в травяных джунглях, Витьке тоже было уже известно, и он пока не уходил с лабаза.

Под вечер крупные птицы, которые вначале встретили Витьку настороженно, почти перестали обращать на него внимание. Орлан сажился неподалеку на сухое дерево и уже не смотрел в сторону лабаза, а кукушка куковала прямо над головой, на этой же березе.

На небольшом озерце плотной белой полоской собрались на ночлег чайки. Обычно шумливые, на месте ночлега они сидели непривычно тихо. В вечерней прохладе с их озерца начал подниматься туман. Растворялись в сумерках дальние деревья. Горы на западе поплыли в тумане. Кругом стояла такая тишина, что не хотелось даже пошевелиться. С лабаза видны были отрезок ручья с медвежьими тропами вдоль берегов и обширная поляна, где тоже встречались следы медведей.

Одет Витька был тепло, а на лабазе можно вытянуться во всю длину. И он остался ночевать прямо на дереве, надеясь на рассвете все-таки увидеть медведя...

Ночью на озерце тревожно кричали чайки. Кто-то нарушил их сон, наверное, зверь прошел по берегу. «Кто это? Лисица? Росомаха? Или медведь? Как бы его привадить? — думал Витька. — А вдруг его заинтересует музыка. Подплывает же нерпа на звуки

музыки. Попрошу у ребят портативный магнитофон. Какую же музыку ему поставить? Надо что-нибудь близкое ему по духу, например «Дубинушку».

Проснулся Витька, когда все небо было уже светлым. Он сразу вспомнил, где находится, и только чуть приподнял голову и осмотрел окрестности. Медведей нигде не было. Монотонно бормотал ручей, перекликались на лимане лебеди. Попискивая, выпорхнула из-под лабаза синица-гаичка и едва не села Витьке на голову. Спихнулась, отлетела чуть в сторону и уселась на острый черенок сучка, который вчера вечером Витька срезал ножом, чтобы он не задевал за рукав и не шуршал... На свежем срезе черенка торчал пучок коричневых медвежьих волос. Витька со страхом смотрел на него, и, хочешь не хочешь, приходилось верить, что ночью по ступенькам, набитым на наклонном стволе березки, забирался к лабазу медведь! Судя по цвету волос, тот самый, который грабил избушку. Витьке было и жутковато оттого, что ночью к нему подобрался медведь, и радостно, потому что зверь был рядом — и не тронул. Значит, правильно решено — не надо его бояться.

На другой день он увидел этого медведя из окошка избушки. Зверь кормился на прилиманной тундре. «Надо попробовать познакомиться с ним, — подумал Витька. — Тогда можно будет ходить за ним в тайге, не подкарауливать, а просто наблюдать все, что он делает».

Витька спустился в низину и краем ее медленно пошел в обход медведя. Под ногами, как на хлопковом поле, белело множество головок пушицы. В стороне высились горы. Он тоже были испещрены пятнышками, издали похожими на головки пушицы. Это были далекие пятна снега.

Витька шел в стороне от медведя, но все время чуть-чуть приближался к нему. Порой он вставал на

четвереньки и как будто скусывал траву, чтобы уверить косолапого в своей миролюбии...

Часа два или три пасся медведь, и все это время Витька подбирался к нему кругами. До зверя оставалось совсем немного, а надо было подходить еще ближе.

Витька знал, что по статистике самое большое число несчастных случаев на арене цирка при работе с дрессированными животными происходит по вине бурых медведей. Один из старейших дрессировщиков, работавший со смешанными группами хищников, писал о буром медведе: «Сегодня он тебе сосет ухо, а завтра может перегрызть горло». Но Витька старался не думать об опасности. Если решил не бояться, надо идти.

Медведь был не очень большим, но и не маленьким: если бы встал на задние лапы, оказался бы намного выше Витьки. Шерсть была светло-бурой, точно такой, какая осталась на лабазе и на гвозде в избушке.

Опять же по кругу Витька подошел к нему метров на пятнадцать. Можно было бы подбросить колбасу, но он боялся спугнуть зверя резким движением. Витька нагнулся, пальцами, как когтями, стал раскапывать корни травы и, громко чавкая, изображать, что он ест их. Медведь посмотрел на него с интересом и стал прихватывать носом воздух: хотел понять, что это Витька там нашел. И тут Витька подбросил ему кусок колбасы. Медведь слопал ее. Витька бросил еще — медведь съел и уже ждал новой порции. Но бросать больше было нечего. Да и не к подачкам нужно приучать медведя, а к себе. Нельзя делать из него попрошайку. Витька сел на сыроватую землю. Медведю после колбасы трава показалась невкусной — и он побрел к тайге. Витька сторонкой за ним. Медведь вдруг побежал и сразу намного оторвался от Витьки. Только перед деревьями зверь опять пошел шагом и вскоре скрылся в тайге.

Витька шагал по тундре веселый, довольный, что наконец познакомился с медведем. Оставалось закрепить это знакомство при новой встрече.

Но сколько Витька потом ни ходил по окрестностям, медведя встретить не удавалось, пока он сам не пожаловал к избушке. Подходил настороженно, останавливался, нюхал воздух, прислушивался. Обошел избушку, чтобы зайти с подветренной стороны. Приблизиться не решался, садился. Приподнимался на задние лапы... Это был тот самый медведь, к которому Витька подходил на тундре, он узнал его. Медведь должен был чують человека, но все равно не уходил.

Витька стоял неподалеку от избушки на тропе. Медведь остановился шагах в тридцати от него. Лапы у зверя, оказывается, не прямые, а такие же кривые, как два отростка у развилки сосны, у которой в молодости сломали верхушку. Эти мощные кривые лапы росли словно прямо из шеи, будто вовсе не было у медведя груди. Зверь настороженно вытянул шею, и черный пяточок носа с раздувающимися ноздрями потянул воздух, чтобы понять, что за существо поселилось с ним по соседству.

Похоже было, он узнал Витьку и принялся старательно обнюхивать стебли травы, как будто вдруг очень заинтересовался, чем они пахнут. На человека уже не смотрел, словно его тут и не было.

Витька вынул из кармана сахар, но не решился идти к медведю напрямую. Сделал несколько шагов в сторону, чуть приблизился, повернул в другую сторону и опять немного подошел к медведю. Когда тот явно забеспокоился, легонько бросил ему кусок сахара. Медведь отпрянул было, но тут же заинтересовался белым кусочком, понюхал его и с удовольствием съел. Витька бросил еще кусок. Сделал было шаг к медведю, но тот повернулся и отошел в траву. Там он приподнялся на задние лапы, явно ожидая лакомства.

Сахара у Витьки было немного. Он не торопился отдать его еще и потому, что не хотел приучать медведя к подачкам возле избушки. Зверь встал на задние лапы и беззлобно прорычал: «Р-ее-мм...» Так он и стал Ремом.

Похоже, что Витька был не первым человеком, от которого Рем получал подачки. Во всяком случае, медведь явно не хотел уходить. Он поднялся во весь рост на задние лапы и рассматривал Витьку из-за небольшого кустика. Когтями задумчиво почесал бок, переступил на задних лапах, а передние поднял к груди — будто боксер в обычной своей стойке. Так ему удобнее было держать лапы. Витька пошевелился. Тогда медведь опустил на все четыре лапы. Подошел к ольхе и принялся чесать об нее бок, потом лапой провел по морде, сгоняя комаров. Комары тучей вились вокруг Рема. Он стирал их с морды то одной, то другой лапой. Изогнутыми когтями скреб бока.

Витька бросил еще кусок сахара — как раз в то мгновение, когда Рем движением лапы согнал со лба комаров. Медведь тут же схрупал сахар и опять сделал то же движение лапой. Витька бросил еще кусок — и снова, съев сахар, Рем махнул лапой. Видно, Рем запомнил: махнешь лапой — получишь сахар. Витька не стал разрушать этот случайно возникший условный рефлекс и за каждый взмах лапы бросал ему сахар, пока тот не кончился. Не получая больше подачки, Рем подался ближе к избушке, наткнулся на старое кострище, вылизал золу и повернул назад в тайгу.

Мало-помалу Рем перестал опасаться Витьки. Иногда за ним удавалось наблюдать часами. Чуть-чуть подкармливая медведя, Витька боялся, как бы он опять не вздумал закусить по-настоящему и снова не учинил погром в избушке. Поэтому, уходя надолго, он продевал в дверную ручку толстую медную проволоку и закручивал ее вокруг здоровенного костыля. При желании медведь мог бы вышибить дверь ударом лапы,

но Рем вроде не был таким разбойником. На всякий случай, чтобы из-под двери медвежий нос не ласкали соблазнительные запахи, Витька посыпал порог мелким табаком или горчицей.

Однажды на границе поймы и каменноберезовой тайги в мозаике бликов и теней от высокой травы он увидел знакомую медвежью морду. Это был Рем. Едва заметив Витьку, он сразу махнул лапой, выпрашивая подачку. Где-то Витька читал, что медведи во всех зоопарках знают, как легко дрессируются люди — стоит протянуть лапу, и сразу получишь лакомство. Оказывается, это быстро усваивают и дикие медведи. Стоило Рему махнуть лапой, он тут же получил сахар.

Витька пошел за Ремом по каменноберезовому лесу. Возле торной медвежьей тропы Рем остановился, понюхал се и сел сбоку, похоже, просто отдохнуть. На Витьку он не обращал внимания. Посидев, опять пошел по траве. Она почти скрывала его. Рем не пропускал ни одной валежины, чтобы не опереться на нее лапами, не осмотреться вокруг. Из травы поднималась его рыжая голова на длинной шее, медведь водил носом, опять опускался на все лапы и брел дальше.

Он вышел к ручью и сразу направился к повороту, где вода с разгону натыкалась на берег и вымыла глубокую яму. Медведь сел возле ямы и долго смотрел, как ходят в этом маленьком круговороте гольцы. Потом лег на брюхо и медленно стал опускать в воду лапу... Но рыба разбежалась. Тогда он заранее опустил лапу поглубже и стал терпеливо ждать, легонько прижав уши. Потом резко дернул в воде лапой — опять пусто. Рем встал, потряс когтями, как трясет кошка, когда случайно ступит в лужу, и направился дальше. Поднялся на увал, прошел между темно-зелеными пятнами кедрового стланика и, как в шалаш, забрался в убежище под сломанным деревом. Расщепленный, распахнутый надвое ствол дерева, его пень и куст

кедровника образовали уютный закуток, где медведь не раз уже спал. Об этом говорили поломанные ветки, примятая древесная труха.

Рем лег на брюхо и положил голову на скрещенные лапы. Витька встал неподалеку и смотрел на него. Рема немного беспокоила близость человека, и он, не меняя позы, время от времени открывал глаза и посматривал на него.

Витька был так близко от медведя, что мог бы сделать отличные фотографии. Но фотоаппарата, к сожалению, у него уже не было. Еще до знакомства с Ремом он насторожил фотоаппарат на тропе, чтобы медведь сам сфотографировал себя с близкого расстояния.

Однажды Витька пришел на тропу и увидел, что фотоаппарат сработал. Но радовался напрасно: молодой шелкомайник за день вырос так, что листьями закрыл объектив. Тогда Витька срезал все стебли рядом с аппаратом, он был уверен: если опять появится медведь, получится отличный снимок. Но медведя, проходившего по тропе, привлек то ли щелчок, то ли сам фотоаппарат... Словом, когда Витька под вечер вернулся на тропу, камеры на месте не было. Медведь сорвал ее вместе с карманным штативом, катал по траве, потом прилепнул лапой. Пластмассовый корпус «Любителя» превратился в черные осколки.

Рем задремал в своем укрытии, но комары не давали ему спать. Он встал, сделал свою медвежью зарядку. Первое упражнение — выгнул спину и потянулся. Второе упражнение — вытянул назад правую ногу, потом левую. И в заключение сел, задрал морду вверх, стараясь положить на спину голову с раздвоенным ухом.

«Это, наверное, его медвежонком Гераська стаскивал лыжной палкой с ветки над пропастью», — подумал Витька.

Рем побрел по тропе к берегу океана. Боясь рассердить медведя назойливостью, Витька поотстал немного.

Рем бродил по «прибойке», искал выброшенных волнами крабов, рыбу, моллюсков. На влажном плотном песке остались после прилива лужи. Медведь проходил их посередине, проверял, нет ли где рыбы. В одной проворно развернулся, запрыгал, поднимая брызги, — хотел придавить рыбешку лапами. В прыжках выгибал спину и был похож на мышкующую лисицу, когда она пытается прижать мышь сложенными вместе лапами.

Рем сгорбился посреди лужи, замер с приподнятыми передними лапами. Только голову медленно поворачивал то влево, то вправо. Рыбешка шевельнулась сбоку, и медведь бухнул туда лапами. Обшлепал передними лапами всю лужу, но так и не поймал рыбу и с досады ушел от берега.

После знакомства Рем смелее и чаще стал приходить к избушке. Витька чуть-чуть прикармливал его — так, чтобы не приучить к нахлебничеству, но в то же время и не отвадить.

Однажды он увидел из окошка, как Рем со вздыбленной на хребте шерстью поднялся на задние лапы, а передними загоразивался от небольшой березки. На ней сушился черный ремень. Он медленно сползал с задетой медведем ветки, а Рем испуганно глядел на него и отстранялся. Вдруг ремень упал. Медведь рывкнул и отскочил в сторону. Потом издали стал топтать по земле лапами и слушал, не зашуршит ли под березкой трава. Видимо, Рем принял ремень за змею. Но откуда он мог знать о змеях, если на Камчатке их нет? Наверное, с древних времен сохранилась неприязнь к ползающим тварям.

Вечером Витька затопил печурку и поставил чайник. А сам с удовольствием улегся на нары. Приятно было лежать в избушке, в этом маленьком уютном

«островке», окруженном дикой первозданной природой, которая без этого бесхитростного человеческого жилища не была бы такой желанной.

«Хорошо бы по-настоящему приручить Рема, — мечтал Витька. — У Тура Хейердала жил ручной медвежонок. Вечерами он сидел на лавочке перед камином и ужинал вместе с детьми. Перед сном его умывали, как и их. Этот же медвежонок, когда подрос, служил Туру подушкой... Вот и мне бы сделать Рема таким же послушным».

В избушке стало жарко, и Витька пошел за одеждой, которая сушилась на кусте: днем переходил по бревну речку и сорвался в воду. Куртка висела на месте, а брюки едва нашел в траве. Медведь распустил их на ленточки: доставал из кармана бумагу, в которую Витька завертывал для него сахар.

Утром должны были приплыть Сергей Николаевич и Галина Дмитриевна. Витька целиком сжег свечку, пока из ленточек опять соорудил брюки.

На другой день он не пошел в тайгу — ждал лодку. Привел в порядок гербарные сборы, прибрал в избушке и сел у окошка, чтобы видеть лиман.

Недавно в реферативном журнале Витька прочитал о проекте, разработанном учеными Мэрилендского университета, по которому пятидесяти полярным медведям наденут специальные ошейники с вмонтированными в них миниатюрными передатчиками, радиосигналы передатчиков пойдут к искусственному спутнику «Нимбус», запущенному на полярную орбиту Земли. По этим радиосигналам ученые будут узнавать о миграции белых медведей.

«Вот это масштабы, — думал Витька. — Чтобы и я мог заниматься настоящей работой, обязательно надо поступить на будущий год в университет. Начну как следует готовиться по всем предметам».

Он прямо здесь, в избушке, готов был засесть за учебники, но не взял их с собой.

Вокруг тупо гудели комары. Даже в избушке нужно было спасаться от них специальной мазью. Все щелки в стенах вроде бы заделаны, а комары все лезли откуда-то. Случайно Витька заметил, как из дырочки в двери, оставленной выпавшим гвоздем, чуть толще обычной иголки, вылез согнутый в три погибели комар. Как он мог протиснуться в эту чуть светящуюся дырочку, непонятно.

Пришлось заткнуть и ее. Витька стал осматривать окошко: не лезут ли комары еще в какую-нибудь щелку, перевел взгляд на следы медвежьих когтей и обратил внимание на странный заголовок в газете, проглянувшей из-под обоев, порванных когтями, — «Выиграл колонну машин». Здесь говорилось, что какой-то счастливчик купил восемьдесят восемь лотерейных билетов и выиграл на них «Москвич», «Запорожец» и мотоцикл.

«Ничего себе, повезло!» — подумал Витька и размечтался о том, сколько бы он всякого снаряжения, оборудования мог купить на такие деньги. Купил бы стереотрубу, фотоаппараты... Мог бы даже нанимать вертолет... И в это время под ударами лап распахнулась дверь избушки! Витька отпрянул к нарам, а ему на грудь бросился Букет и, ласкаясь, ткнулся в подбородок.

Все-таки Витька просмотрел лодку. От берега шел Сергей Николаевич и тянул веревку, чтобы привязать лодку к дереву. Витька заторопился помочь носить вещи. Сергей Николаевич и Галина Дмитриевна пошли было к избушке, но остановились возле лодки и расхохотались. Не понимая, отчего они смеются, Витька зашел в лодку, взял рюкзак. Все дело было в Витькиных экзотических штанах. Он уже привык к их виду после

«реставрации», но на новых людей их ленточный покроем производил впечатление.

На другой день Витька должен был вернуться в поселок. Ему не хотелось оставлять Рема — боялся, что медведь отвыкнет от него. Но из поселка в Долину гейзеров летел вертолет, и Витьку посылали с ним установить вывески, призывающие туристов не ломать гейзериты. В другое время он с удовольствием полетел бы в знаменитую долину, но теперь, когда познакомился с Ремом, это было совсем некстати. И если бы он не ушел, может быть, не случилось бы через несколько месяцев драмы в кальдере ^[2] Узона.

Глава тринадцатая

В вертолете Витька то и дело перелезал через груды сваленных деревянных брусьев, чтобы не просмотреть внизу; что-нибудь интересное.

Когда он впервые услышал в школе о Долине гейзеров, она была для него чем-то вроде Моря Дождей на Луне — такой же недосыгаемой. А получилась так, что через несколько минут он будет в этой долине.

Справа все зеленело от океанской воды. Только под вертолетом возле берега виднелись четкие ряды волн с белыми барашками. По левому борту высились горы с каменноберезовой тайгой по склонам. По долинам искрились речки.

Вертолет направился в глубь полуострова, пролетел над красивым глубоким каньоном, над скачущей по уступам рекой.

И вот уже не стало видно ни ярко-голубого неба, ни вспененной среди камней реки. Вертолет летел в глубине каньона, и видны были только коричневые, исцербленные временем отвесные стены.

Но вот в глаза ударил яркий солнечный свет, пропал сумрак ущелья, показались зеленые распадки и горы с ярко-белыми снежинками. Вертолет пошел на посадку. Заволновалась под ним трава, заходила с зелеными волнами, примята воздухом.

Вдруг где-то позади ольхового стланика мелькнул убегающий медвежонок. Едва приостановились лопасти, Витька спрыгнул на землю и бросился вдогонку.

— Правее, правее бери! — кричал вертолетчик.

Витька выскочил к крутому, почти обрывистому склону, но медвежонок уже скрылся где-то в зарослях. Так и не удалось рассмотреть его получше.

Внизу вырвался из земли белый фонтан воды и пара. Поодаль возник другой, а дальше сразу группа фонтанов заиграла на солнце. Он не мог оторвать от них глаз, а из вертолета кричали уже, чтобы забирал свои вывески и не опаздывал потом.

Вертолет улетел. Витька поднял на плечо связку вывесок, прибитых к легким кольям, и стал спускаться в Долину гейзеров. Это была долина бегущей внизу речки Гейзерной. Тот тут, то там вырывались фонтаны или поднимался пар, как будто дымили костры. Поблескивали небольшие, круглые, как блюдца, пятна воды — маленькие озера. Поражал цвет воды в них: в одном она была черной, в другом — голубой, в третьем — зеленой. Была и желтая вода, и красная, и даже такого цвета, что нельзя понять, из каких красок получился этот необычный цвет, похожий на цвет грозового закатного неба. Иные озера почти соприкасались друг с другом, а вода в них была разная.

Витька спускался по старой тропинке, превратившейся со временем в узкое русло, по которому среди высокой травы стекали снежные, а потом дождевые воды. На тропе не было никаких следов, только у самого дна долины на мягкой земле появились четкие медвежьи следы. Оставили их два разных зверя — крупный и средних размеров.

Трава на дне стала низкой, не то что на склоне. Местами ее не было вовсе. Бурые плешины как будто присыпал пепел. По горячей земле с трещинами — выходами газов и пара — страшно было идти. Не раз Витьке доводилось слышать, что есть в долине места, где земля может провалиться над жидкой кипящей глиной, которая тут же ошпарит ноги.

Витька хорошо помнил, что сверху видел рядом два озера. А когда спустился, подошел ближе, увидел только одно. Второе пропало. «Неужели я что-нибудь спутал?» — недоумевал он.

Ветерок прогнал облака пара из ложбинки. На дне ее зияли два черных жерла, два жутких провала, уходящие в бездну. Из них раздался страшный рык, похожий на рык огромного льва. Витька понял, что стоит возле самых грифонов — отверстий, из которых время от времени вырывается ввысь горячая вода мощных гейзеров. Он поспешно отошел назад, боясь, что гейзер вдруг ошпарит его.

«Может, отбежать еще дальше? — с испугом думал он. — Кто знает, как далеко бьет вода».

Но под ногами зеленела трава, значит, на это место кипящая вода уже не попадает. Иначе она давно бы выжгла траву, как выжжено все на каменистой площадке по ту сторону жерла. Дальше Витька старался придерживаться полосок или островков травы.

Из-за камней струйкой поднимался пар. Вдруг он столбом рванулся вверх, и начала фонтанировать вода. Она взмывала все выше и выше — и скоро из каменистой породы уже била мощная струя раз в пятнадцать выше человеческого роста. Витька догадался: «Это и есть знаменитый Фонтан — один из самых красивых гейзеров».

Вокруг царила необычная пестрота красок. Прямо у ног протянулась полоса белой глины. Чуть дальше — пятно синей глины. Еще дальше — выход желтой. Но самыми яркими, удивительными красками поражали гейзериты. Вокруг грифонов больших гейзеров, время от времени извергавших пар и горячую воду, пульсировало множество мелких источников. За тысячи лет горячая вулканическая вода образовала причудливой формы каменистые осадки — гейзериты. Изумрудные, желтые, жемчужные пятна гейзеритов блестели от сочившейся по ним горячей воды. Она стекала в быструю голубоватую речку — Гейзерную. Время от времени в глубине под землей как будто с

грохотом проносился поезд, и в речке усиливалось течение.

Витьке оставалось найти место для последней вывески, которая призывала туристов «беречь чудо природы — гейзериты». Он пошел на взгорок с молодыми березками. Среди высокой травы поднималась хорошая, заметная тропинка. Шел по ней и не мог понять, почему так вязнут ноги. Вышел к большой круглой яме, в которой кипела жидкая глина. Она то оседала, то поднималась до краев, лопалась большими красно-желтыми пузырями и, вскипая, выплескивалась через край. Оказывается, шел он не по тропинке, а по глине, которая время от времени выплескивалась из этой страшной ямы. Вокруг зеленела трава, росли небольшие березки, и казалось, что где-то проглянет веселая лужайка. А вместо нее зияла страшная яма с вечно кипящей глиной.

Почти на каждом шагу встречались неожиданности. Витька наткнулся на маленький грязевой вулканчик, высотой едва ли по колено Витьке, но выглядел он как настоящий вулкан. В кратере со стакан, как лава, клокотала жидкая грязь.

А неподалеку, в узкой черной проруби, в каменной плите бурлила, кипела вода гейзера. В таких кипящих грифонах коренные жители Новой Зеландии, где тоже есть гейзеры, варят рыбу. А здесь, в долине, туристы варят картошку, опуская ее в кипящую воду прямо в авоське.

Громадный каньон окружали заросшие стлаником горы, которые вверху обрывались крутыми стенами. С одной из них узкой полоской срывался водопадик. Струя воды, как белый шелковый канат, спадала с высоты двадцатиэтажного дома. Вдоль обрывистой стены каньона летел ворон, высматривая, не сорвался ли с кручи какой-нибудь зверь.

Витька с силой ударил острием кола с прибитой дощечкой, чтобы поглубже вогнать его в землю. Кол вошел без всякого сопротивления. Из пробитого отверстия пошел горячий пар. А вокруг росла трава, поодаль даже березки, и ничто не говорило о том, что под тонкой коркой земли притаилась опасная жидкая глина.

Витька отступил назад, осторожно делая каждый шаг. Перед глазами стояло кипящее месиво в пробойне. Стоит угодить в него ногами — и тогда не выбраться из долины.

Витька внимательно смотрел под ноги и заметил необычный серый комок. Шагнул поближе, но комок подпрыгнул и, мелькая лапками, припустился вверх по тропинке. Это был молодой заяц. Он удирал точно по тропке: боялся в стороне обжечь лапки. Земля, где лежал зайчонок, была нагрета подземным теплом, как хорошо натопленная печка.

В воздухе сильно пахло серой. Парили гейзеры, шипели выходящими из-под земли газами фумаролы^[3], а неподалеку куковала обыкновенная кукушка. Не глухая, которых очень много на Камчатке, а обыкновенная, как будто из подмосковного леса. По горячей земле бегала желтая трясогузка, в кустарнике кричала чечевица. Эту необыкновенную долину населяли самые обыкновенные птицы.

Возле тропинки опять увидел только одно озерцо. Второе оказалось рядом, но метра на три выше, на бугре. С тропинки его не было заметно. Оно чудом держалось в тонких берегах на плоской вершине, похожей на маленький вулкан.

Витька рассматривал похожий на коралл красный гейзерит, когда из черной пещеры в скале ударила метровой толщины струя кипятка, ударила не вверх, а по-над землей, прошумела перед самым лицом, обдавая

паром! Не разбирая дороги, Витька бросился бежать. Сзади почти горизонтально над землей бил гейзер. Потом Витька узнал, что напугал его один из самых опасных гейзеров, названный Печкой за грифон, похожий на чело русской печи.

Отбежав подальше, Витька забрался на бугор, сел на траву передохнуть, случайно стукнул ногой по земле. Раздался гул. Оказывается, Витька забрался на необычный, как почти все в этой долине, земляной купол, под которым, наверное, тоже кипела жидкая глина или вода. Приложил ухо — внизу булькало, как в зияющих вокруг ямах, будто в адских котлах. Осторожно, боясь обвалить купол, Витька сполз с него и заторопился к проторенной надежной тропинке...

Выходя из долины, еще раз остановился у цветного, похожего на блюдце озера. Вроде бы их тут все-таки было два. Помнится, еще разного цвета. Витька пожал плечами и пошел вверх по тропинке... Перед тем как выйти из долины, еще раз обернулся. Гейзер Фонтан торжественно поднял вверх и расправил красивые водяные перья. И вдруг Витька оторопел — озер возле тропинки было все-таки два! Совсем рядом друг с другом! И оба разноцветные. Почему же внизу видел только одно? Он сбежал в долину, чтобы разобраться в этой загадке.

Витька вышел к площадке, куда садился вертолет. Долина гейзеров осталась внизу. На той стороне ее загремел обвал. Может, задетый снежным бараном камень увлек за собой другие, и целая лавина камней скатилась вниз.

Время от времени доносилось шипение крупных гейзеров, и на солнце ослепительно белели столбы выброшенного ими пара. Гейзеры сверкали, как самоцветы. Витька восторженно смотрел на долину и с сожалением думал, что большую часть года никто из людей не видит этой фантастической красоты.

По времени уже должен был прилететь вертолет. Но его все не было, и Витька пошел посмотреть соседний с долиной распадок. Подошел к краю и обмер: внизу, тяжело дыша, стоял крупный медведь. На боках, на морде краснели небольшие раны. Неподалеку сидела медведица. Стало понятно — раны медведь получил в драке с другими самцами: было как раз время медвежьих свадеб. Встреча в эту пору с ожесточенным медведем опасна. Витька спрятался за кустом стланика.

Медведица была почти вдвое меньше медведя. Наверное, это их следы видел Витька в долине. Медведь направился к медведице, она — от него, начались гонки. По кедровому стланику звери бежали так же свободно, как по открытому месту: там были пробиты тропы.

Когда медведь догонял, медведица оборачивалась, и здоровенный зверина пятился назад, боясь получить затрещину за назойливость. Устав, он спустился к ручью, зашел в воду, постоял там, вышел к снежному островку и лег на него. Почти черный на белом снегу, он распластался, как ковер, растопырил все лапы и положил на снег голову. Медведица в это время лениво, по выбору щипала травку. Это ее медвежонка видели с вертолета. Она ушла от него на время гона. Медведь пролежал недолго. Стал подниматься, а медведица уже побежала вверх по распадку.

Интересно было наблюдать за ними, но близость к ним была опасна. «Хватит, хватит... — уговаривал себя Витька. — Все должно быть в меру. Как пришел, так потихонечку и уйди. Ни ружья, ни одного подходящего дерева поблизости». Но он не уходил и спорил с собой: «Ты же решил не бояться, чего паникуешь? Уйти от медвежьего гона — да многим ли удавалось видеть его!»

Медведь вдруг побежал прямо к Витьке — и услышал, как он переступил с ноги на ногу. Витька

побледнел, но стоял на месте — бежать было некуда. Заподозрив соперника, зверь пошел на него решительно, но потом остановился, задрал нос, как будто нюхал небо, привстал на задние лапы. Витька замер, боялся дышать, а в ноги будто вставили пружины, готовые отбросить его и помчаться. Начисто вылетела из головы здравая мысль: «От зверя не убежишь». И в это время затарахтел вертолет... Ближе!.. Ближе!.. Летел прямо на Витьку. Медведь прыжками кинулся к стланику. Медведица тоже резво (а не так, как бегала от медведя) припустилась в заросли.

— Ты что, пасешь их тут, что ли? — засмеялся летчик.

Но Витьке было не до смеха. Он забрался в вертолет, сел в уголок и притих... Подумав, решил: «А все-таки он не вертолета испугался, а человеческого запаха».

Внизу долина выпустила своего сказочного джинна. Из-под земли поднялась волна воды. Вначале — метра на два. Потом струя толщиной с грузовик начала стремительно расти, и над долиной до облаков поднялся столб воды и пара. Это вздыбился Великан.

Глава четырнадцатая

Уже несколько дней с высоких скалистых мысов, вдающихся в океан, можно было видеть идущие вдоль берега косяки лососей. Рыба пробивалась через нерпичьи заслоны в устьях рек и шла в пресную воду, чтобы дать жизнь многочисленному потомству, а самой погибнуть тут же, в местах нереста. В урожайные на рыбу годы в некоторых ручьях заповедника вода становилась непригодной для питья из-за обилия остатков разлагающейся рыбы. Без этих остатков родившиеся из икринок мальки погибли бы от голода в безжизненной, почти дистиллированной воде, бегущей из-под горных снежников.

Река, по берегу которой шел Витька, была метров пятидесяти шириной, не очень глубокой, но такой быстрой, что над грядами камней длинными валами беспрерывно kloкотали буруны. По всему руслу чернели плавники и спины зашедшей на нерест рыбы. В бурунах трудно было как следует рассмотреть ее, и Витька нашел небольшой затончик, где за корягами вода была поспокойнее.

Оказалось, серовато-синие крупные рыбы не двигались навстречу течению, а стояли на одном месте. Время от времени они поднимались к поверхности и менялись местами. Полуметровые, крупные, они почти касались ДРУГ друга. Спины стоящих глубже казались зелеными.

Вода шумно неслась по руслу, курчавилась над камнями и пенилась. Удивительно было, как вся эта рыба могла стоять почти неподвижно в такой стремительной воде. Сплошным косяком стояла она вдоль всей реки — гуще в глубоких местах и чуть свободнее на перекатах.

Под самым берегом прятались за коряги хищные гольцы. Они зашли в реку кормиться кетовой икрой. На их темных спинах ярко горели красные крапинки.

Витька прошел вдоль реки несколько километров — и всюду стояла кета. И вся эта масса рыбы скоро должна погибнуть. Она зашла в реку, чтобы единственный раз в жизни отметать икру и умереть, дав тем самым пищу множеству своих мальков.

Глядя на эту реку, нетрудно было поверить академику Комарову, который объяснил в своей книге о Камчатке, почему на берегах нерестовых рек такая высоченная — по три, по четыре метра — трава: «Часть рыбы после нереста оказывается на берегу и удобряет собой землю». А рыба, видимо, хорошее удобрение. Говорят, что на Курильских или Командорских островах в лунки под картошку вместо навоза кладут по небольшой камбале. И картошка растет лучше, чем на материке.

Ручей, по которому нужно было идти к избушке, казалось, стал другим. Трехметровые заросли шеломайника, которые подступали раньше к самой воде, теперь начинались в нескольких метрах от ручья. По берегам их вытоптали медведи. Их тропы прорезали заросли высоких камчатских трав во всех направлениях. На время нереста медведи нарушили границы своих участков и собрались к рыбным ручьям и рекам.

За поворотом раздался сильный всплеск. Витька крадучись пошел вдоль берега... Но плескался не медведь, а рыба. Однако стоило подойти ближе, она разбежалась по бочажкам, проскочила вперед, отошла назад.

У широкого и совсем мелкого переката, в котором не было ни одной бороздки, где бы рыба могла целиком скрыться в воде, сгрудилась кета. Она, как тусклыми зеркалами, пускала своими боками туманные зайчики. Вдруг одна рыбина стремительно выскочила на перекат

и, всплескивая воду, промчалась по нему словно под водяным парусом. Тут же через пережат кинулось еще несколько рыбин. Они так быстро работали в мелкой воде хвостами, что над ними сверкали на солнце водяные веера. У крупных рыбин только брюхо было в воде, а черные спины и бока — поверх нее. Но кета легко преодолевалась мель.

Преградой потруднее был водопад. Перед ним в глубине темнело множество кетовых спин. Время от времени то одна, то другая рыбина в молниеносных прыжках взлетала вверх, и далеко не каждой удавалось взять эту преграду сразу. А порогов и небольших водопадов на ручье было множество. Ученые говорят, что зарегистрированы прыжки кеты в высоту на три метра шестьдесят пять сантиметров.

На траве лежала надкусанная медведем рыбина и шевелила хвостом. Ее только что бросил медведь: наверное, услышал шаги.

Ветерок дул в лицо. И это было плохо — при таком направлении ветра можно столкнуться с медведем носом к носу. И в то же время хорошо — к зверю можно подойти незаметно.

Пробираться вечером вдоль рыбного ручья, где пируют медведи, было страшновато. Но Витька помнил о своем зароке — не бояться — и даже не взял, как делал раньше, ружье на изготовку.

Всюду на песчаных отмелях пестрели отпечатки медвежьих лап. Между ними исстрочили песок соболиные и лисьи лапки. На той стороне ручья сорока клевала остатки рыбины. К ней бочком подскакивала другая. Сороки были такими же, как на материке, только перья блестели ярче зеленым оттенком. На бугорке, у самой воды, сидела лисица и щурилась от низкого солнца. По ее толстым бокам и сонному виду было понятно — лисица уже сыта и сидит у ручья только из любопытства.

Большая, с крупную утку, чайка неуклюже побежала впереди Витьки, спугнула лисицу, а сама ткнулась в кочку и растопырила крылья. Витька пошел к ней. Чайка сгорбилась, широко раскрыла клюв и уткнулась им в землю. Витька протянул руку — чайка задергала крыльями и с трудом поднялась в воздух. На земле осталась целая горка красной икры. Чайка отрыгнула ее — до того объелась, что не могла даже взлететь.

Витьке хотелось увидеть воронки, которые рыбы делают хвостами. Чавычи, например, выкапывают в дне реки воронкообразные ямы около семидесяти сантиметров глубиной и откладывают в них икру... Но галечное дно всюду было ровным. Рыбам, которые зашли в ручей, делать ямы было еще рано.

Тропа чуть отклонилась от берега и узкой высокой щелью разрезала заросли шеломайника. И эту тропу вдруг что-то перекрыло. Не успел Витька разобраться, в чем дело, как из травы взлетел громадный тихоокеанский орлан. Это он, расправляя крылья, заслонил ими тропу.

На берегу часто попадались рыбы челюсти, головы, хвосты.

За сплетением кустов Витька краем глаза заметил подозрительное движение. Зашевелились стебли шеломайника, и показался огромный медведь. Перешел с одного берега на другой: выбирал место для рыбалки.

Витьке стало немного не по себе от размеров зверя.

Медведь забрел в воду и, чуть присев, встал на задние лапы. Передние были готовы для удара. Он внимательно смотрел в воду и время от времени провожал взглядом рыб, которые проплывали поодаль. Вдруг резким, неуловимым для глаза ударом лапы выхватил из воды кету, прикусил ее зубами, вышел на берег и стал есть, неторопливо Похрустывая. Хоть он и не спешил, управился с ней быстро и опять залез в воду. Так он поймал и сожрал шесть рыбин, каждая Из

которых весила не меньше трех килограммов. Съев последнюю, медведь отряхнулся, посмотрел по сторонам, выбирая, куда идти.

Чтобы не оказаться поперек его пути, Витька вынул нож и легонько стукнул им о ствол ружья. Испуганный медведь перескочил ручей и тут же пропал в шеломайнике.

Уже в сумерках Витька подошел к избушке. Раньше от нее шла всего одна тропа, которую он протоптал вместе с Ремом. Теперь эта тропа затерялась среди множества набитых медведями троп.

Чтобы подольше побыть на ручье, где рыбачили медведи, Витька поднялся задолго до рассвета, напился чаю и ждал, когда хоть чуть развиднеется. Когда наконец рассвело, на песчаных отмелях он нашел следы Рема. Ему хотелось понаблюдать за ним во время хода рыбы. Но Рем появился лишь во второй половине дня.

Заметив человека, он спустился в ручей, перешел его, большим полукругом обошел Витьку, на секунду остановился на следах и только после этого вроде бы перестал обращать на него внимание. Носу он доверял больше, чем глазам и слуху. Витька был ему хорошо знаком.

Медведь свернул на тропу, которая вводила от ручья. Тропа была шире других и хорошо утоптана. Почему вдали от ручья медведи набили такую хорошую тропу, было непонятно. Но оказалось, тропа, минуя многочисленные петли ручья, вела к верховьям. Медведи ходили по ней к трудным для рыбы местам, где возле порогов ее скапливалось особенно много. Рем зашел в воду, привстал на задние лапы и тут же выхватил из воды крупную рыбину. Он держал ее когтями так же ловко, как человек держал бы рыбину пальцами. Как и вчерашний медведь, взял ее в пасть и вылез на берег. А вот есть не стал, бросил и опять спустился в ручей.

Рыбина на берегу подпрыгнула и съехала по склону к воде. Рем посмотрел на нее и опять устался в воду. Рыбина снова зашевелилась. Тогда Рем вылез из воды, лапой отшвырнул рыбину подальше на берег, постоял, как будто в раздумье, подошел к ней и надкусил спину. Потом вернулся в ручей. Но на берег выбежала росомаха. Рем выскочил из воды, подбежал к рыбине, вздыбил шерсть на загривке. А росомаха, будто и не замечая медведя, пробежала мимо. Рем даже в воде не мог успокоиться: то и дело посматривал в заросли, куда убежала росомаха.

Одну за другой Рем поймал еще две рыбины и тоже вынес их на берег. Он, наверное, был сыт и ловлей занимался ради интереса или делал запасы. К рыбе подсели две черные вороны. Рем видел их, но не прогнал — знал, что это бесполезно. Впереди, за поворотом, слышался вороний галдеж. Там рыбачил другой медведь, и к его добыче собрались птицы. Время от времени оттуда доносились сильные всплески.

Витьке показалось, что всплески стали ближе. Рем почти перестал рыбачить и часто смотрел теперь в сторону поворота. Он явно беспокоился. По течению плыла крупная серебристая рыбина. Она едва шевелила плавниками, оглушенная медведем. На боку краснели глубокие отметины когтей. По тому, как широко они расставлены, было ясно — за поворотом рыбачил очень крупный зверь.

Рем вдруг вскинулся на задние лапы, насторожился. Витька тоже уловил разницу в шуме ручья. Только непосвященному кажется, что ручей шумит везде одинаково. А у него на каждом участке свой голос. В том месте, где были Рем с Витькой, сильнее всего вода шумела у поваленной ветлы. Потихе бурлила на повороте, но гремела на перекате и с присвистом рассекалась упругим корнем. Но стоило среди этих привычных звуков появиться новому, как Рем сразу

насторожился. Он вытянулся, стоя на задних лапах, и пытался рассмотреть пришельца, вокруг лап которого вода зашумела по-другому. По тому, как Рем набычил голову и начал пятиться к берегу, Витька понял, что со зверем, который идет к ним, шутки плохи.

Над берегом за изгибом ручья показалась толстая черно-бурая спина незнакомого медведя. Голова его была опущена к воде, ее не было видно. Рем выскочил на берег и, сгорбившись, побежал в траву. Оглядываясь, Витька поспешил за Ремом. На магистральной тропе, которая шла еще дальше к верховьям. Рем опять встал на задние лапы и прислушался. Все было тихо...

Подошли к ручью намного выше того места, откуда прогнал медведь. Рем спустился в ручей и ни с того ни с сего, как показалось Витьке, припустился вниз по течению. Ручей здесь был ему по брюхо. Разбрасывая снопы брызг, Рем скакал по ручью и метров через семьдесят выскочил на перекат. Впереди него кипела на мели напуганная рыба. Он схватил одну зубами и вынос на берег. Оказывается, этот шумный бег по ручью до переката один из способов ловли рыбы. Ее нужно было загнать на мель. У рыбины медведь съел переднюю часть, остальное бросил.

Нюхая следы медведей, которые прошли по тропе до него, Рем побрел дальше. Витька остановился. Медведь, не спуская с него глаз, ступил в воду и вдруг во всю прыть кинулся к нему по ручью. Испуганный таким оборотом дела, Витька растерялся и не жал, что предпринять...

«Неужели надо стрелять?» — с испугом думал он. Но он не мог стрелять и Рема... Витька стоял белый, как брызги из-под лап мчащегося на него медведя... Зверь остановился совсем рядом. Возле ног Витьки проскакивала на перекату напуганная медведем рыба. Рем нехотя стукнул одну лапой, потом ныло на берег, отряхнулся, недовольно посмотрел на Витьку и

закосолапил по тропе. Похоже было, он рассердился, что Витька не бил по иоде лапами, не хватал рыбу, которую он ему пригнал. Видно, Рем решил, что Витька зашел в ручей порыбачить, и погнал на нею рыбу, как нагоняют ее иногда друг на друга молодые медведи, рыбачащие вдвоем.

Он вроде бы предложил Витьке помощь, а встретив медведя, с которым мог справиться, угнал его в шеломайник и сам не вернулся больше в тот день к ручью...

Глава пятнадцатая

Никто в поселке уже не помнил, сколько лет старому, понурому коняге Ветерку. Сейчас на него навьючили продукты и походное снаряжение, а на молодой, плохо объезженной Голубке Витька и Гераська по очереди ехали верхом.

Красным кружком на карте был отмечен участок заповедника, куда им надо было завезти продукты для научных сотрудников, которые вскоре должны идти в тот район на полевые работы.

Ориентиром была вершина полуразрушенного вулкана. Шли по медвежьим тропам. Гераська говорил, что первые тропы на Камчатке всегда прокладывают медведи. Люди только спрямляют их, и получаются дороги. Не везде эти тропы были удобными для лошадей. Косолапые проходили по таким откосам, где не только верхом — и поводу вести лошадь было рискованно. И уже совсем было плохо, когда тропы уходили в кедровый стланик. За десятки лет медведи набили в сплошных зарослях стланика тропы, похожие на тоннели. Лошади в них пройти не могли. Приходилось по бездорожью обходить заросли и потом опять искать медвежью тропу к далекому полуразрушенному вулкану.

Камчатские лошади привычны к запаху медвежьих следов, но Голубка только первое лето ходила под седлом. Чужая звериный запах, она храпела, старалась повернуть обратно. Витька натягивал поводья, заставляя идти вперед, она шумно принюхивалась к тропе, вскидывала голову, прядала ушами. Голубка пугалась любой валежины, раздувала ноздри, косилась на нее и, дрожа всем телом, с опаской обходила. Возле реки в седло сел Гераська — он знал брод.

Едва Голубка зашла в волю, косяк стоявшей в реке рыбы сдвинулся к другому берегу. Вода затемнела от толстых рыбьих спин. Голубка шла, а косяк сжимался, как пружина... Уплотнился до предела. И вдруг словно взорвалась вода: крупные, по несколько килограммов, рыбины ринулись в стороны, торпедами метнулась под ноги лошади. Она шарахнулась, попала в стремнину, их с Гераськой закружило в иоде... Но он не выпустил повод, вытащил Голубку на отмель и вывел наконец на берег.

Ветерок аккуратно прошел по броду, не замочив брюха.

Однажды перемычка кедрового стланика оказалась настолько узкой, что Гераська напрямую повел через него лошадей. Сам шел впереди и тянул за собой Голубку. За Голубкой шагал груженный вьюками Ветерок, за ним Витька.

Ветерок всю дорогу шел сам. Но в кедровом стланике пошел неохотно, и Витьке пришлось взять его под узду. Неожиданно он круто развернулся и ходко зашагал своим следом обратно. Витька не смог его удержать, и Ветерок решительно выбрался из стланика.

— Как же ты его упустил? — рассердился Гераська.
— Всего метров сорок осталось.

— Он не взнуздан был.

— Чего же не взнуздай? Разве можно? Нашел лошадиную голову — и ту взнуздай.

Витька бросился догонять Ветерка, а Гераська привязал Голубку и направился посмотреть, что за дорога дальше, за стлаником. Там оказалось узкое каменистое ущелье — громадная трещина в горах. Через нее лошадям не пройти. Нужно было искать другой путь. А Ветерок и не думал убегать. Он вышел из кедрача и встал. Когда Гераська вывел назад Голубку, Ветерок неторопливо двинулся в заросли шеломайника.

Витька кинулся было остановить его, но Гераська сказал:

— Пройдем маленько за ним. Он тут с геологами бывал. Может, знает дорогу.

Ветерок вывел к старому руслу реки. Оно было сухое и во многих местах уже заросло травой. Вдоль русла ровными грядами лежали мелкие камни. Когда-то их так уложила быстрая вода.

Была Гераськина очередь ехать верхом. Он забрался в седло и, довольный хорошей дорогой, принялся дразнить кукушек.

— Ку-ку! Ку-ку! — покрикивал Гераська.

И к нему со всей округи летели кукушки. В простой крик птицы ему удавалось вложить нотки, которые будоражили кукушек. Он кружили над Гераськой, шипели, чуть не бросались в лицо. Перестал «куковать» — и кукушки тут же разлетелись.

На берегу сухой реки шеломайник рос так же буйно, как у воды.

— Смотри, — кивнул Гераська на медвежьи следы, — по всему песку натоптали.

Они свернули на медвежью тропу — она была им по пути. Прошли немного — и сразу увидели медведя. Он шел им навстречу.

Ветерок звякнул удилами, медведь заметил людей и кинулся в шеломайник. И там он наткнулся на другого медведя, который спал возле тропы. Перепуганный зверь спросонок выскочил на тропу и попал между лошадьми. Все бросились врассыпную. Тропа опустела, а по шеломайнику стояли хруст и шум.

Витька забрался на сухую коряжину и увидел поверх шеломайника голову Гераськи, которая резко поворачивалась то в одну, то в другую сторону.

Увидев Витьку, Гераська крикнул:

— Во как! То нету ни одного, то чуть не стоптали. Смотри, как улепетывает.

На сопку вверх по крутому склону бежал медведь. Голубку едва поймали. Она шарахалась от людей и от любого звука. Вместо того чтобы идти дальше, Витька принялся записывать на карточки биологических наблюдений все об этих медведях. Гераська не возражал: все «научники» делали так, когда встречали зверя или птицу. Но когда Витька стал останавливаться возле каждой медвежьей кучи и заполнять на нее отдельную карточку, терпение Гераськи лопнуло. Его возмущал такой объект исследований, он вел лошадей дальше, а Витька догонял его бегом.

На отрогах гор заросли кедрового стланика смыкались в обширные массивы. Между ними все труднее становилось отыскивать проход. Едва заметная медвежья тропа окончилась небольшой ямкой, рядом с которой лежал медвежий череп.

Гераська покачал головой:

— Делал, делал тропу — и сдох от такой работы.

Витька забрал череп, положил в полиэтиленовый мешок и приторочил к вьючному седлу Ветерка.

— Вот видишь, — показал Гераська на гнилые медвежьи зубы, — и у медведя, бывает, зубы болят. Идешь, а у него зуб ноет. Глядишь — и отлупит под горячую лапу.

Лошадей завели в горный ручей и по нему побрели сквозь массив кедрача. Всех измучили скрытые под водой камни и белая пена, от бега которой кружилась голова. На ровном, пологом склоне расседлали лошадей, поставили палатку. Поляну окружали скалы, каменистые россыпи, заросли стланика. Витька развел костер. Гераська нашел сухой изогнутый ствол камчатской березы и нес его на плече к костру. Витька побежал навстречу, хотел помочь.

— Один донесу, — сказал Гераська. — Что это за бревно. У меня дед такими дрался.

Стемнело. Развели костер и приготовили нехитрый ужин.

Витька спустился к лошадям. Их силуэты темнели на фоне светлой полосы неба. Над лошадьми сновали летучие мыши — ловили комаров. Мыши принялись летать и вокруг Витьки, едва не задевая крыльями лицо. Он отвел лошадей к ручью, напоил и опять привязал.

Со стороны палатка и костер выглядели так живописно, что Витька невольно остановился. Розово-зеленая палатка стояла возле громадного черного языка застывшей лавы. Отсвет костра играл на черном базальте. У огня сидел Гераська и неторопливо помешивал угли. На закопченной палке висел котелок с закипавшим чаем... Помигав, погасли последние маленькие язычки костра. Гераська уснул и чуть слышно посапывал. В темноте похрустывали травой лошади. Где-то далеко прогремел стронутый медведем или снежным бараном камень. Едва угадывался вдали мерный шум океанского прибоя. То ли ночью обострился слух, то ли днем мешали посторонние звуки, но днем прибоя не было слышно.

В палатке было тепло и уютно. Витька лежал и вслушивался в звуки ночи. Рядом с палаткой зашуршала трава. Какой-то зверек пробежал совсем близко и остановился. Гераська перестал сопеть. Зверек заскреб брезент возле изголовья. Гераська щёлкнул пальцем по натянутому полотну, зверек шоркнул травой и умолк.

— Соболь, — сказал Гераська, чиркнул спичкой и закурил, чтобы дымом разогнать комаров. — В кой-то год столько соболей набежало — в палатке спать нельзя. Крыша пологая. Шебаршат там. Ткнешь шомполом — только и прогонишь... Это летом. А зимой ушли куда-то. Осталось так себе. — Он посветил сигаретой на часы. — Спать давно надо...

Утром Витька откинул брезент палатки и увидел Гераську, который сидел на камне и протягивал копченую корюшку облезлой лисице. Она никак не решалась взять ее из рук человека. Мало-помалу подошла, осторожно взяла зубами рыбину, отступила назад, стремительно развернулась и кинулась бежать.

Гераська увидел Витьку и кивнул в сторону лошадей. Вдали рядом с Ветерком пасся северный олень. Ни лошадь, ни олень не обращали друг на друга внимания и мирно пощипывали траву. Когда Гераська поднялся с камня, олень вскинул голову с могучей кроной рогов. Плавно наращивая скорость, он побежал так, будто главное для него — унести эту драгоценную ношу.

Почти полдня тащили лошадей в горы, лезли по крутым откосам, пробирались каменистыми россыпями. Старый Ветерок отставал на крутых подъемах, но не торопился, аккуратно обходил выступы скал, чтобы не задеть за них вьюком. Но когда, по его разумению, затягивался перекур среди камней, где не было ни былинки, он трогался вперед: хватит, мол, рассиживаться. Кто-то приучил его: загремели спичками — остановись, дай людям закурить.

Голубка тоже кое-что умела. Воспитывалась она вольно, бегала до трех лет по поселку, дежурила у магазина, выпрашивая конфеты. Кто-то научил ее кивать головой на вопрос: «Конфет хочешь?» А если спрашивали: «Работать будем?» — она энергично мотала головой из стороны в сторону. Работать она и в самом деле не любила. Когда надевали седло, она начинала вздыхать, будто тяжело переживала: какая, мол, у нее несчастная жизнь. По вечерам или на долгом привале, когда снимали седло, она принималась носиться на длинной привязи. Но как только брались за седло, опять начинала вздыхать. Когда тропа шла по кромке обрыва, она останавливалась и тоскливо

смотрела вниз, словно раздумывая, не броситься ли ей в эту пропасть от такой несчастной жизни. Витьке было страшновато в седле от лошадиной меланхолии, и он решительно натягивал повод.

Они пришли как раз в тот район, который Сергей Николаевич отметил на карте красным кружком. Гераська спрятал продукты и хорошо заметил место — ему предстояло вести сюда научных сотрудников. Пошли дальше, к вулкану. Казалось, должны были выйти на скалистый гребень, а впереди было ровное, почти неоглядное плато. И уже не верилось, что несколько минут назад Голубка едва не сорвалась на крутом подъеме, не верилось, что карабкались на такую кручу, что кажется, сердце пробьет грудь.

Плато местами поросло невысоким березнячком. Вдали, за равниной, высился полуразрушенный вулкан, к которому они шли. По земле серыми островами двигались туманы. Витька не сразу понял, что это облака, — на плато они спускались до самой земли. Облако скрыло низкие березки, приблизилось к людям и наползло на них мокрым серым туманом. Все поблекло, как в пасмурный туманный день... Но ветерок отодвинул облако, и опять засияло солнце.

Распрягли лошадей. После трудного подъема надо было дать им отдохнуть. Среди низкой, но густой травы Витька нашел маленькую норку. А на гребне холмика увидели и самих зверьков. Это были длиннохвостые камчатские суслики. Они стояли рядом, один был на голову выше другого. У Витьки при себе был фотоаппарат, и ему захотелось сфотографировать этих сусликов. Но едва сделал к ним шаг, они скрылись в норе.

Среди камней и травы было множество сусликов. Но стоило направиться к ним, они тут же прятались в норки.

Гераська привязал лошадей, бросил на землю телогрейку и лег отдыхать. Витька затаился возле норы. Зверьки из нее не показывались, а из соседней выскакивали то и дело. Ели траву, забирались в норку и опять выскакивали. Гераська советовал переменить место, но Витька только молча отмахивался. Он успел убедиться — стоит переменить нору, и все будет наоборот: там, где бегали суслики, будет тихо, а бегать начнут у той норы, от которой уйдешь. Гераська встал и спрятался за камнем возле норы, на которую показывал Витьке. Из нее не появилось больше ни суслика. Гераська перешел ко второй норе, к третьей — и всюду суслики как вымирали. Тогда он взял телогрейку, свернул и поставил возле норы, а сам ползком пробрался к соседней норке. Лежал долго и наконец дождался — суслик встал перед ним столбиком, сложил на груди лапки, свистнул и опять юркнул в нору.

— В каждом деле смекалка нужна, — сказал довольный Гераська, поднял с земли телогрейку и накинул на плечи.

Телогрейка сзади была изодрана сусликами. Гераська снял ее и покачал головой.

— Вот тебе и обманул! — Он бросил телогрейку в кусты. — Пускай гнезда делают.

Они долго шли по плато и наконец пересекли его. Солнце освещало скалистые горы, стоявшие вразброд до самого горизонта. Причудливые скалы, то закругленные, то острые, как акульки зубы, венчали их вершины. Нужно было спускаться в каньон и идти к отрогам полуразрушенного вулкана.

В каньоне из низкой травы засохшими кустами торчали сброшенные олени рога. Витька поднял обеими руками большой рог — он был намного больше того, который видел в аэропорту, когда прилетел на Камчатку. Хорошо бы, конечно, привезти домой такой сувенир, но уж очень трудным был путь по бездорожью.

Сухие долины прорезали склоны каньона. Местами промытые водой ущелья шириной всего метров десять врезались в рыхлые вулканические породы метров на сто. На дне этих ущелий вода шумела только весной, когда таяли снега или когда поблизости просыпался вулкан и горячим пеплом плавил снег. Но и тогда эти речки никуда не впадали. Они тонули в песках, которые сами за множество лет вынесли с гор.

Впереди на стене каньона по уступу ходил медведь и деловито переворачивал камни. Витька заторопил к нему Гераську. Но тот не особенно спешил: в заповеднике запрещено стрелять медведей, а Гераська привык подходить к ним только с пулями наготове — кто знает, что у зверя на уме.

Витьке хотелось выяснить, что выискивает медведь под камнями, и он уговорил Гераську подойти поближе. Гераська взял лошадей под уздцы, а Витька с трудом полез по крутой стенке каньона. Для каждого шага надо было искать подходящий уступ. Гераська стоял на дне каньона и видел, что медведь тем временем начал спускаться вниз, и тоже с трудом. Одно время и Витька и медведь были на одном уровне, только метрах в стах друг от друга. И ни тот, ни другой не слышали, что рядом кто-то есть.

Витька забрался на уступ и лег отдышаться, а медведь тем временем спустился вниз и жадно начал лакать из ручейка воду. Сверху Витька с удивлением увидел медведя, когда тот зашлепал по ручью. Медведь спокойно уходил в нагромождения скал. Так и не удалось узнать, что искал он под камнями. Все камни, под которые Витька мог бы заглянуть, уже перевернул медведь, а другие оказались не под силу и медведю. Пришлось Витьке спуститься вниз ни с чем.

Дальше путь лежал по распадку, круто уходящему вниз. Треугольный желоб распадка был забит плотным, не растаявшим за лето снегом. Солнце только

выщербило его блестящую поверхность. Снег был такой твердый, что лошадиные копыта не оставляли на нем следов.

Лошадей вели под уздцы. Витька с Голубкой шли впереди, за ними Гераська вел груженного вьюками Ветерка. До конца спуска оставалось метров семьдесят, когда сзади раздался непонятный шум. Витька обернулся и увидел, что Гераська стоит один, а рядом зиял большой провал в снегу. Ветерок со всеми вьюками валился куда-то вниз. Гераська хотел заглянуть в провал, но глыба снега обвалилась прямо перед ним, и отскочил назад.

Витька осторожно отвел Голубку к не покрытому снегом склону распадка. Земля на стыке со снегом была пропитана водой, и лошадиные ноги вязли в жидкой грязи. Но это было лучше, чем рухнуть куда-то в преисподнюю. Еще не решили, что делать, как внизу, в конце распадка, неожиданно появился Ветерок. Как ни в чем не бывало он вышел из-под снега и, повернув голову, смотрел на людей — ждал, скоро ли придут. Снежник оказался всего лишь толстой коркой снега, которая держалась на склонах распадка. Под ней протаяла длинная пещера, в нее и провалился Ветерок. По ней же благополучно вышел внизу из-под длинной снежной крыши.

Начались отроги вулкана. По склонам росли карликовые ивы, не выше сапог. Земля под ними, как хвоей в еловом лесу, была усыпана сухими коричневыми орешками заячьего помета. В этих карликовых ивняках собирается в какое-то время года множество зайцев.

За ивняком — каменистые россыпи, трещины, крутые подъемы. Все это было едва под силу непривычным к горным переходам лошадям. Раньше где-то в этих местах проходил путь с восточного побережья в долину реки Камчатки. Вьюки с лошадями делили на множество маленьких вьюков и грузили их на

собак, потому что дальше лошади поломали бы себе ноги на острых камнях. Да и не было для них травы среди скал.

Впереди густо зеленела, видимо, уже последняя лужайка.

У гребня мелькнули светлые полосы и пропали по ту сторону небольшого хребта. Это снежные бараны, заслышав шаги, умчались за гребень. Гераська легонько дернул Витьку за руку и спрыгнул в трещину.

— Чего прятаться? — удивился Витька. — Они же убежали.

— Тихо, — погрозил пальцем Гераська. — Сейчас какой-нибудь вернется посмотреть, гонимся за ними или нет.

Землетрясение когда-то разорвало гору. Трещина была полусасыпана обломками скал, землей и вулканическим шлаком. На гребне, на фоне голубого неба, появился силуэт крупного снежного барана. Он долго неподвижно стоял и, когда убедился, что все спокойно, ушел к своему стаду.

С большим трудом удалось провести лошадей во впадину, где среди каменистых россыпей заманчиво зеленела большая полоса густой, сочной травы. Нужно было ставить палатку и начинать работу.

Они настораживали мышеловки-давилки, так называемые ловушки Геро. Надо было посмотреть, сколько полевков попадет в них за сутки, соблазнившись смоченной подсолнечным маслом хлебной коркой. Нужно было хотя бы приблизительно узнать, сколько в этом районе мышевидных грызунов, которыми питаются соболь и другие звери.

В скале, недалеко от палатки, Витька нашел удобную нишу и приладил там аптекарские весы, чтобы потом взвешивать пойманных зверьков. Если ночью случится дождь, все останется сухим в этой похожей на стенной шкаф нише.

Ночью Витька не слышал, как хрустели травой лошади: ему снились какие-то кошмары. Утром он едва поднял голову — так сильно болела. Странно, раньше он не знал, что такое головная боль. Выкарабкался из палатки, перед глазами все качалось.

Гераська сразу заметил, что на лужайке нет лошадей. Голубка вырвала кол и убежала вместе с Ветерком, который норовил удрать еще с вечера. Гераська пошел вниз, рассматривая кое-где заметные следы.

Витька, все еще страдая от головной боли, побрел проверить ловушки. Все сто ловушек оказались пустыми. Он пошел дальше по зеленой лужайке в надежде, что легкий ветерок избавит его от давящей боли. Вдруг впереди заметил медведя... Сомнения не было — среди невысокой травы лежал медведь. Но поза его была необычной. Он лежал на боку, поджав лапы, как будто спал. Витька подкрался ближе и с удивлением увидел: медведь мертвый. Никаких повреждений, травм на нем не было. Чуть в стороне Витька увидел лисицу — она тоже была мертва. Лежала, вытянув вперед лапы и положив на них голову с уже подсохшей на мордочке кожей... Рядом в траве Витька увидел и погибших полевок.

Витька попятился от этого мертвого царства, не понимая, что случилось. Гераська тем временем тащил лошадей за поводья.

— Дурень! — ругал он Ветерка. — Посмотри, какая трава! А ты жрать не хочешь.

Витька показал Гераське мертвых зверей, и тот сразу переменялся в лице, заторопил:

— Давай быстрее уходить отсюда, а то будем лежать вот так же. Надо грузить все — и дальше отсюда. Ты думаешь, Ветерок, он дурак? Он лучше нас понимает. Еще ночью удрал... Слышишь, как газом

пахнет. И у меня башка как с похмелья. Потравимся здесь.

Витька подошел к нише. Из трещин шел резкий, неприятный запах газа. Весы, которые еще вчера были блестящими, стали шершавыми, серыми, как будто обсыпанными золой, — покрылись слоем окиси.

— Быстрее собирайся, — торопил Гераська. — Слышал, ночью в земле поуркивало? Дыхнет вулкан каким-нибудь газом — и ни один профсоюз не поможет. Всех зверей поморил. Лошади в сто раз нас умнее.

Спешно погрузили все вещи и ушли от ядовито-зеленой лужайки. Трава на ней была, наверное, такой яркой из-за обилия углекислого газа.

— А я не пойму, чего у меня голова как с похмелья? И не знаешь, от чего помрешь. Тут где-то ручей есть: брось туда капканы, а на другой день вынь — всю ржавчину отъест, заблестят, как никелированные. А на вид вода как вода.

Когда вышли из отрогов, возвращаться в поселок надо было разными путями: Гераське с лошадьми — старым маршрутом, а Витьке еще нужно было посмотреть путь до туристской тропы, которая шла вдоль берега океана.

Чего, казалось бы, сложного: иди да иди. Витька и шел, пока не оказался прижатым к воде обрывистым берегом. Не задумался вовремя, почему отвернула от воды медвежья тропа, полез напролом. Пришлось возвращаться и по отлогому берегу выбираться наверх. Идти каменноберезовой тайгой было не так-то просто. То и дело приходилось огибать острова кедрового стланика, продираться сквозь заросли рябинника. Витька присел отдохнуть и увидел невдалеке крупного медведя. Темно-бурая, почти черная шерсть его лоснилась на солнце. Витька заметил сук на березе, которого коснулся спиной медведь, и подумал: «Потом измерю расстояние и узнаю высоту зверя». Медведь

шел свободно, и Витька понял — идет по тропе. Когда зверь отошел подальше и пропал в зарослях, Витька вышел на тропу. По ней идти было легко: тропа была хорошо проторенной — медведи ходили по ней часто. Скоро Витька отчетливо услышал шум океанского прибоя.

До берега оставалось немного, когда впереди раздался непонятный звук, как будто кто-то скреб землю. Витька осторожно прокрался до поворота и увидел, как медведь раскапывал кочку и рвал когтями корни травы. Он резко поворачивал голову — выслушивал, где шуршит полевка. Вдруг пружинисто перепрыгнул через кочку и побежал в заросли рябинника — чего-то испугался.

Трудно было поверить глазам, но по тропе пробирался маленький мальчуган лет трех в ярко-синей нейлоновой курточке и шапке с помпоном.

— Сашка! Ты куда опять ушел? — раздался мужской голос. — Иди, сейчас есть будем!

Подошедший мужчина в синем спортивном костюме нисколько не удивился, увидев на тропе Витьку. Впереди, на полянке, как раз на пересечении туристской тропы с медвежьей, женщина, тоже в спортивном костюме, развязывала рюкзак. Это была семья туристов из Владивостока. Они ходили в Долину гейзеров и теперь возвращались обратно.

Сынишка, видя, что мать занята, опять побрел в заросли травы по медвежьей тропе.

— Не бойтесь, что медведь его напугает? — спросил Витька.

— Что ты, какие тут медведи! — махнул рукой мужчина. — Мы уже две недели на Камчатке — и ни одного не видели.

Глава шестнадцатая

...В поселке произошло событие, собравшее всех мальчишек: привезли не виданного тумановскими ребятишками зверя — козу. Если бы привезли живого медведя, смотреть его не собралось бы и половины ребят. Подумаешь, невидаль — медведь! А это — живая коза! Мальчишки окружили привязанную к столбику козу, мешали ей щипать траву. Кто посмелее, подходил и даже дотрагивался до нее рукой. Скоро коза привыкла к новому месту, осмелела и начала расправляться с мальчишками. Если кто-нибудь подходил ближе, она бросалась на смельчака, и зачастую тот под дружный хохот вперевертку летел от козы. У тумановских мальчишек это стало чем-то вроде состязания тореадоров: кто подойдет ближе, а потом сумеет удрать невредимым.

Витька обогнул мальчишеское сорище и подошел к берегу океана. Он сверкал мириадами бликов под синеголубым небом. День был жаркий и удивительно тихий для Камчатки. Было воскресенье, и на берегу океана собралось много народа. Первый раз Витька видел, что в океане купались. Вода всегда была холодной и только в такую необычную жару немного прогрелась. В этот день берег превратился в пляж, хотя и с темным песком. Люди загорали на нем, будто где-нибудь на берегу Черного моря.

Витька быстро разделся и забежал в воду. Дно, прилизанное за миллионы лет океанскими волнами, было твердым, как асфальт, только гораздо лучше отшлифовано прибоем. Океанский вал неторопливо подкатил и ласково, но властно оторвал Витьку ото дна и поднял на своей пологой спине. Плыть в крепко соленой океанской воде было намного легче, чем в

речной. Между редкими океанскими валами можно было какое-то время плыть, как между берегами реки. Витька заплыл далеко от берега, и ему стало жутковато. Все-таки Великий океан. Вдруг где-то поблизости прогуливается акула.

У самого песка, куда заходили только опавшие на мелководье волны, купались ребяташки. Ни у одного не было надувной детской игрушки. Зато у каждого было по яркому шару — синие, черные, зеленые, красные пластмассовые и стеклянные поплавки тралов, которые щедро доставлял океан.

Но безмятежность этого теплого и тихого дня была неожиданно нарушена. Произошло это так. Мать Кости — знакомого Витьке капитана, которую все в поселке звали просто тетя Оля, с утра прислушивалась к необычной тишине. Она вспомнила, что так же тихо было двадцать лет назад, в тот страшный день, когда большая волна — цунами — неожиданно обрушилась на поселок. Вся семья тети Оли выскочила из дома и оказалась по пояс в воде. Хотели бежать вверх из распадка. Но, откатываясь, вода повалила семилетнего Костю и потащила вниз. Он сумел подняться на ноги, крикнул: «Мама!» — и опять пропал в мутной крутящейся воде. Отец бросился за ним. К счастью. Костя застрял между кольями изгороди и остался жив. А отца нашли только через три дня...

В тот день все началось с такой же, как сегодня, зловещей тишины. Смолк шум прибоя, к которому люди привыкают, как к тиканью часов... И вот опять как будто остановились часы. Тетя Оля вышла на улицу. Океан молчал. На сердце стало тревожно.

Вскоре в дом почти вбежал сын и торопливо сказал: — Дай поесть. Сообщили, волна идет.

Она поставила на стол давно приготовленный обед и побежала к соседке, у которой трое детей, чтобы предупредить об опасности. Ей страшно было за сына.

Но он капитан и должен уйти в море, если идет волна. Там она для них не опасна.

Скоро поселок был похож на растревоженный муравейник. Никому не надо было объяснять, что такое цунами. Обжитые дома могли погибнуть и через час, и через несколько минут. Люди устремились на аэродром — самое высокое место в поселке.

Витька ворвался в дом, схватил папку с записями наблюдений, ружье и тоже кинулся к аэродрому.

А из поселка всё торопились в гору люди. Кто бежал налегке, кто нес узлы, чемоданы. Молодая женщина волокла в гору двух ребятишек. Мальчишка прижимал к себе черного котенка с вытаращенными зелеными глазами, а девочка — куклу.

Люди, собравшиеся на аэродроме, говорили о цунами, и Витька узнал о ней много подробностей.

Волна могла оказаться высотой с двенадцатиэтажный дом и налететь на берег со скоростью самолета. Двадцать семь тысяч человек было смыто когда-то в японском городе Хонсю. На побережье Перу обрушилась волна высотой двадцать метров. За девятнадцать часов она пробежала весь Тихий океан до Новой Зеландии. Там высота ее была только четыре метра, но и эта четырехметровая волна погубила двадцать пять тысяч жизней. «Хорошо, — думал Витька, — что теперь есть «служба цунами». Заранее предупреждают людей о волне».

Все смотрели в сторону океана, ждали, когда же появится эта страшная, неотвратимая волна.

А вода у берега держалась все на том же уровне. Обычно минут за пять, а то и за сорок до прихода волны она начинает отступать от берега.

Внизу, в поселке, уже не было видно ни одного человека. Дома стояли пустые, многие — с незакрытыми дверьми.

— Господи, утонет, утонет моя Машка, — причитала рядом с Сергеем Николаевичем женщина — в распадке паслась ее привязанная коза.

Сергей Николаевич посмотрел на океан и побежал вниз. Несясь под уклон, он, как мельница, махал руками, чтобы не упасть. Подбежал к козе, расстегнул собачий ошейник и кинулся обратно. Коза догнала его и поддала сзади рогами, Сергей Николаевич отбился от козы и опять побежал в гору. Коза трясла бородой, вскидывалась на задние ноги, бодала воздух и скакала рядом с ним. Какая-то женщина «успокоила» ее прутом.

В стороне от собравшихся торопливо ставили палатку. Вскоре оттуда пришла весть, что в поселке появилась еще одна жительница — родилась девочка.

Неподалеку от Витьки дед Сизый Нос рассказывал, как после той давнишней волны он охапками, как дрова, собирал по берегу бутылки со спиртом: волной тогда смыло магазин и продовольственный склад.

От рыбокомбината через поселок торопливо шли несколько человек. Среди них были директор комбината и капитан Костя — сын тети Оли.

— Кто первый сообщил, что идет цунами? — строго спросил директор комбината.

Выяснилось — первой оповестила всех тетя Оля.

— Ты мне сам сказал... — подошла она к сыну.

— Я?! — удивился Костя.

— Ты же говорил: «Давай быстрее обед, волна идет!»

— Так «Волна» — это же катер! Катер так называется!..

Глава семнадцатая

...Когда Витьку отпустили в тайгу собирать материал для картотеки биологических наблюдений, он взял с собой Букета.

Как только пришли в избушку, Витька сразу приготовил и ужин и завтрак, чтобы на рассвете уйти в тайгу. Такие дни, когда все время можно посвятить медведям, выдавались нечасто. Он мог при желании круглые сутки наблюдать за ними, попутно записывать наблюдения за другими зверями и птицами. Ночью Витька и спал и не спал: боялся пропустить рассвет. Не терпелось уйти в тайгу, встретить Рема... Когда чуть-чуть посветлело, оделся, надел болотные сапоги и вышел.

Рассвет наступал лениво. Лес еще стоял сплошной темной стеной. Серую воду речки едва можно было отличить от травы...

Но кончилось зябкое утро, поднялось и уже припекало солнце, а Витька так и не смог найти Рема. Побывал на ягодниках, осмотрел кедрачи, видел оленя, лисицу, множество птиц, заполнил целую стопку биологических карточек, а Рема так и не встретил. И вдруг внизу, в распадке, проплыла в траве бурая спина медведя. Чуть в стороне Витька увидел второго зверя. Это были средних размеров молодые медведи, которые давно уже расстались с матерью, но пока не расставались друг с другом. Оба бурые, самец чуть светлее и крупнее самки.

Медведица задержалась, а ее брат неторопливо стал подниматься по склону. По вздрагивающей высокой траве Витька видел, что медведь, если не изменит направления, пройдет недалеко от него, чуть правее. Медведица внизу перестала есть траву,

приподнялась на задние лапы и замерла — прислушивалась. Брат шуршал по траве на склоне. Она не пошла по его следам, а начала подниматься по склону. И получалось, что она пройдет от Витьки с другой стороны, левее. Он притаился за деревом. Да и трава была высокая, вряд ли медведи заметят...

Как и предполагал Витька, один медведь проходил от него левее, другой — правее. Когда они поравнялись с ним, Витька пригнулся и, стараясь как можно меньше шуметь, пошел между ними. Идти по высокой камчатской траве без шума могут только медведи — и то когда крадутся или прячутся от опасности. Но расчет был такой: каждый из них примет шорох его шагов за шаги другого медведя, если только ветерок не нанесет запах.

Самец шел от Витьки шагах в пятидесяти, самка всего в двадцати. Вдруг она шумно выдохнула воздух, резко развернулась и побежала вниз по склону, тут же пропав в шеломайнике. «Наверное, к ней тянул ветерок, — подумал Витька, — сразу учуяла!»

Самец поднялся на задние лапы, выставил из травы голову и грудь. Витька пригнулся еще ниже и, шумя травой, на четвереньках пошел к медведю, не зная, как он примет такой маневр. Медведь решил, что это идет к нему сестра, и пошел дальше. Витька продирался за ним шагах в пятидесяти.

Все шло хорошо, но медведю вдруг вздумалось поразвлечься. Подошел к молодой березке, встал на задние лапы и, сгибая ее, перехватывался лапами ближе к вершине. Повис и, согнув березку, повалился на землю, задрав вверх лапы. Потом встал, явно поджидая сестру.

Витька заворочался в траве и стал чавкать, будто это пасется в траве медведица. Медведь издал неясный, похожий на вздох звук. Звук этот явно требовал ответа, потому что, не получив его, зверь

встревожился, вскинулся на задние лапы, охнул и опрометью бросился бежать.

Других медведей Витька в тот день не встретил. Вечером вернулся к избушке и стал крепить антенну. Залез на крышу, привязал к шесту провод, а другой конец укрепил на березке. Приемник рявкнул на Букета так, что тот сбил ведро с водой. Пока Витька прибирал в избушке, что-то произошло на улице. Приемник зашепелявил, а обрывок антенны заскреб по стене. Витька выглянул в дверь. У березки стоял Рем. Целый день он пропадал неизвестно где, а едва загудела на ветру антенна, он тут как тут и уже выяснил, что гудит.

Рем, как обычно, поманил лапой. Пришлось дать ему сахара, чтобы опять пришел утром и можно было бы ходить за ним по тайге... Он пришел, но в тайгу уходить и не думал. Полдня сидели друг против друга, ждали, у кого быстрее лопнет терпение.

Наконец Витька встал и выпустил из избушки Букета, чтобы тот отогнал Рема в лес. Сам Витька этого сделать не мог: не хотел портить отношений. Но Букет не обратил на Рема внимания. Рем же, напротив, увидев Букета, подбежал к Витьке почти вплотную. Это Сергей Николаевич испортил медведя. Когда Витька улетал в Долину гейзеров, он кормил Рема чуть ли не до отвала. И всегда выходил из избушки с Букетом — для страховки, чтобы тот в случае чего остановил медведя. И Рем усвоил: появился Букет — будут кормить.

На этот раз ничего не дали. Но Рем все равно упорно не уходил. Манил Витьку лапой, а когда тот был в избушке, понуро сидел в траве и ждал. И на другой день Рем сидел и ждал, когда накормят...

Тогда Витька завязал проволокой дверь, забрал с собой большую часть продуктов на случай, если Рем устроит грабеж со взломом, и ушел вместе с Букетом.

Медведь остался сидеть, даже не посмотрел им вслед.

Вернулись на закате солнца. Рема не было. Он появился только утром. Немного потоптался около избушки и пошел по тропе. Витька поспешил за ним, довольный, что переломил упрямого медведя. Но радоваться было рано. Рем перешел распадок и на взгорке в небольшой ямке улегся спать. В тайге Витька не вмешивался в его дела, должен был только наблюдать и записывать. Витька выбрал поудобнее валежину поблизости и сел. Медведь лежал на брюхе, вытянув вперед лапы. Витька теперь для Рема вроде бы и не существовал. Только когда тот громко хрустнул веткой, медведь обернулся и неодобрительно покосился на Витьку.

Рядом с Ремом лежал сучок. Он взял его зубами и задумчиво, лениво стал стричь на мелкие кусочки. Потом положил голову на согнутую лапу, закрыл глаза. Голова тут же сползла с лапы на землю. Не просыпаясь, он положил ее на лапу... Это повторилось одиннадцать раз. Потом голова так и осталась лежать на земле, а медведь захрапел самым настоящим человеческим храпом, от которого Витьке даже было как-то не по себе. Если не смотреть на медведя, скажешь: рядом спит человек.

Сидеть и ждать, когда проснется медведь, — занятие нудное. Витька подробно описал место, где спал Рем, и стал записывать на карточки биологических наблюдений всех птиц, которых видел в округе...

Вдруг Рем вскочил, дико осмотрелся и, прежде чем Витька сообразил, что случилось, рухнул на бок и опять закрыл глаза. Ему, видно, приснился страшный медвежий сон. Скоро он опять самозабвенно храпел.

Витька сидел на валежнике и проклинал медведя за то, что он такой соня. Но вот Рем перестал храпеть. Открыл глаза и настороженно запрядал ушами. Явно что-то услышал и готов был в любую секунду вскочить и удрать.

Сзади появилась лисица. Рем лежал к ней спиной, но по шороху шагов понял, кто его разбудил. Лисица прошла мимо, Рем сел, сладко зевнул, задрал морду, и, к Витькиному удовольствию, наконец-то встал и пошел.

Но в этот день он задался целью преподнести неприятные сюрпризы — двинулся напрямую через болото. Ничего не оставалось, как лезть за ним. К счастью, ружье, полевая сумка с патронами и записями остались сухими — Витька нигде не провалился выше пояса.

На границе болота и каменноберезового леса на невысоких корявых кустах росли дымчатые с синим налетом крупные ягоды, немного похожие на виноград. Это были ягоды камчатской жимолости. Витька не мог пройти мимо лучших на Камчатке ягод. Их можно было рвать даже на ощупь.

Рем сразу понял — найден хороший куст — и так бесцеремонно подошел, что Витька боялся, как бы он не стал лапами объяснять, кто в тайге хозяин. Пришлось отойти к кусту поменьше.

Обобрав ягоды, двинулись к кедровому стланику, продрались через него по медвежьей тропе и долго шли каменноберезовым лесом. В зарослях рябинника Рем ненадолго остановился, поел крупных оранжевых ягод камчатской рябины и пошел вдоль небольшой речки.

Витьке показалось, что Рем идет куда глаза глядят. Но медведь вдруг круто повернул, и тут стало ясно, что Рему хорошо известны эти места — он принялся боком тереться о березку. Ствол ее был давно отполирован медвежьими боками, а земля вокруг вытоптана лапами Рема. Это было одно из пограничных деревьев, на котором зверь оставил свои метки. Метки были совсем не такие, какими ожидал их увидеть Витька. Сколько он ни ходил по медвежьим местам, ни разу не видел в камчатской тайге меток, которые медведи делали бы на деревьях когтями. Их не было и на этой березе. На

высоте, на которую Рем мог дотянуться на задних лапах, береза была изгрызена клыками. Такие же закусы были и на обычной высоте, когда Рем стоял на всех четырех лапах.

Витька перебрался на другую сторону речки. Там не было ни одного следа Рема. Зато много наследил другой медведь, покрупнее. Эта неширокая речка с отвесными бережками служила границей двух медвежьих владений...

Пока рассматривал следы, Рем пропал. Витька едва не свалился в речку, торопливо перебираясь по шаткому навалу сучьев. Бросился в заросли рябинника. Но там Рема не было. Выскочил из кустов, не зная, куда бежать, — столько троп, столько кругом высокой травы, где не только медведя — лошадь не заметишь. Витька пошел наугад, дальше, вдоль берега. Но как ни спешил, не нагнал медведя.

Вернулся к следам соседа Рема. У Витьки давно стало правилом — точно, в натуральную величину, рисовать следы каждого нового медведя. Стоило несколько раз зарисовать следы медведя — потом узнавал их, где бы ни встретил. Следы отличались по величине, по форме подушки, у иных чуть больше отставлен в сторону палец или сломан коготь... При беглом взгляде на следы все это не очень заметно. Но на рисунках различия виделись сразу. Потом Витька легко подмечал их и на следах. Старался не только зарисовать след, но и увидеть медведя, который его оставил. Со временем он узнал, что если ширина подушки лапы больше восемнадцати сантиметров, то длина медведя превышает два метра. Если ширина лапы четырнадцать—пятнадцать сантиметров, длина зверя не меньше полутора метров. При ширине лапы до одиннадцати сантиметров длина медвежонка больше одного метра. Хорошо бы усыпить нескольких медведей пулями-шприцами и не на глаз, а точно узнать

соотношение длины медведя и ширины лапы. Но о таких пулях Витька мог только мечтать.

Чтобы удобнее было переходить речку — границу медвежьих участков, — Витька разрубил надвое сломанную ветром березку и перебросил с берега на берег, получились удобные клалы. Но когда через некоторое время он вернулся к этому месту, кладей не было — исчезли! Что случилось, куда они делись? Он так и не смог понять.

Пришлось вырубить крепкий кол и с его помощью передвигать к речке толстую валежину, чтобы верхним концом она упала на другой берег.

На следующий день Витька увидел, как бесшумно может ходить медведь. Рем осторожно переставлял лапы. Они касались земли плавно, без малейшего шороха. Витьке как будто заткнули уши: Рем раздвигал мордой траву, и она бесшумно смыкалась за ним.

«Может, секрет в подушечках лап?» — думал Витька. Ими медведи могут «слышать» малейшие колебания почвы — издали чувствовать даже самые тихие шаги.

Вдали, на том берегу речки, стоял крупный черный медведь. Он заметил Рема и смотрел в его сторону. Рем открыто, не таясь, двинулся к нему. Звери остановились друг против друга, каждый на своей территории. Их разделяла речка.

Черный пошел вдоль берега. Рем, косо поглядывая на него, тоже засеменил по своему берегу. Медведь приближался к Витькиной переправе, и Рем начал нервничать. Движения стали резкими, дергаными. А когда черный остановился возле бревна, Рем торопливо подбежал со своей стороны к бревну и взъерошился, как еж. Сосед его, гораздо больший по размерам, тоже насупился и поставил лапу на бревно. Рем фыркнул и запрыгал возле бревна. Сосед не решился нарушить границу, пошел дальше, а Рем, как только медведь

скрылся за поворотом, ухватил бревно лапами, легко столкнул его в воду и побрел к зарослям стланика.

Теперь было ясно, куда пропал первый мост: его тоже сломал Рем, чтобы избежать пограничных инцидентов.

Когда черный шел вдоль берега, Витька успел заметить две березки, между которыми точно умещался зверь. Измерил расстояние — два метра и тридцать сантиметров.

Нежданно-негаданно Рем преподнес Витьке неприятный сюрприз. Витька всеми силами старался отучить его выпрашивать подачки, и оказалось — перестарался. Рем перестал ходить к избушке. Витька уже готов был чуть-чуть подкармливать его, чтобы поддерживать связь... Но Рем не приходил.

Однажды ночью звякнула на улице консервная банка. Витька торопливо слез с нар. Букет даже не шевельнулся, как будто говорил: «Не понимаешь, что ли, кто шумит? Твой Рем сгущенку ищет!» Витька посмотрел в окошко. Медведь что-то искал в помойке. Серебристый свет заливал округу. В нем будто прозрачными стали деревья. Как рыба чешуя, блестела вода в речке. За вершину горы зацепилась луна — такая яркая, что по краям у нее светился искрящийся нимб.

В яркий четырехугольник света Витька протянул руку с часами — было два часа ночи. Оделся, взял ружье и осторожно, чтобы не скрипнула, открыл дверь. Главное — не испугать Рема неожиданным появлением. Витька неторопливо пошел к медведю. Рем приподнялся на задние лапы, потянул воздух и опять стал вылизывать консервную банку. Витька подбросил ему еще одну, с остатками сгущенки. Медведь вылизал ее и лениво поплелся прочь краем болота. Витька пошел стороной, по тропинке, чуть припудренной светом луны.

Не часто удается понаблюдать за медведем ночью. Рем, пригнув голову, что-то вынюхивал, иногда чавкал. Витька свернул на его след в траве и попытался узнать, что он ел в болоте. Медведь почавкал возле кочки и пошел дальше, а Витька включил электрический фонарик и осмотрел всю кочку, стараясь найти какие-нибудь остатки пищи. То ли Рем ел корневища, то ли поймал полевку... Витька погасил фонарик и осмотрелся. Рема не было. «Он шел не быстро и не мог далеко уйти. Нужно идти вперед и слушать».

Болото кончалось. Трава стала выше. Витька остановился. Подозрительно хрустнула ветка в стороне и сзади. Ясно было — там крупный зверь. Но какой? Рем, казалось, должен быть правее. А веткой мог хрустнуть олень или другой медведь.

Страшно было идти в высокую траву. Днем Витька привык подавлять страх, а ночью в каждом темном пятне виделась опасность.

Витька пошел, вглядываясь в подозрительные предметы, в траву, в прогалы между деревьями. Из травы, седой от лунного света, поднялась черная в ночи медвежья башка. Зверь явно слышал Витьку, но не убегал.

«А может, это другой медведь, который ночью привык считать себя хозяином?»

Свет луны прорвался меж облаков. Медведь опять утонул в траве. Только время от времени было видно его темную холку или силуэт башки с округлыми ушами. Над ним вились летучие мыши, ловили комаров, которые роем гудели над медведем. Витька подошел ближе и убедился — в траве был Рем. Он опять высунул башку и лапой стер с морды комаров. Когда медведь пропадал в высокой траве, по вьющимся летучим мышам, хорошо заметным на светлом от луны небе, было видно, где он.

Рем долго петлял по каменноберезовой тайге, катался по траве, давя на себе комаров, и в конце концов завел Витьку в незнакомые места. Луну закрыли облака, заморосил дождь. Брюки, куртка — все намокло. Витька задевал в темноте за валежины, путался в траве, а Рем вел и вел куда-то в неведомые края.

«Ничего, зато буду знать, что делают медведи ночью».

Рем полез по таким зарослям молодого березняка, что Витька едва продрался за ним. Нигде раньше он не встречал такой густой березовой поросли. К счастью, вышли на поляну, и Витька с удивлением увидел что-то темное. Это была какая-то избушка.

«Но что за избушка может быть в этих местах? Почему Гераська ничего не говорил о ней?» Витька даже перестал следить за Ремом. Все внимание было только на эту странную, неведомую избушку. В ней что-то гроыхало. Витька отбежал, присел в траву.

«Что там за люди? Я же знаю, здесь, в заповеднике, никого не должно быть. Браконьеры? А может, еще хуже? Все-таки рядом граница... Надо последить, кто выйдет из нее утром...» Он сел в траву и стал ждать рассвета. Боялся, как бы в избушке не услышали стука его зубов.

Рем давно ушел, но Витьке сейчас было не до него.

Начало чуть светать. На фоне неба стала видна жердь над избушкой. И вдруг у Витьки екнуло сердце — к расщепленной вершине этой жерди недавно он привязывал антенну. «Елки-палки, это же моя избушка... Только все повернуто в другую сторону. Это Рем меня закрутил».

Ему было и радостно и обидно. Радостно оттого, что так неожиданно оказался дома, можно сбросить мокрую одежду, растопить печку и выпить чаю. Обидно, что

не узнал поросль березняка возле избушки, обидно, что столько времени сидел и мерз.

В избушке заскулил, заскреб лапами Букет.

Глава восемнадцатая

Витька сидел в научной части и переписывал таблицу для Галины Дмитриевны. В комнату вошел директор заповедника.

— Только что принесли заявление. У реки Шумной в туристском лагере по маршруту в Долину гейзеров появились медведи. Пугают туристов, подходят к палаткам. И вот с турбазы пишут: «Ставим вас в известность и снимаем с себя всякую ответственность за возможные последствия. Примите меры».

Директор хотел послать в лагерь Гераську, чтобы тот посмотрел на месте, как можно отвадить медведей. Но Гераська сказал: «Только если отстрелять. От своего дома их не отвадишь».

Никто не хотел согласиться с таким решением, и Витька вызвался попробовать отогнать медведей. На маленьком попутном вертолете он вылетел в туристский лагерь. В ногах едва уместился Букет.

— Звенит погода! До самого Охотского моря звенит! — кричал кому-то по радио вертолетчик.

Погода и правда словно звенела. Сверху хорошо было видно залитую солнцем каменноберезовую тайгу. На отлогий берег накатывались океанские волны с беглыми гривами. Внизу, над зеленой водой пестрели белые черточки чаек. Только на конусные вершины вулканов даже с вертолета нужно было смотреть снизу вверх. У подножия вулкана белели три маленьких квадратика палаток вулканологов. Из одной выскочил человек, замахал руками, запрыгал на месте. Было видно: он что-то кричал. Вертолет сделал вираж и, повалив траву сильными струями воздуха, сел на поляне. К ним подбежал молодой грузин.

— Что случилось? — отодвинув стекло кабины, окрикнул вертолетчик.

— Здравствуй, дорогой! Ничего не случилось. Хорошо все!

— А чего же ты руками махал?

— Как же, дорогой, вертолет увидел. Редко здесь летаете, радовался, вот и все! Привет Коле передавай! Большой такой, веселый, у вас работает!

— Спасибо, передам. Бывай здоров!

Не успел вертолет набрать высоту, как сделал резкий крен и как будто стал падать — так быстро снижался к небольшой тундрочке. Посреди нее белел крупный зверь. Когда вертолет выровнялся, Витька увидел белого медведя, не такого, который живет во льдах, а обычного камчатского медведя, только белого — альбиноса. Медведь во все лопатки улепетывал к березняку. Вертолет быстро нагнал медведя. Шерсть зверя была белой с чуть заметной желтизной. На прыжках эта длинная лоснящаяся шерсть переливалась волнами.

— Ребята говорили, белого медведя тут видели. А я все не верил, думал, с лошадьё путают! — кричал Витьке пилот. — Лошадь тут одичавшая живет, тоже белая. А теперь сам видел.

Витька долго не мог прийти в себя, потрясенный такой удачей: ему посчастливилось увидеть медведя-альбиноса!..

Когда показалась река Шумная, белая от пены на перекатах, летчик кивнул на поляну, где стояли палатки туристского лагеря.

— Когда первый раз прилетали, рейки для палаток привозили, мы на поляне сели. А два медведя по ту сторону шеи вытянули и на нас смотрели. Эти, конечно, обыкновенные были, рыжие.

На большой поляне у впадения Шумной в океан стояли туристские палатки и легкий навес над длинным

столом. Туристы останавливались в этом лагере всего на сутки. Группа только пришла, так что туристы ничего не могли рассказать о медведях. А рабочему турбазы, Женьке, медведи так осточертели, что он не только говорить — слышать о них не хотел.

Витька сразу же отправился обследовать окрестности лагеря. С одной стороны поляны стеной высился черный базальтовый мыс, с другой — бурлила Шумная. Спереди на поляну катились белые океанские валы, а сзади за небольшим ручейком поросли ивняка переплелись с шеломайником и другой высокой травой — словом, были камчатские травяные джунгли. Оттуда и наведывались в лагерь медведи. По множеству медвежьих троп и тропинок в траве возле лагеря было ясно, как часто звери бывают здесь.

Песчаные косы Шумной были испещрены четкими отпечатками следов двух молодых медведей.

Женька, узнав, что Витька специально прилетел избавить лагерь от медведей, затащил его к себе, накормил обедом и предложил поселиться в своей служебной палатке. Палатка была с краю, и это устраивало Витьку. К ней чаще всего должны были подходить медведи. Прежде чем отваживать медведей, хотелось понаблюдать за ними.

Вечером, когда загорелись туристские костры и забренчали гитары, по лагерю пронесся крик: «Медведь!» Лагерь загудел. Из палаток выскакивали туристы, бежали к реке. Витька — вместе со всеми.

По берегу Шумной неторопливо шел молодой медведь. Он был худой, длинноногий и казался плоским. Туристы свистели, кричали. Другие останавливали — зачем, мол, прогоняете.

Медведь потоптался на берегу и, когда шум чуть поутих, пошел прямо на людей к лагерю. Все бросились к палаткам. Здоровый мужчина схватил под мышку

великовозрастного сына, пожалуй, ровесника Витьки, и помчался с ним.

Но медведь не собирался никого догнать, повернул и спокойно пошел к зарослям шеломайника. Но вид его говорил, что он очень доволен произведенным впечатлением.

Медведь ушел. Пожилая женщина, проходя мимо палатки, возбужденно заговорила с Женькой, что, мол, ей первый раз в жизни довелось увидеть медведя.

— Подумаешь, какое дело, — серьезно ответил Женька. — Это наш медведь. Мы его знаем. Вот даже верхом на нем катаемся. — Он показал на вьючное седло около палатки.

Женщина, взглянув на необычное седло, тут же с жаром принялось рассказывать своей соседке: «Вы видели, они даже верхом на них катаются!»

— Ты гляди, поверила! — удивился Женька. — А я даже смотреть его не пошел: боюсь я их. Ну их к черту, этих медведей.

Когда суматоха улеглась, выяснилось, что пропал весь запас сливочного масла. Пять килограммов. В полиэтиленовом мешке его опустили в холодный ручей.

От мешка остались только клочки с веревочкой. Оказывается, когда все туристы убежали смотреть медведя, с другой стороны из зарослей вышел второй и обнаружил мешок.

Рано утром, когда лагерь еще спал, Витька нашел медведей на небольшом рукаве Шумной. Рукав протекал в узкой аллее сомкнувшихся вершинами деревьев. Желтые полосы веселого утреннего солнца исчертили поперек всю протоку. В этих золотых полосах барахтались в воде медведи. Они подняли такой шум, какой могли позволить себе только звери, которым некого бояться. Они бегали друг за другом, ныряли, шлепали по воде лапами. Брызги летели веерами. Один повалил другого и подержал под водой чуть дольше,

чем можно было. Медведь вывернулся из-под обидчика и, чихая, бросился в драку. Озорник, хоть и был больше ростом, не стал сопротивляться. Чувствуя вину, пустился наутек в траву. Больше они к воде не вышли.

Вечером в лагерь прибыла новая группа туристов. Появление медведей, как обычно, встретили восторженными криками. Сразу украсть что-нибудь медведям не удалось, и они целый вечер развлекали туристов. Те бросали им сахар, конфеты, колбасу, а медведи когтями раздирали траву, разыскивая лакомства, наперегонки бросались за колбасой, челноком ходили по берегу небольшого ручейка, который отделял их от людей. Медведей, как обычно в таких случаях, прозвали Машкой и Мишкой.

Пока в лагере былолюдно, звери не переходили ручей, не нарушали границу. Но когда туристы насмотрелись и разошлись по палаткам, медведи перебрались в лагерь. Витька сидел в сторонке и непрестанно наблюдал за ними.

Первым делом они направились под навес, к длинному столу. Подобрали оброненные куски, крошки, проверили, нет ли чего в ведрах. Потом подкрались к большой помойной яме. Она была вырыта в земле в стороне от лагеря. Сверху ее закрывал дощатый настил с небольшим квадратным отверстием посредине. Медведи один за другим протиснулись в люк. Вылезать через отверстие вверху было неудобно, и они прокопали сбоку под настилом удобный лаз. На дне ямы было множество консервных банок. Медведи почти не гремели ими. Вели себя предельно аккуратно. Потом потихоньку, с оглядкой, выбрались через свой лаз и быстро, как бы кто не увидел, удрали в травяные заросли.

Вскоре все потопила ночная темнота. Заметны были только белые пятна палаток. Витька вернулся в палатку, думая, что медведи тоже будут спать. Но

утром оказалось, что они возвращались в лагерь. И коли уж посещение помойки прошло безнаказанно, они еще немножко пошалили: разорвали на ленточки клеенку на длинном столе под навесом и утащили фотоаппарат, который какой-то беспечный турист оставил на сучке возле палатки. Витька нашел фотоаппарат на медвежьей тропе в зарослях. Медведь искусал лишь ремешок.

Турист вначале не поверил своим глазам. И, рассматривая ремешок, еще раз строго переспросил:

— Точно медведь покусал?

— Конечно. Да вы не беспокойтесь, фотоаппарат же целый.

— Да. Но ремешок!.. — Турист подбежал к приятелю.

— Посмотри, что у меня есть. Видишь — медведь покусал. Посмотри, какой сувенир с Камчатки! — кричал он, тряся ремешком.

После завтрака группа отправилась в Долину гейзеров, и лагерь опустел.

Букет прибежал с раздутыми боками — наловил себе рыбы в ручье. Он забрался в пустую палатку и сладко заснул.

Вечером, как обычно, лагерь опять загудел: пришли сразу две группы туристов. Одна направлялась в долину, а группа школьников уже побывала там и возвращалась в поселок. Ребята устали. Кое-как затащили в палатки рюкзаки и, не раздеваясь, повалились на спальные мешки. Но стоило появиться медведям, все сбежались на берег ручья, и ребячьи голоса звенели, пока дежурные не скомандовали: ужинать! Ребята уселись за длинный стол под навесом, перед каждым стояла миска каши со свиной тушенкой.

Как только медведи остались без зрителей, они перебрались через ручей и направились к столу. Девочка, сидевшая с краю, испугалась и выскочила из-за стола. Мишка постоял и, не получив никаких

подачек — продукты у ребят почти кончились, — решил, что с ним обошлись негостеприимно. Поставил передние лапы на край стола, понюхал кашу в миске и под хохот ребят принялся вылизывать ее длинным языком. Есть, держа голову набок, было неудобно, и он взгромоздился на стол. Тут же от стола отбежали ребята, которые сидели поблизости, — это все-таки был настоящий медведь.

Каша ему понравилась. Рыча, он прошел по столу, и скамейки вокруг сразу опустели. Машка тоже забралась на стол. Медведи быстро уплетали кашу, раскидывали миски лапами и шли по столу навстречу друг другу. Голодным ребяташкам было уже не до смеха.

Витька прибежал на шум и колом ударил по столу. Медведи спрыгнули и нехотя побежали к ручью. Видя, что они струсили, ребята закричали, заулюлюкали, и медведи торопливо убежали в заросли.

С новой группой туристов пришло грозное письмо директора заповедника: «Во что бы то ни стало примите меры избавить лагерь от медведей, любыми способами, вплоть до отстрела».

Витька заторопился «принимать меры». Надо было спасти медведей. Еще в поселке он запасся в аптеке рвотным порошком. Надумал этим средством отучить медведей ходить в лагерь. Не скупясь, насыпал порошка в куски хлеба с маслом. Для верности начинил порошком колбасу. Разбросал все это за ручьем, откуда медведи чаще приходили в лагерь. Обычно они наперегонки сжирали все, что им ни бросят: «Посоли камень — и тот проглотят», как сказал один из туристов.

Но медведи вовсе не были такими бесшабашными, как казалось. Колбасу они съели только с краев, где не было порошка, а к хлебу не притронулись совсем. В отместку они ночью сорвали все веревки с мачты посреди лагеря и вместе с ними — туристский флаг.

После неудачи с порошком Витька, как только медведи появлялись в лагере, бросался к ним с дубиной и гнал с территории. Букет же не трогался с места. Даже отворачивался с таким видом, будто хотел сказать. «Глаза бы мои на тебя не смотрели. Чего носишься без толку?» Но Витька не сдавался и гонял медведей до полуночи.

А утром оказывалось: то они утащили пачку сахара, то разорвали мешок с крупой и растрясли ее по поляне. У Женьки жила в палатке маленькая, чуть больше кошки собачонка с глазами навывкате. Женька звал ее Тайга. Видно, ей очень понравилось, что Витька стал гонять медведей. Она заливалась пронзительным лаем и каждый раз все смелее бегала с Витькой. Медведей бесил ее звон.

А Тайга осмелела настолько, что пыталась даже схватить их за задние лапы.

Следом за Тайгой осмелел и Женька. Он натаскал к палатке небольших камней. Как только начинала твкать Тайга, они с Витькой хватали по горсти камней и мчались к медведям. Особой боли камни не причиняли, но все же медведи стали удирать шустрее.

Тайга была чистокровной дворняжкой, и караулить днем и ночью двор было ее врожденным свойством. Медведи стали наведываться реже, и у Витьки опять появилась надежда спасти их от смерти. Надо было отучить зверей ходить в лагерь не только днем, но и ночью. Поэтому Женька привязал Тайну шпагатом возле палатки, чтобы она спала на свежем воздухе и лучше слышала медведей.

Ночью, чуть только она твкнула, Витька выскочил из спального мешка, бросился из палатки и упал — запутался в шпагате, медведи убежали ненаказанными.

Тайгу перестали привязывать. Но это оказалось ошибкой. Едва заслышав медведей, она втихомолку мчалась к ним и только возле зверей начинала твкать.

Ее атаки без подкрепления камнями перестали отпугивать медведей, и они опять зачастили в лагерь.

Однажды Витька сидел у ночного костра с двумя молодыми художниками из Ленинграда. Вокруг была темнота. Кусты в пяти шагах от костра стояли черными копнами сена.

Витьке было приятно слушать, как ребята восторгались Камчаткой.

— Красная трава! Где еще увидишь такое! — возбужденно говорил один из них. И вдруг замер на полуслове: из-за кустов вышли два медведя. Они миновали костер, совершенно не обратив внимания на людей, будто их и не было вовсе.

Медведи не хотели, чтобы собака поднимала шум. Они шагали нога в ногу. Не было слышно ни малейшего шороха, хотя черные силуэты проплыли всего метрах в пяти от костра. Всем сразу пришло в голову одно и то же сравнение: прошли как пантеры! Может быть, оттого, что силуэты были в темноте угольно-черными.

У Витьки остался последний, самый надежный козырь, который он мог применить, чтобы избавить лагерь от медведей. У него была ракетница. Ружейный выстрел тоже мог бы напугать медведей. Но когда с громом вырвется и прочертит небо красный огонь, медведи переполошатся так, что никогда больше не захотят вернуться в лагерь. Во всяком случае, Витька крепко надеялся на это.

На другой вечер, когда сумрак стер все краски, из темно-серой травы за ручьем вышли медведи. Как хозяева, не таясь, пошли в лагерь.

Витька подпустил их вплотную и выстрелил над головами из ракетницы. Медведи отскочили и наперегонки припустились к падающим красным огонькам. Ничего не нашли там и в радостном возбуждении вернулись к Витьке, ожидая, что он еще пустит над поляной звездчатый огонек.

Расстроенный, Витька ушел в палатку и забрался в спальный мешок. «Что можно сделать? — думал он. — В Канаде пасеки окружают электроизгородями. Есть даже автоматические ловушки. Когда медведь попадает в нее, она с ним удаляется на некоторое расстояние и потом выпускает его на свободу. Вот и здесь бы что-нибудь вроде электроизгороди поставить, а не стрелять. Что с ними сделаешь, это их территория. Куда они могут уйти отсюда? И лагерь для них что-то вроде места развлечений».

Туристы еще в Туманове были наслышаны о веселых проделках медведей и, приходя в лагерь, относились к ним, как к добродушным циркачам. Но Витька знал, что как раз такие медведи, потерявшие страх перед человеком, особенно опасны.

Машка под общий хохот отобрала у рабочего турбазы банку с мазью Вишневского и съела мазь. А этой мазью нужно было лечить ссадину у лошади, носившей вьюки с продуктами в Долину гейзеров. Мишка, опять же под смех туристов, прихватил зубами за мягкое место девчонку, коротая из озорства перескочила ручей на сторону медведей, чтобы подразнить их...

В американском национальном парке Глейшер были случаи, когда потерявшие страх перед людьми медведи заходили на территорию кемпингов и вытаскивали из спальных мешков туристов. Люди были унесены в лес и убиты, один из погибших был почти полностью съеден.

Недолго до беды было и в лагере на Шумной. Витька вернулся в поселок и предложил перевезти медведей на вертолете куда-нибудь подальше от туристов, в безлюдные районы...

Но все кончилось иначе. По счастливой случайности как раз в это время на турбазу пришло предписание перенести лагерь с реки Шумной на другое, более высокое место, потому что поляна, на которой он

расположен, цунамиопасна. Случись большая волна — она слизнула бы лагерь за секунды.

Глава девятнадцатая

Витька перешел реку вброд и на другом берегу остановился на ночевку. Проснулся и не мог понять, что случилось: вчера вброд переходил реку, а утром она опять оказалась перед ним...

Стал разбираться... Ночью гремела сопка — где-то проснулся вулкан. В горах начали бурно таять снега. Вода переполнила реку, прорвалась с другой стороны холма, на котором стояла палатка, пошла новым руслом, а старое устье тут же зализали океанские волны.

Вода в реке была уже не прозрачной, а желтой, с лохмотьями травы, обломками деревьев, с кружащимися ветками кустов.

Пришлось второй раз переходить одну и ту же реку.

Вьючное седло для человека, или поняга, как называли в заповеднике это приспособление для переноски тяжестей за спиной, было нагружено так, что Витька присаживался передохнуть чуть ли не на каждое толстое бревно, выброшенное океаном. Надо было еще втянуться, чтобы подолгу без отдыха нести на себе продукты на десять дней, палатку, спальный мешок, ружье, топор и прочее походное снаряжение.

Настроение было отличное — ему давно хотелось пройти диким, нехоженым берегом Великого океана до самой Кроноцкой сопки. Почти полторы сотни километров безраздельных медвежьих владений. А там еще в глубь полуострова, до Кроноцкого озера.

Директор заповедника уехал в Петропавловск, за него остался новый сотрудник, который совсем не представлял, что значит путь пешком от Туманова до Кроноцкого озера. Но нужно было передать новые

методички лесничему, живущему на озере, и Витька вызвался сходить туда.

Когда Гераська на доске поняги неумело чертил карандашом главные реки, которые надо будет перейти Витьке, старик, сосед Гераськи, глядя на каракули, сказал:

— Не ходи, сынок. С полпути вернешься... А то и вовсе пропадешь.

Но Витька не мог упустить такой случай. Гераська рассказывал: «Медведей раньше было там видимо-невидимо».

— Сейчас, конечно, больше невидимо, — уточнил старик.

Но откуда ему знать: ни разу там не был, а Гераська хоть десять лет назад, а был.

Океан ласково поднимал и опускал зеленые волны. У самого берега на волнах распускались яркие белые гривы, ветерок подхватывал мелкие брызги, и от волн к берегу перекидывались цветные мостики-радуги.

Под ногами хрустели ракушки, панцири крабов. Пахли йодом вороха буро-зеленых водорослей. Витька взял конец водоросли и потащил ее за собой, шагами отсчитывая длину — тридцать два шага. Где-то на глубине были заросли выше дремучего леса.

Начался отлив. Мокрая прибойная полоса парила под лучами солнца, дымилась вдоль всего берега. По «прибойке» бегали кулички, вдали пятнами белели скопления чаек, над головой, плавно махая метровыми крыльями с растопыренными, как пальцы, перьями, летел белоплечий орлан. Он тащил извивающуюся зеленую ленту морской капусты.

Кулички с тревожным писком сорвались с «прибойки». Из-за груды обглоданных океаном деревьев вышла собирать морские дары грязно-рыжая лисица. У самого берега в высокой изумрудной волне, просвеченной солнцем, показалась пятнистая нерпа.

Когда-то неподалеку от этих мест была база китобойной флотилии. По рассказам старого китобоя, на берегу штабелями складывали длинные, как бревна, нижние челюсти кашалота, чтобы потом из них легче было извлекать знаменитые зубы этих китов. Нередко до возвращения флотилии штабеля разбирали медведи и объедали мясо.

Трудно пройти мимо китового позвонка и не посидеть на нем. Уж очень он удобен для этого.

В небе показалась громадная каменная глыба. Она висела среди облаков — не сразу догадаешься, что это всего лишь часть закрытой облаками высокой горы. Дорогу Витьке преградила черная базальтовая стена. Когда-то расплавленная лава громадным языком дотянулась до океана и застыла черным мысом. Сверху он зарос каменноберезовым лесом, а бока так и остались, как тысячи лет назад, черным, ничем не прикрытым базальтом.

Надо было уходить от берега, искать подъем поотложе и пробираться через мыс. «А может, рискнуть и проскочить между двумя волнами?» — подумал Витька.

Когда отходила большая прибойная волна, под обрывистым мысом появлялась узкая полоска твердого песка. По ней, выбрав момент, и можно было миновать этот прижим.

В промежутках между обычными волнами песка не было видно. Витька дождался большой волны и, едва она стала отходить, бросился вперед, не зная, успеет пробежать или она его захлестнет. Как по тоннелю, у которого с одной стороны была скальная стена, а с другой — нависшая волна, Витька проскочил на другую сторону мыса. Волна как будто ахнула от обиды, что не смогла подловить его.

Сзади кипела вода, а перед Витькой... стоял медведь. От неожиданности оба не знали, что делать...

Опомнились одновременно. Витька схватил ружье, хотел выстрелить вверх. А зверь в это время бросился в волны и не хуже своего белого собрата поплыл в океан... Отплыл так далеко, что голова стала едва заметной среди волн. Только тогда повернул он к берегу и по большой дуге стал огибать мыс. Отроги гор отодвинулись от океана, и вдоль берега потянулась сухая камчатская тундра. На ней нельзя было ступить на землю: вся она поросла шикшовником, как будто сбитой в войлок зеленой шерстью. Ноги упруго тонули по щиколотку в ярко-зеленом ворсистом ковре из ершиков шикши. А ковер этот, усыпанный глянцевитыми черными ягодами, на многие километры стелился вдоль берега океана. Сколько ни шел Витька вдоль тундры, всегда видел, как кормились на шикшовнике один-два медведя — паслись, не поднимая головы, как коровы на пастбище.

Берег у медведей был поделен на обходы — кончался обход одного медведя, тут же начинались следы другого. Все безлюдное побережье они аккуратно проверяли.

Витька подошел к реке, самый удобный брод обычно бывал там, где вода шире всего разлилась по руслу. У этой реки самое широкое место было у впадения в океан. Сквозь прозрачную воду, глубиной всего по колено, просматривалась каждая песчинка на дне.

Витька уже и считать перестал, сколько перешел таких речек. Не задумываясь, зашагал по песку и вначале только удивился, почувствовав под ногами что-то неладное. Сделал еще шаг — и ноги увязли. Попытался вытащить ногу — не удалось, только глубже ушла в песок другая. Попытался ее вытащить — то же самое: вверх песок не пускал, а вниз, стоило чуть пошевелиться, ноги уходили почти как в рыхлый снег. С ужасом понял Витька, что попал в зыбучие пески.

Сзади, совсем рядом, было твердое дно. Ведь от него сделал всего шаг или два. Ноги засосало в вязкий песок уже по колено, и Витька в одежде, с понягой, упал в воду в сторону берега. Руки дотянулись до твердого дна. Кое-как, на четвереньках, выбрался из зыбуна и, мокрый, вылез на берег.

Руки неприятно дрожали. «А то и вовсе пропадешь...» — слышались слова соседа. Теперь Витьке страшно было переходить через эту не столь уж трудную реку. Но что делать, пришлось искать новый брод.

После этого случая Витька уже не искал переправы в устьях рек, куда течение выносило песок. В таких местах неуплотнившиеся зыбучие пески не редкость.

Витька шел по берегу океана до самого заката.

На обширных шикшовниках оставался позади один медведь, впереди появлялся другой — то всего лишь темной точкой на горизонте, то совсем близко.

Раньше Витьке не раз приходилось видеть, как спокойно идущие медведи вдруг пускались бежать от какой-то непонятной опасности. Это было несколько раз с Ремом. Однажды по весеннему снегу Витька исходил всю округу, пытаясь узнать по следам, кто же напугал медведя. Только на этих поросших шикшовником тундрах он понял наконец, в чем дело. Оказалось, это всего лишь обычная манера передвижения медведей. Отправляясь на новое место кормежки, они то шли, то вдруг припускались бежать, то опять двигались нормальным шагом. Так делали почти все медведи, которых Витька видел на тундре.

Вдали, у самой кромки воды, Витька издали заметил медведя, спрятавшегося за бревнами на берегу и стал наблюдать за коричневой точкой. Когда она немного приблизилась, рядом с ней задвигались еще две совсем маленькие точки: навстречу Витьке шла медведица с медвежатами.

Она неторопливо обнюхивала выбросы океана. Старательно, как и медведица, обследовали все и медвежата.

Медведица шла по влажному песку, и при каждом шаге вспыхивали на солнце радужные круги на мокром песке. Песок вокруг лапы становился сухим, вода уходила куда-то внутрь, и при каждом шаге проступали красивые ореольные круги с разбегающейся по песку маленькой круговой радугой. Зрелище было настолько необычным, что Витька больше смотрел на эти круги, чем на медведей. Он не сразу заметил, что один медвежонок отстал и лапой ворошил комок водорослей. Медведица и второй медвежонок прошли тем временем самой кромкой воды мимо Витьки и не учуяли его. Медвежонок нашел что-то в водорослях, быстренько съел и побежал догонять мать. Но наткнулся на Витькины следы на песке, остановился и нерешительно пошел по ним. Медвежонок был тощий, маленький, а лапы толстые и не по росту большие. Он подошел к навалу деревьев и стал карабкаться на них.

— Куда ты лезешь, голопузый! — тихонько прошипел на него Витька, опасаясь, что медвежонок поднимет шум и на этот шум примчится разъяренная медведица.

Но медвежонок отскочил от груды деревьев и опять, вытягивая вперед нос, осторожно двинулся к завалу. Медведица заметила, что медвежонок кого-то обнаружил, и повернула к нему. Дело принимало неприятный оборот.

Витька приготовил ружье, чтобы в крайнем случае выстрелом отпугнуть медведицу. Медведица шла к нему осторожно, будто подбиралась к добыче.

Витька поднялся из-за деревьев. Медвежонок кинулся к матери, а медведица остановилась, поняв, что перед ней не добыча, а опасность. Медведица была светло-коричневой, и только голова почти черная.

Между медведицей и Витькой оставалось шагов пятнадцать. Оба напряженно смотрели друг на друга. Витьке не нужно было готовиться к выстрелу — заранее подносить к плечу ружье. Он хорошо стрелял навскидку. Медведица фыркнула и сделала выпал в сторону человека. Витька стоял на месте, только руки сами собой чуть вскинули ружье. Но он тут же отпустил его, потому что понял: медведица только пугает. Видя, что человек не убегает, она медленно повернулась и, кося глазом назад, неторопливо пошла обратно. Медвежата семенили впереди нее. Как только медведица скрылась в ложбинке, вся ее степенность пропала, и она с медвежатами припустила бежать. А Витька пошел дальше.

В воздухе разбойничали поморники. Крупные темные птицы с длинными игольчатыми хвостами по две, по три летали над водой. Как только какая-нибудь из чаек взлетала с рыбешкой в клюве, к ней бросались поморники, и Витька ни разу не видел, чтобы чайке удалось воспользоваться своей добычей. Как ни металась она в воздухе, черные пираты настигали ее и вырывали из клюва рыбину или заставляли бросить. Ее подхватывал на лету один из поморников и тут же, в воздухе, проглатывал. Вот поморники заметили, что крачка летит с добычей. Втроем они быстро настигли птицу. Крачка ловко увертывалась от крупных птиц, удивительно точно повторявших все ее движения. Один поморник летел чуть впереди, два других у него по бокам. Этот четкий строй не нарушался в самых замысловатых пируэтах. И вдруг крачка и за ней два поморника ринулись вниз, а третий устремился почему-то вертикально вверх. Крачка кинулась вниз, чтобы тут же взмыть вверх и оторваться от преследователей. Но она нос к носу оказалась с третьим поморником, который разгадал ее маневр и

аккуратно взял крючковатым клювом рыбешку прямо из клюва крачки.

Над океаном в этот день было почему-то особенно много разных птиц, и летали они не только у берега, но и вдали над волнами реяли черные точки.

Витька засмотрелся на океан. Где-то там, не так уж далеко за горизонтом, проходила знаменитая линия перемены дат. По ту сторону от нее был еще вчерашний день. Моряки, переходя эту линию, переставляют календарь на сутки назад или вперед.

Витька отвел глаза от горизонта и посмотрел в другую сторону. Вдали по сухой тундре быстро мчался велосипедист, и за ним тянулся длинный густой шлейф вулканической пыли.

«Но какой же может быть велосипедист?» — спохватился Витька, отогнав первое впечатление. Он быстренько снял понягу, припал для устойчивости на одно колено и поймал в бинокль «велосипедиста». Им оказался мчащийся по тундре молодой медведь. Позади, в шлейфе пыли, бежал волк. Он настиг медведя, и, когда был уже совсем близко, медведь резко остановился, привстал на задние лапы, сгорбился, и Витька видел только, как волк, нисколько не сбавляя хода, бросился на медведя, и звери скрылись в облаке пыли... Но скоро из этого медленно поплывшего облака вышел медведь и неторопливо пошел дальше в ту же сторону, куда недавно бежал с такой скоростью. Обрато, к океану, легкой трусцой бежал волк. Звери расходились, не оборачиваясь, будто ничего и не произошло. По следам на песке «прибойки» Витька понял, что ссора произошла из-за нерпы, которую выбросил океан. Первым ее нашел волк и проучил посягнувшего на добычу медведя.

Сухая тундра незаметно сменилась такой же обширной болотистой тундрой. На ней уже не кормились медведи, а тускло блестели пятна окон.

Прибойная полоса стала чуть больше покатой, и песок на ней был рыхлым, как снег. В нем вязли ноги, и каждый шаг приходилось делать с трудом. Справа был однообразный океан, слева, за грядой песка, — скучная заболоченная равнина без признаков жизни.

Витька шел и видел только сыпучий песок под ногами. Он сильно устал в этот день от груза за спиной и тяжелой дороги. На ночлег остановился до темноты. Обычно он ставил палатку на каком-нибудь возвышении, чтобы случайная волна-цунами не захлестнула ее ночью. Но на болотистой тундре не было никаких возвышений, и палатку пришлось поставить прямо на песке «прибойки».

Из старого ящика и широкой доски, выброшенных океаном, сделал стол. Толстая плаха заменила стул. Дров вдоль берега было сколько угодно. Витька развел костер и принялся неторопливо готовить ужин.

Продуктов было много. Надо было оставить самый минимум: поняга сразу бы стала намного легче. Но как определить этот минимум? Еще неизвестно, сколько идти до озера и удастся ли дойти. Может, продукты понадобятся на обратную дорогу.

Витька вспомнил, как Сергей Николаевич рассказывал про студента, у которого на полевых работах из продуктов остался только рис. Студента нашли в тайге больным. Он оказался единственным человеком в стране, который от длительного питания полированным рисом заболел старинной болезнью моряков «бери-бери».

Солнце село по ту сторону болотистой тундры за зубчатые горы. Простор, который окружал Витьку, из-за сумерек начал сужаться. От темноты возле костра становилось уютнее... Уже не было видно ни океана, ни тундры, ни длинной полосы берега. В черно-синее небо время от времени летели соломенные искры костра.

Свет от него не попадал на столик. Витька взял бутылку — по берегу их было великое множество, — отколол у нее горлышко и поставил внутрь огарок свечи. Пламя не задувал ветерок, и свечка хорошо освещала стол. Осколки бутылки прикрыл доской, чтобы какой-нибудь зверь не порезал лапу.

Рядом в темноте мерно шумел океан. Витька сидел за маленьким столиком и наслаждался отдыхом и горячим чаем. Никаких неприятностей не предвещал этот хороший, теплый вечер. Ночью Витька спал в палатке и сквозь сон услышал, как будто крупная капля упала на пустой спичечный коробок... Потом еще капля... Еще. И вскоре по всей палатке словно забарабанили крупные капли. Витька зажег свечку. Палатка была полна гамарусов. Неприятные, как мокрицы, только сплюсненные с боков и полупрозрачные, эти многоногие твари прямо-таки кишели в палатке. Звуки, похожие на щелчки по коробке, издавали гамарусы, которые попали под полиэтиленовую пленку. Они упорно, методично прыгали под пленкой, как будто старались пробить ее. Полиэтилен Витька постелил на дно палатки, чтобы от земли не шла сырость. Под пленкой и на ней, как муравьи на растревоженном муравейнике, кишели гамарусы.

Витька с ужасом смотрел на полчища крупных, чуть ли не с фасолину, гамарусов и не знал, что делать. Они лезли и на спальный мешок, и под него. Смотреть на это было так же неприятно, как на полчища тараканов. Витька вскочил и торопливо принялся распутывать тесемки у входа в палатку. В спешке они никак не развязывались, а гамарусы лезли в щели палатки, скакали, как громадные блохи, ударялись в руки, в шею, в лицо. Наконец Витька кое-как развязал тесемки и выскочил на волю. В темноте пошел к болоту, на ощупь нарвал пук травы и вымел гамарусов из палатки. Потом

вытряс спальный мешок, одежду, забрался в палатку и при свечке старательно завязал все тесемки у входа. Но это не помогло. Гамарусы настойчиво протискивались в щели, и Витька едва успевал ловить их и вытряхивать на песок...

Это можно было делать до бесконечности, во всяком случае до рассвета.

Как-то Витька спросил Гераську, почему на «прибойке» столько маленьких дырочек в песке. Гераська сказал, что там прячутся гамарусы. По ночам их собиралось столько, что жители поселка зарывали вровень с песком стеклянные банки, и утром в них набивались гамарусы, которыми в поселке кормили кур.

Гамарусы прорывались во все щели, запутывались в волосах. Перенести палатку с «прибойки» было некуда. Не ставить же ее в болото, в воду. И тут Витьку осенило — заклеить щели лейкопластырем из аптечки... Только так он остановил их нашествие. «Теперь ничто не заставит меня поставить палатку в таком месте. Лучше пройти по песку еще хоть десять километров, чтобы было куда сойти с «прибойки», чем воевать с этими тварями», — думал Витька, снова укладываясь спать.

Бывает же полоса невезений. И на Витьку нашла такая полоса. Во сне он почувствовал резкий толчок и сразу понял — землетрясение. Открыл глаза. Крыша палатки была золотисто-зеленой — уже вошло солнце. После толчка могла быть волна-цунами. Отодрал пластырь у входа и выскочил из палатки, чтобы где-нибудь спрятаться. Но куда бежать? Всюду низкая болотистая равнина. До гор не меньше десятка километров, к тому же через болото. Витька потоптался возле палатки и опять забрался в нее — досыпать. Никуда не убежишь.

«Да и почему обязательно должна быть волна? — думал он. — Сколько таких толчков было, пока я на Камчатке. А волна ни разу не подступила. Да и

кроншнепы спокойно сидят на «прибойке». Наверное, добывают своими носищами гамарусов из песка».

Но больше не спалось. Встал, уложил вещи и отправился дальше. Отоспаться решил в следующую ночь.

Откуда ему было знать, что следующие ночи тоже будут беспокойными...

На песке Витька увидел отпечатки громадных медвежьих лап. Это были следы медведя-гиганта. Витька был потрясен, как, наверное, бывает потрясен старатель, увидев большой слиток золота. Ширина подушки передней лапы на отпечатке была двадцать три сантиметра! Таких следов он еще никогда не встречал.

У совсем молодого медведя, который и ростом не больше собаки, ширина подушечки передней лапы примерно одиннадцать сантиметров, а если лапа на пять сантиметров шире — это уже хороший медведь. У самого крупного медведя, которого ему довелось видеть, ширина лапы была восемнадцать сантиметров. А у этого на целых пять сантиметров больше. Каких же размеров мог быть этот гигант?

Следы были свежие. Медведь пришел на берег из болотистой тундры и направился в ту же сторону, куда держал путь Витька.

«Если такой вздумает пошутить, вряд ли поможет ружье». Вместе со страхом его охватил и восторг: довелось увидеть следы такого медведя, каких и в мире остались, может быть, единицы. Камчатские медведи — самые крупные. А этот и среди них, наверно, самый крупный.

Витька стал осторожно, с опаской, приближаться к высоким куртинам травы, обходил вороха водорослей, за которыми мог лежать медведь, внимательно всматривался вдаль.

Кроноцкая сопка, до которой было так далеко в первые дни пути, теперь во много раз увеличилась в размерах. До нее оставался всего лишь день пути. Около этой сопки все Кроноцкое: Кроноцкий залив, Кроноцкое озеро. Кроноцкая река.

По ту сторону Кроноцкой реки, по рассказам, уже есть людская тропа, вроде бы даже дорога. «Только бы добраться до нее», — думал Витька.

Когда он оглядывался назад и рядом со следами медведя видел свои следы, у него холодок пробежал по спине. Такими маленькими, ничтожными казались они.

«Прибойка», насколько хватало глаз, была захламлена всякими выбросами. Но среди них Витьке бросилась в глаза груда деревьев, которые лежали крестообразно — так их не мог уложить океан. И песок к ней подгребен не волнами.

Витька подошел к этой груде, заглянул и тут же отступил, схватился за ружье и испуганно огляделся. Бревнами и песком медведь завалил добычу — большого, выброшенного океаном сивуча^[4]. Находиться возле добычи медведя — дело опасное. По медвежьим законам это карается смертью.

Но медведя поблизости вроде не было. Витька опять нагнулся — получше рассмотреть сивуча. Медведь, наверное, ночью грыз его. Витьку поразили следы страшной пасти какого-то морского чудовища, которое искромсало сивуча еще в океане. Если бы дно у железной бочки было утыкано кинжалами — только таких размеров пасть могла бы столь страшно искромсать толстокожую тушу сивуча.

Дальше на песке следов не было. Медведь свернул в тундру и, может быть, лежал где-то за гривой травы или за кустами ивняка. Задерживаться у его добычи было опасно, и Витька, оглядываясь, пошел дальше по берегу.

Океан мерно катил волны. Где-то там, под этими волнами, скрывалась акула или какое-нибудь другое чудовище со страшными зубами, следы которых он видел на сивуче.

А где-то поблизости дремал огромный медведь.

Среди небольших кустиков на границе прибрежного песка и болотистой тундры, метрах в трехстах от сивуча, Витька выбрал место для палатки. Замаскировал ее травой и ивовыми ветками. Отсюда в бинокль можно было рассмотреть все детали, если медведь подойдет к сивучу...

Весь остаток дня Витька просмотрел на берег, а к сивучу, кроме черных ворон, никто не явился. Вечером, первый раз за весь поход, Витька не развел костра. Боялся дымом спугнуть медведя. Жаль все-таки, что он не пришел днем. Ночью его не увидишь издали, а устраивать засаду поблизости, лезть под нос к такому медведю было страшно... Но Витька помнил про свой зарок.

Было сумрачно, когда он взял заряженное пулями ружье и пошел к железной бочке — она валялась на берегу океана недалеко от медвежьей захоронки. Рядом с бочкой Витька воткнул обломки доски, навешал сухих водорослей, сел поудобнее и стал ждать. Медведь не мог подойти сзади — сразу за спиной был океан, а впереди был хороший обзор на фоне зари.

Витька случайно оглянулся назад, на океан, и увидел неподалеку два странных больших треугольника. Вот они вместе погрузились в воду, и над волнами, как черные паруса, поплыли косые плавники. Витька понял — это были косатки. «Так вот кто, наверное, изуродовал сивуча. Эти чудовища пожирают даже акул. Что они высматривают на берегу? Неужели увидели меня?» И хотя Витька понимал, что косатки совершенно неопасны ему на берегу, он то и дело оборачивался и осматривал океан.

Рядом с бочкой на песке лежала выброшенная волной медуза. Она была похожа на абажур настольной лампы, только не цветной, а кристально прозрачный. Среди прозрачных медуз есть такие, ожог которых вызывает паралич или даже смерть человека. «Удивительно, как в этой прозрачной линзе может держаться жизнь, — думал Витька. — Где-то там сердце, кровь, яд. И все это — как чистейшая вода».

То ли сказалась привычка к постоянному шуму прибоя, то ли океан в тот вечер был тише, Витька хорошо слышал и близкий крик запоздалой чайки, и отдаленные поуркивания вулкана.

Быстро темнело, а медведя все не было. На берегу как будто все вымерло в этот вечер.

Витька то и дело оглядывался на океан, который был рядом, за спиной. Над самой головой в сумеречном небе, быстро махая крыльями, пролетел, как предвестник чего-то страшного, одинокий черный баклан. Он появился с океана и скрылся за черной волной. Там, в черной массе воды, шла своя таинственная жизнь. И так же, как на земле, она отличалась от жизни дневной.

Совсем стемнело. Большая желтая луна расплавленным золотом пролила дорогу по черному океану. А что, если в этой темноте из пучины вылезет какое-нибудь чудовище? — думал Витька. До сих пор даже на суше открывают новые виды крупных животных. А сколько их, еще неоткрытых, в океане? Фотографировали же на дне следы громадных неизвестных существ. А случаи, когда находили суда с мертвыми командами! И лица у всех были искажены ужасом. Есть же этому какие-то причины! Витьке страшно было сидеть у воды. Он прижался к железной бочке, хоть к чему-то привычному среди этой дикой природы. Если что случится, кричи, пали из ружья, делай что хочешь, а для людей все останется тайной.

Никто ничего не услышит. А прибой тут же залижет следы.

С океана доносились необычно сильные звуки. Это играл кит-горбач. В тихую погоду его прыжки слышно за десять километров. «Может, это косатки заставляют его выпрыгивать из воды? — думал Витька. — А может, за ним гоняется какое-нибудь чудовище?»

Но чудовище было на земле. В стороне от сивуча двигалась большая черная тень. Страшно было поверить, но это шагал медведь. Черная громада подошла к бревнам, раздвинула их, и Витька услышал чавканье.

Было чего испугаться. Ростом медведь был не меньше лошади. В темноте трудно как следует рассмотреть — он вышел, когда большая туча скрыла луну. На фоне не совсем еще темного неба виден был только его силуэт.

В длину он был не меньше трех метров. Не так давно на Камчатке убили медведя размером два метра шестьдесят сантиметров, и весил он шестьсот восемьдесят килограммов. А этот должен был весить еще больше.

Медведь чуял Витькины следы, то и дело переставал чавкать, поднимал тяжелую башку и слушал. Судя по величине медведя, ему, наверное, было лет сорок.

«Только бы не учуял», — трясся Витька, сидя за бочкой. В индийских джунглях есть племя, охотники которого прославились тем, что вступают с медведем в единоборство и короткими острыми топориками проламывают ему череп. Защитой охотнику служит одеяло, которое он обертывает вокруг левой руки. Но Витьку, когда он читал об этом, удивила фраза, в которой говорилось, что, пытаясь достать до лица своего врага, медведь становится на задние лапы и тем

самым открывает голову, шею и грудь топору, находящемуся в руках решительного охотника.

«Но если встанет этот медведь на задние лапы, — думал Витька, — никаким топориком не дотянешься до его башки. Он прихлопнет такого охотника, как муху».

Как только лунный свет чуть проскользнул сквозь растрепанный край тучи, медведь перестал чавкать и пошел в тундру. Когда луна целиком выглянула из-за тучи, его уже не было видно.

«Наверное, он и вырос до таких размеров, потому что даже лунного света боится — слишком уж осторожный», — подумал Витька и попятился к палатке, держа наготове ружье. Он устал, и ему хотелось спокойно выспаться хотя бы одну ночь.

Как в детстве прятался под одеяло от всяких страхов, так и в этот раз Витька спрятался в палатку от медведя. Правда, он сам видел, как даже небольшой медведь легко, будто газетную бумагу, рвал брезент. А этот громила и рвать не будет — переломает вместе с палаткой, если будет бродить по берегу и наткнется.

Витька слышал, что такие большие медведи ничего не боятся. Стоит на их пути палатка — не свернут, идут прямо на нее. «А может, все это — выдумка?.. Вот я сегодня и буду подопытным кроликом».

Витька положил заряженное ружье прямо на себя, поверх спального мешка, чтобы удобнее было высвободить руки и выстрелить, если на палатку обрушится медведь. Можно было бы раза два пальнуть в темноту. Тогда бы медведь уж точно не подошел. Но Витька думал — может, все обойдется и будет надежда еще завтра днем увидеть этого великана. «Неужели доживший до такого возраста медведь легкомысленно попрется на палатку? Ведь я с испуга и убить могу! Не должен он вроде бы этого делать... А может, он такой умный, что понимает: стоит побыстрее помахать лапами — и бояться ему будет некого?»

У Рене Малеса в книжке «Страна охоты и вулканов» Витька читал, что медведь, раненный тремя пулями, одна из которых пробила во всю длину туловище и раскроила сердце, пробежал еще несколько сот метров.

От всех этих мыслей уже не хотелось спать. Витька зажег свечку, накапал расплавленный парафин на пластмассовую тарелочку, приладил свечку и поставил тарелочку на матерчатый пол палатки. Пламя огарка, окруженное радужным ореолом, тревожно вздрагивало от ветерка, проникающего в небольшие щели. Витька достал завернутую в кусок газеты школьную тетрадку, в которой писал диктанты. Когда некому было диктовать, он переписывал по памяти слова какой-нибудь песни или стихотворения, а потом, вернувшись с полевых работ, брал у Зинки песенник, проверял по нему ошибки и красным карандашом ставил себе двойки, тройки, изредка четверки.

«Какую же песню переписать? — подумал он и даже усмехнулся, потому что первой пришла на память песня туристов: «Мама! Я хочу домой...»

Возле палатки вроде бы что-то хрустнуло. Витька схватился за ружье и напряженно слушал... Ничего, кроме шума прибоя... Он прислушивался, а глазами машинально пробегал строчки газеты, в которую была завернута тетрадка: «Жанна обладала ясным умом и сильным характером. Была девушкой смелой, настойчивой и целеустремленной. Ей минуло семнадцать, когда она освободила Орлеан, и девятнадцать — когда ее сожгли».

Витька опустил ружье и еще раз перечитал эти строки. Все ночные опасности сразу показались ему преувеличенными. Он оторвал клочок газеты, аккуратно сложил и сунул в нагрудный карман ковбойки...

Утром, укладывая вещи, придирчиво осмотрел каждый предмет, в надежде найти что-нибудь лишнее. Но все было нужно, кроме куска мыла. От него отрезал

небольшой кусочек, остальное оставил, чтобы поняга стала хоть чуточку легче.

Ни вчерашнего медведя, ни его следов дальше не было. Встретить такого зверя дважды было бы слишком большой удачей.

День был безветренный, солнечный, но что-то беспокойное, непонятное висело в воздухе. Во второй половине дня стало ясно, что это не пустое предчувствие — с океана донеслись тревожные стенания. Налетел ветер, начал рвать гривы с волн и солеными брызгами швырять их на берег. То и дело какая-нибудь волна выскакивала дальше обычного на «прибойку» и хлестала по ногам. А одна изловчилась и обдала Витьку с головы до ног. Поняга намокла и стала еще тяжелее.

Слева начинался широкий Кроноцкий лиман. Его отделяла от океана узкая длинная коса. Если правильно сказал Гераська, она тянулась километра на три, а потом прерывалась узким горлом, по которому воды реки Кроноцкой впадали в океан. Гераська уверял, что через устье лимана не пройти. Но Витька сам хотел проверить это. В 1909 году где-то в этих местах переправилась экспедиция на лодках, сделанных из шкур убитых здесь же, возле лимана, медведей.

«А я сделаю плот, — надеялся Витька. ~ Вон сколько бревен валяется по всему берегу».

Океан разыгрался так, что не было слышно наката — все слилось в сплошной рев бушующей воды.

Витька долго шел по открытой всем ветрам косе, наполовину песчаной, наполовину поросшей как будто подстриженной травой... Устье, к которому он наконец добрался, было не очень широким: мог бы перебросить через него камень. Но о том, чтобы перейти его вброд, нечего было и думать. Вода вырывалась в океан так стремительно, что крутила страшные водовороты, через которые даже нерпы прорывались с трудом.

Вода в лимане была намного выше, чем в океане, и даже мощные накатывающие волны не могли сдержать напор водяной лавины. Перебраться где-то поблизости на плоту тоже было нельзя. Даже моторную лодку снесло бы под грохочущие валы и разбило в щепы.

В круговороте воды то тут, то там появлялись нерпичьи головы. Нерп сносило течением, но они прорывались через стремительный скачущий поток и заплывали в лиман. Возле устья в волнах океана их было больше сотни. Темные и пятнистые головы двигались навстречу потоку, чтобы пробиться через него и спрятаться в лимане от наступающей бури. Нерп вскидывало на самую вершину волны, а потом они проваливались вниз. Это были не волны, а горы воды.

Начал хлестать ливень. Ощущение было такое, будто нырнул с открытыми глазами. Чтобы удержаться на ногах от ветра, на него приходилось почти ложиться. Идти дальше было некуда, да и назад идти тоже нельзя — ветер сбивал с ног.

Страшно было ставить палатку в конце узкой косы, с трех сторон окруженной рассвирепевшей водой. Пригибаясь против ветра, Витька искал какой-нибудь бугорок, который хоть немного защитил бы от бури. И ему повезло — он наткнулся на яму, в которую можно было втиснуть палатку.

И палатка и вещи — все было мокрым от ливня. Из всех сил Витька натягивал веревки, но все равно палатка выгибалась как парус. Ветер отрывал от земли дно палатки и подбрасывал с пола спальный мешок. Все тяжелые вещи, начиная от ружья и кончая консервами, ветер разбрасывал по углам. Дно хлопало, будто вот-вот лопнет. А ведь палатка стояла в яме. Груз, который казался таким тяжелым за плечами, был слишком легким для ветра. Витька ножом выкопал из вулканического песка тяжелые камни. Затащил их в

палатку, положил по углам и вдоль наветренной стены. Стало тесно, но дно прижалось к земле.

Земля гудела от ударов волн, и было удивительно, как держится эта узкая длинная полоса земли, почему океан не разбил ее давным-давно такими вот ударами. Недолго пролежал Витька в спальном мешке: лопнула веревка, и палатка начала хлестать по лицу мокрым полотнищем. Витька высунулся, чтобы связать веревку, но даже в яме ветер перехватывал дыхание. Океан ревел.

Веревку Витька кое-как связал, но натянуть палатку так и не смог. Выглянул из ямы и обмер: через косу, по которой пришел, перехлестывали волны! Дальше уже не было косы. Океан соединился с лиманом, и Витька оказался на небольшом острове. И может быть, его тоже затопит вода, если будет прилив сильнее и не ослабнет ветер.

Вокруг было сумрачно оттого, что наступил вечер, и оттого, что небо закрывали рваные тучи.

Витька зажег в палатке свечу. Ее тут же задул ветер. Опять зажег, но ветер снова задул, хотя палатка была плотно закрыта. Даже мокрую ветер пронизывал ее насквозь.

Быстро стемнело. Витька размышлял, что делать. Ждать, что будет? Или что-то предпринять?

Но что он мог сделать со взбесившимся океаном? Волны грохотали сильнее, и вокруг в этом кромешном аду ничего уже не было видно.

Витька лежал в дрожащей палатке и думал, что первая же волна захлестнет яму и придется выскакивать из нее. А вторая или третья слизнет его в лиман, и тогда конец — течение вынесет под волны, а там не продержаться и нескольких минут. И тут его осенило — есть выход! Он лихорадочно начал перебирать в темноте вещи, пока не нашел капроновую веревку. Как только вода попадет в яму, он выскочит из

нее, заберется на триангуляционный знак, на эту трехметровую металлическую вышку, и привяжется к ней веревкой. «Найду ли только ее в темноте? Она где-то близко».

Уже совсем рядом послышался треск деревьев. Это вода добралась до бревен, которые валялись неподалеку, и сшибла их одно с другим. Как могли вода и ветер ломать полузамытые песком деревья, Витька не мог представить. Но он хорошо представлял, сколько в разбушевавшихся волнах болтаются теперь деревьев. Ими был завален берег.

«Они перемолотят и меня и вышку, если только вода поднимется сюда», — со страхом подумал он и хотел высунуться из палатки — посмотреть, не разглядит ли в темноте белую пену. Может быть, узнает, близко ли вода. Но ветер ткнул его лицом в землю, и Витька опять убрался в палатку. Недаром «тайфун» в переводе с японского значит «ветер, который бьет».

И шагу не сделать на таком ветру. Нечего и думать ни о какой вышке. Витька лежал ничком в палатке на дне ямы и ждал, что будет. Дарует судьба ему жизнь или тут вот и кончатся все надежды? «Зачем было лезть сюда? Гераська же говорил: «В устье лиман не перейти»... И зачем все это? Если останусь жив, сразу назад, домой, только домой». В конце концов он уснул, измученный страхом и непрерывным ревом ветра и волн...

Утром все, что было вечером и ночью, казалось страшным сном. Но усталость и мокрые нагромождения бревен поблизости от палатки говорили: это был не сон.

Океан отступил. Он уже не перехлестывал через косу, но все еще тупо, методично ударял и ударял в берег. Зеленоватая, похожая на пемзу, засохшая пена показывала границу, куда добиралась вода. Коса дымилась, как после пожара: сохли пропитанные водой песок и трава.

Витька пошел обратно. Там, где вода перехлестывала через косу, трава перепуталась с водорослями. Океан выбросил такой ворох стального троса, что не каждый грузовик мог бы его увезти.

Когда кончилась коса, Витька повернул в обход лимана. Гераська говорил, что где-то между лиманом и озером русло Кроноцкой разбивалось на рукава. А нельзя ли эти рукава перейти вброд? О том, что ночью клялся вернуться в поселок, Витька старался не вспоминать.

Вокруг лимана тянулся болотистый берег. Но Витька без особого труда вышел по нему к руслу реки Кроноцкой. Дальше, до самых гор, простиралась сухая тундра.

Течение широкой реки было сильным, кое-где на поверхность выбивали крути. Поодаль от лимана Витька рискнул бы переправиться на плоту, но вдали от берега океана не из чего было сделать плот: на сухой тундре ни деревьев, ни бревен. Оставалось только надеяться перейти рукава вброд.

Впереди, чуть в стороне от речного берега, были разбросаны по тундре ржавые консервные банки. Витька бегом заторопился к ним. Раньше он терпеть не мог разбросанных банок, а туг радовался им, потому что это были хоть какие-то следы людей. «Может, там есть тропинка и она приведет к броду», — надеялся он.

Но никакой тропинки не было... Не было и консервных банок. Это грибы-красноголовики торчали на сухой тундре.

...Не все протоки были одинаковыми по силе. Нота, по которой шло больше всего воды, заставила Витьку поколебаться: «Стоит пытаться переходить ее или, может, все-таки вернуться?»

Он зашел в воду. До этого всегда искал брод без поняги. Потом возвращался за ней. И получалось, что каждый раз он переходил реку трижды. Но эту реку, он

чувствовал, трижды ему не перейти. Зашел в воду сразу с тяжелой понягой и ружьем за спиной.

Река неистовствовала. Вода стремительно проскакивала участок, который был мельче основного русла. По берегам болтались клочья дерна и хлопали по воде. Подмытый ивовый куст упал в воду, но корнями еще держался за берег. Вода причесала, пригладила его так, что все сучки ровненько вытянулись вдоль берега.

Трудно было устоять против течения даже на неглубоком месте. Витька хотел опереться на палку и чуть не упал — едва конец палки коснулся воды, поток отшвырнул ее в сторону. Да и воткнутая в дно, она гудела и тряслась под рукой, и он в конце концов бросил ее.

Течение намыло почти вдоль реки галечную грядку. Ее Витька и выбрал для брода. На поверхности не за что было зацепиться глазу. Мимо неслись пружинистые потоки воды. Неслись так быстро, что глаз не успевал рассмотреть никаких деталей, как не успевает он ничего рассмотреть на железнодорожном полотне из окошка мчащегося поезда.

Едва не кружилась голова от этой стремительной воды, которая двумя мощными крыльями охватывала ноги. Витька медленно, шаг за шагом, подвигался вперед. Он боялся, как бы низ увязанных на поняге вещей не коснулся необузданной воды. Если это случится — вода сразу опрокинет его.

С обеих сторон галечной гряды темнела глубина, которую было заметно даже через клокочущую воду. От гидрогеологов он слышал, что у этой реки есть второе, подземное русло. Где-то часть воды уходит под землю, течет под рекой, а потом опять врывается в русло. Страшно было попасть в такой подземный провал. Да если и не было в этом месте никаких провалов, скорость воды такая, что могла разбить о камни. Нужно было с

опаской делать каждый шаг. До другого берега оставалось не так много. Но впереди темнела глубокая промоина. Только в одном месте просвечивал песчаный нанос. Витька ступил на него и пошел, из последних сил преодолевая напор воды.

До берега было шага три-четыре, но отмель кончилась. Впереди темнела глубина, а из-под ног стремительная вода вымывала песок, и нужно было куда-то ступать, иначе ноги уйдут в песок и вода зацепит за понягу. Времени на раздумье не оставалось. На поверхности поблескивали поднятые водой золотистые песчинки. Витька решительно шагнул к берегу и почти лег на воду, навалившись на нее всем телом встреч течению. Но еще шаг сделать было нельзя ни назад, ни вперед. Не удержаться тогда на ногах. Рывком подался к близкому берегу. Поток развернул его, вода сбила с ног, закружила. Берег несся мимо. Впереди скакала по бурунам беретка.

Витька едва успел вдохнуть воздух и опять оказался под водой. Его кружило, ружье за спиной чиркало по дну. Поняга, как пузырь, плыла сверху, не давая поднять голову. То рукой, то ногами Витька задевал дно, но не мог задержаться. Глаза были открыты, он видел сквозь зеленую воду то небо, то дно и не мог вдохнуть воздух. Отчаянно забил руками, ногами, вырвался из-под воды и еще раз вдохнул. Его несло недалеко от берега. Ударил ногами по дну, которое мчалось внизу со страшной скоростью, толкнулся еще раз, еще — и вцепился руками в подмытый корень. Вода тут же вытянула Витьку вдоль берега и заполоскала, как тряпку. Но она так и не смогла оторвать его от корня — Витька все-таки выкарабкался на берег. Лямка поняги так захлестнула за ремень ружья, что он не мог ни сбросить понягу, ни снять ружье. Так и сел на землю. Оперся на понягу и, отдыхая, раскинул руки.

Ветер отодвинул облако, и солнце осветило правильный конус Кроноцкой сопки. Глубокие овраги — барран-косы — прорезали ее от вершины до земли и сделали граненой. На высоте трех с половиной километров сверкала на солнце снежная пирамида — вершина вулкана. Витька был у его подножия.

И оттого, что рядом сверкала Кроноцкая сопка, и оттого, что жив, и оттого, что дошел до дороги людей.

Витька, как язычник, радовался солнцу. Вырвался из ремней ружья и поняги, откинулся на спину, закрыл глаза и мысленно без конца повторял: «Жив, жив! Я прошел!..»

Потом он долго стоял у реки и смотрел на быстрые струи воды, как будто перевитые в тугую косу. «Нет, — сказал он наконец, — все же хорошо подержать свою жизнь в собственных руках».

Вдали горел маленький огонек в голубом платочке дыма. Там и жил лесничий.

Глава двадцатая

Кто-то когтями скребся о палатку. Витька слышал это сквозь сон и протянул руку к ружью. Но ружья рядом не было. Открыл глаза. Вместо палатки над головой белый потолок, и лежал он не в спальном мешке, а на кровати в домике лесничего. В окошко скреблась раскачиваемая ветром ветка.

После беспокойных ночей в палатке сон в обычной кровати казался королевской роскошью.

За завтраком Витька отщипывал от мягкого душистого хлеба по маленькому кусочку и, смакуя, ел как лакомство. Уж очень надоели в походе сухари и галеты. На поселочек налетел ветер — отголосок тайфуна. В окошко Витька увидел, как порыв ветра свернул жгутом большой куст высоких желтых цветов, сорвал кусок толя с собачьей булки, выгнул, как паруса, провода на столбах.

У дома напротив сбились в кучу куры. Они жили на чердаке — его зимой не заметает снегом. Забирались туда по приставленной лестнице. Как только ветер немного перемежился, петух вскочил на нижнюю перекладину, потом на вторую, но ветер отбросил его далеко в сторону. Вытянув вдоль земли шею, он плотно прижал крылья и будто удлинился. Быстро семеня ногами, он пробился против ветра к своим курам и вместе с ними прижался к стене. Одна из кур тоже попробовала забраться на чердак, но ее унесло ветром за угол дома. Мужик с бабкой обрывком сети, как неводом, прижали кур к стене и по одной затолкали в чердачное окошко...

В домик зашел лесничий. Витька еще вчера просил его рассказать что-нибудь о медведях и сейчас напомнил ему об этом. Но медведи для лесничего были

так обычны, что ему о них нечего было рассказать. Он только удивленно смотрел на Витьку, недоумевая, что интересного можно рассказать о медведе. Для него это было все равно что рассказать что-нибудь интересное, например, о корове. Витьке все же удалось кое-что из него вытянуть.

Узнал: медведица со сравнительно глубокого места в заливе озера доставала полегшую после икромета на дно рыбу не передними, а задними лапами. Нащупывала ее и, не ныряя, задними лапами доставала «своим пацанам». Узнал, что прошлым летом молодая медведица угодила на спину геологу. Он шел по узкой полосе берега, а в кедровом стланике спала на откосе медведица. Она проснулась от звука, выпрыгнула из стланика и попала на спину геологу. Ударила лапой по рюкзаку, а там камни — образцы пород. Отшибла себе лапу. Оба перепугались — и в разные стороны.

— Я всю жизнь почти на Камчатке, и медведи везде есть, — разговорился наконец лесничий. — На западном побережье тундра сплошная — на тундре живут. В горах тоже есть. Уж в таких горах жил, что к нам только один летчик летал, — и там медведи были.

— Я что-то не понимаю, при чем тут летчик?

— Горы там — скалы сплошные. Ровного кусочка земли на десять километров не найдешь, чтобы самолету сесть... Расчистили от камней маленькую площадку. С одной стороны в скалу упирается, с другой — обрыв. Самолетик на самый край площадки должен угадать, возле обрыва, а то затормозить не успеет, в скалу ткнется. Один только летчик летал, других не пускали. А взлетать когда, то у скалы самолет разворачивали и все мужики, которые там были, за крылья держали, а он обороты набирал. Потом по команде отпускали все разом, он с места срывался и успевал с этой площадки взлететь. А если просто так подниматься, как обычно самолеты разбегаются, ему бы

вдвое длиннее полосу надо... Я это к чему говорю? Места там — сплошные горы, а медведи жили, и корм находили, и берлоги, все, что надо. И волки тоже так... — И лесничий стал рассказывать о волках. Волки Витьку не очень интересовали, и он слушал о них без особого внимания, пока не услышал такую историю.

Лет восемь назад в поселок привезли большую ездовую собаку. Других собак в поселке не было. Однажды ее увидели вместе с волком. А потом под старым брошенным домом она принесла в глубокой яме щенят. Завхозом в ту пору был мужик нерасторопный и злой. Продуктов из-за его неповоротливости в поселке не хватало, а тут еще целая куча щенят или волчат под домом. Чтобы едоков у него не прибавилось, завхоз вытащил щенят, а они уже глядели, и побросал их в быструю Кроноцкую реку.

Собака не перестала лазить под дом. Оказалось, в доме как-то уцелел один щенок, и она зверела, когда кто-нибудь близко подходил к нему.

— Потом из этого щенка такой собачина вымахал, больше волка. К нам в Туманово вертолетом улетел, охотник какой-то в нарту взял. За то, что в нем собачья и волчья кровь перемешалась, его Букетом прозвали.

— Букетом?! — воскликнул Витька. — Да это же наш Букет. Большущий такой?! Точно, он!

Когда угомонился ветер, пошли с лесничим посмотреть Кроноцкое озеро. Огромное, больше Авачинской бухты, оно было очень красиво в скалистых берегах. Когда-то потоки лавы из Кроноцкой сопки и вулкана Крашенинникова перегородили долину гигантской плотиной. Из-за нее и возникло озеро.

Самолеты летали в поселок изредка, только спецрейсом, и садились в пятнадцати километрах от поселка на сухую тундру.

В воскресенье же должен был прилететь самолет, на обратном пути он мог захватить Витьку до Туманова.

В этот день несколько человек собирались за грибами в тундру, где был аэродром. У одного из них была собственная грузовая автомашина. Геологи бросили две старые автомашины — не переправлять же на материк списанные, — и Зверобой, так звали этого мужика в поселке, собрал из них одну. Потом возил всех желающих за грибами.

Если машина хотя бы сутки стояла, ее нужно было заводить с ходу. В воскресенье собралось больше десятка мужиков, и они катали грузовик по поселку. Катали из конца в конец, а машина никак не хотела заводиться. Когда уже решили бросить эту затею, Зверобой, восседавший в кабине, вдруг вспомнил, что забыл включить зажигание. Мотор сразу затарахтел.

Витьку, как новичка, посадили в кабину. Лобового стекла не было. Неровная дорога шла лесом. Подъемы чередовались со спусками. Машина неуверенно взбиралась в гору и лихо скатывалась вниз. В кузове было пять молодых ребят. Все цепко держались за борта. Зверобой сосредоточенно вертел башкой — дорога была каменистая, с выбоинами.

Витька посматривал на шрамы на его лице и не решался завести о них разговор, а было похоже, что это следы медвежьих лап. Но Зверобой сам заговорил о шрамах. Витька угадал — медведь ударил лапой.

— Ущелье тупиком кончалось, — рассказывал Зверобой. — Там, за поворотом, он на меня и кинулся. А до этого все, наверное, уходил и прятался. У меня карабин на плече был. Это еще лет семь назад, до заповедника. Я за карабин, а он поднялся на задние лапы и ударил меня когтями. Я его не виню — жизнь свою спасал. И ударил, только чтобы отстранить с дороги. Вот с тех пор меня Зверобоем и прозвали.

Он помолчал, а потом сказал:

— Мне вот глаза его тогда запомнились. Я в зоопарке на медведя смотрел — совсем другой зверь...

А этот, когда он в тупике оказался, ну прямо ужас у него в глазах, и от ужаса этого он меня стукнул. Ну прямо как человек перепугался...

— Смотрите, медведь! — перебил его Витька.

По дороге улепетывал средних размеров светло-рыжий медведь. Машина дернулась и с ревом затряслась по неровной дороге, круто поднимавшейся в гору. Скорости медведя и машины уравнились, и Витька попросил так держать. На спидометре было тридцать семь километров. С такой скоростью медведь бежал в гору. Витька попросил прибавить скорость. Но подъем кончился, медведь свернул в сторону и побежал по гриве...

Подъехали к аэродрому. Он оказался просто полосой земли среди тундры, обозначенной пустыми железными бочками. Витьку высадили возле будки радиста, а сами поехали дальше, где красными точками виднелись красноголовки.

Радист уже смотрел на горизонт: ждал самолета. Вдали на небе появилась маленькая черная точка. Вначале с трудом стал прорываться звук мотора, а потом послышался четкий ровный гул. Самолет рос на глазах, приближаясь к посадочной полосе. Перед самолетом, когда он пошел на посадку, ныряли в свои норки суслики. Они и не думали переселяться с полосы, потому что беспокоили их здесь очень редко.

Глава двадцать первая

Началась осень. Ярко-красные пятна расплылись по склонам — среди пожухшей травы покраснели листья лже-толокнянки. В черно-синем небе ярко лучились звезды, и под ними все ночи плыл мелодичный пересвист нескончаемых стай куликов. Вдоль побережья птицы тянулись к югу.

Директор заповедника сменил наконец гнев за поход на Кроноцкое озеро на милость, и Витьку опять отпустили в тайгу.

В воздухе уже и днем беспрерывно пролетали многочисленные стаи среднего кроншнепа. На большой высоте громадные косяки этих куликов казались рассыпанными по небу точками. Они то сбивались в темную массу, то растягивались длинными серыми лугами. Их мелодичный пересвист был основной мелодией осенней Камчатки.

Витька всегда приносил с полевых работ много наблюдений, полезных для «Летописи природы», и Сергей Николаевич настоял на том, чтобы его отпустили в тайгу. Каждый наблюдатель в эту пору был полезен.

Добираться до избушки пришлось не на лодке, а пешком, в обход лимана, потому что со дня на день мог встать лед. Тропинку искрестили полегшие от заморозков длинные стебли шеломайника. Попадались кусты шиповника, увешанные яркими ягодами, размером с крупную сливу. В них, как уверяла Галина Дмитриевна, в тридцать раз больше витамина С, чем в апельсинах, и в сто раз больше, чем в яблоках.

За Витькой увязался Букет и вскоре пригодился. Когда по кладям переходили речку, сучок сдернул с головы Витьки беретку, течение подхватило ее и понесло. До этого Букету не приходилось ничего

подавать с воды, но он понял, что от него хотят. В воду бросился не сразу, а посуху обогнал беретку и только далеко впереди прыгнул в речку. Сумел так точно угадать и скорость течения, и свою скорость, что оказался в нужном месте реки как раз в то мгновение, когда туда подплыла беретка. Ни секундой раньше, ни секундой позже.

Отыскать Рема и в этот раз оказалось непросто. Витька остановился в нерешительности у развилки троп и сказал Букету:

— Ищи Рема.

Букет не раз бывал на полевых, и Витька надеялся: вдруг он успел понять, что Ремом зовут медведя, с которым они не раз встречались.

Букет добросовестно пытался понять Витьку, отбегал, нюхал тропу, вопросительно смотрел, опять отбегал... А Витька твердил:

— Рема! Рема ищи!

В замешательстве Букет схватил с земли палку и принес ее.

— Нет же. нет. Рема ищи. Рема, — настаивал Витька.

Тогда Букет положил передние лапы Витьке на грудь и стал обнюхивать лицо. Он уже не раз делал это, когда не понимал, чего от него хотят.

«Так он, наверное, пытается поговорить по-своему, по-волчьи или по-собачьи, — думал Витька. — Может, эти звери говорят между собой языком запахов? Может, они из разных сочетаний запахов могут составлять слова или фразы, как мы из звуков? Недаром волки перед охотой загоном. когда одним надо спрятаться в засаде, а другим гнать зверя, долго обнюхиваются — похоже, договариваются. кто и куда пойдет в засаду, кто и как погонит оленя... Вот и Букет, наверное, хотел, чтобы я ему на языке запахов объяснил, что он должен делать».

Витька сорвал с куста шиповника красную ягоду. Букет, который все еще не мог смириться с тем, что не понял Витьку, потянулся зубами к такой же крупной ягоде, сорвал ее и стал осторожно жевать, спрашивая глазами: «Может, это должен был сделать?»

Витька наугад пошел по правой тропе, но встретил только старые следы Рема.

Через несколько дней после Витьки ушел из поселка Гераська. Директор послал его в пограничную с заповедником зону отстрелять по запросу музея «один экземпляр камчатского медведя». В первый же день Гераська встретил зверя — тот переходил речку. Можно было бы стрелять, но он не стал — не тот размер. Несколько дней не мог найти крупного, чтобы не зазорно было поставить в музей.

Однажды вечером, когда уже собирался спать, увидел на другой стороне ручья большого медведя. Зверь шел за кустами тальника, и Гераська разглядел только, что он крупный. Чтобы зайти наперерез, быстро перешел ручей, вышел из-за тальника и оказался прямо перед громадным зверем. Медведь поднял голову. Рост у Гераськи высокий. Но, целясь в голову зверя, он даже чуть приподнял ствол таким громадным был этот медведь.

Гераська выстрелил. Медведь упал, но тут же поднялся. Гераська выстрелил еще раз — медведь побежал от него. Гераська за ним...

Шесть раз он стрелял и бежал за ним по тальникам.

Начало темнеть. Гераська спохватился: «А что, если он затаится и бросится?! Подожду до утра...»

Вернулся в палатку. Наутро Гераська нашел место, где лежал зверь, — земля там краснела от крови. Но медведя не было — издали услышал человека и ушел. Гераська пошел по следам — их было хорошо видно на покрытой инеем земле.

Но начало пригревать солнце, иней пропадал, и все труднее становилось находить следы...

А Витька в этот день опять искал и не мог найти своего Рема. «Может, уже залег в берлогу?» — думал он, глядя, как кедровый стланик распластал по земле свои ветки, чтобы первый же снежок засыпал, укрыл их от морозов.

Однажды ночью вся верхняя половина Зубчатки побелела от свежего снега. Это было последним сигналом, что вот-вот начнется долгая камчатская зима.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Витька наконец увидел своего медведя. Рем брел мимо избушки и не обращал на нее внимания. Не только не задержался и не стал клянчить подачки, даже не похозяйничал в помойке. Витька едва успел схватить телогрейку: Одевался на ходу, чтобы не потерять медведя из виду.

Рем сорвал зубами шишку кедрового стланика, покатав ее во рту и бросил.

Ночные морозцы уже не раз белили землю инеем. А в это утро холод был настоящим. Мороз лежал на траве, на кладях через речку. Шеломайник, который еще вчера кое-где стоял, как сухой табак, ночью весь был подкошен, свален этим резким морозцем. Да и не только шеломайник, вся трава стала бурой или желтой. Ярко зеленел один плаун, который даже под снегом не теряет своей зелени.

В прозрачной воде ручья, вдоль которого шел Рем, сновала рыба с яркими каемками на плавниках, разворачивались крупные, до пяти—семи килограммов буровато-фиолетовые кижучи и шныряли красные, будто окровавленные, гольцы. То и дело перед Ремом поднимались в воздух орланы. Пропустив медведя и Витьку, они опять опустились на отмели рыбачить.

Рем поднимался все выше в горы. В каменноберезовом лесу начали встречаться отдельные пятна снега. А потом и сплошной свежий снег Там медведь повернул и пошел вдоль границы снежного покрова, пересекая многочисленные распадки.

Чем дальше забирался Рем, тем меньше у Витьки оставалось надежды увидеть его берлогу. Медведь был каким-то полусонным. Шел, не обращая ни на что внимания, как можно прямее, если только напрямую можно было пройти. Путь становился все труднее. Там, где Рем на своих когтистых лапах карабкался на крутые склоны без особого труда, Витьке приходилось туго. Несколько раз он сползал назад в распадок, а потом бегом догонял медведя. В конце концов стало ясно — Рем шел в кальдере вулкана Узон. Где-то там, в подогретых вулканом скалах, была у него берлога.

Возле глубокого распадка Витька остановился и простоял до тех пор, пока Рем пересек распадок, выбрался на другую сторону и скрылся за гребнем.

Витька остался один. На всю зиму ушел знакомый медведь, и еще неизвестно, удастся ли встретиться с ним на будущий год.

Рядом, на дряхлом стволе сломанной березы, среди полуистлевших неровностей коры было насыпано множество скорлупок кедровых орешков. Это белка таскала когда-то из кедрового стланика шишки и на этом дереве шелушила их.

Белые куропатки, незаметные на снегу, полетели вниз, туда, где еще не было снега. Белые точки долго мелькали на фоне побуревшей, пожухлой травы...

Уже в сумерках вернулся Витька в избушку. А утром пришлось торопливо собирать свое походное имущество и уходить в поселок: повалил непроглядный, густой снег.

Витька торопился. На Камчатке за сутки может насыпать столько снега, что без лыж по нему уже не

пробраться. Бывает, за ночь выпадает до полуметра. И в эту ночь навалило уже почти по колено! «Вот почему Рем отправился в берлогу, — думал Витька, — знал, что нагрянет такой снегопад. Не то что синоптики. Сообщили: в эту неделю «без значительных осадков». Недаром говорят, что празднуют день синоптика первого апреля».

Измученный, с мокрыми ногами, Витька все же благополучно добрался до поселка и тут узнал новость — Гераську заломал медведь!..

Витька побежал в больницу.

Гераська лежал на железной койке под одеялом. Руки в белых бинтах резко выделялись поверх темного одеяла. Бинты были и на голове. Но глаза смотрели живо, и Витька решил: Гераська поправится.

Оказывается, он долго не мог отыскать раненого медведя. Солнце растопило иней, и Гераська уже не по следам, а по капелькам крови искал, куда ушел зверь. Тропа расходилась как бы на три ручейка, и, по которому прошел медведь, было непонятно. Гераська наклонился к земле — нет ли хотя бы царапин медвежьих когтей. И в это время из-под высокого рябинового куста поднялся на задних лапах медведь.

Гераська выпрямился и выстрелил ему в голову.

Но стрелял сквозь ветки куста, и, наверное, пуля не попала в цель. Пока досылал второй патрон, медведь приблизился почти вплотную.

— Почему я не отскочил в сторону, и сам не знаю, — рассказывал Гераська. — Не привык перед ними отступать. Березка-то рядом была... А я стою на месте, лоб сырой стал. Зверь вот уж прямо передо мной. Я поднял ружье и выстрелил ему куда-то в грудь. А он как хватит зубами за ствол и отбросил ружье в сторону. А мне лапой в грудь. Упал я и чувствую: он за ногу зубами схватил. Сапог прокусил и до кости достал... Потом за бок зубами Хорошо, я в телогрейке был... Навалился на

меня. Ну, думаю, конец, сейчас задерет. Он за голову зубами схватился.

А я ему руки в пасть сую — между зубами. Пусть лучше руки покусает. Ведь сколько я в него раз стрелял! Что он, бронированный, что ли?.. А он меня за плечо схватил. Только укусить как следует не может — челюсть ему пулей повредило. Боремся мы с ним на земле. Я вижу, к ружью подвигаемся. Хочу ружье схватить, а он прижимает мои руки лапами, не дает. Нож у меня на поясе, а не достанешь: лежит на мне такая туша... Одну ногу он мне прогрыз и в коленке стронул, а вторая здоровая. Дай-ка, думаю. ударю его в брюхо. И ткнул его! Он как вскочит — и бежать. А я за ружьем. Вскочил да в горячах за ним. Но чувствую — нога болит. Посмотрел, а кровь уже через голенище течет. Вернулся, гляжу: кровищи! Тут бинокль мой лежит и часы. Поднял часы, послушал — идут. Забрал бинокль и быстрее на дорогу. До нее километра три. Тундра там неподалеку, может, думаю, кто ягоду собирать пришел...

Надо было ручей перейти неширокий. Со здоровыми ногами перепрыгнул бы — и все. А тут уж не могу — горит нога. По берегам тальник рос густой. По нему кое-как на тот берег перекатился. После воды вроде бы полегчало... Иду. а сил уже нету. Отдохнуть бы, прилечь. А понимаю: лягу — тогда не встать. На тропу вышел, тундра недалеко. Смотрю — на тундре мальчишка знакомый ягоды рвет. Увидел меня да как бросится бежать — он меня знал, да крови на мне испугался. Потом остановился. Я крикнул: «Беги быстрее, скажи, чтобы пришли за мной».

А сам все иду. Только когда народ увидел, упал, а встать, подняться уже не могу. В восемь утра я с медведем встретился, а в восемь вечера меня в Туманово принесли.

Осмотрела меня врачиха и говорит: «Если до утра доживет, самолет вызывать буду». Она думала, я без сознания, а я говорю ей: «Ты меня раньше времени не хорони. Делай, что можешь, а там видно будет».

Крови я очень много потерял. Удивилась она, что я в сознании, усыпила и давай на голове лоскуты сшивать. Потом ногу зашивать начала. Тут я и проснулся.

Теперь вот ничего, поправляюсь. Врачиха говорит, следы на голове останутся. И руки покорежены. Но ничего, пальцы все гнутся. Легко отделался еще. Не пойму только, почему он когти в ход не пустил. Ведь запросто мог такими лапищами меня разорвать.

Первые дни под сердцем сильно болело, где он лапой ударил. На ружье, на нижней трубке, так вмятины и остались от зубов. Это когда он у меня ружье выхватил.

— А медведя далеко от того места нашли? — спросил Витька.

— Да нет. Мужики говорят, там же он неподалеку и лежал. Увезли в какой-то музей. Надо бы тебе его измерить. Крупный... А я сантиметром, который ты мне дал, палец тогда замотал — кровь уж очень сильно текла.

— Почему он у тебя ружье из рук вырвал? Я слышал, медведи часто так делают — прежде всего ружье выбивают, а потом уж на охотника набрасываются.

— Чего же тут непонятного? — удивился Гераська. — Собака и та понимает, что ей грозит, если ружье на нее наставишь. Она только не может из рук его выбить. А медведь может. И первым делом вырвет, если успеет.

Витька шел домой, а перед глазами так и стоял весь перебинтованный Гераська. Витька понимал — это особый случай, медведь защищал свою жизнь. Но все равно эти бинты на Гераськиных ранах как будто открыли ему глаза на опасность, рядом с которой он пробыл почти все лето.

Глава двадцать вторая

Дома Витька старался очень осторожно открывать и закрывать дверь, потому что весь стол, подоконники и часть пола были устланы множеством исписанных листков, и Витька боялся, как бы они не разлетелись. Он перекладывал листки, систематизировал собранные за лето наблюдения. Знаний не хватало, он забирался с ногами в старое кресло и порой до рассвета читал книжки и журналы из научной библиотеки заповедника. Если попадалась статья, которую он не мог понять, даже перечитав несколько раз, выписывал из нее все незнакомые слова и по словарям и учебникам разбирался во всех терминах. Случалось, даже выучивал статью наизусть...

Когда наконец добирался до сути, испытывал противоречивые чувства: радостное — что одолел слишком наукообразную статью, и гнетущее — что потратил столько времени на статью, которую человеку со специальным образованием достаточно прочитать один раз.

Однажды Сергей Николаевич пришел на работу и, сидя за своим столом, заваленным книгами и бумагами, долго водил носом, как пойнтер, который никак не может причуять дичь.

Поглядывая на Сергея Николаевича, Витька сидел насупившись, с видом провинившегося кота. Сергей Николаевич встал. Открыл дверь в небольшую комнатку-препараторскую и тут же захлопнул ее.

— Сколько раз говорить? Я не могу целый день сидеть рядом с комнатой, в которой всю ночь ворошили медвежий помет.

— Но вы же сами говорили: «Птицу видно по полету, зверя видно по помету», — попробовал отшутиться

Витька.

— Если тебе так хочется узнать, чем питались медведи, занимайся их пометом подальше от научной части. И унеси куда-нибудь на мороз все эти пакеты.

В препараторской были ванночки с проточной водой. Это и привлекло туда Витьку. Но ему не нужно было определять, чем питались медведи. Он и так довольно хорошо знал об этом, часами наблюдая за ними в тайге. Его интересовало другое: он выбирал непереваренные семена ягод. Хотел установить, какую роль играют медведи в расселении разных видов ягод. Все семена, которые Витька успел отмыть в препараторской, он тщательно рассортировал и утром в выходной на лыжах ушел из поселка.

Вернулся только поздно вечером. Весь день, подобно северному оленю, раскапывал в разных местах снег и добирался до земли. Выискивал под снегом шикшовник, кустики жимолости, кусты рябинника и других ягод. В поняге на спине приволок в поселок целый мешок разных образцов почв, на которых росли ягодники. Сделал ящики, посадил семена в их родную землю. Ящики поставил на подоконниках в научной части. Он и зимой мог уйти на полевые работы, и тогда в его нетопленном доме могли бы померзнуть всходы.

Но на другой день Витька увидел в своих ящиках жирную черную землю и ростки комнатных цветов. Это Галина Дмитриевна, не зная, что за ящики появились, вытряхнула из них плохую землю, насыпала чернозем и посадила цветы. Хотя она и переживала потом не меньше Витьки, что так получилось, его это не утешило.

Если бы поздним вечером кто-нибудь заглянул в долго не гаснущее Витькино окошко, он бы очень удивился: Витька сидел на полу и чистил медвежьему черепу зубы...

В реферативном журнале Витька наткнулся на описание методики точного определения возраста

животных — и медведей тоже — по срезам зубов. В заповеднике было много медвежьих черепов, и по этой методике можно было бы определить, в каком возрасте добыт каждый медведь. Но для этого нужен был микротом — прибор для получения тончайших срезов, чтобы потом рассматривать их под микроскопом. Но разве может заповедник купить микротом, если он нужен всего лишь рабочему научной части.

Весь день, насупившись, Витька расчищал снег. Состязался с пургой, которая заметала окна и двери научной части. А когда пришел домой, собрал в стопку все книжки и журналы, взятые из научной библиотеки заповедника, завязал их бечевкой, чтобы завтра же отнести в библиотеку. Дал себе слово начать как следует готовиться к экзаменам и, пока не поступит в университет, читать только учебник. Витька грыз гранит школьной науки, а его грызла мысль о том, что он мог бы написать статью о медведях Камчатки ничуть не хуже статьи о волках, которую не так давно прочитал в сборнике. Ему казалось, что его статья была бы даже богаче наблюдениями, потому что он почти все лето был среди медведей, а автору статьи о волках посчастливилось наблюдать за ними всего только неделю.

В конце концов Витька отложил учебник, взял толстую тетрадку и принялся писать. Записывал подряд все наблюдения, которые подходили для темы статьи. Вначале, работая над статьей, он думал немного отвлечься от учебников. Но получилось так, что уже не мог оторваться от нее и даже ночью просыпался и записывал наблюдения, которые вдруг вспоминал.

Статью он написал в том же плане, как была написана статья о волках. Только получилась она раза в два больше, хотя Витька и выбросил многие наблюдения, которые казались ему не очень интересными.

Вечером Витька попросил Зинку остаться в конторе и перепечатать статью. Ей не раз приходилось переписывать на машинке разные выдержки из статей для Галины Дмитриевны и Сергея Николаевича. Да и Витька изредка просил ее перепечатать для него методики.

— Большая статья? — спросила Зинка.

— Порядочная.

— Тогда с тебя большая шоколадка.

Диктовал Витька долго. Зинка изредка перебивала его и спрашивала, как писать непонятные ей слова: «этиология», «биоценоз», «популяционные»...

Это была обычная статья, в которой Зинка мало что понимала, да и не старалась понять. Печатала механически и думала о своих делах. Но когда Витька продиктовал адрес: «Туманово Камчатской области» и подпись — «Виктор Медведев», она изумленно посмотрела на него:

— Это ты написал?

Витька кивнул. Зинка покачала головой и, то ли с насмешкой, то ли всерьез, сказала:

— Ой, Витька, какой же ты умный...

Статью Витька отослал в журнал и с нетерпением стал ждать очередного номера. Когда наконец этот номер пришел, он лихорадочно перелистал его и не нашел своей статьи. Еще раз просмотрел журнал и убедился — статью не напечатали.

Над поселком густым серым дымом клубились низкие облака. Настроение было скверное. Зарекался ведь ни на что не отвлекаться, готовиться к экзаменам, а сам забросил учебники и столько времени потратил на никому не нужную статью.

Глава двадцать третья

С утра на свежую голову Витька засел за учебники, а потом пошел на работу. Сегодня ему предстояло ловить собак. Заповеднику нужна была упряжка ездовых собак. Купить ее было негде: никто не продавал. И Витьке поручили собрать упряжку из бродячих псов. Уже три дня Витька пытался их ловить и ни одной собаки не мог поймать. Охотники посмеивались: «Это все одно — что бандитов приучать к работе, что их».

Трудность оказалась в том, что бездомные псы держались от людей чуть дальше ружейного выстрела. Их жизнь зависела от осторожности: были в поселке любители пострелять по живой цели.

Витька думал: стоит бродячей собаке показать кость — и, пожалуйста, надевай ошейник, веди к упряжке.

Он потратил на это два дня, а добился только того, что собаки, издали заметив его, тихонько прятались — кто за дом, кто за снежный бархан: ведь случалось, им показывали кость, а за спиной держали ружье.

Жили собаки под старым, разрушенным землетрясением складом, от которого остались только пол на сваях и на нем вороха бревен и обломков крыши. Пол был поднят так высоко над землей, что под ним мог свободно во весь рост проходить даже человек. Но люди туда не ходили, и собаки чувствовали себя там хозяевами.

Витька с опаской пошел в сумрак между сваями. Страшно заходить даже в чужой двор, где есть непривязанная собака. А под настилом их пряталась целая свора.

Он шел в полумраке и не видел ни одной собаки — за сугробами они незаметно отходили в стороны. Витька уже прошел подо всем складом. И вдруг почти наткнулся на большого пса. Он хмуро и зло смотрел на Витьку и не думал вставать со своего места. Витька почел за лучшее обойти этого пса стороной.

Первую собаку Витька поймал случайно. По дороге домой встретил щенка и разыгрался с ним. Неподалеку смотрел на их возню неказистый бездомный пес. Он был каштанового цвета с поперечным белым пятном на груди, как у гималайского медведя. Но уж очень худой, неприглядный — ноги кривые, уши торчат в разные стороны. Витька поманил собаку, и она подошла.

Видно, игра со щенком пробудила у нее доверие к человеку. Витька не думал брать этого пса в упряжку. Но после стольких неудач решил взять. Звали пса Лешкой.

— Хороший передовик... Вожак! — серьезно сказал какой-то парень, проходя мимо.

Витька ничего не ответил на насмешку и привязал собаку к тросу, натянутому между двумя столбами: в поселке не привязывали ездовых собак к кольям — вокруг них запутывались цепи.

Лешка одиноко сидел на привязи, а Витька охотился на Завхоза. Так почему-то звали ездовую собаку, похожую на крупную лайку, только с отрубленным хвостом. К каким уловкам ни прибегал Витька, никак не мог подманить ее. Спасибо Гераське. Он позвал Витьку к себе в дом, дал старый валенок и сказал:

— Попробуй им поманить.

К удивлению Витьки, валенок сразу заинтересовал пса. Может быть, от него пахло сушеной рыбой, возле которой лежал... Как бы там ни было. Завхоз преобразился, как только увидел валенок. Из осторожного, равнодушного он вдруг стал заискивающим. Витька протягивал ему валенок, а он

подползал к нему. Витька вынул из кармана веревку с ошейником. Но и это не остановило собаку. Она дала надеть на себя ошейник, схватила валенок и несла его в пасти, пока Витька привязывал ее поблизости от Лешки. Завхоз подождал, пока Витька отошел подальше, и зарыл валенок в снег.

Третью собаку звали Хлюст. Это был похожий на овчарку только нескладный пес непонятого грязного цвета. Шерсть его казалась то коричневой, то даже чуть зеленоватой. Этот пес иногда подрабатывал — за сахар катал ребятишек на санках. Витька выследил его и подговорил мальчишку привязать Хлюста к столбу.

Хлюст дернулся раз, проверяя, не порвется ли веревка, дернул другой — убедился в ее прочности и сел, не выказывая особого беспокойства. Он с удовольствием съел сахар, который предложил ему Витька.

Лешка сидел на привязи спокойно, а Завхоз то метался, дергая цепь, то пытался стянуть ошейник. Весь снег вокруг был утоптан и стал твердым и ровным.

Витька пожурил Завхоза. Тот лег, вытянул лапы и просительно смотрел на Витьку, пока он привязывал Хлюста.

Теперь на привязи сидели три собаки. Надо было поймать еще хотя бы столько же.

Собак в поселке не так уж много, тем более бродячих. Не то что во времена путешествия по Камчатке академика Комарова, который писал: «Жителей в поселке 284, собак более 1200».

Пришлось подумать, не взять ли в упряжку Рябого. Это был громадный пес. Его шкура была собрана вокруг морды наподобие жабо. Эго на него Витька наткнулся под разрушенным складом. Рябый был полусонным, флегматичным псом, равнодушным даже к собственной жизни. Любители испытывать бой своих ружей на собаках не выбирали Рябого мишенью — боялись, что.

раненный, он может быть таким же опасным, как разъяренный медведь.

Говорили, когда-то Рябый тянул лямку.

Просто так подойти к Рябому Витька не решился и придумал план...

Рябый лежал на снегу между полуразрушенным складом и свалкой рыбных отходов. Витька обычным шагом пошел к Рябому. На ходу достал ошейник и поводок.

Рябый приподнял голову и с удивлением смотрел на человека. В его суровых, полупотухших глазах появился гневный огонек. Нижняя челюсть отвисла и обнажила поломанные передние зубы. И в это время резко встал Букет, которого Витька посадил поодаль на тропинке. В этом и был весь замысел. Букет, который давно завоевал в драках право повелевать собаками, подстраховывал Витьку. Рябый заметил Букета и сразу прикрыл пасть. А Букет, чуть пригнув голову, выразительно смотрел на него, не трогаясь с места.

Защитив руки толстыми меховыми рукавицами. Витька подошел к Рябому вплотную. Тот нехотя встал. Наступил самый опасный момент — нужно было надеть ошейник.

Преодолев страх. Витька протянул руки к собаке, и тут оказалось — ошейник не сходился на могучей шее Рябого. Витька замер, не зная, что делать. Рябый почувствовал его замешательство, шагнул было в сторону, но Витька перекинул через шею пса ременный поводок и двумя узлами завязал его над загривком. Потом легонько дернул и возможно ласковее проговорил:

— Иди. Рябый. Иди. хороший пес.

Рябый пошел, и у Витьки отлегло от сердца. «Теперь уже не бросится — упустил момент».

Букет, до сих пор стоявший настороже, побежал вперед и не смотрел больше на них. Он понимал защита

уже не нужна, драки не будет.

Вечером Витька придумывал, где бы еще раздобыть двух собак, а утром с изумлением увидел в окошко, что около троса возле его собак сидят еще три: Нептун и неразлучные с ним два брата-близнеца. Их давно не видно было в поселке — и вдруг откуда-то появились. Нептун, видно, понял, что собирают новую упряжку. Ему давно надоело болтаться, и он явился в надежде, что возьмут и его.

Нептун был похож на льва, только черный. У него была громадная, почти как у настоящего льва, грива и такая же крупная голова. Он один из упряжки, не считая конечно Букета, мог помериться силами с Рябым. Рядом с Нептуном, как телохранители, сидели два неотличимых один от другого пса: братья-близнецы. Кличек у них не было, и Витька назвал их Чук и Гек. Какой из них Чук, какой Гек, он так и не знал, да и незачем было — они всегда держались вместе. Оба волчьей масти, как и Букет, только меньше его ростом.

Витька сунул в карман горсть сахара и побежал к собакам. Завидев его, Нептун со свитой чуть отодвинулись от привязанных к тросу собак. Витька бросил Нептуну сахар. Тот встал, повилял хвостом, понюхал сахар и вопросительно посмотрел на Витьку: что, мол, с ним делать? Для Витьки было важно, что Нептун повилял хвостом. Он смело подошел к нему. «Телохранители» отступили. Витька сунул руку в гриву пса, нащупал голову и ласково потрепал ее. Нептун не только дал надеть ошейник, но вид при этом у него был такой, будто на него надевали царскую корону.

Чука и Гека Витька привязывать не стал. Гераська уверял — никуда не уйдут от Нептуна.

Собаки быстро признали Витьку хозяином: радовались, когда выходил из дома, послушно давали примеривать упряжку. Только Завхоз не мог смириться с пленом. Ходил то в одну, то в другую сторону,

ласкался к Витьке, терся о ноги, заглядывал в глаза. А когда Витька отходил, начинал метаться и жалобно скулить. В конце концов он перекрутил цепь и убежал. Искать его Витька не стал. Не было надежды, что такой беспокойный пес будет ходить в упряжке. Жаль только, что убежал с обрывком цепи и она будет мешать ему...

Но вскоре он увидел, что Завхоз прибежал назад и притащил к своему утопанному пятаку старую телогрейку. Потом вырыл нору, засунул туда телогрейку и опять убежал. Где-то за поселком был у него «склад». Целый день он таскал оттуда всякий хлам. Оказалось, за эту «хозяйственность» и прозвали его Завхозом.

Витька не мог понять, что заставило его перетащить на новое место свое «имущество». Может быть, ему, как и Нептуну, тоже хотелось быть в упряжке и для полного благополучия не хватало только своих сокровищ?.. Но как бы там ни было, Витька был рад возвращению Завхоза.

Наконец Витька отремонтировал нарточку и привез на ней всю собачью упряжь. Нептун тяжело прыгал на месте, довольный скорой разминкой. Другие собаки не выказывали особого энтузиазма.

Витька с восторгом посматривал вдаль, на белый простор у предгорий, куда он первым делом помчится на своей упряжке. Он привязал нарточку к столбу, боясь, как бы собаки не сбежали без него. Любой из псов, кроме Лешки, мог взбунтоваться и вырваться, когда Витька отвязывал его от троса. Рябый косился так подозрительно, что Витька опасался, как бы он не вцепился в горло, когда нагнешься к нему застегнуть лямки. Хлюст тоже не внушал доверия. Он жуликовато смотрел в сторону. Но слушались собаки хорошо. Охотно переходили с места на место, когда расставлял их, чтобы равные по силе были в паре.

Витька запряг собак, сел на нарту и взял в руки остол — толстую березовую палку, острый конец которой окован железом. Остолом тормозят, когда нарта спускается с горы или упряжка мчится по опасному месту не в меру быстро.

Собаки были возбуждены. Хлюст даже легонько дрожал. Витька и сам чувствовал легкий озноб. Через мгновение за его упряжкой затрепещет белый шлейф снега! Ему не терпелось быстрее ощутить эту неистовую гонку. Он осторожно отвязал веревку, которой была привязана нарта, привстал немного, крикнул и махнул рукой: «Вперед!»

Упряжка подскочила и осела плотной ревущей кучей. Вместо того чтобы рвануться вперед, все псы в едином клубке сцепились в драке. Кто кого грыз — не разобрать. Нарта дергалась под Витькой, а он, опешив, не знал, что делать. Но, увидев, что Рябый душит Лешку, забыл об опасности и бросился в собачью свалку, растаскивая псов за лямки, за хвосты. Чья-то лямка захлестнула его за ногу, собаки дернули, и он рухнул на них, молотя руками и что-то крича. Собаки рассыпали клубок, перестали драться и, стараясь не наступить на Витьку, образовали круг. Витька поднялся и, ругая собак, начал распутывать ремни. Несколько раз протолкнул Хлюста под Нептуном, а Лешку челноком пропускал между собачьими лапами, прежде чем распугал лямки.

Но этим собачьи потасовки не кончились: команда «Вперед!» была, словно гонг на ринге, сигналом к бою.

Витька уже в который раз распутал упряжку и думал, посылать или не посылать ее еще раз. А собаки вдруг сами рванулись вперед, и он опрокинулся на спину. Упряжка вихрем неслась по поселку, а Витька не мог подняться и едва держался, чтобы не свалиться с нарты. Он все же кое-как повернулся и увидел, что собаки мчались навстречу другой упряжке, которая

тоже неслась к ним. Упряжки сшиблись. Витька перевернулся вместе с нартой и вылетел в снег.

Грянул настоящий собачий бой — с ревом, с воплями, с клочьями шерсти. Витька барахтался в сугробе и торопился к собакам, а к нему, тоже увязая в снегу, торопился хозяин другой упряжки.

Витька тянул за ремни, а мужик, не разбирая, молотил остолом по спинам собак. Наконец их клубок распался, и Рябый зубами вырвал у мужика остол. Упряжки развели. Собаки с чувством исполненного долга зализывали раны.

Мужик ругал и собак и Витьку, а он утешался тем, что понял — драка с другой упряжкой сплотила собак. Подождал, пока уедет мужик, и тронул свою упряжку. Собаки деловито везли нарту — теперь, после «разминки», они работали. Хотя это и не была лихая езда, Витьке она доставляла удовольствие. Ему захотелось свернуть к ивняку. «Нале!.. Нале!..» — закричал он собакам — так местные охотники командуют упряжке, если надо повернуть налево.

«Нале!.. Нале!..» — кричал он, а Рябый с Нептуном, которые бежали во главе упряжки, и не думали поворачивать. Они никогда не были передовиками.

«А может, тот парень всерьез сказал тогда про Лешку, что он хороший передовик?» — подумал Витька и переставил Лешку с Хлюстом вперед, а Нептуна с Рябым на их место. Упряжка сразу стала управляемой, Витька посылал ее то в одну, то в другую сторону. Лешка, маленький, измызганный пес, отлично выполнял все команды. В поселок вернулись, когда в окнах уже загорались огни. В этот день Витька накатался досыта.

Собаки наскоро проглотили свои порции рыбы и все, как одна, свернулись калачиками на своих местах. Подул сильный ветер, и Витьке пришлось на все пуговицы застегнуть куртку. Начиналась пурга. Собаки

лежали спинами к ветру. Через минуту они уже стали белыми.

А утром вылезли из-под свежего снега, потянулись, выгибая спины, сладко зевая и жмурясь на солнце, уселись столбиками и смотрели на Витьку, как будто говорили: «Погода хорошая. Куда поедem?»

Витьке не нравилось, что впереди его упряжки был такой невзрачный пес, как Лешка. Он привел Букета, и запряг его передовиком. От охотников он знал, что Букет после раны не мог долго тянуть нарту, начинал горбиться от картечи, застрявшей возле позвонков. Но Витька впряг его ненадолго, только чтобы с шиком промчатся по поселку. Команды Букет выполнял чуть хуже Лешки. Зато какой красавиц впереди упряжки! За поселком Витька отцеплял Букета, и тот свободно бежал впереди.

Когда собаки сбавляли ход. Витька подбадривал их, как это делали охотники, с которыми ездил на собаках:

— «Заяц! Заяц!» — кричал он. И собаки прибавляли скорость. Или: «Орел! Орел!» — и собаки мчались туда, где перелетел белоплечий орлан, стерегущий уток на темной полынье лимана. Но чаще собак подзадоривали криками: «Лиса! Лиса! Заяц! Заяц!» И хотя ни лисицы, ни зайца поблизости не было, собаки все же взбадривались и бежали веселее.

Собаки прекрасно понимали, когда какая-нибудь из них начинала лениться в упряжке. Если она просто бежала среди собак, а не тянула, ей тут же устраивали трепку. Чаше всего доставалось Хлюсту — любителю полентяйничать.

Витьке вспомнилось, как он попал однажды в передрягу. Нужно было переправиться с собаками через речку метров пятнадцать—двадцать шириной. Ее легко перейти в резиновых сапогах, но нужно перенести на себе нарточку, чтобы не намокла. Собак в таких случаях

отцепляют от нарты и всей упряжкой пускают переправляться одних.

Подбегая к реке, собаки устремились вперед. Но Витька, толкнув нарту в сторону, упер ее в дерево — так делал Гераська, — и собаки встали как привязанные. Витька слез с нарты, отцепил от нее алык^[5], и собаки без команды ринулись через речку. Ногу захлестнул ремень. Витька всплеснул руками, ударился о снег, его сдернуло с двухметрового снежного обрыва в воду, а возбужденная переправой упряжка, не замечая лишнего груза, помчалась к другому берегу. Витька бил руками по воде, захлебывался, кричал: «Стоять! Стоять!» Но собаки остановились только на другом берегу, куда с ходу выдернули и его. Пришлось гнать собак назад, в поселок. На счастье, мороза не было, и все обошлось благополучно.

А как-то поздно вечером Витька мирно зубрил дома химию. Вдруг загрохотали в дверь. И, не ожидая приглашения, в дом ввалилась целая семья — родители с сыном. Они возвращались с вечеринки и требовали, чтобы Витька немедленно шел с ними. Толком не объяснили, что случилось. Среди ночи Витьке пришлось идти на другой конец поселка. Оказалось, этих людей не пускал в их собственный дом Нептун. Он оборвал цепь и улегся на крыльце дома, в сенях которого томно таякала взаперти его возлюбленная. Витька едва сволок упирающегося «жениха» с крыльца и посадил на цепь, которой раньше привязывали жеребца.

Но что значили эти неприятности, если он мог мчаться на своей упряжке так, что только ветер свистел в ушах и снег белым крылом взлетал на поворотах!

Настало время показывать упряжку директору заповедника.

Вдень «смотрины» Витька поставил передовиком Букета. Оценить новый транспорт для заповедника вышли все сотрудники. Витька проехался мимо конторы, направил упряжку вверх по распадку, спустился вниз с горы, ловко притормаживая остолом, и лихо затормозил у крыльца конторы.

— Молодец, — сказал директор. — В тайгу можно отправляться на них?

— Конечно, — заверил Витька.

— Как они в управлении? «Налево», «направо» хорошо выполняют? Можешь направить их между столбами, потом к изгороди, мимо дров и по дороге опять сюда, к нам? Посмотрим, как они тебя слушаются.

Букет отлично провел упряжку, четко выполнил все команды. Витька направил собак вдоль поселка, улюлюкнул, чтобы с ветерком промчатся по накатанной дороге. Собаки подхватили и понеслись так, что лап их не было видно. А Витьке этого показалось мало. «Кошка! Кошка!» — подзадорил он их, хотя никакой кошки не видел.

Но для Букета эти слова были как боевая труба для коня. Он вскинул голову: «Где кошка?» Увидел ее за стеклом, на подоконнике, и вся упряжка во главе с ним влетела в широкое окно директорского дома.

Глава двадцать четвертая

Витька с Гераськой ехали промышлять соболей для музея заповедника. Добыть их решили неподалеку от заповедника, там, где издавна охотился зимой Гераська.

По черствому снежному передуву собаки, как по мостику, перескочили незамерзающий ручей. За ним корявые каменные березы с серыми, будто ножки подосиновиков, стволами росли намного чаще. Витьке то и дело приходилось кричать: «Нале!.. Нале!.. Пра!.. Пра!..» — направлять собак между деревьями, где было побольше свободного места. Собаки послушно поворачивали то в одну, то в другую сторону. Но нарта все же заклинилась между стволами. Гераська, который до этого не вмешивался в управление собаками, высвободил нарту и крикнул: «Лешка! Чего стоишь? Ищи дорогу!» Лешка тут же повернул упряжку влево, поднялся выше по распадку и уверенно повел собак в сопки.

— Ты думаешь, он хуже тебя понимает, куда править надо, или застрянет между деревьями? Черта с два! Он зубы съел на этом деле, — уважительно говорил Гераська и вдруг боднул Витьку головой, потому что нарта сделала финт: сбоку выскочила на снег мышь, и собаки рванулись к ней, Хлюст хапнул ее вместе со снегом и тут же проглотил.

Собаки резво тащили нарту только под гору, а на подъеме опускали хвосты, вываливали языки и косыми взглядами намекали: «Не пора ли передохнуть?»

— Вставай, на лыжах пойдем. Сырые они у тебя, — кивнув на собак, сказал Гераська. — Не втянулись еще.

Собаки подладились к ходу людей и неторопливо тащили нарту.

У крутого подъема им дали передохнуть. А потом пристегнули к упряжке Букета и сами помогали собакам — подталкивали нарту сзади.

Собаки вдруг прибавили ходу — заметили следы. Подбежали к ним, стусевались, робко засемили на месте, и только Букет тянул упряжку вперед, да Рябый тупо продолжал тащить нарту. Другие собаки упирались, не хотели идти, потому что следы оставила волчья стая. Букет протянул упряжку по следам к черному камню, остановился, обнюхал его внизу, провел носом вверх, опять вниз, сделал на камне отметку и направился было дальше по волчьим следам. Но Гераська решительно повернул упряжку. Букет нехотя сошел со следов. Если бы не держала упряжь, пустился бы вдогонку за стайей: видно, волчья кровь манила к волчьей жизни.

Подъезжая к палатке. Гераська еще издали начал ругаться, потому что увидел в снегу закоптелый чайник. Потом нашел разорванную телогрейку, резиновые сапоги. У одного отгрызен нос, у второго разорвано голенище.

— У, гадина! — ругался Гераська. Он погрозил невидимой росомахе, которая растащила из палатки все его пожитки.

Ватные штаны, о которые вытирал руки, когда прошлой зимой снимал шкурки, росомаха разделала на клочки. В ивовом кусте, рядом с остатками растрепанной корзины, в которой хранилась сушеная рыба, чернели перья вороны. Она пыталась стащить у росомахи часть добычи.

— Лабаз надо было делать, — сказал Витька.

— Лабаз! — огрызнулся Гераська. — Умные все больно! Она, когда захочет, и столб перегрызет, если жестью не обобьешь. Пулей ей по боку!

Гераська торопил собак к палатке. Осмотрел ее и вроде бы остался доволен.

Палатка была совсем не такой, какой представлял ее Витька. Издали виднелось больше чем наполовину занесенное сооружение, похожее на сарай. Возле него, как антенна, рожками вверх стояли вилы на длинной, раза в три длиннее обычной, палке. Раньше этими вилами охотники кололи заходящих на нерест крупных рыб, выбрасывали на берег и складывали потом вдоль ручья штабелями на корм собакам. Накануне морозов рыба уже не портилась и хранилась всю зиму.

Широкая четырехместная палатка была привязана к двум столбам, а на них сооружен двухскатный навес из жердей, накрытый брезентом. Брезентом была накрыта и противоположная от входа сторона. Все это для того, чтобы знаменитые камчатские снега не раздавили палатку, которая стояла как бы в просторном шалаше. Между палаткой и стенами шалаша была воздушная прослойка, которая наподобие термоса защищала от наружного холода.

Во многих местах на темном полотнище белели длинные шпоры инея, словно холод пробил палатку белыми гвоздями. В центре — рыжая от ржавчины печка с приготовленными дровами.

Рядом с палаткой соболиный след спускался к ручью, в котором вяло плескалась после нереста рыба.

Гераська, пока было еще светло, не хотел терять ни минуты. Торопливо распряг и отпустил всех собак, кроме Лешки: трудно было бы поймать его потом. Собаки сразу отправились к ручью ловить рыбу а Лешке Витька бросил банку рыбных консервов.

Гераська забрал капканы, рыбу для приманки и заспешил на лыжах в тайгу к знакомым дуплистым деревьям. До наступления темноты он хотел успеть поставить три-четыре капкана, чтобы завтра было что проверять.

Витька перенес в избушку имущество с нарты и, перед тем как готовить дрова, пошел посмотреть хотя

бы немного тайгу возле палатки.

На ручку воткнутого в пень топора села и нахохлилась бесхвостая птичка, похожая на овсянку. На юг она не улетела, наверное, потому, что ее царапнули коготки какого-то хищника. Витька вынес и бросил перед ней горсть гречневой крупы. Крупинки потонули в снегу, чернея сквозь белую порошу. Птица испуганно вспорхнула и спряталась среди веток.

Витька пошел вдоль берега ручья. Неподалеку на коряжине распушилась какая-то огромная черная птица. По размерам это мог быть только филин. Но филин пестрый. Да и есть ли филины на Камчатке, Витька не знал. Витька стал подкрадываться, чтобы получше рассмотреть необычную птицу. Стараясь не скрипнуть снегом, подобрался совсем близко. Птица услышала шорох, встрепенулась, и сразу возникли вдруг четкие контуры могучего белоплечего орлана. Он плотно сжал перья, подобрался, потом упрямо взмахнул крыльями, неторопливо поплыл над тайгой.

Витька вернулся к избушке. Снег в том месте, куда он бросил крупу, весь был истрочен следами полевки. Не боясь Витьки, она выбирала из снега крупинки и таскала их под брезент палатки.

В ручье, по бочажкам, прятались шустрые гольцы, они воровали икру у кижучей, которые еще не совсем потеряли силы после нереста и охраняли свои гнезда на каменистом дне ручья. По обычаям местных промысловиков нельзя было рядом с избушкой ни собирать дрова, ни ловить рыбу. Все это могло пригодиться на случай самый крайний.

Витька срезал на удилище сук попрямее, отошел подальше от палатки и издали опустил в бочажок крючок с красной икринкой. Рука тут же ощутила удар — икринку схватил голец. Изгибаясь кольцом, он упал в снег и сразу, как будто пряча от глаз свое яркое тело, оделся в матовый снежный чехол.

Гераська вернулся потемну. В палатке горела свечка, потрескивали в печурке дрова.

Есть ароматную дымящуюся уху деревянной ложкой было особенно приятно, да еще в теплой, уютной палатке. Витька научился топить железную печку так, чтобы она раскалялась добела всего на несколько минут и долго нежарко горела. А раньше свечки сразу же «падали в обморок», когда он затапливал в избушке железную печку. Дрова вспыхнут — непомерная жара, прогорят — холод, чуть ли не мороз. Вся хитрость оказалась в том, что надо класть в железную печку не только сухие, но обязательно и сырые дрова. Тогда говорят они ровно и долго. С удовольствием пили чай. Гераська брал сахар кривыми, покусанными медведем пальцами. Прошло уже порядочно времени, а Витька никак не мог привыкнуть к Гераськиным шрамам.

Яркая луна пробилась в щель между брезентовыми створками и перечеркнула желтый свет палатки голубой полоской.

Витька накинул телогрейку и вышел из палатки. Зелеными искрами поблескивал снег. Собаки бродили по плотному сугробу рядом с синими тенями.

Неподалеку дерево со сломанной вершиной вознесло вверх сук, будто предупредительно подняло руку, заставляя прислушаться к дикой тишине. Зеленоватые от лунного света горы словно висели в серебристом воздухе.

На снегу морозились пойманные собаками кижучи. По ручью, шлепая по воде лапами, гонялся за рыбой Завхоз. От ручья шел к палатке Нептун. Чук и Гек, как почетный караул, вышагивали по бокам. Нептун нес в пасти большого, тяжелого кижуча. Подойдя к палатке, Нептун положил добычу на снег и лег спать. Чук и Гек подошли к Витьке. Он запустил пальцы в их мягкую шерсть и потрепан. Собаки стали отпрыгивать, явно предлагая поиграть. Витька чуть присел, хлопнул в

ладоши, и собаки кинулись к нему, легонько прихватывая зубами Витькины руки.

Витька вернулся в палатку и стал убирать посуду после ужина. Продукты сложил в мешок и, как велел Гераська, повесил к перекладине под крышей палатки.

Снаружи донесся шум собачьей стычки и обиженный лай Завхоза.

Оказалось. Рябый отнял у него рыбину. Завхоз наловил кучу, но все таскал и таскал из ручья. Другие собаки поймали по штуке, по две и уснули возле своей добычи. А Завхоз как будто отрабатывал свое прозвище — таскал и таскал рыбу, пока Рябый не вырвал у него из пасти кижуча.

— Вот чудные. — сказал Витька, завязывая палатку. — Один зачем-то целую кучу рыбы натаскал, а другому лень до ручья дойти, из пасти вырвал.

— Рябый. что ли? — спросил Гераська. — Как есть ненормальный.

— Почему? — недоверчиво спросил Витька.

— Был тут охотник один, — начал рассказывать Гераська. — он Рябого вырастил, а сам, случись, помер... От сердца... Не от сердца, правда, — от чая. Перед концом по сорок пачек в тайгу брал. Как котелок вскипятит, сразу пачку туда. Видать, от этого и помер... Рябый с кладбища неделю не приходил. Так и стал бездомным. Он еще там. на кладбище, тронулся. Замечаешь, собаки его не любят. Никаких правил не признает. Хочет, дворняжку возле ее родного дома разорвет, хочет — за зад схватит, когда обнюхиваются. Это по их законам никак нельзя. А ему все можно. Ты поосторожней с ним — темнота у него в глазах.

Дрова прогорели, но в оленьих кукулях^[6] было тепло. Утром, едва развиднелось, вышли в тайгу проверять капканы и ставить новые, которые Гераська не успел поставить накануне. В тайге ни ветерка,

никаких звуков. Только негромко шоркали подбитые нерпой лыжи. Впереди в утренних сумерках двигались между редкими деревьями два темных пятна. Витька настороженно смотрел и не мог понять, кто это.

— Ишь. — прошептал Гераська. — как индюки, бегут, не взлетают.

— Да кто это?

— Глухари... Далековато. — сказал Гераська. асам поднял ружье и выстрелил.

Одно пятно осталось на месте. Подошли. Гераська подержал глухаря в руках, подивился, что на таком расстоянии достало ружье. Положил птицу на снег и шагами стал измерять, сколько до нее было. На подбитых нерпичьей шкурой лыжах можно идти не скользя, обычным шагом. Вдвоем нашли место, откуда стрелял. Насчитали девяносто четыре шага. Вернулись назад, к глухарю... А его нет. Отлежался, опомнился от контузии — и улетел.

— Так и надо. — проговорил наконец Гераська. — Если за столько шагов сбивать, никакой дичи не будет.

Когда совсем рассвело, наткнулись на свежий след соболя. Но он оборвался чуть приметной норкой: зверек ушел под снег, в заросли кедрового стланика. Там он будет шнырять в прогалах между веток, искать уцелевшие кедровые шишки, ловить полевков.

В долине ручья остановились у дерева с большим, похожим на дупло расщепом. Второй вход в дупло Гераська затрамбовал, чтобы соболю мог подобраться к приманке только с одной стороны. Положил в дупло кусок мороженой рыбы, а перед ним поставил капкан, пружиной внутрь дупла. Слегка припорошил его мелкой трухой. Случайный обломочек покрупнее осторожно снял пальцами, чтобы он не помешал дугам сомкнуться. Вокруг дерева разбросал сор — темное пятно на снегу тоже было приманкой.

Гераська не первый год промышлял в этих местах и знал, где чаще всего бывают соболи.

— А как в незнакомом месте ставить капканы? — спросил Витька. — Как понять, где соболю чаще бывает?

— Чего понимать? Когда этим делом интересуешься, много в тайге бываешь, глядишь, какими местами он ходит, замечаешь, чего ему интересно. Сам научишься на тайгу по-соболиному смотреть.

На снегу Витька заметил то ли черную дырку, то ли уголек. Он бы и не обратил на него внимания, но уголек чуть подвинулся к дереву. Витька присмотрелся и понял — это глаз зайца. И сразу увидел всего зверька с плотно прижатыми ушами, кончики которых тоже были черными. Белый заяц все же чуть выделялся на синеватом снегу. Зверек лежал у основания наклонной березки. Позади него, у ствола, темнела в снегу нора. Такие норы часто бывают в каменноберезовом лесу под наклонными деревьями. Может, ветер сильнее качает такие деревья, а может, наклонный ствол придерживает немного снега. Как бы там ни было, но под стволами всегда есть небольшая, похожая на нору пустота. Туда и приладились прятаться зайцы. Пережидают в них непогоду, скрываются от врагов.

Завидев людей, заяц вдавился в снег. Обычно, когда подходит человек, зверек осторожно выбирается из норы повыше, чтобы удобнее было удирать. Витька подходил все ближе, а заяц и не собирался бежать. При каждом шаге подавался немного назад, в нору. Когда Витька подошел вплотную, заяц спрятался в нее. А когда Витька отошел и обернулся, белая мордочка опять торчала из норы и следила за ним.

Последний капкан поместили в лунку, оставленную ночевавшим в снегу глухарем. Для приманки положили кедровку.

Когда вышли из распадка на увал, хорошо было видно вершины повеселевших на солнце гор.

Каменноберезовый лес забирался далеко на их отроги. Пошли проверять капканы, настороженные вчера. В полумраке дупла лежало на трухе полрыбины. Вдруг рубленный топором мороженный рыбий хвост вздрогнул и повернулся. Это было так неожиданно, что не сразу сообразили, что произошло: из куска рыбы выскакивали крохотные землеройки. Это они сожрали рыбу изнутри, а когда услышали шаги, засуетились в панике в рыбье шкуре, и она перевернулась. Землеройки как горох сыпались в снег и терялись в нем. И возле другого капкана из дупла торчали маленькие головки этих крохотных, востроносых, словно с хоботками, зверьков. Землеройки беспокойно шевелились, и казалось, что в дупле извивались змеи.

Гераська выбросил рыбью кожу, набитую зверьками, и положил в дупло новый кусок рыбы.

— Теперь кто быстрее — соболь найдет или они все сожрут. Давно такой напасти не было. Их ни один зверь не ест, а они все жрут: хочешь рыбу, хочешь мясо, как теркой стирают. Соболь попадет — и его сожрут, как только в капкане замерзнет.

Неприметные недавно дырочки в снегу, короткие строчки, бороздки следов теперь поневоле обращали на себя внимание. Стали приглядываться и всюду — в распадках, на гривах, у ручья — встречали их множество. Значит, множество было и землероек.

Гераська издали понял — в капкан попал соболь. Снег вокруг дерева, на котором стоял последний капкан, был темным от мусора. Это заметное издалека пятно на снегу заставляет даже самых степенных промысловиков прибавлять шагу. А Гераська вовсе не был степенным. Он почти побежал, стараясь рассмотреть меж деревьев, цел ли соболь...

Соболь был цел. Он не вырвался из капкана, и, главное, его не сожрали носатики, как звал землероек Гераська. На тросике, которым был привязан капкан,

соболь повис на суку, и они не смогли до него добраться.

Это была удача. Но вскоре за ней последовала и неприятность. В узком распадке Гераська заметил вдали диких оленей. Они стояли на месте и жались к крутому откосу.

— А я голову ломаю, отчего это заяц не бежал, а в нору пятился... — сказал Гераська. — Видишь, олени в распадок забились? А он поперек ветра, значит, метель заскребет... Только нам ее и не хватало.

К палатке пришли, когда ветер уже подгонял, подталкивал в спину. В небе горело закатное солнце, а внизу метался, все больше разъяряясь, ветер. Белая пелена шевелилась над снегом.

— Лешку надо отвязать, — вспомнил Гераська. — Пускай сам рыбу ловит, чтобы в пургу к нему не ходить.

Витька отвязал пса, и он тут же обежал всех собак и с каждой как будто о чем-то поговорил. Только к Букету не посмел приблизиться.

— Это он их Рябого бить зовет, — сказал Гераська.

Собаки и правда двинулись к Рябому...

Но драка была недружной, и вскоре псы разбрелись. Рябый отряхнулся, потоптался на месте, шлепнулся на бок и свернулся клубком. Лешка все еще прыгал вокруг него, но в одиночку кусать не решался.

Вокруг палатки быстро вырос белый барьер. Ветер сдувал рыхлый снег, переносил с открытых мест в распадки, с отрогов гор гнал к океану. По редкой каменноберезовой тайге снега неслись свободно, ровняли все бугры и впадины. Не подступая вплотную, рос сугроб и вокруг палатки — как будто накрывал ее белой перевернутой воронкой. Потом ветер задвинул снегом дыру над палаткой и струями колючих снежинок принялся обтачивать ржавую железную трубу.

Гераська, чтобы взять дров, откинул край палатки. Витька приподнял кружку со свечкой. В снежных сеньях,

опустив голову, стоял Хлюст и виновато шевелил хвостом: мол, я ни при чем — занесло. Гераська беззлобно заворчал на него.

Когда задребезжал крышкой чайник и из мешка стали вынимать еду, брезент у входа зашевелился и внизу показался черный нос Хлюста — он стал принюхиваться.

Витька отрезал дольку колбасы и едва протянул руку, как Хлюст просунул голову в палатку и схватил кусок. Осмелев, он не стал убирать голову — сам снаружи, а голова в палатке.

— Вот так и будет глядеть, пока не зыкнешь, — сказал Гераська. — А прогонишь, все одно у входа останется. Сколько раз на охоте с его хозяином был, так и спит под порогом — ни собаку, никого не подпустит. Лесник пришел, а он его не пускает. Не лает, а не подойти. Тот запустил в Хлюста камнем. Пес отскочил, а лапу ему сильно задело. Замечаешь, он как устанет, маленько прихрамывает. А все равно, паршивец, не пустил. Лесник так и ушел от своей же избушки.

Непросто было Витьке в занесенной снегом палатке выполнять свое правило: быть деятельным всегда и везде. Решил, что самое подходящее в его положении — отоспаться за недавние ночи, которые недосыпал за учебниками. В палатке было для этого все: теплый кукуль, свободное время, темнота, тишина, если не считать глухого ворчания метели над головой... Но когда не надо было никуда торопиться и можно сколько угодно спать, лишний сон быстро стал в тягость. Витька мучился от вынужденного безделья и уже не раз пожалел, что не взял с собой учебники. Здесь бы читал их с удовольствием.

Гераська наконец тоже отоспался и принялся рассказывать. И тут Витька узнал много такого, о чем и не подозревал. Например, о собаках. Гераська рассказал, что Нептун раньше почти не ходил в

упряжке. Первый его хозяин приучил пса таскать снятую чулком нерпичью шкуру. В этот, самой природой скроенный и сшитый мешок охотник укладывал припасы для промысла, и Нептун тянул волоком «нерпу» в тайгу, в горы... Шкура не промокала, хорошо скользила по снегу и не сползала назад с крутой горы — недаром охотники подшивают ею лыжи.

— А почему с Нептуном Чук и Гек всегда ходят? Я думал, они в одной упряжке ходили.

— Да нет, должно быть, характерами сошлись, тоже псы незлобивые. Как бездомными стали, к нему и пришли. Они, знаешь, из хорошей упряжки. Ты думаешь, их только два? Их целая нарта была. Лучшей упряжки в поселке не было. Они и родились на нарте. Мать до последнего часа нарту тащила, в дороге и оценилась. Восемь кобельков принесла. Все одинаковые. Этих двоих не различишь, а когда восемь было... Сам хозяин не знал, кто какой. И кличек не было. Стригуны — и все. Только по ошейникам и различал. А как на охоту приедет, пустит всех, потом передовиков найти не может.

— А где же остальные?

— Всю упряжку машина махнула. Всех смяло, и хозяина вместе с ними. Только эти двое остались...

По зеленым стенам палатки гонялись отсветы огня. Привычно шелестела метель над брезентом. И вдруг к этим привычным звукам прибавился еще один — в углу под дровами мыш-полевка начала грызть сухарь. Витька хотел бросить туда шапку. Но Гераська сказал:

— Не тронь. Я ее уважаю.

— Почему уважаешь? — удивился Витька.

— Какая в палатке живет, трогать нельзя: она тут хозяйка. У меня в избушке на Бормотинском мышка по полу, как кошка, ходила. Сахарку ей прямо из пальцев давал. Если убьешь, на ее место со всего леса мыши

полезут. А она чужих не пускает. Может, слышал, недавно пищали? Это она чужих не пускала.

...В печке совсем прогорело. В палатке было темно, как в глубокой пещере. Наступило ли утро или все еще длилась ночь, можно было узнать, заглянув в печку. Днем через трубу в нее пробивается свет. Витька нащупал дверцу. В печке было темно. Чиркнул спичкой, взглянул на часы — вроде бы скоро должно рассветать. Зажег свечку.

В палатке стояла непривычная тишина.

— Метель умаялась, затихла, — сказал Гераська.

Пока еще не рассвело, вскипятили воду, натаянную из снега, заварили чай и позавтракали. Потом в заметенных снегом сенях стали пробивать дыру.

Витька без устали бросал себе пол ноги снег, вставал на него и пробивал палкой выше, пока не ударил в лицо свежий морозный воздух — в проломе наверху виднелось черное звездное небо.

— Ночь еще, — сказал Витька.

— Вылезай, вылезай, сейчас разглянется.

Но звезды были повернута по-ночному. Долго еще пришлось ждать рассвета. По Витькиным часам был уже полдень, когда темноту наконец немножко разбавило светом.

Над палаткой намело сугроб, похоронивший, как могильный курган, всю затею с охотой.

— Пойду соберу капканы, — сказал Гераська, — все равно долгоносики приманку сожрали, толку не будет. И домой пора, как раз к новогодней елке поспеем. Ты собирай все, укладывай, я скоро. А домой, под гору, мы за пару часов домчимся.

Прав был Гераська: домой, да под гору, собаки бежали так, что ветер заламывал назад уши меховых шапок.

Витька сунул руку в карман и наткнулся на кедровые орехи:

— Ты положил? — спросил он Гераську.

— А я думал, ты мне насыпал. У меня тоже в кармане — Гераська поднял руку поближе к глазам. — Смотри-ка. это нам хозяйка палатки подложила, — засмеялся он.

Среди отборных орешков кедрового стланика виднелись зернышки гречневой крупы, той самой, которую бросили бесхвостой птичке. Полевка собрала крупу, перетаскала в палатку, а потом нашла карманы и приспособила их под закрома...

— Давай. Лешка, давай! Олень хорошо, а собаки лучше! — весело покрикивал Гераська, въезжая в поселок.

Настроение было хорошее, и доехали быстро, и легко миновали опасный склон над рекой. Боялись, наметет на уступке козырьки, и тогда не пробраться по нему. Но лишнего снега там не было, а старая колея окрепла на ветру:

— Давай, Лешка! Давайте, птички, порхайте еще немножко! — подбадривал Гераська собак.

И вдруг эти «птички» так порхнули в сторону, что Витька чуть не наткнулся на стол и оказался в снегу. Он стер с лица тающий снег и увидел, что Гераська вцепился в скачущую из стороны в сторону нарту. Гераська укрощал ее, как ковбой дикого коня. Тут Витька заметил — впереди мелькнула коза. По козырьку сугроба она вскочила на крышу дома, а «птички» по намету снега влетели за ней.

На крыше Гераська слез с нарты и даже не стал оттаскивать сбившихся возле козы собак. Они сами следом за Гераськой сошли по снеговой горе с дома Козы уже не было: аппетит у этих битюгов оказался хороший.

Витька подошел к Гераське. Из соседнего лома к ним торопился хозяин козы. «Ну, сейчас будет нам, —

подумал Витька. — Мало того, что платить надо, скандал на весь поселок закатит!»

Гераська даже не взглянул в сторону мужика — распутывал собак в упряжке.

Хозяин козы подбежал и повел себя очень странно. Вместо того чтобы кричать и ругаться, он робко покашлял, стараясь обратить на себя внимание Гераськи. Но тот не обернулся.

— Здравствуйте... С праздником!

Гераська молчал.

Мужик легонько тронул Гераську за рукав:

— Ладно, Гераськ, не сердись. Выпил я маленько. Праздник ведь. Первый день нового года

— Как нового года? Какое же сегодня число? — удивился Гераська.

— Первое... — нерешительно сказал мужик.

— А ты ничего не путаешь? — переспросил Гераська.

— Да нет. Вчера Новый год встречали. Ты что, Гераськ! Гуляют все сегодня. Ну и я тоже... Да вот дверь не закрыл, а эта сатана и выскочила...

Но Гераська его уже не слушал.

— Понял теперь, почему мы утра никак дождаться не могли? — спросил он Витьку. — На целые сутки больше мы с тобой под снегом просидели, чем думали.

— Гераськ, — не отставал мужик, — ты уж прости меня. Не говори ты никому про эту козу. Ну ее к черту!

— Ладно, — строго сказал Гераська, — ступай!

— Чего это он прощения просит? — спросил Витька, когда мужик ушел.

— А как же? Как на собаках ездить начинают, такую скотину сельсовет выпускать запрещает. Штраф он заплатить должен: из-за этой козы собаки нас вовсе разбить могли. Ладно уж, простим ему ради праздника.

Глава двадцать пятая

Гераська побывал на лимане и сказал, что видел на берегу много нерпы. Это к непогоде. Примета оказалась верной. Ночью метель зацарапалась в стены колючим снегом. Засыпало все окошки в доме.

То и дело по местному радио передавали: «Налипание снега на провода». Провода превращались в гирлянды: белые, толщиной в кулак ледяные сосиски висели между столбами. Даже толстые высоковольтные провода не выдерживали такой нагрузки — обрывались или разгибали крючья, на которых крепились к столбам изоляторы. Когда норд-ост с липким снегом угомонился наконец, все жители поселка вышли на улицу помогать электрикам заново натягивать провода.

Едва успели натянуть, подул морозный резкий западняк. Он сдирал с гор снег и нес его к океану, засыпал распадки, оголил вершины бугров. Поселок, который тоже был в распадке, оказался под снегом. Его намело столько, что под провода пришлось ставить подпорки, а местами прорывать под ними траншеи, чтобы хоть как-то можно было ходить.

Витьке пришлось привязать своих собак к новому тросу: старый утонул глубоко в снегу.

В больницу привезли охотника, который возвращался на собаках из тайги и так рассек лоб о телефонный провод, что пришлось накладывать швы на рану.

Из снега торчали только верхушки железных труб. Хлеб продавали прямо в пекарне, которую тоже замело. Буханки подавали в форточку, но она была так глубоко, что к ней удобнее было подползать на животе, совать руки куда-то в снежную яму и получать оттуда теплый хлеб, не видя даже, кто его выдает.

Как только проглянуло солнышко, среди барханов снега нашлись любители купаться. Незамерзающая речка кое-где пробивалась даже среди таких снегов. Укрываясь от течения за камнем, вороны с удовольствием плескались рядом с искрящимся на солнце снежным берегом. Приседали друг перед другом, топорщили перья, подхватывали воду крыльями и обдавали себя брызгами. К ним подлетали еще вороны, и в речке поднимался такой шум и плеск, как будто в ней купались ребяташки. Потом вороны с довольным видом рассаживались на ветки и шуршали перьями — сушились.

В пургу они, словно белые куропатки, прятались в снегу, возле кустов. Только не зарывались в него, а, повернув носы встречь пурге, ждали, когда она сама прикроет их снегом.

От ветра стая черных ворон пряталась однажды в протоптанной в снегу глубокой тропинке. Птицы выбрали место, где тропинка пролежала поперек ветра, и спрятались в ней, как солдаты в траншее. Витька шел с работы, и, услышав его, вороны высунули головы. Из снега торчала цепочка черных вороньих голов.

Метель замела все помойки. Поэтому как только где-нибудь появлялся человек с грязным ведром, птицы кучей летели к нему, зависали та головой и нетерпеливо ждали, когда он выплеснет ведро, чтобы успеть схватить какой-нибудь кусочек.

Одна ворона. Витька прозвал ее Пашкой, выделялась среди других рваным крылом и отвагой. Она прямо на ходу без страха садилась на край ведра и орудовала в нем, следя, однако, глазом и за человеком.

Кошки, вороны, собаки — вот и вся живность, которую Витька теперь наблюдал, безвылазно сидя в поселке над грудой учебников.

Вот Букет уселся на снежный бархан перед домом, поднял голову к прозрачному, едва заметному при

солнце месяцу, и над поселком заиграл, покатился его густой, мощный голос. В нем не было ни жути, ни тоски, как в волчьем вое. Букет не выл, а будто пел — уверенно, самозабвенно. Он еще не окончил руладу, а во всех концах поселка се дружно подхватили ездовые псы. Собаки поднялись из снежных лунок, вскинули головы и завывали как разные голоса, прижимая уши и полузакрыв глаза. То сана, то другая упряжка выделялась из общего хора. Букет вытянул передние лапы, потянулся, стал ко зевнул и, покружившись на месте, свернулся на снегу клубком.

Он никогда не отвечал на вой других собак. Но на гудок океанского судна или на чуть слышный гул самолета отзывался первым, вовлекая в эту переключку всех ездовых собак. Порой какая-нибудь упряжка начинала «концерт». Но это всегда получалось плохо. Когда же голос подавал Букет, над всем поселком перекачивалась по-своему красивая» берущая за душу мелодия.

Глава двадцать шестая

Лесник замахнулся сделать затеску на дереве и замере топором возле уха. Большой сгорбленный медведь, тараня грудью снег, перебирался через распадок. Едва шатун перевалил за гребень, лесник, шагая по своим следам, дошел до лыж и заспешил к избушке.

На другой день к директору заповедника пришла бригада лесорубов.

— Делайте что-нибудь.. Пока шатун по лесу ходит, не пойдем на работу. Противопожарный просек как раз им рубим. Нам работать надо, а не оглядываться.

В тот же день к избушке на Горячих ключах, из которой ушли лесорубы, направилась собачья упряжка. Витька нетерпеливо погонял собак, следил, чтобы каждая тянула в упор. Рядом с ним на нарте дремал Гераська, а позади — одетый в тулуп Сергей Николаевич. Главной его заботой было не упасть. Он не привык к такому транспорту и при каждом толчке впивался руками в края карты. Собаки быстро домчали до ключей. Их наскоро привязали возле избушки, а сами пошли в коней просеки, где лесник видел медведя. След нашли сразу. Широкий шаг говорил о том, что медведь крупный, а узкая борозда следа — что зверь исхудалый, тощий. Сыпучий снег скрывал отпечатки лап. След был вчерашний, но Гераська на всякий случай снял с плеча ружье и пошел рядом со следом Витьке и Сергею Николаевичу велел идти шагах в пятнадцать по сторонам. Внимательно оглядывали все валежины и впереди и сбоку: медведь мог сделать петлю и затаиться недалеко от следа.

Повернули в распадок, но и там зверя не кашли. После неудачных поисков вернулись в избушку. А ночью

Гераське пришлось срочно везти Сергея Николаевича обратно: стало плохо с сердцем.

Витька остался в избушке и утром пошел искать шатуна один.

«Надо же посмотреть, что он делает в зимней тайге. И почему стал шатуном?.. Стреляю не хуже Гераськи, — думал Витька, — и места эти еще летом облазил... Заявится шатун в поселок, наломает там дров. Из-за него потом всех медведей в округе перестреляют».

Утро было искристое, солнечное. На шик вздымались бурые скалы, пестрые от пятен снега, а на востоке каменноберезовая тайга бороздами распадков спускалась к притуманенному вдали океану, не замерзающему в этих местах круглый гад.

Неподалеку Витька увидел, как северный олень переходил распадок. Против света он казался обведенным золотой каймой. Олень шел спорым размеренным шагом — при ходьбе он всегда опирается сразу на три ноги, потому и не проваливается в снег.

Витька дал ему спокойно уйти из распадка и чуть оттолкнулся. Лыжи плавно заскользили вниз.

Из-под наклонной березки, взрыв задними лапами снег, выскочил заяц. Лениво отпрыгал вверх по откосу, глядя на Витьку черным немигающим глазом.

Ровного места в камчатской тайге почти не увидишь. Путь по распадкам то вверх, то вниз — обычное дело.

Белый вулкан выделялся на небе, как будто на синей обложке школьной тетради приклеили треугольник белой бумаги. Справа океан зеленой горой уходил в небо. Все было бы похоже на туристскую прогулку, если бы не борозда в снегу — след шатуна. Может, на другом конце ее чья-то смерть... Витька снял с плеча ружье, взял в руки. Медведь мог вернуться по своему следу.

Из распадка, не выбирая удобного места, шатун полез вверх напрямую, но видно было — не одолел крутого подъема, сполз вниз, оставил на откосе глубокую, до бурых камней, полосу. Прошел там, где склон поотложе, и выбрался наверх.

В другом распадке след его вдруг пропал.

В скругленных ветром снежных берегах черными изгибами бежал ручей. Мелкая, сжатая холодом вода прыгала по камням. Медведь, оказалось, зашел в ручей. По заходу было видно — направился вверх... Долго шел по ручью. Витька даже засомневался, не обманул ли медведь: может, направился вверх, а потом развернулся в воде и ушел назад? Почему он зашел в ручей? Прячет следы или просто вода теплее снега и греет лапы? И что ему делать в горах? Зачем он туда идет?

Над головой время от времени пролетали вороны.

Наконец медведь вышел из ручья. Снег у самой воды был плотным, и на нем черной грязью отпечатались следы. Ширина лапы — восемнадцать сантиметров. Витьке стало не по себе. Зверь был большой... Пошел по его следам помедленней, чаще стал поглядывать по сторонам. Следы как будто были знакомые. Где-то он уже рисовал такие. Но где — не мог вспомнить. Надо было разобраться дома по картотеке.

Медведь шел к заметному издали пятачку... Но он опоздал. Площадка была утоптана волчьими лапами. Волки раньше его по полету ворон нашли падаль и сожрали все. Только по клочьям оленьей шерсти можно было понять, над кем пировали.

Медведь поскреб когтями плотный снег, прошелся полукругом за площадкой, разогнал ворон, все-таки умыкнувших кое-что у волков, перевалил в другой распадок и по нему побрел назад. Временами он ложился на снег — отдыхал. Грудь оставила в снегу

узкий глубокий желоб. По нему, по отпечаткам острых локтей зверя представлялось, каким он был тощим. Лежал, видно, долго: снег под ним застекленел, кое-где впаялись темно-рыжие шерстинки.

Витька быстро шел под уклон на лыжах. Была надежда догнать медведя. По увалам каменноберезовой тайги, похожей на громадный яблоневоый сад из старых деревьев, снег избегали соболи. Встретился свежий след росомахи, похожий на след медвежонка. Она долго топталась у медвежьего следа, совала в него нос. Уж если Гераська только второй раз в жизни увидел на Камчатке след шатуна, то для росомахи, пожалуй, это был первый зимний след медведя.

Правда, Гераська рассказывал, как в одну из зим повсюду в тайге появились медвежьи следы. Тогда мал Камчаткой впервые стали брать звуковой барьер самолеты, и непривычный грохот выгнал медведей из берлог. Хорошо еще, до весны оставалось немного, и они кое-как прокормились на выбросах океана. А потом привыкли к этому грому и зря из берлог уже не вставали.

Следы шатуна резко свернули. Это были не борозды, а ямы-прыжки. Дальше они пропадали в месиве следов помельче. Эю волки взяли шатуна в кольцо и напали на него. Крови почти не было. Только капельки кое-где. Зато шерсти медвежьей и волчьей темнело много. Ветром ее согнало в следы. За толчеей следов потянулись кривые линии — следы волков и медведя схлестнулись и опять разделились. Медведь бежал к реке, в каньон. Кубарем скатился по крутому откосу к воде. Волки долго толкли снег на берегу, но так и не решились броситься в ледяную воду.

Течение отнесло медведя далеко вниз. Витька даже не сразу заметил, где он вылез на снег. А волки шли у края воды, пока медведь не выбрался на берег. Потом

их следы собрались в цепочку, и она потянулась в сопки.

Витька пошел вниз по реке. На широких плесах, ближе к океану, течение замедлялось, и на воде мог образоваться ледяной мостик. Вода в реке была такой холодной и прозрачной, что казалась жидким льдом.

Впереди мелькнуло что-то темное — Витька вскинул было ружье. Но зверь если и был похож на шатуна, то только по окраске. Это выдра съехала на брюхе с откоса в воду.

Из-под снежного яра шумно сорвалась пара крохалей, оставляя по две дорожки кружков, выбитых на воде крыльями.

Наконец стали встречаться перехваты льда. Причудливые, наподобие лекала, ледяные закраины местами дотягивались с одного берега до другого. Переходить по этим полупрозрачным перехватам было опасно. Прошлой зимой охотник утопил в такой же реке собак с нартой. Сам еле выбрался, да еще повезло — выловил спальный мешок. Остался в тайге без лыж, без ружья, без продуктов. Ел березовый луб, через месяц его все-таки нашли — чуть живого и тощего как скелет.

Наконец Витька увидел площадку льда, по всей ширине реки припорошенную снегом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки ивы, спустился на лед. Убедившись, что лед держит, ослабил крепления, чтобы в случае чего сбросить лыжи, и осторожно пошел. Он не мог понять, в самом деле лед пружинил под лыжами или это только казалось от страха. И вдруг под ногами треснуло — лед пустил стрелу к середине реки, и там она сломалась, рассыпалась мелкими трещинами. Витька, задевая в спешке лыжей о лыжу, побежал назад. Вся его затея с медведем рушилась.

В снежной яме он развел маленький костер из корявых нашлепок коры каменной березы, привязал к палке алюминиевую кружку со снегом, вскипятил чай.

Кусок колбасы надел на сук и обжарил над костром... Только тут он заметил, что небо уже не голубое, а серое. Он пошел дальше вдоль реки, чтобы выйти к берегу океана и по ровной «прибойке», с которой волны слизали снег, идти к Горячим ключам.

...Он уже слышал шум океанского прибоя, когда снова наткнулся на следы шатуна. Свежие, они поблескивали взрыхленными снежинками. Медведь по ледяному перехвату совсем недавно вернулся на эту сторону реки и, бороздя снег, пошел через распадок. На льду ветер оставил тонкую припорошку снега, и на нем хорошо пропечатались длинные когти и все приметы следов. И Витька вспомнил: такие следы, где задняя правая лапа косолапила больше, чем обычно, он видел летом у реки Старый Семлячик. Тогда этот медведь убил и почти целиком закопал другого медведя — из земли торчали только лапы. Потом приходил, откапывал и жрал...

Шатун брел строго в одном направлении — к Рыбному ключу. Там почти до весны бултыхались нерестовые кижучи. Зимой ручей привлекал к себе белоплечих орланов, лисиц, росомах. Иногда к нему наведывались волки. А теперь шел сюда и шатун.

Медведь наткнулся на следы оленей, свернул на них, убедился по запаху — больных или раненых нет, оставил следы и опять побрел к ручью.

Летом не так уж трудно подойти к медведю, который плещется в реке, ловит рыбу. Витька надеялся — не трудно будет подойти и к этому, если он не наелся еще и не лежит где-нибудь возле промоины. Хоть Витька старался идти без шума, снег хрустел под ногами, как сухари. Все меньше оставалось надежды на удачу. Не кружились над ручьем орланы, снег не пестрел лисьими следами, не видно было и самого ручья... Распадок целиком забило снегом в ту пургу, когда по самые крыши замело поселок.

Медведь колесил по распадку — следы были и справа и слева. Витька осматривался и не знал, как их срезать, куда пойти. Постоял, подумал, посмотрел на часы. День кончился быстро. Пора было подниматься в гору к старой избушке. Ночевать в снегу, когда рядом бродит голодный медведь, было слишком рискованно. Если шатун наткнется на лыжню, он сам начнет охотиться на человека. То и дело оглядываясь, Витька пошел к избушке, куда заходил иногда летом во время полевых.

«Если избушку замело и все-таки придется ночевать в кукуле в снегу, — думал Витька, — надо сделать петлю, как делают медведи, и лечь с подветренной стороны, неподалеку от своего следа. И ружье держать все время на груди, чтобы в случае чего оно оказалось между мной и медведем».

Распадок, на склоне которого где-то вдали стояла избушка, так замело, что внизу торчали из снега только вершины деревьев.

Витька с трудом передвигал ноги — путь к избушке все время шел в гору. Витька толкнул снег с толстого корявого сука каменной березы, сел передохнуть. Ружье воткнул прикладом в снег справа от себя, чтобы удобнее было схватить. Лицом повернулся к своим следам.

Багровый, косматый клубок солнца запутался в серой хмари. По всем ложбинкам качали головами белые змеи поземки. К утру они начисто залижут следы медведя. «Неужели все пропало? Неужели уйдет? — удрученно думал Витька. — А может, он ночью наткнется на мои следы и придет к избушке?»

За поворотом распадка темнела старая избушка, слаженная охотником, когда еще не было заповедника. Витька издали рассматривал ее, а она словно тоже глядела на него из ватных сумерек. Все вокруг утонуло в снегу, а у избушки только крышу привалило сугробом.

И из-под этой белой «брови» смотрело на Витьку маленькое темное окошко; какой-то охотник умело выбрал место — избушку не замело. Но казалось, она сама выпросталась из-под снега, и у Витьки было даже желание поклониться ей, как живому существу... Чего только в голову не придет, когда ты один перед ночью в тайге.

Витька отгреб лыжей снег от двери и вошел внутрь. Железная печка, нары, небольшой столик из подогнанных друг к другу и протесанных сверху палок. Это была скорее не избушка, а землянка, наполовину врытая в откос. Пол земляной, крыша поверх широких плат тоже засыпана землей. Местами земля с крыши просеялась сквозь щели, и по полу тянулись земляные полосы. Окошко было застеклено, но в уголках остались кусочки пленки из медвежьих кишок, которой раньше в охотничьих избушках затягивали окна. Убить медведя было проще, чем купить и принести сюда стекло.

Все время оглядываясь, Витька наготовил дров, набил снегом чайник и потом бревном припер изнутри дверь избушки, чтобы ночью не вломился медведь. Такая предосторожность была необходима. Как-то писали в «Камчатской правде», что медведь-шатун выволок из палатки и заломал двух пастухов-оленеводов.

Можно было наконец расслабиться. Витька разрядил бескурковку, дал отдохнуть и пружинам. Весело загудели дрова в печурке. Витька расстелил на нарах кукуль.

Хлопья снега бесшумно касались оконного стекла и медленно ползли по нему. Снежинкам было тесно в воздухе, они цеплялись друг за друга и падали белыми цепочками или большими гроздьями: казалось, у окошка трясли белый пушистый коврик.

Витька напился чаю, забрался на нары, в кукуль. «Мать пишет, не болею ли гриппом... Какой тут грипп,

— усмехнулся Витька, — смотри, как бы голова не отскочила».

Отогретый жаром печки, загудел над ухом комар. «Откуда он взялся? И комар тоже шатун», — подумал Витька сквозь сон.

Среди ночи что-то сильно треснуло над головой. Витька выскочил из кукуля. чиркнул спичкой. За ворот и на руки сыпались комочки земли. При тусклом свете невзявшейся свечи Витька метнулся к двери, отвалил бревно и подпер им центральную балку землянки: мерзлая земляная крыша отогрелась над печкой, и прогнившая балка лопнула под тяжестью земли и снега. Вовремя ткнул под нее подпорку, а то, чего доброго, прихлопнуло бы. Снова пришлось зарядить ружье Все, что можно, взгромоздил у двери, чтобы не сразу ворвался шатун, если придет.

Ночью Витька не раз просыпался, держась за ружье. Его будили странные протяжные вздохи. Он долго прислушивался, не скрипит ли снег возле избушки, потом забывался в чутком сне и опять вздрагивал от непонятного, то далекого, то близкого вздоха. Утром встал все же бодрым. Кончился снегопад, в окошке мерцала зеленая звезда, обещающая хороший день. Только когда совсем рассвело, Витька решился открыть дверь. Вышел, держа наготове ружье: если вечером медведь наткнулся на лыжню, он мог спрятаться где-то рядом. Напряжение спало, когда отошел от избушки. Если бы шатун караулил, он ждал бы возле нее.

Лыжи глубоко проваливались в белый снежный пух. Трудно было поверить, что рыхлый, в полметра толщиной снег выпал всего лишь за ночь. Ни соринки, ни черточки не было на свежем снегу. В распадке еще держалась утренняя синь, а вершины Зубчатки, обновленные снегом, сверкали на солнце. Не было ни малейшего ветерка. Редко случается так на Камчатке. И от этого тишина была тревожной.

«Шатуну некуда податься, кроме как на берег океана, — подумал Витька. — Там всегда есть выбросы, туда он и пойдет, тем более после такого снегопада».

Впереди, на вершине сопки, произошло чуть заметное движение, как будто вздулся снег И вдруг он ожил, по всему склону пошла лавина. На уступе она прыгнула, как живая, пролетела над обрывом и ударилась в дно распадка. Снег, смешанный с деревьями, был серым, как пепел. От удара, словно дым от взрыва, взметнулась снежная пыль, раздался глухой тяжкий звук, и Витька понял, что за вздохи будили его ночью. Это вздыхала «белая смерть» — сходили лавины.

На сопке лавина сбрила березы, в минуту проделала широченную, как магистраль, просеку. Далеко вокруг места, куда она рухнула, воздушной волной сбило снег с деревьев. Они потемнели и, будто в трауре, стояли у месива поломанных, искореженных деревьев.

По рыхлому снегу путь к океану был долгим...

Счастьем показалась твердая земля под ногами, с которой океанские волны убрали снег. Был отлив. Между океаном и снегом тянулась широкая полоса пепельного вулканического песка. Он промерз и был крепким и ровным, как асфальт. В снежном берегу темнело множество зеленоватых пещер и ниш, зацементированных солеными брызгами.

Витька нашел царапины когтей и вдвойне обрадовался удаче: и следы нашел, и угадал, что зверь выйдет к океану.

Берег хорошо просматривался вдаль, но идти нужно было осторожно: медведь мог затаиться в снежной нише. В одной руке Витька нес наготове ружье, другой держал на плече лыжи. То и дело приходилось оглядываться: шатун мог неслышно подскочить сзади — прибой глушил звуки.

Медведь нашел китовый позвонок, похожий на вывернутый пень. Долго кувырчал его, пытался

грызть... Потом когтями скреб мерзлую морскую капусту.

Вода в океане была серой, всхолмленной волнами. Изредка вдали выныривали нерпы. Их головы, как будто в блестящих шлемофонах, появлялись среди сутолоки волн. Летели пестрые утки-морянки. Иногда над самой водой проносился черный баклан и пропадал за рваными гребнями.

Гераська рассказывал как-то, что однажды зимой выбросило кита. Лисицы прогрызли в нем норы, чтобы есть внутри незамерзшее мясо. А когда подходили волки, они прятались в этих норах, и вся шерсть у них слиплась от китового жира...

Не один час прошагал Витька по «прибойке». Рука устала держать ружье. Вдали на берегу темнел округлый предмет, непохожий на обычные выбросы. И когда к этому месту подлетела ворона и опустилась, в висках у Витьки застучало, пальцы крепче сжали ружье, сомнения пропали — на берегу лежала выброшенная океаном нерпа.

«Запасные патроны во всех карманах. Только не дергать спуск, плавно нажать», — предупреждал себя Витька и крался у кромки снежного вала.

Чем ближе подходил к нерпе, тем более упругим становился шаг. «Сейчас он бросится на меня...»

Истерзанная нерпа лежала у снежного берега. Поперек «прибойки» чернели на песке глубокие отметины когтей. Медведь уволок добычу от воды, чтобы не слизнул прилив. Снег рядом с нерпой был грязный, истоптанный медвежьими лапами. Вокруг рябили крестики птичьих следов. Шатун где-то рядом. Вот-вот бросится. Все лето Витька был среди медведей, привык к ним, но теперь это ничего не значило: шатун — это ведь не летний увалень медведь.

Но зверь что-то медлил.

Витька поднялся на снежный берег и увидел свежую борозду в рыхлом снегу. «Вот тебе и на! Удрал! Вот тебе и шатун, — удивился Витька. — Но по такому снегу далеко не убежишь!» Витька притащил с «прибойки» лыжи и налегке, без поняги, пустился вдогонку.

Борозда в снегу тянулась наискосок распадка. По рыхлому снегу идти нелегко даже на лыжах. Витька распахнул телогрейку. Краем глаза заметил, как сбоку и даже чуть сзади черная ворона резко изменила полет и нырнула в распадок. Витька вздрогнул от страшной догадки и обернулся.

Над гребнем высунулись будто две рыжие варежки и темный полукруг между ними. Не успел Витька сообразить, что это лоб медведя и медвежьи уши, как вскинулся и сам шатун и, распахивая снег, бросился к Витьке! Вместо медведя, к которому привык за лето, перед Витькой был востроухий громила, похожий на подброшенный в воздух тулуп. Узкая вытянутая морда, желтые зубы и в прыжке вскинутые выше головы черные подошвы задних лап. Мушка ружья прыгнула в центр тулука. Витька не слышал выстрела, лишь коротко толкнуло в плечо ружье. От пули медведь чуть споткнулся, но не замедлил хода. Зато вторая пуля как будто сорвала пружину, которая дико завертела медведя в снежной пыли на одном месте. Страшный рыже-белый волчок полз вниз по склону. Витька в спешке не мог попасть рукой в карман... Выхватил наконец патрон, толкнул его в ствол и выстрелил. Медведь откинулся в сторону, шарахнулся головой о дерево, упал, но силился встать. Второпях Витька опять сунул в стволы один патрон. Со вторым возиться было некогда: медведь вставал, широко расставив длинные худые лапы. Первый раз Витька прицелился по месту чуть позади лопатки и плавно нажал спуск. Медведь рухнул в снег, как будто саблей рубанули невидимую

веревку, которая его поднимала. Словно тонной свинца влилась в медведя пуля. Он лежал, вдавленный в снег, распластаный, неподвижный. Наконец-то Витька перезарядил оба ствола. Странно было видеть, как все глубже и глубже втягивались в глазницы закрытые глаза медведя. Уши были оттопырены, да и по откинутым лапам, по ткнувшемуся в снег носу было ясно — медведь убит. И все-таки Витька выстрелил еще раз. Медведь не шелохнулся. Витька стоял и, сам не зная зачем, водил рукой по своей щеке. Потом сел, положил на снег шапку. От нее, как от набрякшей на боку медведя шерсти, поднимался легкий дымок.

Удивительно, что ему даже некогда было испугаться — нужно было стрелять и скорее перезаряжать ружье. А теперь, когда шатун мертвый, бояться уже поздно. Но Витька с ужасом думал: «Не дай бог этому когда-нибудь повториться. Если бы не показала ворона, вряд ли успел бы выстрелить. Знал, что шатун может сделать петлю, а понадеялся: мол, струсил, убегает. Он просто-напросто не пошел в лоб. А как он скакал! Чуть промедли — и все...»

Витька смотрел на распадок. Редкие корявые деревья, снег — и ничего больше.

Встал, подошел к зверю. Шкура на боку была похожа на мехи гармошки — так выступали ребра. Витька перевернул непривычно легкого для таких размеров медведя, достал сантиметр и, коли уж представилась возможность, сделал все промеры, как настоящий зоолог. Цифры, хотя и старался, писались неровно — дрожали руки.

Этот медведь убивал медведей и однажды попал на такого, который искалечил его самого: на груди багровела рваная незаживавшая рана. Витька не раз держал в руке тяжелую, как гиря, стопу передней медвежьей лапы и представлял, как может ударить

таким кистенем медведь. Да не просто лапой, а крючьями когтей.

Уже под вечер, еле двигая лыжами, Гераська возвращался из поселка к Горячим ключам. Ни Витькиных, ни медвежьих следов не нашел: все замело снегом. Гераська раздумывал, в какую сторону идти на поиски.

И вдруг вдалеке, в распадке, показался Витька. Заметив Гераську, заторопился к нему. А тот, обрадованный, остановился и просигналил ему рукой. Вдруг Витька замер. затоптал ногами, сбросил понягу вместе с ружьем, сорвал и швырнул в снег телогрейку и торопливо начал стаскивать белье.

Гераська в полном недоумении подбежал к Витьке. И тот объяснил ему, что из спичечной коробки, которую Витька сунул во внутренний карман, разбежались медвежьи эктопаразиты, или попросту, как называют их охотники, «медвежьи вши». Размером немного меньше, чем оса, с раздвоенным хвостом, они свирепо скреблись в коробке, а когда Витька заспешил, коробка приоткрылась, и они ринулись из нее, проволочными ногами царапая тело...

Стоя на телогрейке, Витька тщательно вытряс одежду, просмотрел, прощупал каждую складку и только после этого натянул на себя.

Глава двадцать седьмая

Вдоль океанского берега гремела орудийная канонада. Уже несколько суток широкой белой полосой плыл вдоль берега лед. Океанские волны прижимали льды к скалам. Скрежет и гром ломающихся льдин были слышны за многие километры. Где-то на севере, где океан зимой был подо льдом, весна начала ломать снежные поля.

За поселком, среди широкого снежного поля лимана, проступила полоса черно-синей воды. По ней четким строем плыли перезимовавшие на теплом ручье лебеди. Они были белее тронутого весной, чуть сероватого снега.

Каменноберезовая тайга отличалась от зимней только тем, что ярче, теплее светило над ней солнце и гуще, синее стали полосатые тени в белых распадках.

Витька с Гераськой ехали на нарте по ровному отрогу горы. Вдруг упряжка заголосила, передние собаки рванулись назад, задние — вперед, упряжка сбилась в клубок. Нарту дергало, у Гераськи слетели в снег защитные очки «Смотри, смотри!» — кричал он Витьке, показывая рукой назад. Неподалеку удирал медведь! Собаки рвались — кто догонять, кто убежать, медведь прыжками бежал вверх по склону. Это был средних размеров зверь обычной бурой окраски. В стороне зияла в снегу дыра — берлога! Медведь скрылся за гребнем.

Гераська с Витькой распутали собак и подъехали к берлоге. Из мешка, привязанного к нарте, Витька достал прочную коробку, вынул из нее фотоаппарат в кожаном чехле, осторожно раскрыл его, поставил нужную выдержку, диафрагму, навел на резкость, еще раз проверил, все ли сделал правильно, и

сфотографировал наконец берлогу. Фотоаппарат, который доверили ему в заповеднике, был дорогой, и Витька обращался с ним очень осторожно. Аккуратно уложил его и полез в берлогу.

Гераська не встречал таких берлог, какой оказалась эта. В земляном бугре, приглаженном снегом, со стороны подножия горы был вход шириной в метр. Особенность этой берлоги была в том, что она имела форму кольца с толстым земляным столбом посередине. Медведь рыл берлогу и все время заворачивал в сторону, пока не прорыл ее до своей же входной норы. Если бы сделать срез холма и посмотреть на берлогу сверху, она была бы похожа на букву Р. Медведь лежал там, где кончил рыть, головой ко входу. Никакой подстилки не было. В своде — отдушина, наполовину забитая мусором.

Витька тщательно промерил берлогу, нарисовал ее план, указал направление входа, место отдушины, крутизну склона, расстояние до ближайших кустов кедрового стланика. А потом еще принялся рисовать следы. Снег был плотный, сырой, и следы на нем остались четкие, хорошо пропечатанные. Всего на семь сантиметров проминал медведь лапами снег. Только возле берлоги, где он особенно резко на первых прыжках отталкивался лапами, снег был продавлен намного глубже. Наконец Витька все закончил, и они поехали.

По рассказам Гераськи и других местных охотников, большинство медведей, обитающих в округе Туманова, уходят на зиму на гору, прозванную Пирожком, и там ложатся в берлоги. Эта гора находится уже за пределами заповедника, но недалеко от него. Сергей Николаевич, который вел в заповеднике «Летопись природы», решил, что неплохо было бы написать в ней о скоплении медведей. Сам он поехать в район Пирожка не мог — со дня на день ожидался облет территории

заповедника на вертолете. Но и поездку к Пирожку откладывать было нельзя — медведи как раз выходили из берлог. По встречам с ними и по следам можно было узнать, много ли там собирается медведей.

Зная Витьки но пристрастие к медведям, Сергей Николаевич и послал его в этот район вместе с Гераськой.

Витька читал, что медведи иногда собираются на зиму на небольших участках. В Кавказском заповеднике они уходили в горы, в скалистые места, где множество естественных берлог — расщелин, пещер. Если резко наступало похолодание, то медведи дружно отправлялись к месту зимовки. Так, за один день на небольшом отрезке пути в пятнадцать—двадцать километров сотрудники заповедника отметили там однажды около тридцати переходов медведей в горы. Звери шли туда, где могли устроить берлоги. Такие же скопления медведей отмечены и на Алтае. Вблизи Телецкого озера на одном из хребтов на протяжении двенадцати километров было обнаружено двадцать шесть берлог.

Но то, что здесь, на Камчатке, всего в одном дне езды на собаках от поселка, есть место такого скопления медведей, было для Витьки приятным сюрпризом.

Гора издали и правда похожа на пирожок. Но вблизи, когда глаз не охватывал ее всю, обращало на себя внимание другое — склоны изрезаны множеством распадков, которые, в свою очередь, иссечены более мелкими распадками. Только там, куда Гераська направлял упряжку, было пока сравнительно ровно. Витька время от времени останавливал собак и фотографировал изрезанный склон. Делал он это старательно, долго выбирая каждый кадр. Казенный фотоаппарат был для него чем-то вроде символа науки. После каждого снимка он укладывал его в коробку,

боялся, если вдруг перевернется нарта, не дай бог поломать.

Даже Гераська проникся уважением к этому фотоаппарату и попросил Витьку, чтобы он сфотографировал его. Но едва Витька направлял на Гераську фотоаппарат, тот, как гусь, вытягивал свою длинную шею. И Витька разочарованно опускал фотоаппарат.

— Да не тяни ты шею. Надо, чтобы все как на самом деле. А ты на себя не похож становишься.

Но стоило опять направить фотоаппарат, Гераська тут же вытягивал шею, смотрел на него вытаращив глаза и не дыша. Так и пришлось снять его в этой позе.

Поперек хода собак тянулся свежий след медведя. Витька отметил его в записной книжке, а в бинокль увидел распадок, где вроде бы темнела берлога. Витька уговорил Гераську оставить собак и пойти поперек крутых распадков в пяту по медвежьему следу. Где на лыжах, а где без них пробирались рядом со следами. На подъем лыжи несли в руках, кое-где упираясь как палками. Сапоги продавливали уплотненный весенний снег поглубже, чем медвежья лапа. Но все равно идти было легко.

Вход в берлогу хорошо стало видно и без бинокля. Занесенная снегом большая каменная плита, а под ней черное отверстие, от которого шли следы.

Возле берлоги медведь наследил на снегу, намусорил. Витька воткнул в снег лыжи, передал Гераське ружья, поставил понягу, к которой были привязаны топор, веревка, фонарик, немного еды и фотоаппарат. Нужно было достать его и сфотографировать берлогу снаружи.

— Что это он у берлоги долго топтался? — спросил Витька.

— Кто его знает, может, ноги разминал! — ответил Гераська, присаживаясь на камень.

В это время стоявшая поняга упала возле входа в берлогу. И тут же по ней шарахнула когтистая лапа, зверь дернул ее к себе. Витька отскочил и вцепился в ружье.

— Откуда он там? — удивленно спросил Гераська, когда понял, что медведь не собирался выскакать.

— Там фотоаппарат! — спохватился вдруг Витька.

— У, леший! Все карточки помнет.

Но в берлоге было тихо. Видно, медведь не терзал понягу. Витька стоял с ружьем наготове, Гераська снял с плеча карабин.

— Надо выручать понягу, — шепотом сказал Витька.

Гераська развел руками:

— Надо. Только его можно и не выгнать. А то, хочешь, и на нас бросится, стрелять придется... Давай сюда зайдем, на плиту, и сверху шумнем — может, убежит.

Зашли на высокую плиту над берлогой — стало ясно, почему в берлоге медведь: оказалось, след, который привел их сюда, принадлежал другому медведю. Зверь подошел к берлоге сверху, по каменной плите. На ней четко пропечатались его следы, незаметные снизу. Медведь то ли учуял, то ли знал, что под глыбой берлога, прыгнул с камня и разгреб вход. Но хозяин берлоги отнесся к нему далеко не гостеприимно, и медведь ушел своей дорогой.

Гераська отковырнул большой ком снега и сверху бросил его в берлогу. Там послышалась возня, потом все стихло, и, сколько ни бросали туда снег, никаких звуков из берлоги больше не доносилось.

— Бывает, прямо в берлоге стрелять приходится, — сказал Гераська. — Ни за что не вытуришь. Другой раз дырку сверху пробьешь — через нее и стреляешь... Давай вот что сделаем, — уже шепотом продолжал он, чтобы не услышал медведь. — Сейчас с разговором уйдем от берлоги, он услышит — оба ушли. Как отойдем

подальше, должно быть, убежит. Чего ему там сидеть. Вот сюда бежать ловчее, сразу за камни. А мы тогда вон туда пойдём. — шептал Гераська. — Как пойдём, говори чего-нибудь, как всегда разговариваешь, чтобы слышал.

Гераське никогда в голову не приходило усомниться в том, что медведи могут думать так же, как люди. Охотясь на них, прикидывая в уме, как может повести себя зверь, он всегда ставил себя на его место и решал, как бы поступил на месте зверя сам.

Вот и теперь был убежден, что медведь выскочит, если услышит, что они оба ушли от берлоги.,.

Так и получилось. Когда отошли метров на триста, берлога как будто выстрелила медведем: он вылетел из нее бурым ядром и замелькал среди громадных камней.

Витька вскинул к глазам бинокль и рассмотрел только, что у медведя высунут непомерно длинный язык. Ни у одной собаки в самую жару не видел такого.

Понята была целой, только на привязанном к ней брезентовом мешке остались дыры от когтей. Фотоаппарат, к счастью, не пострадал.

Берлога была устроена в нише между двумя скальными обломками, прикрытыми сверху каменной плитой. Осенью медведю пришлось хорошо поработать когтями, чтобы углубиться в землю. Берлога была выстлана ветками ольхового стланика. Слой их чуть ли не в метр толщиной. Все ветки свежие, уложенные только прошлой осенью. Гераська говорил, что медведи каждую осень чистят берлоги, на старую подстилку не ложатся.

Интересно было стоять в сумраке берлоги, в которой только что был медведь, и еще чувствовалось его тепло. Витька лег на мелкие ветки ольхового стланика, где всю зиму пролежал медведь, посмотреть, что он видит, что слышит, лежа в берлоге.

Потом Витька с Гераськой вернулись к собакам и поехали дальше, к обширной панораме со знаменитым

Карымским вулканом. Там пришлось искать место для палатки. Ниже были крутые распадки. Собачьей упряжке через них не пробраться. Сверху хорошо просматривалась вся громадная седловина, отделяющая медвежью гору от заповедника.

Красивые заснеженные горы не такая уж редкость в мире. Но здесь, среди этих гор, высился похожий на громадный муравейник конус Карымского вулкана. Склоны его были ровные, без глубоких борозд — баранкосов. Разъеденные дождями и временем борозды бывают на дремлющих вулканах. Этот не дремал. Все неровности он заделывал свежими выбросами. Склоны его были ровные, без морщин.

Нужно было вернуться немного назад и где-нибудь в затишье поставить палатку. А потом все дни, все светлое время проводить на гребне, наблюдать в бинокль за седловиной, считать медведей. Ставить палатку нужно было вдвоем, а Витьке уже не хотелось оставлять седловину без наблюдения. Он спустился на нарте в распадок, разгрузил ее и опять пригнал собак на гребень. Решил заставить их следить за округой. Привязал упряжку на гребне, а сам, довольный выдумкой, съехал на лыжах к Гераське помогать ставить палатку.

Настроение было отличное — даже собаки помогают ему изучать медведей! Если только где-то в седловине появится медведь, они заметят его и поднимут лай.

Витька лихо работал топором, кромсая березовый сухостой на мелкие кусочки, которые могли бы влезть в крохотную печурку. И вдруг «сторожевой механизм» сработал — собаки захлебнулись в лае. Витька кинулся в гору, но опомнился, вернулся, схватил карабин — как-никак там голодный весенний медведь — и крикнул Гераське: «Дай патронов!» Не дожидаясь, пока опешивший Гераська достанет патроны, сам сунул руку к нему в карман, схватил патроны и побежал наверх.

Собаки рвались так, что казалось, вывернут кусок скалы, к которому привязаны.

Но когда Витька прибежал на гребень, они уже молчали. В широкой седловине никого не было. Видя возбужденного Витьку, собаки нетерпеливо перебирали лапами, надеясь, что он отпустит их с привязи. «Наверное, спрятался где-нибудь в распадке», — подумал Витька о медведе.

Гераська тем временем тоже поднялся на гребень. Витька уже хотел отметить, что еще один зверь зимовал в районе Пирожка, как собаки вдруг снова залились. Из-под соседнего камня выскочила мышь и, прострочив но снегу, юркнула в норку под другой камень. Гераська, передразнивая Витьку, торопливо вытащил из кармана еще один патрон.

— Возьми скорей, а то хвостом хребет перешибет! Чего стоишь, пойдем ужинать. Я вижу, они не по медведю лают. Чего ты к ним припустился?

На другой день из-под небольшой скалы то и дело поблескивали стекла биноклей. Сидя в выдуве снега, незаметные на темном фоне базальта, Витька с Гераськой осматривали изрезанную мелкими распадками седловину, похожую на вспаханное и припорошенное снегом поле. Только плуг должен быть размером с хороший утес. Заметить бредущего по этой изрезанной седловине медведя непросто. А нужно было посчитать, сколько их пройдет за день от Пирожка в район заповедника.

В этих местах не было привычной каменноберезовой тайги. Только кое-где стояли отдельные куртины искореженных, как будто смятых в гигантской горсти и брошенных в снег каменных берез. Ивовые заросли, густые даже зимой, серыми лентами вились по распадкам. Кедровый стланик на припеках выбился из сугробов зелеными кудрями.

Первый медведь прошел совсем неподалеку. Брел не торопясь: некуда было спешить. Не скоро удастся поесть в этом году, вот он и берег силы. Улегся на солнечном взгорке, поерзал по снегу брюхом и стал зубами выгрызать льдышки, застывшие в волосах между когтями. На вид медведь вовсе не был тощим, казался таким же плотным, как и осенью. Но накопленное быстро сгорит на нем за недели весенней бескормицы, зверь подожметя, станет легким, проворным в заботах о корме.

Потом проходили медведи вдаль, многих из них можно было заметить только в бинокль, когда они переваливали через гребни распадков.

На Камчатке есть такая примета: когда в большом табуне оленей родится десять телят, встают из берлоги медведи. В округе заповедника не было домашних оленей. Но Гераська и без них давно научился угадывать по погоде, когда начинают вставать медведи. Приехали сюда как раз вовремя.

Гераська дремал от вынужденного безделья. Не хотел признавать серьезным делом подсчет вставших из берлог медведей. К тому же от долгого разглядывания в бинокль у него болели глаза.

Пригревало солнышко, тепло отражалось от черной скалы. Прижавшись к теплой каменной стене и уронив набок голову, Гераська спал, легонько посапывая. Витька не стал его будить, а повернулся так, чтобы видеть и те распадки, за которыми должен был следить Гераська.

Вдруг он заметил: в сером ивняке шевельнулась белая глыба. «Медведь встает из берлоги», — подумал Витька. Но тут же понял — нет. Это был какой-то другой зверь — ростом выше медведя. Не отрываясь следил за белым в кустах, потом толкнул Гераську.

— Да это лошадь, — сказал Гераська.

И Витька сразу в бесформенном до этого белом пятне увидел лошадь. Она медленно шла по ивняку.

«Но откуда здесь лошадь, так далеко от поселка? Да еще среди таких снегов?» — подумал Витька и вспомнил, как недавно в поселке перегоняли молодую лошадь из одного сарая в другой. Она вязла в глубоком снегу, ноги не находили опоры, и лошадь билась в горячке, норовя скорее выбраться на укатанную дорогу, но только глубже уходила в снег. Мужики повалили ее на бок и веревками доволокли к дороге.

А тут лошадь шла по распадку, и близко не было никаких дорог. Длинная грива и длинный нестриженный хвост делали ее похожей на дикую лошадь из приключенческих фильмов. Витька сразу прозвал ее про себя Белым Мустангом. Гераська опустил бинокль и сказал:

— Дикая.

Белый Мустанг перестал скусывать веточки ивы и копытом, как северные олени, разрыл снег. Добрался до хвоща и принялся есть. Эта лошадь никогда не жила в поселках. Она родилась в экспедиции и вместе с матерью переходила из одной экспедиции в другую. Зимовала под легким навесом, как когда-то зимовали на Камчатке почти все лошади. Гераська рассказывал, что раньше сена для них почти не готовили. Всю зиму они сами паслись на хвоще, и которые выживали, летом отъедались на сильной камчатской траве. Когда эта лошадь чуть подросла, на нее какой-то шалопай навьючил без седла тяжелые ящики, и они до костей сбили ей спину. Лошадь сбросила груз и убежала в тайгу с орущим транзистором, который висел у нее на шее.

Зимовала она с северными оленями, а потом наткнулась на другую экспедицию. В отряде было плохо с продуктами, и на совете решили пристрелить лошадь и съесть. А девчонка-геолог потихоньку от всех увела

ее и отхлестала хворостиной, чтобы убежала и не попадалась больше на глаза людям. С тех пор лошадь и живет в тайге, приспособилась как-то к камчатским зимам.

Из распадка лошадь направилась к скалам. Снег был плотный, но местами она все равно глубоко проваливалась в нем. Перед откосом провалилась по грудь, но не свернула, а, смешно переставляя передние ноги, на коленках пробиралась по глубокому месту.

Гераська удивленно и одобрительно хлопнул.

Лошадь выбралась на отрог. Снег там был мельче, плотнее. Но непонятно, зачем она забралась вверх, в скалы. Похоже, что-то искала в камнях. Но когда встала и принялась жевать, пуская по ветру клочки мелкого зеленого сена, поняли: она искала запасы сеноставок — небольших зверьков, которые летом сгрызают траву, сушат и прячут на зиму в расщелины, укладывая в стожки.

Далеко в другой стороне появился в виде черной точки медведь. Витька следил за ним в бинокль, пока тот не скрылся из глаз. Опять направил бинокль к Мустангу. Но его уже не было. Гераська сказал, что лошадь ушла в распадки. Случайно ли так получилось, но все медведи, которые прошли в этот день, не набрали на след лошади. Похоже, она знала путь встающих из берлог медведей и остерегалась там оставлять следы. И все же непонятно было, как до сих пор с ней не расправились медведи или волки.

Солнце село. Горы вокруг потемнели, и только вулкан стоял в розовом шлеме заката. Когда шли к палатке по всхолмленному увалу, за одним из бугров заметили две медвежьих спины. Медведи шли прямо на них. Гераська с Витькой остановились. Было уже сумрачно, и для фотосъемки мало света. Медведи подходили ближе, один от другого шли метрах в пяти. Это были молодые медведи, наверное, первый раз

зимовавшие без матери. Они не видели людей — опустив головы, принялись к снегу. Ветерок тянул от них.

До них было метров двадцать, когда они наконец обратили внимание на темные предметы впереди, единственные среди белого снега. Медведи остановились и с безразличным видом стали рассматривать людей.

— Ну что, покурим? — негромко сказал им Гераська.

Стоящий ближе медведь вскинулся на задние лапы, а передние сложил на груди и зашевелил когтями.

— Пуговицы расстегивает, — усмехнулся Гераська, — сейчас шубу снимет.

Витька старался рассмотреть, началась у медведей линька или нет. Но шкура у обоих была ровная, только на мордах появились пятна и кое-где торчали клочья шерсти. Приглядываясь к медведям и следам, Витька старался запомнить, как соотносятся следы таких размеров с ростом зверей.

В конце концов стоявший на задних лапах медведь издал хорошо знакомый Витьке сигнал опасности — сильно выдохнул воздух, как будто резко нажали большую резиновую грушу. Медведи разбежались в стороны, потом сошлись, постояли, посмотрели издали на людей и, не торопясь, пошли назад по своим следам.

Витька измерил ширину следов. У одного — пятнадцать сантиметров, у другого — четырнадцать.

На другой день, когда Витька с Гераськой собирались идти на свой наблюдательный пункт, в небе над Камчатским вулканом появилось черное маслянистое облако. Гераська сразу заторопился домой. Пришлось спешно снимать палатку, увязывать все на нарту. Ничего вроде бы страшного и не было. Такие облака над Карымским Витька видел из поселка множество раз. Но одно дело видеть издали, и совсем другое — быть рядом.

Опасения Гераськи подтвердились. Облако недолго стояло над вулканом. Ветер растянул его, и оно превратилось в серую тучу, из которой посыпался на снег темный пепел. Этому и боялся Гераська. Если грязного вулканического песка, называемого пеплом, выпадет много, собаки не смогут тащить по нему нарту. Гераська погнался в сторону, из-под крыла пеплопада.

Вершина Карымского уже не белела, как вчера, ярким снегом, а темнела сквозь серую кисею. К счастью, туча была небольшая, и пепел не так уж сильно мешал собакам. Но на снегу, прорезанном незамерзшим ручьем, было видно, как часто здесь бывали сильные пеплопады. Снег был прослоен спрессованным пеплом.

Витька досадовал на вулкан, что он прогнал их с интересного места. Вчера они видели восемь медведей, идущих от Пирожка. «Может, медведи там и любят ложиться, потому что вулкан прогревает землю, а не только из-за множества ниш и пещер», — подумал Витька.

Карымский превратился в грязный дымящийся конус. Закопченная вершина, дым, посеревший снег создавали впечатление окрестностей старой, неряшливой фабрики. Все это выбивалось из привычного представления о красоте и гармонии природы. И вдруг, словно обидевшись на нелестное сравнение, вулкан взметнул такое облако, что невольно жуть охватила Витьку. Он сразу проникся уважением к этому вроде бы и не такому большому вулкану. Теперь чувствовалось, что это не просто вулкан, а самый активный из действующих. И если он взбунтуется по-настоящему, то, как бы ни удирали они на собаках, достанет камнепадом.

Хотя Гераська и торопился угнать собак подальше от вулкана, особого страха Витька у него не замечал.

Ветер отжимал облако в сторону, небо очистилось. Все дальше и дальше отъезжали они от вулкана.

Упряжка совсем выехала из полосы припорошенного пеплом снега, собаки бежали свободно, без напряжения. По слежавшемуся за зиму плотному снегу миновали непроходимые летом топи. Обширный ровный участок проехали быстро. Ближе к океану начались глубокие распадки. Нужно было провести упряжку по узкому гребню между поросшими каменной березой распадками.

Гераська остановил собак и велел Витьке крепче держать их, уперев нарту в дерево. Сам взял карабин. На этом гребне всегда любили устраивать лежки зайцы. Раньше, когда Гераська возил тут медвежье мясо, приходилось, подъезжая к гребню, привязывать собак и стрелять в воздух, чтобы зайцы разбежались с гребня. Иначе, если выскочат под носом собак, никакими силами не удержат упряжку — сорвется с гребня на крутой откос.

Выходя на гребень, Гераська поднял карабин, но вдруг пригнулся и поманил к себе Витьку. Тот привязал собак и торопливо поднялся на гребень. По противоположному склону на своей задней части съезжал в распадок медведь. Второй медведь уже был внизу, а тот, который ехал с горы, не успел затормозить когтями и врезался в нижнего медведя. За это получил оплеуху, и оба побрели по распадку.

— Что мальчишки, то и медведи молодые, — сказал Гераська. — Нет бы вон там сойти. Так нет, прокатиться надо, где покруче... Братья, наверное. Оба одинаковые.

Медведи шли по распадку без всякой настороженности, ничего не опасаясь, ни к чему не прислушиваясь. Собаки по другую сторону гребня, видя возбуждение людей, нетерпеливо перебирали лапами, поскуливали. Но молодые медведи то ли не слышали их, то ли не обращали внимания.

Один из медведей увидел дупло в березе и заспешил к нему. Другой кинулся обгонять, и оба опять

устроили потасовку, лапами выколачивая право первым заглянуть в дупло. Но так вместе и засунули туда и носы и лапы. В дупле ничего интересного не оказалось.

— Ребятишки и есть ребятишки, — сказал опять Гераська.

А Витька подумал, что не даром итальянский биолог и палеонтолог Луиджи Амендоле пытается доказать, что человек происходит не от обезьяны, а от медведя.

«Почему самая любимая игрушка детей, — писал Луиджи Амендоле, — не обезьяна, а медвежонок? Почему человек обижается, когда его сравнивают с обезьяной, и добродушно ухмыляется, если кто-нибудь назовет его медведем? Почему слово «медведь» входит составной частью в названия городов, фамилии, имена (город Берн, например. имя Бернард, фамилия Орси, Орсини, созвездия Большая Медведица и Малая Медведица и так далее), а слово «обезьяна» — никогда?» Оказывается, ответ прост: да потому, что человек происходит не от обезьяны, а от медведя. Если говорить более научно, потому что у человека и у урсидов общие предки».

Хоть Витька и считал, что это солидный заскок у Луиджи Амендоле, но ему было приятно, что у кого-то возникла такая теория, связанная с его любимым зверем.

Обождая, когда медведи отойдут подальше, Гераська дважды выстрелил вверх. Белым шариком замелькал поодаль заяц. Медведи вскинулись от выстрелов, но тут же спокойно побрели дальше. По молодости они не знали ружья, а к громким звукам вроде грохота прибоя или вулкана привыкли.

Разогнав зайцев, без приключений миновали гребень и сразу за ним встретили след медведя. Погнались по нему собак — не за медведем, а в пяту — и скоро нашли берлогу. Теперь, наученный горьким опытом, Витька подходит к ней осторожно и с ружьем.

Но берлога была вырыта в земле, и спрыгнуть к ней сверху, как спрыгнул медведь к берлоге под каменной плитой, было неоткуда. Четко видно — медведь вышел именно из этой берлоги. И все же Витька бросил в нее ком снега. В берлоге никто не шевельнулся. Витька пошарил в темноте большим суком.

— Обжегся на молоке — на воду дуешь! — засмеялся Гераська.

Витька вернулся к нарте, положил ружье, взял фонарик и опять подошел к берлоге. Записал, что медведь перегрыз зубами толстые корни, которые мешали ему рыть берлогу. Уже почерневшие огрызки корней торчали по краям входа.

Витька с опаской посветил в берлогу. Пусто. Полез в нее. Ширина входа была семьдесят два сантиметра. В берлоге явно темнее, чем снаружи. Измерил высоту. От подстилки до земляного потолка — один метр десять сантиметров. Хотел измерить ширину, повел лучиком фонарика по земляным стенам позади себя — и отпрянул! В луче сверкнули медвежьи глаза. Но Витька не успел перепугаться — сообразил, что это медвежонок. Направил скакнувший в сторону луч и увидел: на возвышении, похожем на маленькую сцену, стояли на задних лапах, прижавшись пузечками к стене и вытянув вверх вдоль стены передние лапы, два медвежонка. Витька протянул к одному руку, но тут же отдернул: ударом маленькой лапы медвежонок так расцарапал ее, как, пожалуй, не сделал бы ни один кот.

Увидев царапины, Гераська сказал:

— Поехали отсюда. Мать может вернуться. Видишь, следы обтаяли — давно ушла.

— Мне медвежат измерить надо. Дай шапку.

— Сейчас мать придет — она тебе измерит! — рассердился Гераська.

— Ничего, — сказал Витька, боязливо оглядываясь по сторонам. — Как говорит наш директор: «Сотруднику

заповедника почетно погибнуть от медведя». Давай скорее шапку! Ведь и правда прибежит.

Гераська бросил Витьке шапку, а сам пошел к нарте, взял карабин, а Витькино ружье на всякий случай прислонил к березке и стал посматривать в сторону следов, уходящих за гребень, куда-то к океану. Бывает, встают медведи из берлог на какое-то время, а потом опять возвращаются. Вот и эта медведица должна вернуться.

В берлоге заголосил медвежонок, и собаки, вздыбившись, залаяли, забесновались в упряжке. Витька, держа медвежонка руками, на которые, как рукавицы, были надеты своя и Гераськина шапки, высунулся из берлоги:

— Помоги мне его измерить!

Медвежонок весил килограмма два-три, но отчаянно вырывался и орал.

— Брось его назад! — рассердился Гераська. — Может, тут она, за бугром, стрелять ведь придется!

Гераська был прав. Медведица могла вернуться, а Витьке вовсе не хотелось стрелять в нее. Припечатал медвежонка к снегу и только после этого отпустил в берлогу. Торопливо достал из кармана сантиметр, измерил длину отпечатка медвежонка и быстро пошел к собакам.

— Ты же сам рассказывал: медведица защищает медвежат, только когда выведет их из берлоги, — говорил он Гераське.

— Ты думаешь, у них все как у одного. Каждый по-своему с ума сходит, как и люди.

Отъехав от берлоги за два распадка, Витька остановил собак, чтобы все записать. И вдруг они вскинули головы, насторожились, злобно залаяли. Наверное, медведица вернулась, и они услышали, как медвежата жалуются ей. У Витьки, как после охоты на

шатуна, задрожали руки — не смог записывать. Сунул блокнот в карман и погнал собак к дому.

Глава двадцать восьмая

Внизу, над темно-зеленой водой, ярко белели крестики лебединой стаи. Крестики сразу пропали, как только стоя с темного фона океанской воды перетянулись на белое поле снежного берега.

Витька и Сергей Николаевич припали к иллюминаторам вертолета — был очередной облет заповедника. Посреди вертолета на большой охапке сена лежал Букет. Он не первый раз летел на вертолете и терпеливо ждал, в какое еще место его привезут.

Сверху хорошо видно, как одинаковая по цвету темнозеленая вода океана в одном месте делилась на серую и голубую — с четкой, похожей на дугу границей. Как раз в этом месте, где вершина дуги почти касалась берега, погибли студенты, которые летом вздумали там искупаться.

Двое из них были перворазрядниками по плаванию, а третий плавал не так хорошо и купался у самого берега. Заметив, что его относит в сторону от одежды, он с трудом поборол течение, выбрался на берег и стал кричать ребятам, чтобы те возвращались. Но за шумом прибоя они не слышали его. А когда попытались вернуться, уже не смогли этого сделать. Их понесло вдоль берега, все отдаляя от него. Не в силах помочь им, парень пустился бежать в Туманово. До поселка было километров семь. И их он пробежал почти без передышки. Два катера, которые стояли у причала рыбокомбината, сразу пошли в район, где случилось несчастье. Много часов искали они ребят. Но так и не нашли. Температура проходящего неподалеку от берега течения Ойясио даже летом всего около четырех градусов...

Вертолет повернул от берега и полетел в глубь полуострова. На обращенных к югу склонах гор весеннее солнце уже согнало снега.

Букет, лежа на сене, потянулся носом к Сергею Николаевичу и обнюхал обтянутые свежим оленьим камусом^[7] новые ножны охотничьего ножа. Раньше этот острый, из какой-то особой стали нож Сергей Николаевич брал с собой на полевые завернутым в тряпку. Теперь ему наконец сделали расшитые бисером ножны, и Букет с пристрастием обнюхивал свежий олений камус.

Вертолет пролетел над заброшенным поселком. Когда-то в нем жили изыскатели, но, закончив работы, разъехались. А потом тут сделали заповедник, и поселок уже несколько лет пустовал. Дома стояли с пустыми глазницами окон, снег на улицах был мертвым, нетронутым. И вдруг Витька увидел медвежий след. Он шел от добротной крайней избы. Только от дома — других следов не было. Видно, медведь зимовал в заброшенном доме. Показывая вниз, Витька кричал Сергею Николаевичу:

— Давайте сядем! Там, в доме, берлога!

— Ну и что?

— Посмотрим, как зимовал.

Но Сергей Николаевич отмахнулся:

— На Узоне садиться будем.

Они летели к знаменитой кальдере Узона. Когда-то вместо громадного вулкана образовалась чаша со стенами из гор и с ровным, шириной одиннадцать километров, дном. Чаша, или кальдера, как ее называют вулканологи, занимает около ста квадратных километров. Это как бы громадный кратер вулкана, по своим размерам уступающий только знаменитому африканскому кратеру Нгоро-нгоро.

Заходя на посадку, вертолет большим кругом прошел над кальдерой. Сейчас это была снежная равнина в горном кольце с разбросанными пятнами озер. Кое-где из-под земли вырывались высокие столбы белого пара.

Витька узнал место, где они были летом. Узнал его по озеру, среди которого ключом кипела вода и поднимался столб пара. Вокруг была целая сетка из ручейков.

Сергей Николаевич тоже, наверное, узнал эти места. Тогда они были в кальдере втроем: Витька, Сергей Николаевич и его жена — Рита. Их палатка стояла у озера. Они учитывали гнездящихся в кратере птиц.

Под ногами в кальдере была обычная, поросшая травой земля. Встречались ягодники шикши, голубики. Но местами вдруг попадались большие, похожие на язвы ямы с потрескавшимися стенками. В них клокотала, кипела белая глина. А дальше опять была обычная «мирная» земля. Но в самых неожиданных местах, например среди высохшего болотца, заросшего кустарником голубики, с шипением вырывались из-под земли смешанные с паром газы. И сразу вспоминалось, что идешь не где-нибудь, а в кратере вулкана. Все вместе ходили смотреть, как вокруг небольшого отверстия в земле выступили изумрудные цветы, сотканые из блестящих зеленых кристаллов чистой вулканической серы.

Вечером Сергей Николаевич чуть ли не вплавь, бросками, ломился через непролазный кедровый стланик к палатке. А напугавший его медведь, обжигая лапы, удирал через горячее фумарольное поле...

Медведь оказался большим — было чего испугаться. На вязкой глине сохранился четкий отпечаток лап. Ширина подушечек почти девятнадцать сантиметров. А длина когтей не меньше длины человеческих пальцев.

Витька вырыл ножом целую яму, чтобы вырезать тяжелый кусок глины с отпечатком следа.

— А вдруг этот медведь придет к нам ночью? — сказала Рита.

— Вот еще, придумала, — робко возражал Сергей Николаевич. — Что ему тут делать?

Весь вечер Рите казалось: то одна, то другая ветка кедрового стланика шевелится не так, как от ветра. Сергей Николаевич то и дело принимался стучать ложкой по алюминиевой кружке, и Витька не понимал — делает он это, чтобы отпугнуть медведя или только для того, чтобы успокоить Риту.

— Возле fumarol вся глина в следах, — говорил Сергей Николаевич. — Они, наверное, там соли какие-нибудь лижут.

На ночь палатку плотно застегнули, чтобы не забралась комары, и улеглись спать: в середине — Сергей Николаевич, а Рита и Витька — по обеим сторонам от него.

Было холодновато. С fumarольного поля доносились звуки вырывающегося из земли пара — то как шипение змеи, то как приглушенное ворчание зверя. Витька поеживался под куртками. Сергей Николаевич и Рита спали под ватным одеялом, прихваченным из дома, благо его не нужно было нести на себе. В тот раз они тоже прилетали в кальдере на вертолете.

Уже давно пожелали друг другу спокойной ночи, но Витька чувствовал, что ни Сергей Николаевич, ни Рита не спали, прислушиваясь к шорохам ночи, к шипению fumarol, к бульканью воды, птичьим крикам на озере...

...Вертолет, снижаясь, пролетел над незамерзающим озерцом. Стелясь над водой, над снегом, разлетались зимующие на нем утки и лебеди, стараясь быстрее отлететь подальше от проносющейся над ними ревущей машины. Летчик направил вертолет к краю кальдеры и, выбрав удобную площадку на

склоне, неслышно приземлился. Чувствовалось только, как тяжесть с винта перенеслась на шасси. Стрелка высотомера замерла, показывая пятьсот метров над уровнем океана.

Букет выпрыгнул из машины, поднял ногу над колесом и на всякий случай отметил свой вертолет. Деловито разбросал задними лапами снег и побежал знакомиться с окрестностями.

Со склона кратера видно было всю залитую солнцем кальдере, окруженную коричнево-белой мозаикой освобождающихся из-под снега гор. Поодаль клубы пара вздымались над изумрудными полосками отогретой среди снегов травы.

Сергей Николаевич направился к незамерзающим озерцам — посмотреть, сколько птиц зимует в кальдере. А Витьке поручил проверить по следам, какие звери приходят весной к отогретой подземным теплом траве. По прилизованному солнцем снегу он поехал к выходам пара.

Откос был отлогим. Даже Сергей Николаевич съехал по нему и не упал. Букет носился от Витьки к Сергею Николаевичу и обратно. Но когда Сергей Николаевич ушел далеко, он рыскал впереди Витьки на кальдере, время от времени валялся на снегу, оттирая линялую шерсть и неприятный запах вертолета.

У зеленых куртинок травы были видны следы медведя, зайцев, горных баранов. Но следы сильно обтаяли, не различались никакие детали — только большие и маленькие пятна на снегу.

Травы было не так уж много, чтобы зимой возле нее мог прожить кто-нибудь, кроме зайцев. Звери приходили к этой лужайке за витаминами, как в аптеку. Над Витькой пролетали кряквы, чирки, пронеслись два крохалея. Их поднял с озерца Сергей Николаевич. Птицы с ходу или покружив немного садились на другие озерца.

Витька пошел назад к вертолету. Если бы не клубы пара, и в голову не пришло бы, что идешь по кратеру вулкана. Поблизости рос березняк, выбрался из снега кедровый стланик, узкой темной канавкой прорезал снежное поле ручей.

Букет забегал вперед, заглядывал в глаза и, едва замечал, что Витька смотрит на него, бросался назад, словно уговаривая вернуться и походить возле травы и кедрового стланика, а не идти к вертолету, который теперь уже понесет их в поселок. Витька и сам был бы не прочь подольше походить в кальдере, но Сергей Николаевич строго наказал вернуться к вертолету вовремя.

Командир вертолета сидел наверху, в кабине, и, отодвинув стекло, читал книжку.

— А где же Сергей Николаевич? — спросил Витька.

— Вон он. — Летчик показал в сторону кедрового стланика. За ним чернела на снегу маленькая — на расстоянии — фигурка. Она двигалась к вертолету.

Букет, заметив Сергея Николаевича, побежал к нему.

Солнце нагрело темно-зеленый бок вертолета: весна не скупилась на тепло. Витька снял куртку, положил на снег, сел на нее и стал записывать все то, что не успел записать возле выходов пара. Взглянув в сторону Сергея Николаевича, увидел, что тот бежит на лыжах к вертолету, за ним бежит Букет, а за Букетом — медведь!

Сергей Николаевич, обезумев от страха, бежал в гору, падал. Вскakiвал, опять бежал. Витька кинулся пол гору, навстречу Сергею Николаевичу.

— Сергей Николаевич! Не бойтесь! Не бойтесь! — кричал он. — Это Рем! Это мой знакомый медведь!

Сергей Николаевич ничего не слышал, он думал только о том, что его догоняет медведь. Но прежде его догнал Букет. Сергей Николаевич повернулся и,

вытащив на бегу нож, ударил Букета в спину. Тот метнулся в сторону, упал, судорожно вытягивая дрожащие лапы.

Сергей Николаевич опять кинулся бежать, надеясь, что выкупил собственную жизнь смертью Букета: медведь набросится на собаку и не побежит за ним.

Медведь встал шагах в пяти от Букета и, вытянув шею, понюхал воздух, потом пригнул голову, вздыбил шерсть и побежал назад — уже не играючи, а как настоящий дикий зверь, чуть припадая к земле.

Может быть. Рем хотел порезвиться, погонять Букета, как часто баловался с ним в прошлом году, или, может, бежал, чтобы получить от Сергея Николаевича подачку, как не раз получал ее прошлым летом. Букет чуть съехал по склону и замер, не подбирая вытянутых лап. От алой полоски на снегу у Витьки перехватило дыхание. Он закрыл руками лицо, упал на колени и, как будто совершая намаз, припадая лбом к снегу, выпрямлялся и опять припадал...

Очнулся он только в вертолете. Лежал на охапке сена, которую брал, чтобы сбросить над следами дикой лошади. Лежал на том сене, на котором недавно лежал Букет. Его оставили там, на снегу. А Витьку, совсем обезумевшего от горя, отвели к вертолету.

Дома Витька убрал все, что хоть как-то напоминало о Букете. Отстегнул его упряжь, вместе с нею спрятал в мешок миску и даже листом картона закрыл низ окошка — не хотел видеть место, где обычно сидел или лежал Букет... Но Букет словно скребся когтями в его памяти, и Витька не находил себе места ни дома, ни на работе...

Под утро Витька с открытыми глазами лежал на кровати и в сером брезжущем свете увидел, как шевельнулось на гвозде ружье. Задребезжало стекло в окошке, звякнули ведра на лавке, и по воде побежали мелкие, частые круги...

Уже несколько дней пластмассовая матрешка с колокольчиком то и дело позванивала от легких толчков землетрясения. Прозвонила она и на этот раз. Все это уже стало привычным... Но вдруг Витька увидел, как со скрипом меняется угол между потолком и стеной, становится то больше, то меньше. Кровать задрожала, будто кто-то схватил ее за спинку и начал трясти. Ружье застучало по стене, из ведра выплескивалась вода. Такого еще не было. Витька соскочил с кровати, и в это время под землей пронесся гул, отдаленно похожий на гул реактивного самолета. Земля вздрогнула, дом запрыгал, словно катился с горы по бревнам. Звенели стекла, ведра с водой соскочили со скамьи на пол. Дом трещал, с потолка сыпался песок. Витька бросился к двери, но не смог открыть — ее заклинило или чем-то привалило снаружи. Вышиб табуреткой раму и выскочил через окно. По всему поселку выли собаки, мычали коровы, кудахтали куры, истошно орал петух. Слышались крики, плач ребятишек. А из-под земли опять несутся от океана к горам страшный гул.

Витька бросился из распадка вверх по склону, куда бежали все люди. Земля опять стала подрагивать. Было страшно, хотелось только одного — чтобы земля перестала дрожать, чтобы надежно было под ногами.

Вверху, куда не дохлестнет даже сильное цунами, на ровном поле около взлетно-посадочной полосы собрался весь поселок. Ближе к океану, с крутого склона распадка, давно освободившегося от снега, сполз дерн и обнажились черные пятна базальта. Толчки становились все реже, слабее. Земля наконец успокоилась, а люди все еще сидели на горе, опасаясь цунами. Потом несмелыми группами потянулись к своим домам.

Через весь поселок прошла трещина — шириной в две ладони. Вначале ребятишки пытались измерить ее

глубину палкой. Потом стали бросать в нее камни, и не слышно было, чтобы они ударялись о дно. Пропадали куда-то в глубине. Писали, что в Чили такие трещины уходили на глубину до тридцати километров.

Почти все дома были целы. Только из окон повыпадали стекла. Но страшно было заходить под крышу. Вдруг снова тряхнет — и крыша обвалится.

Рядом с Витькиным домом было как-то необычно. Трудно поверить своим глазам, но в речке не было воды? Посреди распадка темнело неровное, с мокрыми камнями, с редкими лужицами русло исчезнувшей речки.

Поодаль перекинулся ненужный теперь осиротевший мостик.

Витька, ударяя плечом в дверь, наконец сумел ее открыть. Все, что могло упасть, валялось на полу. Только ружье висело на стене стволами вниз.

Витька стесал топором порог. Дверь стала закрываться. Вскоре все в поселке успокоилось и занялись ремонтам.

От легких потряхиваний трещина в поселке потихоньку сошла, в речке появилась вода. Вначале мутная, потом посветлее, и вскоре в распадке опять бежала привычная речка.

Через неделю поселок жил своей обычной жизнью.

Глава двадцать девятая

Тот особенный день начался так же, как начинались в последние месяцы все Витькины дни. Утром, до работы, сидел над учебниками, потом шел кормить собак. Все собачьи упряжки на лето перевязали ближе к берегу океана, рядом со свалкой рыбных отходов.

Раз в день, а то и в два хозяева собак приходят сюда, железными крюками набирают в ведра отходов рыбы и раздают собакам. Ставят банки с пресной водой.

Спасаясь от жары, но чаще от дождя, собаки вырыли себе в конце «прибойки», в крутом земляном берегу, глубокие просторные норы. После того как не стало Букета, они уже не пели по вечерам единым стройным хором. Иногда начиналась их нестройная перекличка, но тут же рассыпалась, ни разу не зазвучав в лад, как получалось у них с Букетом...

Близилось время отъезда с Камчатки. В поселок уже прибывали туристы — с теплом наступил новый туристский сезон.

В конце весны и начале лета Витька только два раза побывал в тайге. Плавал через лиман — проверить, не сломало ли землетрясение избушку. Там было все в порядке, только выскочила труба из железной печки да разбились стекла.

Конечно, Витька не мог уйти, не поискав Рема. А пока искал, Рем пришел к избушке и лапами, как кувалдой, разбил в щепы лодку. Накануне рыбаки возили в ней свежую рыбу, вот он и проверил, не осталось ли чего внутри.

Пришлось идти в поселок пешком.

Второй раз Витька побывал в тайге совсем недавно. Не смог усидеть дома, когда узнал от Гераськи, что

неподалеку, в распадок, медведица приводит на отдых своих медвежат.

На крутом склоне над ручьем была небольшая площадка. Подойти к ней можно только по уступу, хорошо видному с площадки. Это место и выбрала медведица для отдыха со своим семейством. Она дремала под кустом ольхового стланика, а Витька наблюдал в бинокль с другой стороны распадка.

У обыкновенной бурой медведицы были совсем непохожие на нее по окраске медвежата: черный и светлый, почти соломенный. Соломенный проснулся, увидел узкую полоску солнца, пробившегося сквозь заросли наверху, и стал царапать эту полоску когтями, стараясь сделать ее шире. Когда же это не удалось, он подошел к матери, привстал на задние лапы, а передними пытался затеять возню с братом. Но тот хотел спать, сонно отмахнулся и перевернулся на другой бок. Соломенный повалился на спину и начал терзать лапами похожую на ананас осоковую кочку: отбрасывал, опять хватал. В конце концов это ему надоело, и он понуро побрел вверх по склону. Медведица приподняла голову, посмотрела на него и опять опустила ее на землю.

Медвежонок ушел в другой распадок, и там на него спикировал орлан. Зверек отмахивался лапами, орлан наседал, хлопал крыльями. Шел настоящий бой. Медведица услышала шум, приподнялась, но не спешила на помощь, видимо, решив, что медвежонок в этом возрасте уже сам должен уметь постоять за себя. Тот отбил, кинулся вниз по склону, кувыркаясь через голову. Но орлан попался упрямый, опять догнал и наскочил сзади. Медведица решила — пора вмешаться. Вначале тихо, потом все быстрее побежала на помощь. Орлан заметил ее и нехотя отлетел.

Когда звери ушли, Витька пробрался на площадку и нашел похожее на ананас корневище куста осоки. Оно

было отшлифовано лапами. Хотелось взять с собой этот медвежий сувенир, но как оставить медвежат без любимой игрушки?

Вечером Витька готовил возле конторы заповедника железные листы для вывесок. Мимо прошел пожилой рослый мужчина в черном берете со шкиперской бородой и поднялся в контору. Витька подумал мельком: «Наверное, художник».

Но оказалось, это был не художник, а профессор Московского университета, член редколлегии одного из научных журналов. В Петропавловск из Москвы, Ленинграда и других городов на какое-то важное совещание по охране природы прилетели ученые. После совещания для них организовали экскурсию в Долину гейзеров, и по пути вертолет залетел в Туманово.

Профессор вошел в контору и, поздоровавшись с директором, заговорил с ним о чем-то.

Зинка перестала стучать на машинке, чтобы не мешать им. Услышанный разговор заинтересовал ее.

— Ваш зоолог прислал в редакцию очень интересные материалы. Коли уж довелось попасть в ваши края, я взял рукопись с собой. Нужно уточнить некоторые детали.

Директор открыл окно и крикнул Витьке, чтобы позвал из научной части Сергея Николаевича.

— Поздравляю вас! — Профессор пожал руку Сергею Николаевичу. — Очень интересное сообщение, запланировано в ближайший номер. Столько оригинальных наблюдений. Мало, к сожалению, появляется таких материалов... Но, дорогой мой, откуда такие досадные мелочи?! Вы всюду пишете: «Животные и птицы!» Будто бы птицы — это не животные! Зоологу такие, простите меня, ляпсусы допускать нельзя. Но самое главное, когда вы начинаете переносить свои наблюдения на другие популяции медведя...

— Извините, Алексей Григорьевич, какого медведя?.. Какие «животные и птицы»? — с удивлением перебил Сергей Николаевич.

— Как то есть?

Зазвонил телефон. Но Зинка его не слышала — она удивленно смотрела на московского профессора. Потом взглянула на статью — это был шрифт ее машинки! Зинка выскочила на улицу. Витька, одетый в грязный комбинезон, покрывал олифой листы железа. Зинка в своей белоснежной кофточке бросилась к нему на шею. Витька оторопело стоял с кистью в руках, ничего не мог понять. Зинка оттолкнула его и крикнула:

— Дурачок! Там твоя статья! — и всхлипнула от радости.

В тот день Витька больше не красил листы для вывесок. Он показывал профессору собранные им материалы. Оказывается, придуманный Витькой способ распознавания и учета медведей по ширине и форме следов давно известен и называется «идентификационный анализ регистрируемых оттисков плантарной мозоли». Но прозрачная сантиметровая сетка, которую он применил для копирования следов, профессору понравилась, потому что она позволяла рисовать точные копии следов даже тем, у кого вообще нет никаких способностей к рисованию. Но это так, между прочим. Главное — профессор заинтересовался абсолютными данными по численности медведей на определенных территориях и описанием круглосуточных наблюдений за Ремом. У него уже не оставалось времени — ждал вертолет. Профессор записал Витьке московский телефон и обещал помочь разобрать и систематизировать материалы.

Кто-то из сопровождавших ученого, зная, что профессор интересуется медведями, предложил:

— Алексей Григорьевич, вы ведь охотник. Приезжайте осенью к нам, у нас не заповедник,

организуем вам охоту на медведя.

— Спасибо. Но я не могу стрелять в ум.

Витьку потрясла эта фраза. «Значит, не я один, — думал он, — есть люди, для которых медведь тоже не просто зверь с инстинктами и рефлексами...»

— Но ведь вы, я знаю, любите охотиться на волков, а зверь этот, по-моему, не менее умный, чем медведь, — продолжал тот же человек.

— У него больше кровожадности, чем ума.

— А роль волка как санитара, оздоравливающего популяции?

— Полноте. Волк врывается в отару овец или в стадо оленей и не требует справки о состоянии здоровья... Если лисицы охотятся на мышевидных грызунов — все согласны, что грызунов от этого становится меньше. А вот если волк охотится на оленей, то оленей будто бы должно становиться больше...

На горизонте появилось белое судно — прибывала очередная партия туристов. Оппонент профессора, видимо продолжая давно начатый спор, принялся доказывать, что надо закрыть заповедник и для организованных туристов.

— Нужны жесткие запреты! Надо оградить природу от людей!

— Природу надо сохранять для людей, а не от людей, — возражал профессор. — Определенные запреты, конечно, нужны. Но это меньше чем полумера. Говорят: «Прочнее всего заперта та дверь, которую можно оставить открытой». Надо больше внимания обращать на экологическое воспитание людей, особенно молодежи. — Профессор посмотрел на подступающие к океану горы, на вершины вулканов и тихо, как будто думая вслух, сказал: — Сколько людей, чтобы увидеть необычную природу, стремятся в дальние, заморские страны. А ведь природа Сибири, Дальнего Востока, Камчатки своеобразнее,

интереснее... Посмотрите, какая красота, какое величие природы!

...Прошло еще немного времени, и настал день расставания с Камчаткой. У Витьки не укладывалось в голове, как это океан, тайга. Рем — все останется, а его здесь больше не будет, во всяком случае несколько лет. Но этот день настал и внешне ничем не отличался от других. Только сильнее, заглушая все, тревожил вопрос: «Поступит или не поступит?»

Уже не раз Витька прощался с собаками, которых теперь кормил не он, а жена Гераськи...

На аэродром пришли Зинка, знакомые ребята. Видя, какими глазами Витька смотрит на океан, на горы у поселка, на тайгу, Зинка решила утешить его:

— Да еще, может, вернешься, может, не сдашь...

Среди пассажиров прошел слух, что самолет уже вылетел из Петропавловска и вот-вот должен прибыть.

Витька, как и все, прислушивался — не летит ли? И вдруг до него донесся далекий, непонятный звук, почему-то заставивший его вздрогнуть. Все встрепенулось в нем от этого почти неуловимого звука... И тут слаженно грянули на берегу собаки! Затянули все в лад — так, как пели только при Букете. Потом замерли, прислушиваясь. И там, в тайге, в отрогах сопки пронесся снова теперь уже понятный Витьке звук — им ответил Букет!

Он выжил и на этот раз. Верно говорил Гераська, что как-то на рассвете мимо его палатки прошла волчица и вроде бы с ней был Букет...

Шум самолета заглушил собачьи голоса. Короткое прощание... Разбег. И под крылом в последний раз проплыли домики Туманова.

Зимовье на Тигровой

Глава первая

В ночной темноте ветви деревьев слились в сплошную черную завесу. Только стволы еще выделялись на фоне снега.

Тигрица резко свернула в распадок на шум мотора.

Груженный лесовоз застрял в ручье так, что в месиве воды и льда не видно было колес. Машина ревела, скрежетала коробка передач. Шофер нервно, невпопад переключал скорости, пытался раскачивать лесовоз, но он только чуть дергался вперед-назад.

Лязгая гусеницами, подошел трактор. Шофер зацепил трос, и большая машина с лесом медленно выползла из ручья.

Трактор отъехал с дороги и замолк. Из темноты вышел тракторист. Взял у шофера гаечный ключ, чтобы отвернуть пробки, слить воду, а потом на машине вместе поехать домой. Шофер развернул лесовоз, направил свет фар на трактор. Два белых луча уперлись в оранжевый бок. Фонарик был уже не нужен, тракторист положил его, нагнулся к мотору. И в это время в поток яркого света ворвалась тигрица. Удар лапы — и тракторист упал, даже не успел вскрикнуть...

Не помня себя от ужаса, шофер на пределе погнал машину... В милиции уверял, что по дороге задавил пять собак. Как выяснилось потом, никого не давил: с перепугу начались галлюцинации.

Через полтора часа сотрудники милиции, районный охотовед, охотники были на месте происшествия. Еще горел положенный трактористом фонарик. Тигрицы не было. Не было и тракториста.

Один из охотников резко отвернулся: старый милиционер щепочкой собирал со снега в

целлофановый мешочек то, что можно было похоронить.

С мощными фонарями пошли по следам. Они вели на сопку. Свет тревожно метался по снегу. Деревья, тени от них. Куда ни попадали лучи — жуткая чернота. Ни за валежниками, ни в тенях ничего не видно. Ярко освещенный, вблизи снег слепил глаза. Надо было держать карабин, фонарь и еще цепляться за деревья, лезть вверх, на сопку.

Решили вернуться, пока зверь не выскочил из темноты и не убил еще кого-нибудь.

На другой день узнали по следам: тигрица затащила человека на середину сопки. А когда ночью приехали люди, она бросила его и ушла.

Целый день преследовали тигрицу. Но потом непогода заровняла следы.

Повсюду разговоры только о тигре-убийце.

Грузовая машина выехала из поселка. Дорога шла по сопкам как раз в том районе, где произошла трагедия. Шофер заметил: совсем рядом с дорогой, чуть повыше, на склоне сидит тигр. Затормозил, стал сдавать назад, хотел получше рассмотреть. Но тут загрохотали по кабине перепуганные пассажиры в кузове, которые тоже увидели тигра.

Вернулись в поселок, вызвали вертолет.

От снижающейся к нему ревущей машины тигр уходил крупной рысью. С вертолета защелкали выстрелы. Непривычные к такой стрельбе, охотники не попадали в зверя. А когда пули зацепили тигра, он прыжками отбежал к толстому дереву и прижался спиной к стволу, сидя на задних лапах. Передние прижал к груди.

Вертолет завис над деревом так низко, что воздухом от лопастей трепало шерсть на брюхе тигра. Опять засверкали огоньки выстрелов. Смертельно раненный зверь отскочил от дерева.

Бригадир охотников, по прозвищу Сандо, сразу увидел — убили другого тигра. Пошел к начальству.

— Почему вы так думаете? — спросили его.

— След тигра — его личная печать. Я ее у трактора видел и потом насмотрелся, когда по следам шли. Человека убила тигрица. К тому же на правой передней лапе у нее нет пальца. А сейчас убили тигра. И лапы у него чуть не в полтора раза больше.

— Как вы считаете, чем вызвано это неспровоцированное нападение?

— Когда добудем тигрицу, может быть, отвечу вам. Тракторист ее не трогал. Но это не значит, что люди не причинили ей зла.

Как потом оказалось — причинили.

Глава вторая

Несколько лет назад Олег закончил охотоведческое отделение техникума и стал городским жителем, потому что на работу его направили в городское общество охотников. Он оформлял охотничьи билеты, выписывал путевки, лицензии, проверял отчеты охотколлективов, занимался всякими бумажными делами, которых и в этой вроде бы не канцелярской организации оказалось столько, что в лесу, в охотничьих хозяйствах, ему доводилось бывать от случая к случаю. А он техникум лесной закончил только для того, чтобы в лесу работать или в тайге. Тут даже забывать стал, чем учили.

И вот однажды осенью Олег оставит привычные городские удобства и уехал в Приморскую тайгу, в зимовье, работать охотником-промысловиком.

— Я как увидел тебя, бородатого, на фотографии в журнале, — говорил он своему старому другу Алексею. — и сразу решил: все — тоже еду в Приморье промысловиком. Осточертел мне этот город. Вышел как-то зимой в лунную ночь. На улице никого, одни дома. Сплошной бетон, бетон, бетон... Стою, как в каменном мешке, черной пылинкой. Нет. думаю, надо бежать отсюда, пока еще не женился.

— Сам в городе жил! — усмехнулся Алексей. — Вся жизнь расфасована. Автобус туда. Автобус обратно. Стол с бумагами Вечером телевизор.

— Вот-вот. Добро бы работа была настоящая, мужская. А то бумажки перебирать. Девчонка пришла, подучил ее — и лучше меня работает.

Олег легонько ткнул кулаком Алексея:

— Ну и здоров ты стал!

— У нас тут продукты натуральные. Это у вас в городе одна косметика. Да и работа не твоя, сидячая. За день так «физкультурой» назанимаешься — руки-ноги гудят.

— А чем в ваших местах промысловик занимается?

— Не промысловик, а штатный охотник, как нас теперь называют. Изюбря стреляем, кабана, пушнину добываем. Сезон кончается — рыбу ловим, заготовки всякие. Корень элеутерококка дергаем. Хорошо его принимают. Но стараться нужно, если хочешь заработать. Женьшень ищем. Грибы сушеные сдаем, соленые. Ягоды. Папоротник- орляк рвем, как только из земли появляется, пока кольцо не развернулось, В Японию на экспорт идет.

— Что у него за вкус? — поинтересовался Олег.

— Как тебе сказать? На грибы немного похож. Не еда. конечно. Вот когда на столе все есть, а чего-то вроде не хватает, тогда и его можно поставить... Есть чем заниматься. Только работай, не ленись.

— И на все план?

— Конечно. — сказал Алексей. — Справишься. Я привык: работать так работать. Слышишь, какая-нибудь ткачиха план перевыполняет. А я хуже ее, что ли? Конечно, приходится шевелиться, порой от зари до зари. А что, вон по телевизору смотришь, у доменной печи мужики стоят, им легче? А кто больше зарабатывает, еще вопрос. Но сам знаешь, какая жизнь в тайге. Это на любителя. У кого участок далеко, по месяцу дома не бывают. Да и зимовья не все такие, как у тебя будет. Это тебе повезло.

В госпромхозе Олегу выдали суконный костюм для литейщика или сталевара, потому что специально для охотников одежду никто не шьет. Сапоги резиновые на два размера больше, теплые портянки. Дали ружье «Белку»: верхний ствол под малокалиберный патрон, нижний тоже мелковат — двадцать восьмого калибра.

В зимовье поехали с Алексеем на его «Ниве». В машину уложили мешки с продуктами, боеприпасами, запасной одеждой. Примостилась между рюкзаками и Шельма — собака, которую взял Олег, несмотря на возражения Алексея.

Долго трясло машину на колдобинах лесной дороги. Олег смотрел на серую облетевшую тайгу, на ветви, космы лиан и представлял, какая густая зелень бывает тут летом, когда все покрыто листвой.

Доехали до летней пасеки. Пчел давно увезли. У сарая составлены друг на друга пустые улья. На широкой поляне рядами торчат колышки, на которые летом ставят пчелиные домики.

— Останови! Останови! — вдруг закричал Олег.

На грязи четко отпечатался крупный след. Олег сразу узнал его, хотя до этого никогда не видел: как кошачий, только громадный, не прикроешь двумя руками. Он нагнулся к нему, потрогал отпечатки тигриных пальцев, затвердевшие на морозе. Достал спичечный коробок, измерил им ширину. Стал искать другие следы.

Алексей смотрел на него из машины и смеялся.

— Чего смеешься? Человек первый раз в жизни видит тигриные следы. Вы тут привыкли, а для других людей это все равно что со сказкой наяву встретиться.

— Садись, поехали, сказка. Сам через месяц смеяться будешь: на четвереньках у следа ползал.

Машину оставили у скалы, на которой иногда спасались от волков изюбри — вставали в неприступных местах на отстой. Дальше по старой лесовозной дороге не проедешь даже на «Ниве».

Нагрузили на себя мешки и пешком отправились к зимовью.

— Почему зимовье на Тигровой? Речка так называется? — спросил Олег.

— Да. Тут много всяких тигровых названий. Как-то по карте смотрел: Тигринка-река, Тигровая, поселки Тигровый, Тигровой, Тигровая. Даже кинотеатр во Владивостоке — «Океан» — стоит возле сопки Тигровой. Твоя речка на карте без названия. Но мы ее Тигровой зовем. Они тут всегда были.

То здесь, то там темнели похожие на птичьи гнезда шары омелы — растения, живущего на деревьях. Непривычно много было поползней. Большеклювые вороны черные совсем и букву Р не выговаривают. Видели больших синиц, синиц-гаичек, сорок — они тут со своим приморским акцентом. Сойки такие же, как всюду.

Олег расспрашивал об охоте в этих краях. Сам он с детства бродил по лесам, но то была другая охота, не промысловая.

— Как же вы тут на кабана охотитесь? Если тихо по замерзшим листьям идти, далеко не уйдешь. А если греметь на весь лес, как сейчас идем, какие же кабаны подпустят?

— Зачем тихо? Подкрадываемся только там, где они пасутся. Мы уже знаем эти места. А в незнакомой местности ходом идешь за ними, когда снег выпадет. Как пошла их тропа на одном уровне сопки обходить, так и идет. И ты по ней быстрым шагом. А начали расходиться, в верх-вниз по сопкам лазить, вот здесь осторожно надо, посматривай, где кормятся.

Расспрашивал Олег и про соболя.

— В этот сезон так промышляй, — говорил Алексей. — А на следующий год с ранней осени подшаманишь маленько, привалишь соболишек, и будет у тебя настоящая охота.

За разговором незаметно дошли до зимовья. Это был небольшой аккуратный домик, собранный из брусьев. Окна снаружи обиты прозрачной пленкой, чтобы не продувало. Ручка у двери — кривой березовый

сук. Под ним отметины когтей медвежонка. Так две лапки и отпечатал: правой нажал повыше, левой пониже.

На улице, в сторонке, канистра с бензином. В сенцах на низеньком столике примусок «Шмель», чтобы согреть чай, когда не топится печка.

Хозяин зимовья уже готовился к промыслу, да бабка на этот раз победила: уговорила уехать к сыну нянчить внуков.

Удивила Олега труба. Она не торчала из крыши, а поднималась из-под земли около дальнего угла зимовья. Когда он вошел внутрь, удивился еще больше: плита была так заглублена в землю, что верх ее был вровень с полом. Перед дверкой и поддувалом вырыта яма, выложенная кирпичом.

Оказалось, дымоход проложен под полом, как делали это корейцы в своих жилищах. Спать на таком полу тепло, как на русской печке.

Под потолком над плитой жердочки для одежды. На плите уже неотмываемый от копоти чайник, низкая, но очень широкая кастрюля, чтобы быстрее в ней закипало.

Алексей взял топор, вышел и отколол от смоляного кедрового пня толстую щепу. По цвету и весу было похоже — щепка намокла в воде. Но стоило поднести к ней спичку, тут же загорелась, а в печке гудело так, словно там работала форсунка или паяльная лампа.

— С этим пнем заботы с растопкой не будет, — сказал Алексей. — Иди за водой, попьем чайку, и мне пора назад.

Ручей был перегорожен небольшой плотинкой из камней. В середине оставлен узкой проход. Вода бежала с большой скоростью и не замерзала, наверное, до самых сильных морозов.

Темная, почти черная оляпка пролетела вдоль ручья и села у воды. К ней подлетела вторая. Обе

посвистывали и резко кланялись.

— Вся эта падь, по которой ехали и шли, с падюшками, ключиками — твои угожья. Ключиком или ключом у нас тут называют не только место, где вода из-под земли бьет, но и сам ручеек, и распадочек, по которому он течет, — говорил Алексей, когда пили чай в зимовье. — Моя зимовьюшка в ту сторону. Я к тебе наведуясь. Если раньше надо будет уйти, мало ли чего, иди по дороге, которой ехали. Дойдешь до трассы, там проголосуешь. Не так уж далеко, часов шесть ходу.

Алексей ушел. Шельма бегала широкими кругами, знакомилась с окрестностями. Звала Олега Ц подбегала, вертелась у ног и, высунув влажный розовый язык, снова мчалась вверх по ручью.

Тигрица спустилась в распадок, прошла вдоль ручья до места, где вода выбивалась из-под земли, и только там стала пить, как будто в нескольких шагах от истока вода была хуже. Одну лапу поставила в ручей, и каждая шерстинка на погруженных пальцах казалась четче — такой прозрачной была вода. Тигрица неторопливо лакала кристальную воду, немного приподняв усы.

Напилась, выбралась из распадка и увидела ярко-красный автомобиль — Алексееву «Ниву». Осторожно подошла к ней шагов на пять, осмотрела и пошла в сторону зимовья.

Алексей возвращался к машине, а навстречу ему, опустив голову к земле, шла тигрица. Они увидели друг друга в ущелье. Алексей замер, а тигрица прыгнула вверх, на склон. Не удержалась на обледенелых камнях — сорвалась. Быстро прыгнула опять. Снова, царапая лед и камни, съехала вниз. Уже явно нервничая, она торопливо прыгала и прыгала, в кровь раздирая лапы. Наконец выпрыгнула из этого каменного коридора и пошла по склону, сторонясь Алексея. Видно было — такие встречи неприятны и ей.

Глава третья

Наутро, еще в синеватых сумерках, Олег в полном походном снаряжении вышел из зимовья и остановился, вспоминая, не забыл ли чего. Перебирал в уме, что надо взять, а руки сами собой шарили по карманам.

«Совсем свихнулся в городе, — подумал он. — Пятачок на автобус ищу. Скоро метро в пещере искать буду».

Поднял голову и удивился: «Кто же пень на дерево затащил?» Подошел ближе посмотреть. А «пень» нырнул вниз, распластал метровые крылья и филином полетел между деревьев.

Прошли от зимовья не больше километра. Шельма взвизгнула, и зазвенела тайга от азартного лая. Соболь взбежал на сухое дерево, пропал за стволом. Вершина обломана, грибы-трутовики по стволу.

«А, вон дупло! — увидел Олег. — Дерево толстое, рубить измучаешься. Что же делать?»

Он срубил жердину, вытащил клок ваты из поддевки, поджег его, на кончике жердины поднял вверх и протолкнул в дупло.

Потянул сизоватый дымок. Соболь высунулся. Выстрел! Зверек свалился назад в дупло, а не на землю, как рассчитывал Олег. Из дупла синей струйкой вился дым. Надо было что-то делать. Вата подожгла гнилушки, и соболь мог сгореть в дупле. Ничего не оставалось, как рубить это толстенное сухое дерево.

Началось соревнование: кто быстрее — огонь или он. Олег разделся до рубахи и иступленно махал топором. А из дупла, как из самоварной трубы, уже валил густой дым.

Наконец дерево рухнуло. К счастью, соболь упал не на дно, а зацепился за щепу, и огонь не доставал до

него.

На другой день Олег опять пошел вверх по ключу. Шельма бегала к россыпям камней на сопке, искала в валежнике, пропадала в мелких распадах. Возвращалась, издали смотрела, куда идет Олег, и опять убегала искать.

Но вот, напролом через кусты, она испуганно понеслась к Олегу. Тот быстро поменял в своем беличьем ружье дробовой патрон на пулю. Ни тигра, ни медведя не видно. Только они могли так перепугать собаку.

Шельма жалась к ногам, смотрела то в одну сторону, то в другую, нюхала воздух. Олег не знал, что делать.

«Не возвращаться же в зимовье. Может, она старый след почуяла?» — подумал он и пошел дальше.

Но охоты в этот день не получилось. Явно неподалеку был тигр и, может быть, караулил Шельму.

Олег сколотил для собаки прочную будку у зимовья, запер в нее Шельму, чтобы не утащил тигр, а сам пошел к речке.

Непривычной была тут, в Южном Приморье, зима: вместо снега ноги тонули в опавших листьях. Олег остановился перед валежиной, которая, как мосток, лежала через речку. Спустился в воду, подлез под этот мосток, уперся плечом. Дерево подалось. Осторожно переставляя ноги по камням в воде, прошел по речке, сбросил конец валежины с берега в воду.

Речка шумела в камнях. Если смотреть вверх по руслу, не видно было воды за множеством камней.

Дальше через речку лежало такое дерево, что его и втроем не сдвинуть с места. Олег достал из воды два камня, положил их на этот естественный мост, а между ними поставил капкан.

Соболя, как говорил Алексей, любят бегать через речку по перекладам. Побежит, перепрыгнет камень

и попадет в капкан. Только лишние перекладыны надо убрать, а на другие поставить капканы. Этим он и занялся.

Там, где крутые берега речки близко подходили к воде, Олег ставил капканы на норок. Эти зверьки тоже не любят зря лезть в воду, а бегут вдоль речки у самой воды. Иногда делал стенку из кольев, если полоска земли между берегом и водой была шире, чем надо. Капкана норка совсем не боится, даже старается наступить как раз на его пяточок, потому что он ровный.

Увлеченный работой, Олег не смотрел по сторонам. А за ним наблюдала тигрица. Шла поодаль по склону, ложилась, когда он забирался в речку, смотрела, что делает.

Поставил капканы, а в ночь ударил мороз, и речку затянуло льдом. Там, где большой уклон и вода недавно kloкотала в камнях, теперь образовались ровные ледяные ступени, хотя поверхность воды никогда не бывала там ровной. Лед местами прозрачный, и видно, как бежит под ним вода, гонит широкие пузыри воздуха.

Наделал мороз ледяных мостов, и соболям незачем стало бегать по перекладам. Пришлось Олегу собирать обломки толстых сучьев, ставить их маленькими шалашиками возле выворотов или валежин. В шалашике вверху он привязывал приманку, а под ней на землю ставил капкан и чуть присыпал его листьями. В таком укрытии снег не засыплет капкан и приманка хоть немного спрятана от птиц.

Хорошо еще, было где взять эту приманку. Когда шли сюда, Алексей показал неподалеку от зимовья остатки убитого недавно изюбря. Мясо сдано в промхоз, а голову, ноги, внутренности оставили на приманку. Над остатками изюбря, на высоте метра, была крест-

накрест натянута нитка. Оказывается, вороны опасаются натянутой нитки и не трогают мясо.

К избушке Олег вернулся под вечер. Шельма сидела так тихо, что он испугался: жива ли? Отпер дверку, собака чуть не сбила с ног. бросилась в зимовье. Проскочила в дальний от двери угол. Но там было пусто — негде спрятаться. Забилась под стол и тряслась так, что стол дрожал вместе с нею.

Олег только что спокойно шел к зимовью, а оказалось, рядом или где-то совсем близко был тигр. Кто еще мог так напугать собаку?

«Жалко, нет снега, — подумал он. — По следам все бы стало ясно».

Шельма наконец перестала дрожать и вылезла из-под стала.

Но когда Олег взял ведро и подошел к двери, опять бросилась под стол, как будто тигр только и ждет, когда откроется дверь зимовья. Надо было идти за водой, а Олег теперь уже боялся открыть дверь. Поверил чутью собаки. Отставил ведро и сел.

«Наверное, я отпугнул его от конуры... А вдруг он пришел к зимовью со мной и Шельма учуяла его? Может, тигр просто любопытный? Алексей, другие охотники живут, промышляют — и ничего. И на меня не напал. Захотел бы. десять раз мог подкараулить... Правда, у других карабины, есть чем защищаться. Мое ружье только пощекочет его».

Но все же он взял в одну руку ружье, в другую ведро, приоткрыл дверь, осмотрелся и осторожно пошел к ручью. То и дело оглядывался. Зачерпнул воды, направился обратно, втянул голову в плечи, боялся: вдруг послышатся прыжки по мерзлым листьям. Дошел до зимовья и с облегчением захлопнул дверь.

Не думал, когда собирался сюда, что тигр из Красной книги будет держать его в таком напряжении. Оказывается, мало приятно ходить по тайге бок о бок

с полосатым соседом. А может, с непривычки такие страхи? На другой день Олег осмелился проверить капканы. Идти надо было по старой лесовозной дороге. Он то и дело переходил с одной стороны ее на другую, чтобы дальше видеть за поворотом, не идет ли навстречу тигр. Знал, они любят ходить по дорогам, и опасался неожиданной встречи. Время от времени начинали тревожно пищать поползни. Олег останавливался, слушал, в какую сторону перемещается писк, ссорится поползень с другой птицей или сердится на какого-нибудь зверя, может быть тигра.

Молодые побеги на дубах всю зиму не сбрасывают сухие желтые листья. Они шелестели на ветерке, и было непонятно, то ли зверь идет где-то по листве, то ли ветер шуршит в неопавших листьях.

В капканы никто не попал, если не считать сойки и мыши. Так бы мышь своим малым весом не смогла заставить сработать капкан. Но она прыгнула за приманкой, шлепнулась сверху на капкан, и он сработал.

Вечером зашуршала снежная крупа, а утром вся падь была белой от свежего снега. На кольях возле стены — белые снежные колпачки. На небе ни облачка. Солнце сияло так, что отраженный от снега свет мешал смотреть вдаль.

Олег выждал день, а потом опять пошел проверять капканы. Возле некоторых соболя кругами истоптали снег, а в ловушку не попал ни один. Видно, еще не настало для них голодное время.

У самого дальнего капкана Олег наткнулся на затверделый след тигра. Зверь прошел сразу после снегопада.

Интересно все-таки посмотреть, как ходит по тайге тигр, что делает, как охотится... Постоял-постоял Олег и пошел по следу. Шаг зверя такой же, как у него,

сантиметров семьдесят. Тигр не ломился сквозь заросли, старался, как и человек, выбирать места почище, посвободнее. Обошел кусты, обогнул валежину, хотя мог бы, конечно, перемахнуть ее. Подошел к дереву в полтора обхвата толщиной, повернулся к нему задом и, как кот, оставил метку. Прошел вдоль берега небольшого ручья, сполз в долину, задевая брюхом снег. Перешел по наледи ручей, а у берега перепрыгнул незамерзающую протоку.

Долго брел по тайге, потом сел — видимо, услышал непонятный звук и сел послушать. Крупной рысью побежал в сторону. Перепрыгнул ручей, перескочил валежину, сбив в нее снег, а дальше пошел осторожнее — шаги стали короче. Крался, невысоко поднимая лапы, по неглубокому снегу. Потом шага стали совсем короткими — тигр ставил лапу вплотную к лапе.

И вдруг опять нормальные следы, пошел обычным шагом. Оказалось, крался к оленям, но те заметили его и убежали. Тигр повалялся в снегу и пошел дальше, не меняя направления. Как будто олени и не интересовали его, просто попутно хотел поймать какого-нибудь.

Олег еще долго шел по следам, уже хотел бросить их, но следы потянулись в сторону пади, где стояло зимовье. И он пошел по ним дальше. Увидел лежку. Тигр враспяжку лежал на снегу. Обычное место среди обычных деревьев. Видно, в любом уголке тайги он может позволить себе безмятежно поспать.

Тиф встал и пошел по гриве. Теперь он явно проголодался и начал охоту.

«Есть чему поучиться, — думал Олег. — Вот так и мне надо выслеживать изюбрей и кабанов».

Тигр шел по гриве, но не по самому гребню, а пониже, с другой стороны от пади, в которой искал добычу. Время от времени он осторожно поднимался на гребень и сверху осматривал падь. Внизу никого не было. Он опять переходил на ту сторону гребня и шел

там, чтобы шум от шагов не доносился в падь, где искал добычу. Проходил немного — опять выглядывал из-за гребня.

Против зимовья тигр лежал так долго, что снег подтаял на лежке. Олег старался представить, что видел и слышал отсюда тигр. До зимовья было метров триста.

Рядом с лежкой чернел поскреб. Тигр раскопал лапами снег, листья до самой земли и пошел дальше. А Олег стал спускаться к зимовью.

— Хорошо, хоть снежок теперь есть. Видно, где он ходит.

Но снежок продержался недолго. Подул теплый ветер, пригрело солнце, засверкали, зазвенели веселые капли, и в один день опять побурела тайга, не осталось и пятнышка снега.

Глава четвертая

Звонко залаяла в своей конуре Шельма. «Тигр!» — встрепенулся Олег, схватил ружье и осторожно приоткрыл дверь. К зимовью шел Алексей.

— Это кто же кого у вас караулит? — покачал он головой, глядя на конуру с запертой дверкой. — За тобой пришел, — сказал он Олегу. — Хочу в поселок сходить. Хлеба взять, сахара, в бане помыться. Пойдешь?

— Конечно, — с радостью согласился Олег. — Дятел на крыше дырку пробил, вся соль у меня размокла, В тот день, когда снег растаял.

— Шельму не бери. Положи ей поесть, оставь воды. Дождется тебя в зимовье.

— Почему вдруг? — удивился Олег.

— Когда снег лежал, тигренок вокруг моего зимовья баловался, косулью ногу таскал. Видел по следам. Где-то возле меня живет с матерью. Мигом твоя Шельма ему на игрушку пойдет. Пускай лучше дня три в зимовье посидит.

Идти нужно было вначале к Алексееву зимовью, ночевать там, а потом добираться до поселка.

Падь, по которой шли, отличалась от других тем, что по сторонам на сопках высились настоящие скалы. Местами таинственно чернели входы в пещеры.

Валежник мешал идти. Погибшие на крутых склонах деревья скатились вниз, нагромодили множество завалов.

У толстой пихты были содраны до земли два больших лоскута коры. Алексей поднял ее, один лоскут положил на мерзлую валежину, другой подал Олегу:

— Посидим немного. Надергали ноги по этим завалам.

— Зачем медведь кору содрал? — Олег рассматривал глубокие отметины когтей.

— Не знаю. Может быть, участок метил. Это белогрудый так делает.

Раздался непонятный звук, похожий на сильный крик сойки.

— Все вроде бы крики знаю. А такой ни разу не слышал, — удивился Алексей.

Крик повторился.

— Похоже на сойку. Только каких же размеров должна быть эта сойка, чтобы так орать? Кто же может быть? Надо посмотреть, — сказал Алексей, и они стали подниматься на сопку. Звук доносился оттуда, от скалы.

Лезли осторожно, чтобы не спугнуть непонятное существо. Неожиданно крик раздался совсем близко — чуть выше, у скалы за уступом.

Алексей снял с плеча карабин. Крадучись полезли по склону. За бруствером показалась темная спина какого-то зверя. Он как маятник ходил туда-обратно по площадке перед скалой.

Алексей еще подался вперед — и присел, даже в лице переменялся.

— Тигренок! — прошептал он.

Олег развернулся, чтобы скорее уходить, но Алексей погрозил ему пальцем, осторожно придвинулся и горячо зашептал:

— Тигрицы нету. Чего бы он орал? Давай поймем. Разрешение у ребят есть. Нельзя упускать такую удачу. Тысяча рублей! Соболя, сам знаешь, не ловятся. Жди, пока проголодаются.

Не дожидаясь ответа, Алексей спустился немного по откосу и охотничьим ножом стал вырезать рогатину. Снял свой безразмерный рюкзак, вытряхнул из него все на землю.

— Там пещера небольшая, деться ему некуда. Я прижму рогатиной, а ты нахлобучь мешок.

— Остановись! Вдруг тигрица близко?

— Он бы не орал. Она бы ему покричала — по затылку

Едва их головы показались над бруствером, темный, как измазанный в саже, тигренок метнулся в пещеру, прижался к стене, сморщил нос и зашипел.

Алексей бросил взгляд по сторонам, быстро положил карабин на землю и с рогатиной наперевес ринулся на тигренка. Тот отскочил в другой угол. Алексей сделал выпад и заорал:

— Мешок!

Олег заскочил в пещеру, Алексей бросил рогатину и пинком подтолкнул тигренка. Вдвоем встряхнули мешок и быстро затянули веревку. Алексей — рюкзак на спину, подхватил карабин, подбежал к высыпанному бараклу. Быстренько побросали кое-как в мешок Олега и побежали с сопки.

Уже начинало темнеть. Они торопливо шагали падью к Алексееву зимовью. Тигренок даже не шевелился в темном, тесном для него мешке.

Ослабили веревку, которой рюкзак был затянут сверху, оставили побольше дырку, чтобы ему легче было дышать.

Теперь Олег потащил мешок.

Темнело быстро. Алексею показалось — идут слишком медленно. Опять взвалил на себя тигренка, понес сам.

— Ничего, теперь недалеко, — весело говорил он, натягивая руками лямки.

— Соболь не идет, так на тебе — подфартило! Есть Бог! Это я тебе как атеист говорю.

И в это время тропу перед ними пересек тигр. Алексей снял с плеча карабин, остановился. Олег тоже схватил свою мал окол и берку.

— Идем, чего встали. Мало ли их тут болтается, — сказал наконец Алексей. Однако взял карабин на

изготовку.

В распадке, зажатом сопками, стало совсем сумрачно. Плохо было видно между деревьями. Толстый слой замерзших листьев шумел под ногами, мешал слушать.

Тигр опять пересек тропу, теперь уже в другую сторону.

— Не останавливайся! — решительно сказал Алексей и быстрее зашагал вперед, вертя головой и шаря глазами в сумраке между деревьев.

Тигрица вывернулась сбоку, совсем рядом, и тут же скрылась. Алексей пальнул два раза вверх из карабина. Мешок за спиной заходил ходуном, но опять затих.

Прошли немного, и тигрица снова мелькнула впереди. Теперь уже не было сомнения — это мать тигренка. То слева, то справа хрустели ветки. Алексей перебрасывал карабин в одну сторону, в другую, но ломился вперед. Споткнулся. упал. Туг же вскочил — испугался: бросится, пока на земле.

Олег схватился за мешок:

— Надо отдать тигренка!

— Нет! — выкрикнул Алексей, выстрелил еще раз вверх и дозарядил карабин.

Тигрица проскочила сзади. И почти тут же мелькнула уже впереди. Алексей шел напролом, а Олег прыгал за ним спиной вперед, ждал — бросится сзади. Тигрица металась, трещала сучьями.

— Да брось ты его! Убьет обоих!

— Не дергайся! — Алексей шел в темноту, прямо на треск сучьев.

Тигрица злобно рыкнула. И тут же заорал в мешке тигренок. Тигрица зарычала так, что Олег подскочил к мешку, рванул веревку и долго не мог трясущимися руками вытолкнуть тигренка. Тот наконец шлепнулся на землю, кинулся в темноту, совсем в другую сторону, не туда, где рычала тигрица...

Но больше они не видели ее и не слышали.

— Ну оборзела, — сказал Алексей. — Я думал, вот-вот кинется, когда ты его вывалить не мог.

Он достал сигареты, спички. Руки тряслись, не мог прикурить. Засмеялись оба нервным смешком и быстро зашагали дальше.

В поселке их ждала новость. Несколько часов назад привезли в больницу охотника, который промышлял недалеко от них.

Оказалось, у него стоял капкан, седьмой номер, на волка. Он пошел проверять его. Видит — попал. Все истоптано, потаск оттащен метров на пятьдесят. Там цепь захлестнулась за дерево.

«Значит, сидит в кусту», — решил охотник, взял палку и направился добивать волка.

Не дошел до куста метров пятнадцать — оттуда прыжком выскочил тигр и сбил его с ног. Инстинктивно защитил лицо левой рукой. Тигр схватил зубами за локоть и начать трепать. Правой рукой охотник три раза ударил тигра по голове. Кулак у него как гиря. Зверь отпустил руку и ушел.

В капкане остался тигриный коготь.

— Это наша тигрица, — догадался Алексей. — Вот почему тигренок орал от голода — мать в капкане сидела.

Глава пятая

От подножия сопки до самой вершины тянулась широкая, как дорога, полоса взъерошенных листьев. Упираясь лапами, тигрица волокла убитого изюбря через вершину на южный склон, где листья и земля были сухими, отогретыми солнцем. Там, на припеке, изюбрь дольше не замерзнет. Ее тигренок еще слишком мал, чтобы есть мороженое мясо.

После того как он побывал в мешке, тигрица увела его от логова. Оставила в маленьком распадке, чтобы не мешал охотиться, и стала скрадывать изюбря.

Охота была удачной. Но пока мать волокла добычу на гору, тигренок вышел к автотрассе и нашел игрушку: у обочины валялась старая автомобильная шина. Он вцепился в нее и с трудом поставил, как стоит колесо. Шина стала падать. Тигренок не отскочил, а ловко выскользнул из-под нее и набросился как на добычу. Схватил передними лапами, прижал к себе, а задними стал рвать когтями. Резко отпрыгнул, встал дыбом, перебирая лапами.

И в это время грянул выстрел. Тигренок упал, пытался встать, а его словно рвали на куски, дергали поспешными выстрелами. Он пронзительно закричал.

Тигрица прыжками бежала по склону к машине. Браконьеры увидели ее, грузовик взревел, громыхнул еще выстрел, уже по тигрице. Машина рычала шестернями — в спешке шофер тыкал куда попало ручку передач. Стараясь перехватить машину, срезать угол, тигрица не удержалась на крутом повороте и в растяжку покатила вниз по склону.

Встала, сгорбилась от боли и пошла к тигренку, который, прикусив кончик розового языка, замер в предсмертной судороге.

Она села на склоне немного повыше его, как будто подождать, когда он проснется и встанет. По дороге время от времени проезжали машины. Тигрица словно не видела их. Она привыкла и к шуму машин в тайге, и к дорогам, по которым так удобно ходить. Сидела долго. Иногда начинала быстро лизать рану на спине. Под вечер, не подходя к тигренку, ушла.

Метался над тайгой ветер. Не спрятаться от него ни по ту, ни по другую сторону сопки. Деревья на вершине задевали низкие облака. Закружила снежная кутерьма, и к утру поседела тайга от снега...

Тигрица лежала в седловине между двух сопки. На орешнике еще держались кое-где сухие листья, и в этой пестроте ее почти не было видно.

Она повернула голову. Желтый колонок прыгал неподалеку. Потом он лег и пополз. Так плотно вжимался в снег, что за ним оставалась глубокая узкая бороздка. По коре старого дерева совсем низко сновал поползень. Колонок подкрадывался к нему. Поползень скрылся по другую сторону ствола. Колонок стремительно продвинулся вперед и замер. Ждал, когда птица появится на его стороне. Тигрица отвернулась, потому что видела — поползень перелетел на другое дерево.

Два рябчика перешли прогалину между кустами.

Черный, как обгорелый пень, секач шел внизу поперек пади. Время от времени останавливался и замирал. Потом опять начинал шуршать листьями, потому что слой их был толще снега.

Кабан мог перешагнуть валежину, но он еще издали стал обходить ее. То ли уж так получилось, то ли тигрица правильно рассчитала, но кабан теперь был в прыжке от нее. Она с рыком кинулась из засады, но рана в спине чуть помешала прыжку. Кабан успел развернуться и ударить тигрицу клыком в лопатку, перед тем как она прокусила ему загривок.

Тигрица немного поела, потом по привычке, как делала совсем недавно, мордой и лапами надвинула лоскуты шкуры на мясо, чтобы дольше не замерзало. Но куда было идти за тигренком. Почти год каждый день ее жизни был связан с ним. И еще целых три года ей было нужно растить и учить его.

В несколько дней свалились вдруг на нее все беды: повредила лапу в капкане, в спине застряла картечь, на лопатке — рана от клыка кабана и, самое главное, не стало тигренка. Она не находила себе места. Кончик ее хвоста все время нервно дергался.

Вечером тигрица услышала тот ненавистный звук, который был и тогда, на дороге. В соседнем распадке рычал коробкой передач застрявший в ручье лесовоз. Мечь погнала тигрицу в распадок. Смерть тигренка и этот звук слились для нее воедино. Откуда ей было знать, что в распадке совсем другой лесовоз.

Глава шестая

Случилось так, что Олег вынужден был задержаться в поселке. Со дня на день в промхоз должны были привезти партию охотничьих карабинов. После того, что случилось с трактористом, идти в тайгу без надежного оружия он не решался.

В зимовье теперь уже без пищи и воды оставалась запертой Шельма.

Карабины наконец получили, и можно было отправляться в тайгу. Но из управления в промхоз пришла телеграмма:

«Данный экземпляр тигра имеет отклонения в поведении и подлежит отстрелу. Срочно организуйте бригаду охотников».

Речь шла о тигре, который появлялся в соседнем поселке и ловил там собак.

Олег и Алексей сразу попали в эту бригаду. В ней были еще три охотника, которые в разгар охотничьего сезона тоже случайно оказались в поселке.

Бригадиром назначили Сандо. Его всегда выбирали бригадиром — на рыбалке ли, на других ли совместных работах. Само уважительное прозвище его Сандо происходило от японского слова, означающего «капитан», но переделанного охотниками на свой лад для удобства произношения.

Не дожидаясь утра, выехали в поселок, где объявился тигр. С рассветом узнали — ночью он утащил собаку. Нашли следы. Сандо нагнулся, потрогал рукой один, второй отпечаток, вернулся к особенно четкому следу. Постоял над ним и как-то странно посмотрел в глаза каждому, кто был рядом, как будто ждал, не скажет ли кто чего.

Разыскали выходной след из поселка и пошли по нему. Ширина отпечатка тигриной пятки была одиннадцать сантиметров. Олег уже знал, что у крупных самцов она может быть до четырнадцати сантиметров. Поэтому спросил Сандо:

— Молодой?

— Нет. Тигрица.

— А как отличить след молодого самца от следа самки? — опять спросил Олег. — Ведь размер пятки у них может быть одинаковый.

— Если опыта нету — трудно. Тут уж повадку надо смотреть. Как охотится, как идет. Тигрица болтаться не будет, как молодой кошка. У нее все по делу. И охотиться знает как, и где пройти лучше.

Сандо говорил, но видно было — думает о чем-то другом. Как будто хочет сказать что-то важное и сомневается, надо ли говорить. Он остановился, подождал, пока подойдут все.

— Пока не убьем эту тигрицу, охоту не кончим, какие бы срочные дела у кого ни были. И осторожными надо быть, ребята, осторожными.

— Ты что, Сандо? — сказал Алексей. — Тигров мы не видели?

— Тигрица не простая. Еще раз говорю, надо быть очень осторожными.

— Неужели та, что тракториста?.. — догадался Алексей.

— Да, — твердо ответил Сандо. — Но пока никто об этом знать не должен. Нечего панику подымать.

В лесу пошли осторожно. Но тигрица уже услышала их и на махах убежала. Она лежала всего метрах в трехстах от поля.

На лежке нашли останки собаки — переднюю часть туловища и ошейник.

Началось преследование. Тигрица старалась идти по зарослям. Чистые места проходила рысью.

Километра через три она стала ходить по кругу, следом за охотниками. На третьем кругу Сандо решил устроить засаду.

Оставили на следах двух охотников и снова начали преследование. Но тигрица по кругу больше не пошла, а направилась по прямой в тайгу. Сандо предвидел такой вариант и заранее послал в том направлении охотника на номер.

Решили, что оставленные в кругу охотники уже не нужны там, зря, мол, мерзнут, и сигналом отозвали их. Они пошли по кругу, чтобы дойти до того места, где тигрица сошла с него, и направились в тайгу.

Тигрица не дошла метров сто до охотника, который стоял на выходе из леса, резко повернула налево, потом назад, вернулась на свой первый круг и опять пошла по нему. Догнала идущих по кругу охотников, свернула к зимнику, где стояла специально выделенная бригаде машина. Подошла к ней на пять метров, развернулась и ушла по своим следам. Вышла к полю шириной около километра, прыжками пересекла его и ушла в сопки.

Шофер, который был возле машины, тигрицы не видел.

Стало темнеть, и преследование пришлось прекратить.

На второй день с утра пошли на то место, где оставили след. За ночь тигрица сделала круг около трех километров, вернулась к оставленной на лежке собаке, доела ее. Пришла в поселок и ходила по улицам. Никого не поймала. Прошла по дороге к коровнику. Подходила к павшей корове, но есть не стала. Потом пересекла поле, речку, и след повел в скалы.

Сандо стал подниматься по следу, а другие охотники с двух сторон начали обходить вершину, чтобы взять тигрицу в кольцо.

На вершине, в скалах, увидели несколько ниш. Снега на солнцепеке не было. Пока распутывали следы,

тигрица услышала людей и ушла из круга незамеченной.

Сандо и Алексей взяли свежий след и почти бегом бросились преследовать тигрицу. Остальные охотники отстали и шли по их следам.

Километра через три Сандо и Алексей догнали тигрицу. Она держалась на расстоянии примерно двухсот метров от них, но на глаза не попадалась. Это расстояние охотники определили по ее остановкам. Когда они останавливались, останавливалась и тигрица, которая отлично слышала их. Потом она резко повернула вправо, сделала большой круг, вернулась на свой след и пошла по нему назад, к скалам, где ее подняли с лежки.

Вышла навстречу местному охотнику, который сильно отстал от бригады. Он выстрелил два раза, но промахнулся. Пуля прочертила по снегу, а вторая попала в дуб. Тигрица трехметровыми прыжками кинулась в глубь леса. Перевалила вершину, выбежала на южные, почти лишенные снега склоны сопки, и следы пропали. Пошла только по бесснежным участкам.

С вершины открывались неоглядные дали Приморской тайги. Гряды сопки, как громадные волны, уходили к горизонту, и одна волна от другой отличалась все большей синью. У горизонта тайга сливалась с голубизной неба. Где-то в этих бескрайних просторах скрывалась теперь тигрица.

Вернулись в поселок. Ничего не оставалось, как ждать, где она объявится.

Их поселили в небольшом пустовавшем доме. Олег поближе познакомился с другими охотниками, которые тоже попали в бригаду. Вначале он принял Саню за средних лет ученого-физика. Очень опрятный, неторопливый, с коротко подстриженной аккуратной бородой, Саня оказался не физиком, а бывшим штатным охотником. Теперь он работал в госпромхозе

заведующим женьшеневой плантацией. Отец всю жизнь выращивал женьшень, научился этому и Саня.

Совершенной противоположностью ему внешне был Яша. Он не отпускал бороду, но и брился, мягко говоря, нерегулярно. Ходил в старой телогрейке и непомерно больших резиновых сапогах. На шее носил цепочку. Олег •' подумал — крестик. Оказалось, нет — костяной манок на рябчика. Алексей говорил, что зимовьюшка у Яши такая маленькая, что собака хвостом из стороны в сторону махать не может, только сверху вниз.

Сандо был намного старше. Утром он первым вставал с постели, растапливал печку, когда все, не решаясь встать, ежились в захламленном доме, разогревал завтрак, кипятил чай.

Тигрица объявилась в соседнем поселке. На рассвете доярка шла на ферму. «Батюшки, — подумала, — чей же теленок стоит?» Подошла, а это тигрица. Тут же упала в обморок и неизвестно сколько пролежала, пока ее нашли и привели в чувство.

Потом другая женщина вышла с ведром за водой и увидела в палисаднике тигрицу — идет к конуре с собакой. Закричала, застучала по ведру, и тигрица выпрыгнула из палисадника.

Попозже женщина пошла вешать белье. Подняла глаза, а на сопке, прямо против нее, тигрица лежит. Женщина убежала в дом, а тигрица спустилась, схватила собаку. Ошейник и цепь оказались крепкими. Тигрица бежала по улице, тащила в зубах собаку, а за ней волоклась на цепи собачья будка.

Узнали об этом охотники только к вечеру. Утром начали погоню. Снега в тех местах было побольше, следы не терялись. Там, где местность казалась удобной для дневки, пытались обойти тигрицу. Наконец добрались до места, куда летом привозят пчел. Оно было огорожено колючей проволокой. На верхнем ряду висели ржавые консервные банки. Не для того чтобы

шумом отпугивать медведей, а чтобы пасечник услышал, когда полезет зверь, и выстрелами отогнал его. Дощатая избушка обита листами железа, чтобы медведь не забрался в нее, когда нет пасечника. Но медведь все-таки поддел когтями лист железа и отодрал его со всеми гвоздями.

Тигрица залегла около пасеки, но ненадолго. Убедилась — никого на ней нет, поймать некого — и пошла дальше.

Следы вели к кордону. Залаяли собаки. На крыльцо вышла старуха в мужской шапке-ушанке.

— Тигра вас тут не съела? — спросил Яша.

— Не забывают, приходят. Сегодня ночью была. У нас механизмы настроены. Дед то на охоту, то в лесничество уезжает. Я одна с ними управляюсь. Слышу ночью, собаки залают что есть мочи — значит, пришла. Прямо с кровати дергаю за шнурок.

Из дырки, просверленной в стене, тянулся капроновый шнур к собачьим вольерам. Вольеры из прочной сетки. К собакам не заберешься, сидят как в зоопарке. Старуха подергала за шнурок, и по лемеху, подвешенному у вольера, застучал молоток.

— Сегодня перед светом какая-то настырная попалась. Стучала, стучала, а собаки не унимаются. Пришлось вставать. Вышла на крыльцо, пальнула два раза — утихли. Значит, ушла.

— Не боишься стрелять? — спросил Алексей.

— Да я изюбря с карабина лучше деда стреляю. Очки вот только надо опять менять. Всю жизнь, сынок, здесь живем. Чему не научишься.

Хорошо бы остаться после тяжелой ходьбы по сопкам переночевать на этом кордоне. Но Сандо торопил дальше. Да и каждому хотелось быстрее закончить это дело, вернуться на промысел. Пушнина у них — «основной урожай», а тут надо бегать за тигрицей.

Без привычки Олег едва поспевал за всеми. Спускаться по склону было труднее, опаснее, чем подниматься. Выбирал такие места, где можно держаться за ветки, за деревца. Но бывало — хватался за деревце, а оно гнилое. Хорошо, если тут же удавалось схватиться за другое, чтобы не закувыркаться вниз. Склон нередко бугрился камнями, чуть присыпанными снегом, и покатиться по нему приятного, конечно, мало. Олег жался к склону, придерживался за камни руками, а все охотники были уже внизу. Когда спустился, пришлось бегом догонять бригаду. Из-под снега дугой выгнулся тонкий прутик. Не обратил на него внимания, зацепил ногой и рухнул. Это была тонкая, но прочная, как проволока, лиана. По старой замшелой валежине побежал через ручей, чтобы не спускаться на лед. Нога соскользнула — Олег боком упал на дерево. Одежду прошил острый, как будто костяной, шип. Только по счастливой случайности не пропорол грудь. Внутри гнилых сучьев оказались желтые смолистые стержни, острые, как гвозди.

Тигрица опять шла прямо, никуда не сворачивая. В широкой пади Сандо наконец остановился и сказал, что дальше идти нельзя — негде будет ночевать. А тут есть зимовьюшка.

В зимовье широкие нары, железная печка на крупных камнях, небольшой столик, полочки, закопченный чайник, керосиновая лампа без стекла. Все так устали, что навели немножко порядок в избушке, притащили валежника на дрова и повалились на нары. Только у Сандо хватило сил готовить ужин. Он осмотрел со всех сторон большой кусок изюбятины, убрал приставшие кое-где шерстинки и на пне зимовья порубил топором мороженое мясо на небольшие кусочки. Сложил их в кастрюлю, спустился к ручью и залил водой.

Синицы и поползни, хоть и наступили сумерки, слетелись к пню собирать крошки от мяса...

Сандо расталкивал всех, заставлял есть.

— Саня, чего сидишь? Бери ложку. Яша, не клади голову в миску.

Все были сонные. Олег не понимал, зачем растолкали его и силой подняли с нар.

Сандо быстро управился со своей порцией, присел на поленце возле печки и, пошевеливая палкой сухие дрова, стал рассказывать:

— Приехал я первый раз в Москву. Пришел в столовую, взял первое, второе, поставил на свободный столик, пошел за ложкой и вилкой.

Все настороженно прислушались. Не часто Сандо что-нибудь рассказывал. Олег тоже придвинулся к столу, хотя усталость совсем отбила у него аппетит. А Сандо продолжал:

— Столовая большая, чистая. На стенах рисунки всякие. Культурно так, красиво. Возвращаюсь с ложкой и вилкой. Смотрю, за моим столом уже негр сидит и преспокойно так ест мой суп. «Ах ты...» — думаю. Подхожу, сел возле него и давай хоть второе есть. А сам смотрю на него в упор, думаю: «Ну и нахал попался». Он, вижу, застеснялся вроде. Ложку так неуверенно стал носить. А потом совсем его совесть заела, встал он из-за стола и ушел. И тут, как поднялся он со стула, освободил место, я смотрю — за его спиной, на соседнем столике, мои тарелки стоят.

Все засмеялись, и сон отступил на время. Поужинали и улеглись спать. А ночью пошел снег и засыпал следы. Пришлось возвращаться.

Уже было совершенно ясно, что тигрица больна или ранена, не может ловить свою обычную добычу, поэтому и промышляет в поселках. Прикинули по направлению ее хода, в каком поселке она должна появиться, и выехали туда на машине. Пролетели в

поселке весь день и всю ночь — не пришла. Почти неделю не объявлялась. Потом сообщают: уже три дня ловит собак в поселке за рекой.

— Почему сразу не позвонили? — спросил Сандо в поселковом совете.

— Думали, пускай немного бродячих собак половит. Стрелять их у нас никого не заставишь, хоть она соберет.

Едва тигрица поняла, что за ней началась охота, ушла за длинную ночь так далеко, что охотники не успели за короткий день пройти весь ее маршрут.

Однажды через сутки она оказалась в поселке, до которого по прямой ей надо было пройти шестьдесят три километра. Сомневались, та ли тигрица. Может, другой тигр завернул в поселок? Каждый год наведываются за собаками.

Но когда приехали на место, убедились — та тигрица.

В этом поселке среди бела дня тигрица принялась гонять по двору поросенка. Схватила его и понесла. Прибежал охотник с карабином и начал стрелять вверх.

— Чего ты в небо палишь! — закричал хозяин поросенка. — Убей ее!

— Знаешь, штраф какой платить? Она же из Красной книги.

— А мне кто заплатит?

— Госстрах.

— Дай карабин, сам убью.

— Не дам. Ты или я, какая разница?

— Чего тогда прибежал с карабином?

— А вдруг на людей кинется!

Со всех сторон на шум и выстрелы бежали люди.

— Не подходите, не подходите к ней! — кричал охотник, а сам бежал к тигрице.

Вокруг было уже множество народа. Тигрица, видя, что ей, наверное, не утащить поросенка, бросила его,

метнулась к людям, схватила из-под ног собачонку и, держа ее в пасти, как кошка мышонка, неторопливо, степенно потрусил к сопкам. Перемахнула забор и пропала в зарослях.

Потом опять явилась в поселок. Зашла в сарай и задавила двух поросят. Собрался народ, но все боятся подойти близко. Кто выглядывает из-за забора, кто из дверей.

Вдруг мимо идут двое с дня рождения — муж и жена. Оба хорошо погуляли, друг друга поддерживают.

— Чего тут происходит? — спросила женщина.

— Уходи быстрее! Тигра в сарае поросят задрала!

Муж тут же шмыгнул в дверь соседнего дома, а жена выдернула из пня топор.

— Я ей покажу поросят! — ринулась с топором в сарай.

Тигрица выскочила, схватила женщину за руку и повалила на землю. Все закричали. Тигрица оставила женщину и опять ушла в сарай, к поросятам.

Прибежал охотник с карабином, но зверь выскочил так стремительно, что охотник не успел выстрелить. Тигрица сбила его с ног, раздробила зубами плечо и побежала из поселка.

И охотника, и женщину отвели в больницу.

Приехала бригада охотников, а им сообщают: позвонили из другого поселка, тигрицу видели уже там.

— Сколько можно за ней гоняться? — ругался Алексей.

— Что поделаешь, если навыка нету, — ответил Сандо. — Кто у нас на тифа охотился? Никто.

— Пусть вертолет вызывают и ищут, — не унимался Алексей.

— А сколько других тигриных следов встречали, — возразил Сандо. — С вертолета опять перепутаешь и не заметишь как.

Глава седьмая

Всю душу вымотала Олегу эта собака, запертая в зимовье без воды и пищи. Из продуктов, до которых она могла добраться, оставалась мука.

«Но будет ли она ее есть? А пить что? Может, разобьет окно? — думал он. — Хотя вряд ли понимает, что его можно разбить. Да и как, чем разобьет? Носом? Лапой?»

— Не переживай ты. Таких собак в любом поселке на помойке десяток поймает, — сказал Алексей, хотя знал: Шельма могла быть хорошей охотничьей собакой. Не везло ей с хозяевами.

Раньше с ней охотились на изюбрей. Охотник выходил в тайгу, пускал собаку и ждал. Как только она находила изюбря, сразу загоняла на скалу, на отстой, и начинала облаивать. Тут добыть изюбря ничего не стоило.

Однажды осенью хозяин Шельмы заметил, что она стала принюхиваться, жаться к ногам. Взял палку и на собаку — работай! Та убежит, а на отстой никого не ставит. Выпал первый снежок. Разбирается охотник по следам и видит: отбежит Шельма и крутится поблизости, только чтобы на глаза не попадать. Тигр неподалеку прошел — напугалась. Охотник опять за палку. А она спряталась под выворот и дрожит. Охотник подошел по следу. Шельма видит, карабин снимает — бежать. Он всю обойму разрядил — не попал.

С тех пор ни разу ее не видел, хотя и жила она первое время в том же поселке, на помойках кормилась.

Потом ее приласкали два приезжих, взяли в тайгу. Надеялась — на охоту. А на нее надели прочный ошейник и стали привязывать на тигриной тропе.

Шельма испуганно заглядывала людям в глаза, беспокойно перебирала лапами, как будто обутыми в белые тапочки.

Люди деловито привязали короткую прочную цепь. Рядом шумело Японское море. Серые камни уходили вниз до самой воды. Пахло водорослями, которые прибой бурыми лентами разбросал по камням. С другой стороны от тигриной тропы высились скалы и расползалась по сопкам Приморская тайга. Деревья были уже без листьев, стояли угрюмые, темно-серые. Пожухлая, ноете не поваленная холодом высокая трава подступала в речной долине к самой тропе.

Люди оставили собаку и пошли в обход скал.

Шельма села и стала ждать... Никто не возвращался к ней. Она поднимала нос, старалась по запаху понять, где люди. Садилась, вытягивалась столбиком и замирала, слушала острыми ушками. Потом попятилась, натянула цепь и покрутила из стороны в сторону головой, пытаясь стащить ошейник. Он не поддавался. Шельма села и начала поскуливать.

Где-то за сопками скрылось солнце. Море потемнело. Одинокий черный баклан пролетел низко над водой. Шельма завывала. Временами взлаивала, как будто причитала в плаче.

А в стороне, над тигриной тропой, прятались в скалах люди с фотоаппаратами и лампами-вспышками. Они специально приехали фотографировать тигра.

Три дня и три ночи выла и ждала своей смерти Шельма. Но тигр так и не пришел. Недовольные люди выбрались из засады, подошли к собаке и стали отвязывать цепь, чтобы убрать ее до новой попытки.

Шельма стелилась возле их ног, лизала туристские, с крупным протектором ботинки. Ей отстегнули ошейник. и она принялась прыгать на людей, старалась лизнуть заросшие лица. Потом помчалась к ручью,

напилась воды и опять подскакивала то к одному, то к другому.

Люди шли молча. Три дня и три ночи дежурили в скалах — и зря.

— Пошла ты! — крикнул один на Шельму и замахнулся.

Та припала к земле, сжалась, ожидая удара.

Но другой бросил ей кусок черствого белого хлеба. Она схватила его, легла возле поваленной липы и, придерживая лапами, стала торопливо есть.

Люди прогнали ее от себя возле кордона. Но леснику тоже не нужна была собака. У него своя хорошая лайка — Рекс, и лесник не подпускал Шельму к дому.

Чтобы Рекса не поймал тигр, лесник наделал под домом подкопов, где пес мог прятаться при опасности. Туда по ночам тихонько залезала и Шельма.

Случилось так, что однажды Рекс заскочил от тигра в большую железную бочку, у которой, как у цистерны, сверху был люк. Тигр запустил в бочку лапу и гонял там собаку. Но не доставал, чтобы как следует зацепить. Перепуганный Рекс даже не тявкнул ни разу, хотя когтями тигр изодрал ему все бока.

Утром лесник нашел Рекса в бочке. Хотел вытащить, но пес истошно заорал, завертелся волчком. Лесник повернул бочку люком к земле. Рекс выскочил и, ревя как медведь, бросился на березу, хватая кору зубами. Кинулся на лесника. Тот подставил кол, которым поворачивал бочку. Рекс, разбрызгивая слюну, набросился на кол. Лесник едва успел захлопнуть дверь в дом. Рекс вцепился в ступеньку уже разодранной в кровь пастью. Тут, на крыльце, старик и пристрелил обезумевшую собаку.

Лесник еще больше невлюбил Шельму. А она жалась к человеческому жилью, боялась одна бежать

по тайге в поселок, откуда забрали ее любители фотографии.

Олега, когда он искал собаку, послали к леснику. Оба остались довольны: лесник тем, что избавился от приبلудной собаки, а Олег, что нашел себе лайку.

Шельма, едва позвал ее, подбежала и стала ласкаться, уже понимая, что жизнь ее с этой минуты переменилась и не надо больше прятаться от лесника.

А теперь, в зимовье, ей, наверное, было хуже, чем когда-нибудь в ее собачьей жизни.

— Ничего не сделается твоей собаке, — убежденно сказал Сандо.

— Нет, померла, наверное. Столько времени без воды, — вздохнул Яша.

И тут пришла новость: убили тигрицу.

«Значит, можно идти к Шельме!» — сразу подумал Олег.

Но пока всей бригадой пошли на почту звонить, узнавать, как все было.

Оказалось, районному охотоведу позвонил начальник милиции и сказал, что тигр сильно поранил охотника, который в тяжелом состоянии доставлен в больницу.

Охотник рассказал, что он вместе с лесником увидел у лесосеки следы тигра. Зверь часто ложился, и на лежках оставалась сукровица. Решили пройти по следу, посмотреть, что с тигром.

Тигр выскочил из зарослей и кинулся на охотника, у которого было ружье «Белка». Охотник нажал на спусковой крючок, но произошла осечка. Тигр выбил ружье. Охотник сунул в пасть зверю руку, а лесник схватил отлетевшее ружье и тоже сунул его ствол в пасть тигра, потому что стрелять из этого ружья не умел.

Тигр отскочил. Люди убежали. У охотника оказалась сильно помятой левая рука, с несколькими переломами

и прокусами.

Районный охотовед с егерями и работники милиции выехали на место происшествия. При осмотре его услышали рев тигра. Зверь стремительно выскочил из чащи на людей, но охотовед успел выстрелить и убил тигра в прыжке.

Оказалось, тигр подрался с крупным медведем. Тот перекусил ему левую переднюю лапу, а правую сильно повредил. Кроме того, на лбу тигра, выше глаз, была рваная рана величиной с ладонь. Все это и стало причиной такого поведения зверя.

Но самое главное, что выяснил Сандо, — все пальцы на лапах этого тигра целы. Значит, не их тигрица.

Глава восьмая

Уже не раз удивляла тигрица: появлялась там, где вроде бы не должна была появиться. На этот раз она оказалась в поселке заповедника.

Ночью прошла мимо двух дворняжек, которые забились в свои будки, дошла до конуры чистопородной спаниельки. Хозяйка слышала, как собачонка взвизгнула и тигрица прыгнула с ней через штакетник. А в метре от штакетника поднималась стена из железной сетки — начиналась вольера с горалами. В прыжке тигрица ударилась об эту сетку.

Напуганные горалы сбились в дальнем углу вольеры и топали ногами. В соседней вольеры тревожно рявкал козел косули.

Один из сотрудников услышал эти сигналы тревоги и выстрелил вверх из ружья. Тигрица с собакой ушла в заповедник.

Эту тигрицу надо было преследовать даже в заповеднике. Но чтобы пойти туда, бригаде нужно было получить специальное разрешение. Директор заповедника обещал прислать лесника, который будет сопровождать их по заповедной территории.

Охотников поселили на кордоне недалеко от поселка.

— Я смотрю, народ какой-то не ближний, — говорил старичок, растапливая печку. — Охотники, значит. Вот здесь дрова, сами управляйтесь.

Вечером пришла на кордон молодая высокая женщина, лет двадцати пяти, в легкой куртке и джинсах, в аккуратных резиновых сапогах. За спиной потертый рюкзак. Вся одежда подогнана. Прилажена, видно, в частых походах. Это и был лесник заповедника — Валентина.

Сандо усмехнулся и подумал: «Что с них взять, с заповедницких? Чудаковатый народ. Но все-таки можно было мужика дать».

— Не потеряешься? — спросил он Валентину. — Нам ведь за тигрой бегать, тебя ждать некогда.

— Не потеряюсь, это мой обход. Давайте посмотрим, куда она завести может. — Валентина достала карту и показала Сандо, где есть кордоны, если охота затянется и придется ночевать.

Оказалось, Валентина местная жительница, учится заочно во Владивостокском университете и готовит дипломную работу по тиграм. Уже несколько зим ходит по их следам.

— Так что убить другого, вместо вашей тигрицы, не дам, — сказала она Сандо.

— Смотри какая шустрая. Зачем же другого? А ты что, так вот без карабина и ходишь?

— Зачем столько железа таскать?

— И встречаться приходилось?

— С тиграми, что ли? Не часто. Они мне дорогу уступают! — засмеялась Валентина.

— Без оружия ходить — это несерьезно, ага, — сказал Саня.

— А по-моему, оружие для самоуспокоения. Я однажды достала блокнот, записываю, а из-под берега совсем рядом тигр выходит. Увидели друг друга, он рыкнул и прыгнул ко мне. Но нападать не стал, ушел. Если бы ружье было, обязательно стрельнула бы с испуга. А так все обошлось. Капланов, бывший директор заповедника, когда-то первым начал изучать тигров по следам и тоже иногда не брал карабин.

— Ты бы еще Арсеньева вспомнила. Теперь и тигров стало больше, и характер у них не тот. В тайге дороги, народ, машины, — сказал Сандо.

— Это верно, — согласилась Валентина. — Тигр, как говорят ученые, стал у нас «фоновым видом». Чуть ли

не в каждой пади следы. И людей не так боится, как раньше. «Вероятность острых ситуаций возросла», — как говорит наш директор. Но пока, хоть это и не романтично, ничего особенного со мной не случилось. А ведь и ночевать приходилось прямо у следов.

— Каждый по-своему с ума сходит, и у каждого своя диссертация, — глубокомысленно заключил Яша.

Койку Яша занял около стены, поближе к печке. Но печку раскалили так, что ему пришлось отодвинуться. Между стеной и полом обнаружилась широкая щель. Оттуда слышалось непонятное шуршание.

— Мыши, что ли? — спросил Яша.

— Кто же еще? — отозвался Алексей.

— Вообще-то у нас под этим кордоном щитомордники зимуют, — сказала Валентина. — Яйца их под крыльцом находили и маленьких видели. А один как-то летом в шкаф забрался. Открыли дверку, а он лежит на полке.

Яша то и дело стал совать голову за койку, смотреть в черную щель, светить туда фонариком.

— Раньше мы тоже на тигров внимания не обращали, — сказал Алексей. — Как было? Идешь корень искать — с собой кусок брезента. На ночь натянешь его и спишь где придется. Мы как-то у речки останавливались. Сбоку — река, с другого — берег стеной. Между ними полоска, как раз брезент натянуть. Утром смотрим — тигр приходил. Перед брезентом все истоптал. Все же вернулся, не полез на нас. А после этого случая с трактористом задумаешься, что у него на уме.

Сандо в этот вечер повеселел: тигрица ушла в заповедник. где нет людей, и пока можно не ждать от нее особых проделок.

Разговор шел о тиграх, и Олег предложил, чтобы каждый рассказал о своей первой встрече с тигром.

— Иду я, ага, по берегу ручья, — охотно начал Саня. — Ружье у меня уже было. Вижу — впереди тигр идет навстречу. Опустил голову к земле, не видит меня. Я потихоньку ружье раскрыл, ага, вынул патроны с дробью и вставил — с пулями. Сам глаз с него не спускаю. Тигр все ближе. Закрываю ружье, а оно не закрывается. Я взгляд боюсь оторвать, закрываю ружье у пояса, жму все сильнее, а оно не закрывается. Тигр поднял голову и сразу меня увидел. Остановился. Развернулся и так же неторопливо пошел назад. Тут только я понял, почему не закрывалось ружье, — конец ремешка от брюк попал под стволы.

— А я шел по дороге и не заметил, — стал рассказывать Яша, — тигр в двух метрах стоял. Когда уже прошел мимо, он рыкнул негромко, я как заору что-то, наверное, по-японски. Забыл, что и карабин на шее висит.

Алексей усмехнулся, вспоминая свою первую встречу:

— Тропил изюбрей. Смотрю — вот они, два изюбря появляются из-за бугра, прямо против солнца. Вначале спины у них показались, выше поднимаются. Большие. А потом смотрю, хвосты вот такие длинные. Тигры! Поднялись на взгорок, следы изюбриные нюхают. Я потихоньку задом пячусь, пячусь. Добрался до дерева — и на него. Ушли они, а я еще часа два сидел: страшно было, первый раз увидел, посмотрел, какие они здоровые.

— Я еще маленькой в поселке видела. Пришла тигрица с двумя тигрятами. Задавила и понесла поросенка. Тигренок, который побольше, задавил и поволок теленка. А другой тигренок, самый маленький, все на корову бросался. Исцарапал когтями ей весь зад. Конечно, не смог задавить. Вот его лучше всех разглядела, — рассказала Валентина.

— Мне почему-то долго их видеть не удавалось. А следов уже который год много было, — сказал Сандо. — Раз как-то летом пилили дрова. До того допилились, что бензопила сдохла. Я раскидал ее всю, контакты почистил, наконец наладил. Говорю ребятам: «Нате, работайте. А я в избушку пошел, картошку чистить». Иду. Вышел на полянку, гляжу, тигра лежит, и ребра у нее в зубах. Смотрит на меня удивленно. Тигренок за ней. Рядом со мной ильм был без сучков. Как я на него вскочил — не помню. Помню только, сапоги скользили. Тигрица не слышала, как подошел, потому что сама грызла и тигрята бегали здесь, шебаршили. Забрался, кричу ребятам. Они бегут: «Чего? Чего?!» Я говорю: «Тигрица с тигрятами». Начали стрелять, отогнали ее. Пока на дереве сидел, заметил, в кустах еще олень лежит. Стали искать и кроме оленухи нашли рядом оленя-прошлогодка и олененка этого года. Всех она в ложбинке придавить успела. И не ушла. А мы ведь рядом совсем были — не побоялась. И бензопила работала, и деревья падали.

— Не понимаю, что за зверь такой, — сказал Алексей. — Лежит старый оборванный трос, которым лес трелевали. Он идет и в каждую петлю лапу сует. Нет бы идти рядом — в каждую петлю лапу ставит. Валяются концы грязные, промасленные — на них наступит. Прямо на них.

Ильм— род деревьев, семейства ильмовых.

— Как вы, охотники, с нимиживаетесь? — спросила Валентина.

— По-разному. — ответил Сандо. — Когда поменьше было, не мешали друг другу. А теперь, как появляется на участке, всех изюбрей разгоняет и кабанов. Да и сам ходишь оглядываешься. Слышишь, то один по тигру стрелял, то другой. Не сразу, конечно, говорят. Год пройдет — расскажут. И то не всякий. Стреляют, когда безопасно. С увала на увал, например. Карабины почти

у всех. И попасть стараются так, чтобы ушел с участка и там где-нибудь лег.

— А те, у кого собак хороших пожрали, — сказал Алексей, — прямо говорят: «В Красной ли он книге, в зеленой — у нас в черной». Убьют и не подходят, чтобы не оставлять следов. Из-за шкуры стреляют только самые отъявленные браконьеры.

— Все-таки стреляют из-за шкуры? — спросила Валентина. — И покупатели есть?

— И стреляют и есть! — усмехнулся Алексей. — Ко мне недавно один подходил. Знает, за тигром охотимся, спрашивает, не продам ли шкуру? Пять тысяч, говорит. Вот так вот.

— Пять — это хорошо, — сказал Сандо. — А сидеть кто будет, он или ты?

— Вот здесь мы и договорились! — засмеялся Алексей. — Хотя сидеть не обязательно, можно еще и пенсию попробовать получить. Помните, как было?..

И Алексей рассказал Валентине, как на браконьера, который ранил, а потом долго тропил тигра, тот в конце концов бросился и покалечил. Районный охотовед и егерь пошли разбираться, как это случилось. По следам видно — явное браконьерство. Но если составить на браконьера протокол, у него отберут ружье и уволят с должности штатного охотника. Пожалели, тем более что тигра он не убил, а сам пострадал. Написали докладную, что тигр напал на охотника.

Как только такая бумага ушла в управление, браконьер воспрянул духом и сразу написал заявление на пенсию по инвалидности из-за увечья, полученного на производстве. Правда, рука скоро зажила, и в пенсии ему отказали.

— А убитых тигров приходилось находить? — спросила Валентина.

— Я как-то подписывал бумагу, — сказал Алексей. — На сопке нашли убитого тигра. Примерно полмесяца

пролежал. Стреляли с дуба. Тигр все дерево исцарапал, даже грыз зубами. В двенадцати метрах от ствола лежал, головой к дереву. Кто на кого напал, что там было — непонятно. Все молчат. То ли сам охотник виноват, то ли доказывать ничего не хочет.

— Мне тоже приходилось, ага, в комиссии быть, — сказал Саня. — Тигра нашли. В передней лапе рана от клыка кабана, шесть сантиметров глубиной. Видно, на хорошего секача напал. Полз долго после неудачной охоты, ложился часто, потом погиб. Никакой жиринки не осталось. Локтевую кость ему кабан из сустава выбил и повредил. Измеряли этого тифа, ага, как сейчас помню: длина с хвостом два метра восемьдесят сантиметров. Вес сто тридцать шесть килограммов. Худой был совсем. Длина клыков семь с половиной сантиметров. Говорят, лет пять-шесть ему было. А в поселке еще один, так на него писать пришлось. И не отходили мы от него никуда. А смотрим — усов нету, ага. Шкуру надо в управление отправлять, а она без усов. Говорят, если в одежду тигровый ус зашить, сразу неотразимым у женщин будешь. А женщина если, то у мужчин. Вот кто-то их и смахнул.

— Ну а если одежду-то снимешь? — усомнился Яша.

— Не зашивать усы надо, — сказал Алексей, — а в водке растворить и выпить.

— Да бросьте вы! — усмехнулся Сандо. — Их, говорят, для иглоукалывания применяют. Надкостницу они как будто не вредят. А может, тоже разговоры одни... Ну и разболтались мы. Все. Пора спать. — Он погасил лампу. — Завтра чуть свет идти. А то как бы снежком следы не замахнуло.

— Сейчас, Сандо, — сказал Олег. — Вы, научные сотрудники, как считаете, что нужно, чтобы тигр сохранился в тайге?

— Я пока лесник, а не научный сотрудник, — ответила Валентина из своей комнатки. — По-моему,

увеличить территории заповедников, чтобы какие-то тигры могли жить не выходя за их границы. И должна быть специальная охрана животных из Красной книги. Сейчас тигров охраняет управление охотничьего хозяйства. Оно же мясо кабанов и изюбрей заготавливает. План по мясу не выполнил — сразу видно. А по тигру выстрелил, который изюбрей разгоняет, никогда не видно. Во всяком случае, не слышала, чтобы кого-то из охотников за это наказали.

— Тигров, конечно, спасти надо, — сказал Сандо, — Но так, чтобы самим потом от них не спастись.

По стене поползло световое пятно. Подъехала машина, хлопнула дверца, и кто-то торопливо застучал кулаком.

Сандо чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу. Вошел незнакомый шофер.

— Вам всем велели срочно ехать со мной, — сказал он с порога.

Глава девятая

Яша мигом вскочил с кровати и стал надевать чужие брюки. Он был готов ехать куда угодно. Только бы не прислушиваться: шуршат или не шуршат змеи под полом.

— Не суетись, — сказал ему Сандо, прибавил в лампе огня и предложил шоферу сесть. — Что случилось?

Оказалось, накануне днем этот шофер, его начальник и лесник приехали в тайгу смотреть, где заготавливать дрова. Посмотрели, развели костер, собрались перекусить на природе. И тут лесник увидел вдалеке тигра. Вначале обрадовались даже: не так уж многим приходилось видеть его в тайге. У лесника ружье, костер горит. Еще по мультфильму известно — Шерхан огня боится. Но тигр направлялся к ним. Шел от дерева к дереву, вроде бы подкрадывался. Стали бросать дрова в огонь и в спешке пригасили костер. Но пламя вырвалось, взвился искристый язык, затрещали ветки. А тигр уже неподалеку и явно крался к ним, осторожно переставляя лапы. Слепая вера в огонь поколебалась. И тут сбоку заметили второго тигра. Тоже подбирался к костру. Лесник бабахнул вверх из ружья — раз, другой! А тигры шли. Как по команде, люди бросились к толстой пихте и, мешая друг другу, все же быстро вскарабкались на нее.

Тигры прошли рядом с костром. У пихты не остановились, по распадку направились к дороге.

Три часа люди не решались слезть, потому что идти к машине надо было в ту же сторону, куда ушли тигры, почти по их следам.

Когда стало ясно, что от тигров они, может, еще и не погибнут, а от холода — наверняка, слезли с дерева

и с опаской пробрались к машине.

— Мы никуда не поедem, — сказал Сандо. — Это молодые тигры, от матери недавно ушли. Силы набрали, а ума не нажили.

— У них под шкурой еще ни одной картечины, — сказал Алексей. — Вот и лезут куда не надо, ищут приключений.

— Пусть там районный охотовед разбирается, — продолжал Сандо. — А начальству скажи, нам тигрицу добывать надо. Они знают какую.

Утром вышли из дома. На склоне, за гривкой, всего метрах в ста, шуршали листьями пятнистые олени. Выискивали под снегом корм, паслись.

«Вот что значит заповедник, — подумал Олег. — Мы ходим, снегом скрипим, а они как будто и не слышат. Дым на них из трубы идет, а им все равно».

Сандо надеялся: в таком скопище тигрица поймает себе оленя, и тогда наконец можно будет взять ее возле добычи.

— Ты как коза бежишь, — сказал он Валентине. — Не выскакивай вперед, вдруг стрелять придется, а ты на мушке прыгаешь.

— Охотникам можно и поскорее ходить, — ответила Валентина, но пропустила всех и пошла сзади, рядом с Олегом. На ней была двухцветная шапка из харзы. Недавно эта непальская куница совсем низко ценилась у заготовителей. Но местные женщины рассмотрели ее повнимательней и стали шить такие шапки, что теперь шкурка харзы у них в полтора раза дороже соболя.

Из снега, как толстая змея, протянулся наискосок к кедру длинный жгут стебля дикого винограда. Толщиной почти в руку, корявый, скрученный. По спирали обвил ствол дерева и в ветвях расщепился на множество тонких жгутов и нитей.

— Вот тот самый случай, о котором пишут в учебниках, — кивнула Валентина на виноград и кедр.

— Давно по этим местам ходишь? — спросил Олег.

— С детства. Даже когда замуж вышла, Валерка родился, чуть подрос, вырезала две дырки в рюкзаке, чтобы он ноги в них мог просунуть, и с ним ходила.

Следы тигрицы повели на крутую сопку. Пришлось помогать себе руками — хвататься за деревца, чтобы не съехать назад.

— Меня подружки спрашивают: «Как похудеть? Почему у тебя такая фигура?» Я им говорю: «Берите рюкзак — и в сопки на неделю».

Сверху в бинокль заметили ворон на дереве.

— Похоже, тигра кого-то задрала, — сказал Сандо. — И сейчас там вороны тихо сидят, ждут, когда уйдет.

— Может быть, другая тигрица, — сказала Валентина. — В этом районе Десятка живет. Мы тигров по ширине пятки называем, чтобы по следам узнать. Вдруг она там. Как вы ее от вашей отличите?

Стали по широкому кругу обходить ворон, чтобы посмотреть, следы какого тигра ведут туда. Если окажется — их тигрицы, надо будет с разных сторон обходить это место, подкрадываться и стрелять.

Вскоре наткнулись на следы тигра-самца с шириной пятки двенадцать сантиметров. Хотели вернуться к следам своей тигрицы, но Валентина предложила подойти к тигру и, если он недавно убил оленя, взять свежего мяса, чтобы не есть консервы.

Олег подумал: «Она шутит». Но Сандо согласился, и все пошли.

Валентина достала из рюкзака пустую кислородную подушку, разрезанную с одного края.

— Это что у тебя? — спросил Алексей.

— Мясо носить. В заповеднике охотиться запрещено. А когда на полевых бываешь, мясо где взять? Все равно по тигриным следам ходишь. Найдешь давленку свежую, отрезаешь мяса. Капланов еще так

делал. А этот мешок не промокает, и кости его не протыкают.

Сандо тоже повертел в руках мешок. Не новый, стиранный, не раз бывал в работе.

— А начальство как смотрит, что у тигров мясо отбираешь? — спросил Олег.

— Все лесники так делают. Подумаешь, сколько мы мяса возьмем? Правда, директор однажды протокол на двоих составил. «За отбирание пищи у тигра», — написал.

— Я не об этом, а о технике безопасности. Ведь тигр за грабеж и привлечь может.

— Если только тигрица с тигрятами. Как-то был случай, не отдавала мясо. А другие с человеком не связываются, уходят. Прошлым летом увидели на покосе — тигр оленя задавил. Лесники сразу обобрали. А он тут же на другом конце поля второго поймал.

— А верно, у вас шофер был, Зайцев фамилия? — спросил Алексей. — Он, говорят, прямо из пасти у тигра коосулю вырвал.

— Об этом весь поселок знает, — подтвердила Валентина.

Оказалось, однажды директор заповедника, лесники, шофер поехали по делам в соседний поселок. Вдруг шофер резко остановил машину, ни слова не говоря выскочил из нее и побежал по полю. Уже рассвело, и все увидели поперек дороги свежий волок с кровью. Тигр протащил какую-то добычу. Поэтому волоку через неширокое поле и побежал в лес шофер в развевающейся желтой куртке.

Все выскочили из машины. Директор кричит: «Вернись! Вернись!» А тот знай себе бежит по волоку. Добежал до леса и скрылся в нем. Все стоят — кто с карабином, кто с пистолетом наготове, ждут: сейчас закричит.

А он выходит из леса и поднимает над головой косяк, у которой тигр даже съесть ничего не успел. Загалдели все, ругали шофера. Он спокойно открыл багажник, бросил туда косяк, поехали дальше.

Директор объявил ему выговор в приказе за нарушение техники безопасности, а он за это никому не дал ни кусочка.

Олег часто слышал и читал, что крупные звери нападают на человека, когда защищают добычу. А здесь забирают у тигров мясо...

Отрезать было нечего. Сандо поднял шкуру пятнистого оленя, стряхнул с нее кости. На шкуре держались голова и копыта.

Пошли назад по следам тигрицы. Вдруг Сандо остановился в недоумении... Нагнулся к следам. Четкие отпечатки тигриных лап перекрывали вчерашние следы. Пока ходили к убитому оленю, тигрица прошла назад. Кое-где розовели капельки крови.

— Ее Десятка выгнала, — предположила Валентина. — Видите кровь — наверное, дрались.

Тигрица местами шагала прямо по только что проложенной людьми тропе. Сандо, за ним и остальные побежали по свежим следам. Никто не отставал. За перевалом надеялись увидеть тигрицу. Но она миновала падь и была, наверное, за другим перевалом. Прибежали туда — опять нету. Казалось, стоит добежать до поворота распадка — и можно будет из карабинов достать тигрицу. По их следам она вышла к кордону. За восемнадцать шагов от крыльца свернула влево, обошла летнюю кухню, вышла на дорогу и направилась по ней из заповедника.

— Ни пуха, — сказала Валентина. — Дальше мне с вами бежать незачем.

— Опять тигров пойдешь тропить? — крикнул Олег.

— Нет. Схожу домой, белье у своих мужиков постираю и уж тогда пойду. — Валентина помахала

рукой.

По ровной дороге все еще бежали. Но когда тигрица повернула в сопки, сразу почувствовали усталость. Вряд ли удастся увидеть ее хотя бы на расстоянии дальнего карабин ного выстрела.

Поднялись еще на один перевал и на той стороне широченной пади заметили — на сопку идет человек. Кто же это может быть? Посмотрели в бинокль, а это тигрица шла в гору как раз против них и казалась поэтому высокой, как человек.

Алексей поднял карабин. Сандо положил руку на ствол и опустил его.

— Только напугаешь. Надо... — Он помедлил, снял шапку. Всклокоченные, слипшиеся от пота волосы торчали в разные стороны. Он обмахивал шапкой разгоряченное лицо и, не отрывая глаз от тигрицы, о чем-то напряженно думал. — На дорогу, — сказал он наконец и побежал назад, вниз, в другую сторону от тигрицы.

По дороге мимо них промчался грузовик, и шофер, несмотря на энергичные жесты, не остановил машину. А здесь они ходили не часто. Когда наконец показался второй грузовик, шофер увидел твердо стоящих поперек дороги вооруженных карабинами людей.

Олег вместе с другими забрался в кузов и ломом стал уминать мешки, кажется с комбикормом, чтобы плотнее угнездиться на них и не выскочить за борт. Сандо сел в кабину.

Когда шофер понял, что от него хотят, круто развернул машину и на полной скорости понесся назад так, что полотнище брезента нещадно хлестало тех, кто был в кузове. Грузовик свернул на лесовозную дорогу.

— Новая дорога, — удивился Саня. — Раньше ее не было.

— Сейчас тут много стало всякого такого, чего раньше не было, — сказал Яша.

— Дороги, машины, поселки, неотложные стройки — жизнь идет! — с подъемом сказал Алексей. — Но куда тиграм деваться, ребята?

— Не знаю, ага. Пусть у науки голова болит. Нам свое дело сделать надо, — сказал Саня.

Машину начало то и дело подбрасывать на ухабах, и стало не до разговоров...

Наконец остановились. Сандо пожал руку шоферу и вылез из кабины. Он предполагал, что тигрица возвращается в свои места. Если это так, она должна пройти через перевал, который теперь виднелся с дороги.

— И чего же, засаду устроим, ждать будем? — испугался Яша.

Сандо кивнул.

— Замерзнем же, опрямеем совсем.

— Да не так холодно, — сказал Алексей. — Что ты, Яша, одеваешься, как бичишка какой? Денег, что ли, у тебя нету?

— Ты же знаешь, деньги есть. В город поеду — костюмчик надену. Галстучек повяжу.

— Ты бы лучше куртку купил хорошую. В телогреечке этой и правда «опрямеешь», — сердился Алексей.

Сандо поставил Яшу на самом краю стрелковой линии. Потом кивнул на нишу в скале и сказал Олегу, чтобы встал там.

Олег утоптал снег под ногами, несколько раз вскинул карабин, прицелился в пень, в пятно на дереве, проверил, не мешает ли что.

Сколько ждать — никто не знал. Мало ли что могла придумать тигрица. Могла устроить, как они, засаду и ждать какого-нибудь кабана. Могла и свернуть и совсем не пойти в эту сторону. Все понимали, как ненадежно их ожидание, и время тянулось особенно долго.

Олег смотрел из ниши на старые следы кабана, поглядывал по сторонам. Все тихо. Ворона пролетела над падью, низко, неторопливо. Дятел сел на верхушку высокого пня и, обследуя его, стал спускаться хвостом вниз.

Тени на снегу медленно передвигались, словно солнечные часы, отмечая уходящий день. Олег давно прижался плечом к скале и безучастно смотрел перед собой.

Яша тоже не надеялся увидеть тигрицу и время от времени напрягал и расслаблял то руку, то ногу — грелся как мог, стоя на месте. Неожиданно услышал шум снега и замерзших листьев. По тому, как решительно и в то же время мягко бежал невидимый пока зверь, Яша понял — тигрица!

Ему показалось — вроде сова мелькнула у скалы. Но куда же делась? Ни вперед, ни назад не полетела. Присмотрелся — у скалы стоит тигрица. Темные полосы на ней слились с такими же полосами-потеками на камнях. Повел карабином — тигрица отпрыгнула, а Яша в это время выстрелил. Она бросилась к нему. В ужасе Яша кинул карабин и метнулся к дереву. Тигрица, отбрасывая в прыжках снег, подскочила и за ногу стянула его, оставив на стволе глубокие, длинные царапины от когтей. Яша упал и отчаянно закричал. Тигрица клыками схватила его за плечо, раздался хруст, будто сапогом на асфальте наступили на грецкий орех.

Олег бежал к Яше и, не видя, что происходит, стрелял вверх. Яша сидел на снегу. Тигрицы не было. Подбежали Сандо, Алексей.

— Посмотрите, что с ним, — сказал Сандо и ринулся по следу тигрицы.

Левая рука у Яши висела плетью, а в правой он держал нож.

— Ты ударил ее ножом? — спросил Олег.

Яша был белый, с чужими, полными страха и боли глазами. И не помнил, защищался он или нет. Его осторожно подняли на ноги. Отстегнули ремень карабина, подвязали руку. Олег старался сдержать мелкую дрожь. Она начата колотить его, когда он посмотрел на Яшину руку.

Вернулся Сандо. Сказал, что тигрица, сколько успел увидеть, идет на махах. Крови нету.

Из кольев, веток, плаща сделали носилки. Но Яша не захотел, чтобы его несли. Он хромал, но идти потихонечку мог.

К счастью, быстро подвернулась машина. Знакомый охотник возвращался на своей «Ниве» в поселок. Его собака так привыкла ездить в машине, что ее едва согнали с переднего сиденья, чтобы посадить Яшу.

Уже начинаю темнеть, и решили переночевать в поселке, а с рассветом вернуться на машине. Но втиснуться в груженую «Ниву» могли еще только трое, четвертого сажать было некуда.

Олег воспользовался этим и сказал:

— Сандо, мне здесь часа три идти до зимовья. Посмотри, луна какая, все будет видно. Пересплю в избушке, к рассвету вернусь. Буду ждать вас на этом месте. Может, жива собака. Тут почти рядом, а завтра неизвестно куда уведет этот полосатый матрас.

Сандо посмотрел на Алексея и Саню, как будто спрашивал взглядом: «Видели идиота?»

Но Саня сказал:

— Пускай, ага, сходит. В самом деле, ни за что собака пропадает. Если живая, конечно.

— Да ведь ночь, — сказал Сандо. — Схлестнется с тигрой, она ему покажет «полосатый матрас». У тебя в аптечке анальгин есть? — спросил Сандо хозяина машины. — Дай Яше и быстрее в больницу. Но не тряси. Дождись лесовоза и приезжай! — через стекло крикнул Сандо Олегу.

Глава десятая

Сияющий загадочный лунный лик заливал тайгу зеленоватым светом. Хорошо были видны вершины сопок, черные отвесы скал.

В ночной тишине по хрустящему снегу Олег шел к зимовью. Деревья без листьев скрестили над головой корявые ветви, перевитые лианами, а на снегу — кружево их теней.

Вначале Олег думал только о Шельме. Готовил себя к самому худшему. Но была искорка надежды увидеть собаку живой, и она торопила его. Он представлял, как откроет дверь, как бросится к нему Шельма, будет ласкаться, пытаться лизнуть в лицо. Тут же возражал себе: если жива, вряд ли сможет подняться на ноги.

Он думал о Шельме, но не забывал смотреть по сторонам и карабин нес в руке. Казалось, тигрица крадется за ним или ждет в засаде. Не так просто заставить себя в ночной тайге не думать о тигрице, которая только что покалечила Яшу. А что она натворила раньше — вспомнить жутко. И возвращаться поздно: лесовозы уже не ходят.

Кто бы ни говорил о тиграх, почти от всех Олег слышал: «Как молния». «Наверное, быстрый зверь, — думал он, — если уж сразу двух лаек поймать может. Одну — понятно, выпрыгнет из засады и схватит. Но как успевает поймать вторую, которая уже ее увидела?»

Саня рассказывал, что у них на плантации женьшеня тигр утащил сторожевую собаку. Пришел за второй. Собака захлебывалась от лая. Саня встал с карабином наготове, решил, как прыгнет — стрелять... И карабин вскинуть не успел, а тигр уже за забором с собакой.

А тигрица и в самом деле шла за Олегом. Яркий свет луны заставлял ее идти так, чтобы между ними было толстое дерево, за которым можно скрыться, если человек вдруг посмотрит назад. Доходила до одного дерева, выбирала другое и опять кралась за человеком, вполглаза следя за ним из-за прикрытия. Потом резко повернула, рысью добежал до ручья, спрыгнула на лед. Прячась под берегом, стороной обогнала Олега. Вылезла из ручья у большого выворота и легла за ним.

По тому, как выбрала засаду, было понятно — отлично знает эти места. Долина там резко сужалась, и Олег мог пройти самое большее в трех прыжках от нее.

Олег не вернулся к рассвету. Его ждали около часа, но, когда совсем рассвело, пошли по тигриным следам.

Вначале тигрица шла на махах, потом рысью и наконец перешла на шаг. Сделав петлю, залегла на склоне недалеко от своих следов, проверяла — идут ли за ней. Лежала долго, снег на лежке заледенел. Потом следы повели в соседнюю падь, и у Сандо потемнело лицо. Тигрица пошла по следам Олега.

Все заспешили, хотя понимали — спешить уже поздно. Посматривали вперед и боялись увидеть ворон на деревьях. В этих краях они чаще всего сидят над добычей тигра.

Алексей забегал вперед, и Сандо пропускал его, только сам старался идти еще быстрее. Саня едва поспевал за ними...

Казалось, должен был как-то чувствовать человек, что рядом такая опасность. Но Олег, когда увидел выворот, за которым пряталась тигрица, думал совсем о другом. У такого же выворота приключилось с Яшей невероятное происшествие. С Яшей часто что-нибудь приключалось. На склоне сопки, у самой вершины, ветер вывернул с корнями дерево. Яша, чтобы обзора было поменьше, ушел за этот выворот по своим делам. Сделал, что надо, вышел из-под корней, застегивает

ремень. А дерево — возьми да и встань. Лежало оно на крутом склоне — и так, что вершина была повыше сопки. Налетел с той стороны подходящий ветер, поставил дерево на место, прямо перед Яшей. Он потом неделю ходил сам не свой, все представлял, что было бы, задержись он под выворотом чуть подольше.

Об этом случае и вспоминал Олег, когда проходил рядом с тигрицей. Даже посмеялся вполголоса.

Тигрица не тронулась с места. Пропустила Олега и лишь потом опять пошла по его следам.

Олег подходил к зимовью, и комок подступил к горлу.

«Жива ли? Шельма, жива ли ты?» — думал он, все ускоряя шаги.

Отпер и распахнул дверь... Никто не бросился к нему из темноты зимовья. Он включил фонарик и испугался. Перед ним стоял обтянутый шкурой скелет собаки. Только глаза были ее, Шельмы, и горели от радости. Она взглядывала в глаза Олегу и тут же опускала голову, считая себя виноватой во всем, что случилось. Он гладил, ласкал ее. Она лизала руки и покачивалась на дрожащих ногах.

В углу что-то зашевелилось. Удивленный, Олег повел лучом фонарика и увидел двух толстых щенят.

— Ничего себе! Ну ты героиня, Шельма. — Он пошарил лучом по зимовью. Старую тельняшку, которая прикрывала порог, Шельма оттащила в сторону, и в щель под дверью намело снега. — Хорошо, снег у тебя был. А что же ты ела?

Одна стена была исцарапана собачьими когтями. Смертным грехом считала Шельма стащить что-нибудь. Но когда появились два живых насоса, она преступила этот закон. Попыталась допрыгнуть до маленького, завязанного узлом мешочка с остатками сухарей. Он висел под потолком на стене, и ей немало труда стоило сорвать его с гвоздя.

От пакета муки, который стоял на полке, остались только обрывки плотной бумаги.

Шельма положила на ладонь свой обтянутый кожей череп и уставилась в глаза Олегу, как будто спрашивала: «Что будем делать?» Он не знал, что делать, засуетился. Дать ли ей немного сырого мяса или воды или лучше затопить печку и сварить мясо, дать с бульоном?

Пошатываясь, Шельма подошла к двери. Он взял ее на руки, вынес из зимовья. Дрожа, приседая, она стала спускаться к ручью, к тому месту, где не замерзла вода.

Олег пошел в зимовье. Достал из рюкзака кусок мяса, мелко-мелко порезал его и вышел... Возле ручья стояла тигрица и держала в зубах Шельму, обвисшую, как тряпка.

Тигрица метнулась в одну сторону, в другую, как кошка, которую застали врасплох на столе. Олег схватил карабин. Тигрица бросила Шельму и прыгнула на него. Он успел только выстрелить от бедра, не целясь. Тигрица рухнула на него. Падая, Олег ударился головой и спиной о стену. Перехватило дыхание. Тигрица отпрыгнула, скатилась на лед ручья, рычала там внизу, раненная. Олег открывал рот, а воздух не шел, он не мог вдохнуть. С ужасом подумал: «Все!» Но нет, вдохнул и начал дышать. Поднял выбитый из рук карабин. Голова гудела от удара. Подошел к берегу. Тигрица была мертва.

Утром по тигриным следам пришли к зимовью охотники.

Иодом из аптечки, которая валялась в зимовье еще от прошлого хозяина, Алексей смазывал на груди Олега глубокие царапины.

— Ты ей в клык попал, и рикошетом пуля ушла в грудь. Хороший получился рикошет.

— Что там у меня? — Олег приподнял голову.

— Лежи, ничего страшного. Воздух не свистит, значит, не пробила. Промышлять, конечно, начнешь теперь с другого сезона. Поучился немного — и хватит! — усмехнулся Алексей. — Наверное, сразу домой захотел, в город? Ты еще только по тигриным следам побегал, Приморья, можно сказать, и не видел. А его летом надо посмотреть. И весной. А осень у нас какая!

— Хочешь, ага, давай ко мне на плантацию. Женьшень будем растить, — предложил Саня.

— Не думал, конечно, что так круто все начнется. — ответил Олег. — Но вы же говорите — такие тигры не часто встречаются. Шельму похороните за зимовьем. Камней в ручье много.

Подошел Сандо:

— Чего такой бледный? Теперь, парень, все позади. — На ладони он держал кверху брюшком пушистый комок с белыми «тапочками» на лапах. — Вот тебе новая Шельма. Вся в мать. Второго, разреши, я заберу.

Тигрица лежала в кузове машины. Лапы напряжены, будто схватила кого-то и прижимает к себе, вцепившись когтями. Даже голову нагнула, чтобы схватить еще и зубами. Но не было никого в окоченевших лапах, а нос ткнулся в железный пол кузова. К всклокоченной шерсти примерзли комки снега.

...Кладовщик промхоза достал из ящика стола книжку накладных и на желтой бумаге на следующем после выписанных рукавиц листке написал: «Тигра. Одна штука. Выдана Дальневосточному научному центру через Юдина».

Остался позади избушки сложенный из темных камней холмик. Весной разобрал, развалил его белорудый медведь.

А осенью молодая Шельма носилась у зимовья, только желтые листья летели из-под лап.

Дикий урман

Глава первая

Река текла без солнца. Текла не в берегах, а в стенах дикого, нетронутого леса. Громадные кедры уходили ввысь, и только где-то там, над ними, светлело небо... А тут, внизу, сплетались корни, чернели вывороты, стоял сумрак...

Только на плесах прорывалось солнце. Оно высвечивало дикую мощь и красоту тайги с ее обросшими лишайником стволами, с зеленым бархатом валежин, с провалами настороженной мглы.

Небольшой катерок «Волна» третьи сутки пробирался вверх по таежному притоку Оби.

На палубу поднялся моторист.

— Тайга-то какая! Во лесок-то! Как путешествие, Росин? — сказал он, вытирая концами руки, единственному пассажиру— молодому человеку лет двадцати шести— двадцати семи.

— Это не путешествие. Путешествие — когда сам идешь, а не везут тебя. Кстати, скоро меня привезете?

— Завтра к вечеру дай Бог добраться. Уж пятьдесят километров, как река считается несудоходной. А нам еще плыть да плыть. Ну ничего, теперь доберешься. Главное, на катер попал. А то ведь он в Тарьёган за всю навигацию только два раза ходит. Сейчас вот — в мае — да раз осенью.

Резкий толчок! Моторист чуть не свалился за борт и тут же юркнул вниз, в машинное отделение.

— Мель! Давай назад! — закричали у штурвала.

— Назад не идет.

— Ладно, стой. Подмывать будем.

Началась какая-то хитрая операция: подмыв мели струей от винта. Корма чуть влево, чуть вправо, чуть

влево, чуть вправо, и так с полчаса. Но вот катер дрогнул и отошел назад.

— Хорош! Давай на нос!

Теперь катерок едва подавался вперед, а с носа длинной палкой щупали дно.

«Долгая песня», — решил Росин и отправился в каюту «мучить» английский — самую опасную мель на пути в аспирантуру.

И еще садились на мели, попали под винт коряги, но на следующий день «Волна» все же добралась до места.

Росин с набитым до отказа рюкзаком и ружьем в чехле вышел на берег.

«Вот он какой, Тарьёган!»

Деревушку со всех сторон обступила тайга, прижала к реке, будто собиралась столкнуть под берег.

Прочно стояли дома. У каждого — лабаз на четырех столбах; собаки — по две, по три; в угоду старому хантыйскому обычаю — медвежьи черепа на кольях.

К катеру, как на пожар, высыпала вся деревня. Русских несколько человек, все население — ханты. Одежда вроде длинных рубах, подпоясанных сыромятными ремешками. У женщин и ребят расшита бисером. У всех на поясах ножи в деревянных ножнах. Даже у девочки лет трех миниатюрный ножик. По стертым ручкам видно: ножи тут — повседневное орудие труда.

Росина окружили и в упор рассматривали хантыйские ребятишки.

— Где мне найти председателя? — спросил он.

Самый старший, не отвечая, повернулся и что-то закричал по-хантыйски. Из толпы у катера вышел молодой хант и направился к Рос и ну.

— Я председатель.

Он, пожалуй, дольше учился в школе, чем занимался промыслом, но уже председатель промыслового колхоза.

— Вадим Росин, охотовед. Прибыл к вам обследовать места под выпуск баргузинских соболей.

Вечером в правлении проходило собрание.

Сизоватый табачный дым плыл из открытой двери, а в самом доме все сине. Занавески на окнах давно уже пожелтели от никотина.

На скамейках степенно расселись ханты-старики. Кто помоложе, стояли вдоль стен, теснились в проходах. Тут собрались все охотники деревни. Среди хантов было несколько русских.

Говорил председатель. Росин не понимал по-хантыйски ни слова.

Председатель кончил.

— Русским я сам объясню, — поднялся было Росин.

Все засмеялись.

— Не надо, — председатель тоже смеялся, — они по-нашему лучше нас говорят. Так куда посоветуем пойти охотоведу? — обратился он к старикам.

— Думать надо, — ответил один из хантов.

Трубки задымили гуще. Все молчали... Потом начали переговариваться, видимо советуясь друг с другом. Заспорили, зашумели, и вместе с ними председатель.

Но вот утихли. Только два старых ханта продолжали говорить.

Наконец все одобрительно закивали.

— Они предлагают, — перевел председатель, — осмотреть два места: Дикий урман и Черный материк.

— О чем же они спорили?

— Что лучше: урман или материк.

— Однако Дикий урман лучше подойдет, — подал голос до этого молчавший промысловик.

— Не лучше! — по-русски возразил старик и тут же по-хантыйски начал что-то возбужденно доказывать.

И снова общий спор...

— Ну вот, решили: Черный материк, — объявил наконец председатель.

— Что же, вы лучше знаете свои места. Пойду в Черный материк. А теперь помогите найти проводника, — попросил Росин.

— Яким те места хорошо знал... — вздохнул председатель. — Утонул.

— Пошто покойников поминать? Вон Федор отведет! — крикнули из угла. — Что, хуже Якима тайгу знает?

— Федор подойдет, — согласился председатель. — Как, Федор, отведешь в Черный материк?

— Однако можно, — отозвался один из русских, среднего роста мужчина лет пятидесяти.

— Вот и ладно... Пускай охотовед у тебя пока и остановится.

После собрания Федор повел Росина к себе.

— А как вас по отчеству? — спросил Росин.

— Почто по отчеству? Зови, однако, по-простому: Федор.

Шли через всю деревню.

Нигде ни одного замка: не понимают, зачем запирают двери.

— Вот и наша изба.

Изба была не ниже обычных деревенских изб, а срублена всего лишь из семи венцов.

Навстречу Федору выбежал громадный темно-бурый пес.

— Первый раз вижу такую лайку, — удивился Росин. — И окрас необычный.

— Ладный пес. И по белке идет, и зверя остановит. А окрас, верно, один такой и есть в округе. Не лезь, Юган. Пошел на место! — Федор толкнул с груди собачьи лапы.

Вадим Росин вошел в дом. Бревенчатые стены, добротный самодельный стол, скамейки, кровать с цветным лоскутным одеялом. Почти в полдома печь. На ней связка лука. В углу ушат с водой, ухваты. У двери вместо веника глухариное крыло.

— Здравствуйте!

Из-за дощатой переборки вышла средних лет женщина.

— Проходите, что же вы у порога-то стали, — пригласила она, повязывая платок, — не часто гости такие бывают.

Росин вытер о медвежью шкуру ноги, поставил рюкзак и прошел в передний угол.

— Приготовь, Наталья, самовар, — попросил Федор.

— Да уж готов.

Она пошла к самовару.

— Оставь, — легонько отстранил он жену. — Уйду в урман, еще натаскаешься. — И, как будто извиняясь перед Росиным, добавил:

— Он у нас вон какой толстопузый, не по бабым рукам.

Наталья нарезала толстыми ломтями черного хлеба, поставила глиняную миску с тушеным мясом, положила вилки с деревянными ручками.

— Подвигайся к столу, — пригласил Федор. — Надюшка, слазь ужинать.

На печке зашуршал лук, из-под занавески показалась пара босых детских ножек, потом и сама Надюшка. Осторожно слезла с печки и, держа палец во рту, подошла к столу, не спуская глаз с незнакомого дяди.

Мать улыбнулась.

— Что надо сказать?

— Здравствуйте, — прошептала Надюшка и уселась на край скамейки.

Под столом вдруг раздался кошачий визг: Федор наступил коту на лапу. Надюшка замахала ручонками, и на глазах заблестели слезы.

— Ну что ты? — сказал Федор. — Он вырастет — мне наступит.

Надюшка засмеялась.

— Это у меня меньшая. Старший сын был. Да ты ешь, не стесняйся. Чай, не купленное.

Росин глянул на Федора, спросил несмело:

— А что же с сыном?

— Под медведя попал. Нашел берлогу и один зверя взять удумал. Стрелял, видно, да ранил. А вторую пулю зарядить не успел. Кинулся тот из берлоги, задел по пути лапой. Нашли — уже неживой. И патрон в руке.

— Сколько же ему было?

— Да уже тринадцать почти... — проговорила Наталья.

Росин поторопился перевести разговор:

— А ты еще в школу не ходишь?

— Не, по осени пойду, — ответила Надюшка.

— А букварь есть?

— Пока нету. Мне папка портфель купит, как у Ленки, — сказала Надюшка и заболтала босыми ножками.

...Проснулся Росин поздно. На выскобленном желтоватом полу солнце прорисовало окно. Жмурясь от яркого света, умывался на подоконнике кот.

Росин бросил на плечо полотенце, вышел к речке.

Федор постукивал в лодке, прилаживая сиденье. Наталья чистила речным песком помятый походный котелок. Надюшка вместе с матерью старательно терла песком игрушечное ведерко из консервной банки.

После завтрака Росин пошел на почту. Он легко узнал ее по высоким столбам радиоантенны. Смуглая молодая хантыйка была там и радисткой, и начальником почтового отделения, и заведующей сберкассой, и, судя по приготовленному ведру с тряпкой, уборщицей.

— У вас не телеграмма? — сдвинув наушники, спросила она.

— Да, телеграмма.

— Тогда берите бланк, пишите, пока не кончился радиосеанс.

Росин быстро написал телеграмму.

— «Место обследования выбрал, — вслух читала радистка. — Отправляюсь Черный материк двести километров северо-восточнее Тарьёгана. Росин».

Глава вторая

Утром, чуть рассвело, вышли из дома. От реки тянуло свежестью. Вода не шелохнется. В деревне еще спали. Только собаки, как замшелые пни, расселись по берегу и безучастно смотрели на реку.

Все снаряжение в лодке. Наталья, прощаясь, наказывала Федору не мешкать в тайге. Дескать, пока орехи не спели, крышу поладить надо.

— Не замешкаюсь, управимся с крышей, — отвечал он и давал свои нехитрые наказы, в которых, кажется, главное было — не спускать Югана, чтобы не ушел за лодкой в тайгу.

— Ну, путь добрый! — Наталья поклонилась. — Ба! Что же я в руках-то держу, — спохватилась она и заставила Федора взять узелок с испеченными накануне пирогами.

Федор оттолкнулся от берега веслом, и маленькая долбленая лодка легко заскользила по спокойной воде.

На Федоре была поседевшая от времени рубаха, такие же штаны, на боку большой охотничий нож в берестяных ножнах. В лодке лежала выдавшая виды одностволка, как обычно у промысловиков, небольшого калибра.

Росин был в новенькой гимнастерке, в брюках из «чертовой кожи». На голове коричневый берет. Через плечо в кожаном футлярчике фотоаппарат. В лодке объемистый зеленый рюкзак с блестящими пряжками. На нем двуствольное бескурковое ружье двенадцатого калибра.

Свежий речной воздух заполнял грудь. Над головой было чистое небо, и только вдали на горизонте тянулась полоска ярких белых облаков. Эти далекие облака подчеркивали тот радостный простор, ту

необъятную ширь, в которую плыла их лодка. Легкая долбленка неслась так, что у носа появились буруны.

— Видно, держал весло в руках?

— Приходилось.

— У приезжих это не часто. Другой в долбленку и сесть не смеет. А сядет — зараз носом в реку. Ты только не рви веслом воду, не спеши: устанешь скоро. А нам весь день грести. Таперича дней пять только и делать, что грести. А там еще и на себе тащить придется.

Деревушка пропала за поворотом» но среди сосен виднелись низкие шалаши в два-три венца с двускатной берестяной крышей, какие-то сосуды, старые нарты, лыжи, истлевшая одежда.

— Это что такое? — Росин приподнялся в лодке.

— Хантыйское кладбище.

— Как же хоронят в этих шалашах?

— Да не сейчас ведь, раньше. Тогда и гроб не делали. Отпилят у долбленой лодки корму и нос, в нее и кладут. Чуть землю покопают, а сверху этот шалаш. Старухи по праздникам и кормить, и поить покойников ходили...

За кладбищем по берегам пошел кедрач и ельник. Причудливые корни вывороченных деревьев были похожи на сказочные существа, хранящие тишину тайги. Тут поневоле не плеснешь веслом. Все настороженно, тихо, и казалось, вот-вот из-за коряг появится медвежья морда.

Справа берег обрамляла длинная полоса желтого песка, слева до самой воды спускались заросли травы и кустарника.

— На карте Тарьёган — последний населенный пункт на этой реке, — сказал Росин. — Никаких селений больше не будет?

— В эту сторону не будет. Старое зимовье только. Тринадцать песков отсюда.

— Каких песков?

— А вот видишь, по одну сторону песок тянется. По другую нету. Повернет река — песок на ту сторону перейдет. Так тринадцать раз переменится песок берегом — и будет зимовье. Мы по рекам все песками мерим.

— Как же ими мерить? Один песок на двести метров, Другой километра на два тянется.

— Это верно. Однако реки наши никто не мерил, верстовых столбов нету. Как скажешь, к примеру, где старое зимовье? У тринадцатого песка. Где кедрач хороший начинается? У осьмнадцатого песка. Ты не гляди — пески разные. Это если один с одним мерить. А десяток с десятком — на одно и выйдет.

— Я когда-то думал, тут кедры одни, пихты, лиственницы, елки с соснами. А здесь вон сколько берез, — сказал Вадим.

— Как же без березы? Она тут для всего нужна: на нарты, топорища, ручки, да мало ли... А что тебя по охотницкому делу учиться заставило? — неожиданно спросил Федор. — Что там у вас, под Москвой, охота шибко хорошая? Отец-то не охотой промышлял?

— Нет, не охотой! — Росин засмеялся. — Он у меня слесарем был. А в лес, правда, каждое воскресенье ходил. И меня другой раз брал. Я тогда еще в школе не учился. Вот, наверное, с того времени и привык к лесам. Потом все свободное время в лесу пропадал. Товарищ у меня — Димка, так нас с ним матери с фонарями ночью разыскивали. В каникулы с темна до темна в лесу. Охотились с луками. Ничего не убивали, конечно. А потом, в войну, ружье после отца досталось. Так вот и привык к лесу, и в институт такой поступил. А Димка ихтиологом стал, рыб изучает.

Росин помолчал, улыбнулся своим мыслям, потом продолжал:

— Мы с ним еще в четвертом классе путешественниками хотели стать. Потом узнали, что

просто путешественников, без специальности, не бывает. Решили стать биологами. А позже, классе в девятом, оказалось, что и в биологии выбирать надо. Вот и выбрали... Так что, можно сказать, с детства мечта.

— А не наскучит по урманам-то мотаться?

— Тебе же вот не наскучило.

— Я привычный. А надоест если, тогда что?

Росин усмехнулся:

— В канцелярию сесть можно, в «табуретный рай», как у нас говорили. Туда и с нашей специальностью можно.

— Ну а женишься? Все одно, так и будешь в тайге? А она как?

— В экспедициях врачи тоже нужны... Федор, а это ведь тринадцатый песок.

— Вон и зимовье. — Федор кивнул на груды зеленых ото мха полуистлевших бревен. — Однако время чай варить.

Лодка прошуршала носом по песку и остановилась. Росин вылез, подтащил лодку подальше на берег. Достал из кармана блокнот с привязанным к нему карандашом и начал писать.

Синеватый дымок змейкой потянулся кверху — Федор разжег костер. Подвесил над ними отчищенный Натальей котелок, притащил из лодки мешок с продуктами, расстелил чистую полотняную тряпицу, поставил на нее кружки, положил хлеб.

— Полно писать-то, чай готов. Попьем — и дальше.

Росин подсел к Федору, взял кружку и с удовольствием начал потягивать пахнущий дымком чай...

— Ты допивай, а я вытаскивать пойду.

— Чего? — не понял Росин.

— Из лодки все. Тут перетаска.

Оказалось, река делала петлю, и с давних пор здесь перетаскивали грузы и лодки посуху, чтобы скоротать верст двадцать.

Сначала понесли лодку.

Валежник, растопыренные шишки, дорожки муравьев — совсем не часто ходили тут люди. По сторонам вперемежку и сосны, и ели, и кедры. А вот пихта. Деревья всех возрастов. И старые — в обхват, и вовсе молодые — чуть от земли.

Неожиданно тропинка нырнула вниз, прямо в темную от нависших ветвей воду.

— Смотри-ка, Федор!

На сосне, на виду у всех, кто пройдет этой тропкой, висело хорошо смазанное ружье.

— Ты чего по сторонам смотришь? — спросил Федор.

— Смотрю — есть, что ли, кто поблизости?

— Нет, паря, никого. Это с нашей деревни ханта берданка. Пойдет на промысел — возьмет. Потто ее в деревню таскать.

— А не получится: придет, а ружья нет?

— Куда же денется? — засмеялся Федор.

— А возьмет кто-нибудь! Ведь народ всякий бывает.

— Нет, свои не возьмут, а чужого народа здесь нету.

А вон, гляди, береста — там у него припас патронов схоронен. Идем, что тут стоять.

Вот уже сколько раз встречался Росин и раньше, и тут, в Тарьёгане, с этой простотой нравов, с полнейшим доверием хантов. Но это всегда удивляло его. А теперь особенно. И как же не удивляться: даже ружье можно хранить в лесу, на сучке, так же надежно, как дома.

Вскоре представился случай еще раз убедиться, как верны здесь люди своим обычаям. После недолгого отдыха, когда опять легко работалось веслом и отплыли уже километра два, Федор вдруг спохватился:

— Обожди-ка. Давай к берегу! Забыл на стоянке. Вернуться нужно.

Еще не поняв, в чем дело, Росин вылез на берег и принял у Федора вещи.

— Ты погоди здесь, на порожней-то мигом обернись.

Федор сильно оттолкнулся веслом, и долбленка быстро заскользила по течению.

— Да чего ты забыл?! — крикнул Росин.

— Забыл...

«Чего забыл? Таган, кажется, сказал. Какой таган? Вроде никакого и не было», — подумал Росин и, устроившись поудобнее на берегу, опять достал свой блокнот.

В стороне что-то зашуршало, Росин взглянул туда. От берега отвалился кусок земли и, рассыпаясь, покатился вниз...

Росину всегда было приятно видеть такое: и как посыпалась сама по себе земля с берега, и как на твоих глазах упала ветка с дерева. В такие минуты начинаешь чувствовать, что ты опять стал своим в тайге, она перестала тебя дичиться и открывает тайны до этого загадочных шорохов и звуков.

Темно-бурая с белыми крапинками птица размером чуть меньше галки села на елку.

Кедровка. Росин сидел неподвижно, и, не опасаясь его, птица перепорхнула к стволу и забралась в гнездо. «Как обычно, с южной стороны устроила», — отметил Росин и уткнулся в блокнот.

Не успел исписать и трех страниц, а Федор уже вернулся.

— Ты чего забыл? — спросил Росин, заглядывая в лодку. Но в лодке пусто.

— Таган поставить забыл.

— Какой таган?

— На который котелок вешали.

— Да мы же его на обыкновенную палку вешали.

— Таган эту палку зовут.

— Зачем тебе она? Неужели на другом месте нельзя еще срезать? Покажи, что за палка, ради которой стоило два километра туда и обратно ездить.

— Обыкновенная палка, с зарубкой для котелка.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Росин. — Зачем же ты ездил?

— Мы, как с места снимались, забыли таган в землю воткнуть. Ты котелок снял — таган бросил. А у хантов обычай: уходишь — не бросай на землю, воткни рядом с костром, чтобы другим на новый время не тратить и деревца не губить. По этому тагану и место для привала с реки заметить можно. Я, паря, с рождения среди этих людей, и нарушать их обычай мне не пристало...

Говорил Федор всегда ровно, спокойно. В нем сразу угадывался человек, который не может таить зло. От его открытого взгляда, мягкого, спокойного голоса, несуетливых движений исходили умиротворение и спокойствие.

Песок за песком оставались позади лодки. Солнце уже низко. Побаливали от работы руки. Река петляла: то справа солнце, то слева, то сзади...

Высокий желтый яр подковой охватил плес. В вышине, на яру, красными колоннами уходили ввысь стволы могучих сосен, и казалось, за их вершины зацепились пенно-белые облака.

— А ты в Калинин не бывал ли? — неожиданно спросил Федор.

— Бывал. А что?

— Посмотреть охота. Ведь я вроде бы тверской.

— А в Сибирь как же попал?

— Дед сюда в кандалах пришел... Подальше надо от яра. — И Федор повернул лодку. — Тут то осыпь, то сосна. Бывает, грохнется.

Вдруг как гром загремел над берегом. Это тысячекрылая стая гусей тучей поднялась над

прибрежной поляной. Бросив в лодку весло, Росин торопливо щелкал фотоаппаратом. Федор что-то кричал, но Росин не слышал его: слишком велик этот шум.

— В тундру, сказываю, летят! Там, поди, лед еще, так они пережидают.

Растянувшись широкой полосой, гуси полетели вверх по реке.

За яром берег был сплошь завален мертвыми деревьями.

— Помнишь, на собрании про Дикий урман сказывали? Вот здесь река на два протока расшибается. Один как раз к урману пошел. — Федор кивнул в сторону захламленного мертвыми деревьями берега.

— Где же там проток? Гора бурелома, и все.

— Сразу не углядишь. Давай поближе подчалим. Осторожно, чтобы не ткнуться в полузатопленные деревья, Федор подвел лодку к завалу. Между нагромождениями бурелома хорошо было видно что-то вроде грота.

— Сюда протолкаешься и попадешь в проток. Километров триста до урмана. Это по речке. Напрямую, ясно, ближе. Только прямо не пройдешь: болота. А места там богатые. Кедрачи добрые. Валежника — ногу сломишь. Для ваших соболей лучшего места не найти.

— Да, но большинство решило, что Черный материк самое удобное место, — ответил Росин, продолжая с интересом рассматривать необычный грот.

— Оно верно, самое удобное. Ни завалов, ни болот. И соболей туда на катере подвезти можно. А в Дикий урман на нашей лодчонке не во всякую пору пробьешься. У нас по этому протоку ни охотник, ни рыбак не плавает. Редко, кто по молодости, удаль вроде свою показать. И я как-то пробрался... Жаль, вот туда и зимой несподручно. Пешком — далече, на оленях тоже

нельзя: мха там для них нету, кормить нечем. А то бы лучшие места для ваших соболей. Все так говорили.

— Как все? А сколько на собрании спорящих было? И надо полагать, большинство за Черный материк высказалось, коли нас туда направили.

— Не о том спорили. Худо вот, по-хантыйски не понимаешь. Ведь о чем спор: можно в Дикий соболей отвезти али нет? Кабы решили, можно, почто бы в Черный материк идти. Разве с Диким урманом сравнишь.

— Неужели спорили только о том, можно ли приехать? Да ведь мы же соболей на самолетах отправим. Прямо на место. Зимой каждое озеро—аэродром. Ведь озера там есть.

— Озер хватает. Вся наша тайга озерами да болотами изъедена... Вон, значит, как: по воздуху соболя прилетят. Хитро. Тогда, паря, только в Дикий урман надо. Почто кое-как делать, когда хорошо можно.

Росин в сердцах оттолкнулся веслом от топляка и направил лодку к берегу.

— Ведь я же просил собрание указать мне лучшие массивы кедрача, и все! Какое им дело, можно туда проехать или нет?

— Как же так, какое? Для нас делается, для промысловиков. А какой нам прок, если ты место поглядишь, а соболей подвезти нельзя? Вот и решили: пускай место будет похуже, зато соболей подвезти можно. А что они по воздуху прилететь могут, никому невдомек. У нас по воздуху только почта летает да доктор иной раз... А чего сердиться, вот она, дорога в урман. Повернем туда.

Росин достал карту.

Это уже будет край Васюганских болот... Перепад воды метр на сто километров. И там, значит, этот урман?.. — в раздумье говорил Росин. — Но ведь я сообщил в управление, что отправляемся в Черный

материк. К середине июля должны вернуться. А успеем мы к этому сроку вернуться из Дикого урмана?

— В июле, однако, вернемся... Обязательно надо, пока вода не сбудет. Спадет, там уже не проплывешь... А пешком болота не пустят. Поторопимся... А если письмо отправить надо, так завтра утром отправим. У нас тут своя почта. Верно, не шибко быстрая. Да тебе и не к спеху.

Федор завернул письмо в бересту, очистил от коры длинную палку и заострил с одного конца.

— Ну, вот и все.

Воткнул палку в берег, а в расщеп вверх вставил завернутое в бересту письмо.

— Рыбак какой-нибудь заметит — заберет на почту.

Белая береста ярко выделялась на темно-сером фоне бурелома.

— Ну что ж, теперь можно и в Дикий урман, — сказал Росин. — Федор, а что это за затеска? Вон, на пихте.

— Охотник собаку звал.

Федор вытащил из-за пояса топор и обухом с силой ударил по затеске. Глухо, но мощно, как тяжелый колокол, загудела от удара пихта... Верно: удобно звать собаку — далеко слышно.

Глава третья

Лодка так же легко, как по реке, заскользила и по протоку. Плыли будто по ущелью, только по сторонам не скалы, а высокая кедровая тайга...

Но с каждым поворотом кедровый становился все ниже, и вскоре лодка выплыла на открытую равнину. Впереди простиралось в туманной сини обширное болото, поросшее молодым, только поднявшимся хвощом. Местами торчали редкие, чахлые сосенки. То здесь, то там, вытянув длинные шеи, перелетали утки.

Сколько Росин ни греб, все те же берега, все тот же хвощ, все те же, казалось, сосенки...

Но как ни велико болото, есть край и у него... Опять по сторонам встали деревья. Тут прямо не пробьешься: запетлял проток. Накренились над ним подмытые водой ели.

Все уже полоса чистой воды. Ее сжимали заросли кубышек. Их желтые цветы и круглые ременчатые листья стояли неподвижно. Торчали покрытые зеленой слизью топляки. Густые ветви скупно пропускали солнце.

На куст ивняка вспорхнул рябчик. Чуть пригнув хохлатую головку, посвистел соседу на той стороне речки.

— Началось. — Федор кивком головы указал вперед.

Поперек протока высилась целая баррикада из старых, с опавшей корой деревьев. С торчащих, как рога, сучьев свисали космы выцветших водорослей.

— На берег выбираться надо. Смотри, как накрестило.

— Да и там не лучше, — отозвался Росин.

— Там хоть под ногами твердо. Выгружай, на руках лодку перетаскивать будем.

— Смотри-ка, Федор, дальше еще завал! — удивился Росин.

— Теперь всю дорогу так будет, недели полторы. И еще, однако, хуже. Не забоишься?

— Ну что ты!

— Как знаешь. погоди уж, не опускай лодку, потащим сразу за другой завал. Остерегайся, на сучья не напорись.

Что-то мелькнуло сбоку. На кривой внизу ствол березы прыгнул горноста́й. По шероховатой коре он легко взобрался метра на два, и теперь из-за ствола выглядывала любопытная мордочка. Росин опустил лодку и побежал к березке. Горноста́й с проворством белки взобрался вверх и был уже в кроне дерева. Росин поправил ремешок фотоаппарата и полез на березу. Подобрался к горностаю почти вплотную: протяни руку — и достанешь. Обхватив ногами ствол, Росин освободил руки и навел фотоаппарат на зверька. Горноста́й настороженно смотрел в объектив и вдруг бросился в лицо. Росин чуть не свалился с дерева, а горноста́й, проскочив возле уха, уже сидел на конце дальней ветки. Росин опять навел фотоаппарат и сделал несколько снимков.

Около березы под старым гнилым пнем была нора. Где-то там, в глубине, под корнями, гнездо, выстланное перьями птиц, шкурками и шерстью съеденных горностаем мышей и полевок. Может быть, там уже были маленькие горноста́йчики. Чтобы не тревожить больше зверька, Росин поспешил уйти. Лодку спустили на воду... Несколько гребков веслом — и за поворотом еще завал. А уж за ним проток, казалось, сплошь завален деревьями.

— Так только кажется. Кое-где и там понемногу плыть можно, — подбадривал Федор.

Проталкиваясь между стволами, медленно двигалась лодка.

Вот оба вылезли на дерево, лежавшее поперек протока, и под ним протолкнули лодку.

Но дальше завал — не протолкнешь. И берега крутые.

— Придется, паря, за топоры.

Вместе со щепками летели брызги. Ухало в воду одно бревно, вздрагивало под ударами топоров другое... Лодка постепенно уходила в прорубленное окно, как под мост. Теперь уже рубил только стоящий на носу Росин. Федор сидел на корме и, ухватившись за бревна, держал лодку. Ухнуло в воду очередное бревно, и весь завал над головой неожиданно шевельнулся, осел. Оба инстинктивно сжались... Но завал не обрушился.

С опаской посматривая вверх на толстенные валежины, Федор вытолкнул лодку назад. Не спеша закурил, внимательно осматривая завал. Росин положил топор и, растерянно улыбаясь, смотрел то на Федора, то на завал.

— Дай-ка топор, — попросил Федор. — У меня, поди, навыка-то поболее.

Прежде чем рубить, Федор долго осматривал, даже ощупывал каждое дерево... И все кончилось хорошо. Долбленка выплыла из-под завала с другой стороны.

— Так, паря, прорубились, теперь маленько поплывем.

Проток превратился в кладбище лесных великанов. Вековой кедр, поваленный ветром и временем, перегородил собой речку, падавшие деревья сносило течением и прижимало к его корявому стволу. Весеннее половодье приносило бурелом, и так из года в год рос огромный завал. В иных завалах деревья лежали так плотно, что даже солнце не могло пробиться к воде. Вода под ними казалась черной, и из темной глубины изредка показывались громадные полосатые окуни, караулившие добычу среди обглоданных сучьев.

— Опять прорубаться будем?

— Нешто этот прорубишь! Берегом тащить придется. Давай как-нибудь вылезай.

Росин по завалу выбрался на берег. Придерживаясь одной рукой за ветку ивняка, другой брал у Федора вещи и складывал на землю.

Синица-гаичка прыгала по веткам березки, осматривала наросты лишайника, заглядывала в торцы сломанных сучков, в развилки веток.

— Слышишь, бурундуки заговорили? По всей тайге. К дождю, — сказал Федор, подавая рюкзак.

На берегу, на поваленном дереве, сидел на задних лапках нахохлившийся полосатый бурундучок и время от времени трунгал, не обращая внимания на людей. Росин давно уже, к неудовольствию Федора, наводил на бурундука фотоаппарат то с одной, то с другой стороны.

Лодку приходилось то поднимать над головой и протаскивать поверх сучьев, то проталкивать по земле в просвет под завалом, а то просто тащить на спине, обдирая о сучья лицо и руки. Росину к тому же надо было стараться не задевать за сучья фотоаппаратом.

Все на Федоре было уже не один сезон ношено. И эти посеревшие от дождей брюки, и эта линялая, примявшаяся по костям рубаха. Только бродни совсем новые. И он вроде жалел их, старался получше выбирать дорогу.

...За тучами не видно, село ли солнце. Но по сгустившемуся в тайге сумраку чувствовалось: пора готовиться к ночлегу. Небо изредка освещали молнии. Погромыхивал гром.

— На нас туча накатывается. — Федор покосился на небо и туже натянул брезент на остов шалаша.

Росин сел на валежину. Как обычно, в последнее время по вечерам было немножко грустно. «Вернусь из

тайги, напишу отчет и обязательно, хотя бы денька на два, в Москву, к Оле... А потом снова в урманы можно...»

Молнии сверкали все чаще, ярче и ближе — то трещиной, то разветвленным корнем, то сплошной вспышкой. Грохот — даже в ушах звенело. Вдруг в самой толще тучи вспыхнул слепящий зелено-белый огонь. Через мгновение погас, но туча еще горела каким-то жутким, фосфорическим зеленым светом.

Ударили по брезенту упругие струи дождя. С новой силой рвали ночь синеватые вспышки. Деревья, протока, трава высвечивались из кромешной тьмы, видениями незнакомого мира.

Ветер метался в вершинах. То тут, то там раздавался треск ломающихся стволов, шум падающих деревьев.

— С таким ветром дождь недолго будет, — проговорил Федор, удобнее укладываясь в шалаше.

Росин лежал на ворохе травы и слушал, как гибли деревья. Но усталость взяла свое... И вскоре он уже не слышал ни шума ветра, ни треска ломающихся стволов, ни громовых раскатов...

Среди ночи разбудил Федор:

— Гарью что-то пахнет.

Путаясь в брезенте, вслед за Федором Росин выбрался из шалаша. Одна сторона неба была озарена густо-красным заревом.

— Ну и подыхает.

— И тайга горит. На нашей речке, однако, откуда вчера свернули. Вечор там пуще, чем тут, сверкало... И насверкало... Сюда бы огонь не повернул.

— Мы же на реке. Чего бояться?

— Ишь ты, река! Тут на обоих берегаххватишь лиха.

— Да от нас до пожара километров тридцать.

— Меньше, однако. Да хоть бы и так. А верховой пожар в ночь до двухсот верст проходит. От него и зверь уйти не может, хоть загодя чует, белки на лету

горят... Однако ветер от нас заворачивает. Иди досыпать.

Федор угрюмо смотрел на колышущееся зарево. Гибла тайга, и он бессилён был помочь ей. Он хорошо знал те места, и для него пожар был личным горем.

...Росину казалось — только положил голову на охапку травы, а Федор уже тормозил:

— Вставай. Светло.

Под мокрым брезентом не хотелось даже шевелиться, но надо вставать.

Утренний туман курился над речкой. Росин укладывал в лодку снятый с остова брезент, Федор нес к ней мешок и ружья.

— Смотри-ка, — прошептал Федор, глазами показывая на ту сторону протока. Там, среди поднявшейся травы, лосиха лизала большеухого рыжего лосенка. Он неуклюже расставил длинные, еще непослушные ноги. Увидев людей, лосиха подтолкнула его мордой и потихоньку, чтобы не отстал, побежала в заросли ивняка. Росин пожалел, что еще мало света, нельзя фотографировать.

Над сонной водой застучали топоры.

— Прибавила, паря, гроза работы. Гляди, по реке сколько свежих деревьев за ночь подвалила.

— Ничего, пробьемся.

Над головой прошумели мощные крылья. Неподалеку, на вершину кедра, сел глухарь. Росин потянулся за ружьем.

— Обожди, рано, — остановил Федор, хотя до кедра было не больше сорока шагов. Неторопливо протолкал лодку к самому кедру.

Глухарь вытягивал шею, ворочал головой и смотрел вниз. Ни тени страха, только любопытство.

— Почто не стреляешь? — удивился Федор, глядя, как Росин, поцелившись, опустил ружье.

— Это не охота. Все равно что домашнего петуха пристрелить. Никакого интереса. Ведь мясо есть пока.

— Да уж можно бы и подзапастись.

— Такого через завалы таскать не согласишься.

Росин замахнулся на глухаря и свистнул.

Ко, ко, ко! — тревожно заклокотал глухарь и переступил на ветке. Ветка закачалась, глухарь потерял равновесие, замахал крыльями, но не удержался и полетел.

— Ну и в дебри ты меня завел. Глухаря не прогонишь, пока сам не свалится.

Вдруг Росин махнул ружьем и, кажется, не успел даже приложить к плечу, а раздались два быстрых выстрела. Федор краем глаза видел: что-то мелькнуло над головой.

— Давай к берегу, — сказал Росин. Быстро выскочил и вскоре принес из ивняка пару маленьких чирков-свистунков.

— Ловко, паря! Мастер стрелять. Я в тумане и усмотреть не успел.

— Вот этих легче таскать. Да они и вкуснее.

Кедрач отступил, и в низине, как засыпанные снегом, показались заросли черемухи. Не сломлена ни одна ветка. Только для себя цветет тут черемуха. Все заливал пьянящий запах, особенный, смешанный с запахом кедров.

Но дальше опять сдвинули берега, и опять в протоке хаос мертвых деревьев.

Руки уже привычными движениями то вынимали из лодки вещи, то снова укладывали.

Только на редких болотах отдых. Уж там ни завала, плыви да плыви, смотри, как перелетают с места на место утки, как бегают по мелкой воде кулички, как солнце дробится в ряби болотных окон.

Но не каждый день попадались болота, и потому под вечер обычно не держали ноги.

Едва только останавливались на привал, Федор уже собирал хворост, обламывал тонкие веточки с засохших еловых лап, клал их под хворост и с первой спички разжигал костер. Огонь тут же охватывал сухие ветки, и, пока Росин развязал мешок с продуктами, у Федора уже пылал жаркий, почти без дыма, костер. Котелок всегда висел там, где было как раз столько жара, чтобы в нем хорошо кипело, но не переливалось через край. Готовил Федор мастерски: и быстро, и, главное, уж очень вкусно. Дымилась уха из окуньков, которых Федор таскал прямо из-под берега, шумел чай, заваренный погуще, чтобы не пах древесной прелью.

Потом упругая постель из веток, и ночью приятный сюрприз: увидели, как напротив, в речке, купались выдры. Они ныряли, кувыркались в воде, ловили один другого за хвост, ловили свои хвосты. Наигравшись, начинали свистеть, призывая мать. Выдра накормила их рыбой, и выдры пропали под берегом: ушли спать. А выдра бесшумно вылезла из воды и принялась кататься в траве. Каталась она довольно долго, а потом старательно вылизывала шерсть.

Теперь проток с каждым днем становился уже. Над головой сцепились ветки ивняка, растущего на обоих берегах. Лодка плыла, как в зеленом тоннеле.

Поперек протока, почти касаясь воды, лежало толстое бревно. Федор направил лодку к берегу и вылез. Вылез и Росин, собираясь разгрузить лодку.

— Подожди, — остановил его Федор, — сейчас подниму, а ты протолкни долбленку.

— Это бревно поднимешь? — удивился Росин. Не отвечая, Федор взялся за комель и медленно выпрямился, приподняв бревно. Росин торопливо протолкнул лодку. Федор там же медленно опустил бревно на место. Росин подошел к бревну и тоже попробовал поднять. Куда там! Даже не шелохнулось. А

ведь в институте с нормой третьего разряда по штанге справлялся без всяких тренировок.

Вскоре не стало и тоннеля. Проток обмелел, и посреди него кустарник рос так же буйно, как по берегам. Лодку тянули бечевой. Росин грудью напирал на веревочную лямку, а Федор лез впереди, прорубая узкий проход в ивняке. Поперек протянулся довольно толстый сук. Федор поднял руку, без всякого усилия повернул его. Крепкий сук хрустнул, как будто тонкая хворостина.

Под водой то и дело попадались трясины, ямы. Провалившись в одну, Федор чуть не утопил топор.

— Давай лучше стороной, посуху потянем.

Но и тут не легче: заросли старого тростника, малинника, молодой крапивы. Заросшие мхом, перепутанные поседевшими травами буреломы и здесь вставали поперек пути. От пота саднило глаза, горели натертые грудь и плечи.

Федор предложил:

— Отдохнем малость.

Росин сел на нос лодки и, как всегда в свободные минуты, достал блокнот.

Федор сидел, привалившись спиной к валежине, и смотрел на заросшего щетиной Росина.

— Что ты все пишешь?

— Места здесь хорошие. Записываю, что бобров на вашей речке поселить можно: ивняка по берегам много, осинника. Берега в большинстве случаев для нор пригодны. И ондатра тут приживется: заросших стариц, озер много. В общем, пока до Дикого урмана доберемся, два попутных обследования сделаю: под выпуск бобров и ондатры.

Со лба на блокнот упали капельки пота. «Да, — подумал Федор, — эту работу только за деньги не сделаешь. Еще шибко тайгу уважать надо».

— Вставай, однако. Нужно по большой воде
обернуться, а то ведь ни проплыть, ни пройти будет.

Глава четвертая

Федор обернулся, приподнял руку.

— Тише...

— Что?

— Конец, отмаялись! Слышишь, чайки кричат? На озере. Тут их два: одно поменьше, другое большое. Щучьим прозвано. За Щучьим и Дикий урман.

И вот наконец лодчонка, добела истертая о траву и стволы деревьев, легко заскользила по чистой воде. Теперь работа веслом казалась уж слишком легкой. Долбленка быстро пересекла маленькое озерцо, прошла проток и заскользила по свинцово-серой воде Щучьего озера.

— Ишь вода-то, как в ложке, не шелохнется, — сказал Федор.

На залитых солнцем берегах желтыми сережками цвела ива. Издали казалось, что это и не кусты, а высокие стога.

Вспугнутые лодкой утки, чуть пролетев, тут же плюхались на воду и как ни в чем не бывало продолжали заниматься своими утиными делами. Красноголовые нырки подпускали почти вплотную. Фотографируя их, Росин израсходовал не одну пленку.

— Сюда бы наших подмосковных охотников. Они бы приучили их к порядку! — Росин засмеялся, провожая взглядом чирка, взлетевшего почти из-под весла.

Федор положил весло и достал из котомки небольшую дощечку с намотанным на нее прочным пеньковым шпагатом. Шпагат, чуть ли не с карандаш толщиной, оказался леской. На конце ее блестели самодельная блесна и крючок. Казалось, такая приманка не поместится ни в одной щучьей пасти. Но

блесна и крючок были отшлифованы о траву и воду. Видно, владелец уже не один год пользовался ими.

— Эту еще ни одна щука не обрывала, — довольно заметил Федор, увидев, с каким изумлением Росин рассматривает леску.

Блесна сверкнула желтой медью и скрылась в воде позади лодки.

Федор взял леску в зубы, перекинул за ухо и снова принялся грести.

Кое-где по озеру зеленели пучки молоденького тростника. Глубина под лодкой была вряд ли больше полутора метров, но длинный кол не доставал дна, легко уходя в толстый слой жидкого ила.

— Рыбы тут — как в садке, — не выпуская из зубов лески, проговорил Федор.. — Тут ее только птицы ловят.

Федор хотел сказать еще что-то, но леску сорвало с уха, он бросил весло и, быстро перебирая руками, стал подтягивать добычу к лодке. Рыба упорно сопротивлялась, но Федор, не обращая внимания на рывки, тянул леску, благо надеялся на прочность снасти. Всплеснув водой, в лодку ввалилась большая зеленая щука. В ней было никак не меньше пяти килограммов. Она шевелила жабрами и разевала зубастую пасть, стараясь освободиться от крючка. Федор потянулся было к блесне, но тут же отпрянул: щука бешено забилась, подпрыгивая и ударяя хвостом по борту. Только удар веслом заставил ее затихнуть.

Росин достал небольшую рулетку, смерил щуку. Потом в маленький пакетик положил несколько чешуек и сделал пометку в блокноте.

— Почто тебе это? — заинтересовался Федор.

— Димка просил. Я тебе говорил — ихтиолог. Для него и меряю. А по чешуе он возраст определит.

Блесна снова играла позади лодки. Раззадоренный быстрой удачей, Росин не спускал глаз с лески. Но она

свободно тащилась за лодкой, только изредка напрасно настораживала, цепляясь за траву.

Скоро не стало и этих слабых рывков — лодка вышла на глубину. Тут уже не было ни торчащих из воды тростников, ни камышей. Перед глазами только зеленоватая вода большого озера. А дальше, у самого горизонта, темно-синяя полоса леса.

— Вот это и есть Дикий урман, — сказал Федор. — Теперь, пожалуй, скоро не возьмет: далече от берега. — Он накрепко привязал леску к лодке и взялся за весло.

Над озером, высматривая добычу, летела скопа. Кричали и кружились чайки. Маленькие острокрылые крачки держались ближе к берегу. Заметив рыбешку, они с разлету бросались вниз, бесстрашно врезаясь головой в воду. Одна за другой проносились парочки уток.

— Ишь, крылья звенят, как колокольцы. Гоголи. — Федор проводил глазами утиную стайку.

Все дальше один берег, все ближе другой. Росин и Федор уже хорошо видели полосу тростников, обрамлявшую берег возле урмана. У этой полосы плавали и взлетали утки. Птиц почти не было видно, только блестящие на солнце круги воды указывали место, где они поднимались или садились... Но вот круги стали едва заметны: темное и грозное облако закрыло солнце. Над озером, нагоняя рябь, потянул легкий, но уверенный ветерок.

— Вовремя успели, — сказал Федор. — Теперь до большой волны в тростник забьемся. Только подналечь надо. Ишь, облако настоялось. Давненько на него посматриваю. Будет...

Он не договорил. Долбленку резко дернуло в сторону. Федор бросил весло и схватился за гудящую леску.

— Правь леской! Такого черта скоро не возьмешь! На крючке была какая-то очень крупная рыба. Леска

стремительно резала воду, металась из стороны в сторону. Росин, изо всех сил налегая на весло, едва успевал смягчить рывки.

— Не леска — веревка, а того и гляди, лопнет! — кричал он Федору.

То слева, то справа рассекала леска воду. Но вот натянулась впереди и так потащила лодку, что вода закипела у носа.

— Вот это штука! Вот кого бы тебе измерить, — говорил Федор, удерживая снасть обеими руками.

Леска ослабла... Натянулась снова... Опять ослабла.

— Выдыхается. Попробуй подтянуть, — предложил Росин.

Федор тронул на себя леску. Она тут же вырвалась из рук и рванула лодку. Долбленка черпнула бортом.

— Гребите по ходу! — крикнул Федор.

Росин быстро заработал веслом.

— Кто же это? — удивился он, выправив лодку по ходу.

— Щука, должно быть. Кто же еще? Другой такой рыбы здесь нету. Ишь дергает! Перевернет, проклятущая. Не давай дергать: гребите, да не очень, пусть сама тянет. Не сом — быстро выдохнется. Измотаем — возьмем.

На мгновение показался плавник. Раскрывшись, как большой зеленый веер, он тут же ушел в воду, оставив над собой бурун.

Леска натянулась, как струна, резко пошла в сторону. Росин круто развернул лодку и поставил по ходу. От рывка откинулись назад. Опять зашумела у носа вода. Но снова леска в сторону. Удар веслом. А леска уже пошла к корме. Росин крутил долбленку на месте, окатывал себя и Федора снопами брызг.

А в борт уже били на глазах растущие волны.

— Гляди, как подуло. — Федор показал головой. — Ишь, волны заворочались. Вон уж барашки замелькали.

Не бросить ли? Смотри, куда утянула от берега.

— Что ты, Федор? Она для науки нужна. Таких ведь не часто встретишь. Неужели не вытянем?

Леска опять ослабла. Росин осторожно, опуская в воду весло, направил лодку вперед. Федор потихоньку, не натягивая, выбирал леску. Подталкиваемая волнами лодка подходила к невидимой в воде щуке. Вот уже показалась красная сигнальная тряпочка, привязанная неподалеку от крючка. Люди впились глазами в воду. Но волны мешали хоть что-нибудь рассмотреть. Росин еще раз опустил весло, Федор подобрал слабину, и голова чудовища показалась у борта. Росин замер от изумления. Судя по этой башке, щука не меньше двух метров! Федор крепче сжал леску и глазами показал на ружье. Росин, сдерживая дыхание, положил весло и потянулся к ружью. Весло соскользнуло с борта, стукнуло о дно, щука метнулась вглубь, лодку рвануло!.. И через секунду оба барахтались в почти ледяной воде.

Одежда тянула ко дну. Волны накрывали, не давая вдохнуть. Перевернутая лодка мелькнула раз, мелькнула другой и скрылась в волнах. Видно, щука оттащила в сторону.

— Доплывешь ли? — крикнул Федор.

— Плыви, плыви! — отозвался Росин, кое-как избавляясь от тяжелых сапог.

Берег то показывался, то скрывался в волнах. Ветер дул навстречу. Вода набиралась в рот, в нос, хлестала по глазам, а берег, казалось, не приближался. От холода деревенело тело. В любой момент судорога могла свести ноги, и тогда все.

Росин оглянулся. Голова Федора мелькала среди волн.

Холодная вода и напор волн быстро отнимали силы. Пытаясь передохнуть, Росин перевернулся на спину, но волна тут же захлестнула его, заставив хлебнуть воды.

Росин оглянулся — позади зеленая колыхающаяся вода. Федора не было.

«Неужели... Не может быть!»

А волны сразу стали злее...

— Федор! Федор!

В ответ только шум темно-зеленых бурунов. Руки и ноги как чужие, вот-вот откажут. «Уж если смерть, то должно случиться что-то особенное, а тут просто-напросто перевернулась лодка, и из-за этого меня может не стать. Погибнуть так нелепо, в каком-то озере, за сотни километров от людей. Нет!» И он из последних сил продолжал плыть.

А ветер крепчал, подхватывал с волн пену и рвал ее в клочья.

Вдруг среди воя ветра и волн Росин услышал шум над головой: над ним лебедь. Прижатый ветром почти к самой воде, он шумно махал крыльями, оставаясь на месте. Даже эта сильная птица не могла выдержать. Широко распахнув крылья, она отдалась во власть ветра, и ее тут же отшвырнуло куда-то далеко назад.

Глава пятая

Утренний ветер шевельнул ветки и сразу прогнал висевшие на них клочья тумана. Солнце еще не взошло, но чайки уже были золотисто-алыми. А вот за озером из-за полосы леса поднялось и брызнуло на деревья, тростник, траву солнце.

Росин сжал пальцы и почувствовал в них песок. Открыл глаза. Он лежал у самой воды. Пологие волны подкатывались и лизали ноги.

Провел рукой по лицу, размазывая напившихся комаров И руки и лицо вспухли от укусов.

Поднялся на ноги и побрел по берегу.

На песке, раскинув руки, лежал Федор. На корявом суку над ним сидела пара воронов.

Грудь Федора медленно вздымалась и опускалась.

«Живой!» — обрадовался Росин и замахнулся на птиц.

Вороны неохотно слетели.

— Федор! Федор!

Федор зашевелился, приподнялся на колени и с трудом встал на ноги. Его трясло от холода.

— Как же ты, репейная голова, весло уронил?

— Что я, нарочно? Вот ты зачем в леску вцепился? Держал бы послабже, и все.

— Ладно, после драки кулаками не машут.

— Ружье жалко. И фотоаппарат. А негативы... Пропали все негативы. И гуси и горностаи...

— Чего уж теперь... Надо раздеться, что ли, просушиться. Вешай все с себя на кусты — пусть пообсохнет.

— Ну и холодина! — Росин стянул с себя рубаху. — Солнце совсем не греет.

В тростниках крикали утки. То здесь, то там всплескивала рыба, оставляя на воде расходящиеся круги.

— Спички надо просушить. — Федор направился к одежде. — У костерика сразу отойдем.

Подошел к висящим на кусте брюкам, вывернул карманы. Пусто.

— У тебя спички есть?

— Нету. В куртке остались.

— Попали в проруху. Ни лодки, ни ружей, спичек даже нету. Только вот нож в ножнах на поясе и остался. Все потонуло.

— Хорошо еще, сами не потонули. Да лодка, она же деревянная, не утонет.

— Сыскать ее нужно, а то отсюда не выберешься... Долго тебе урман смотреть надо? И как без всяких там приспособленьев справишься?

— Минимум недели две нужно.

— Да пару недель на обратную дорогу — месяц, — прикинул Федор. — Месяц еще можно. Поболе даже вода подержится. — Прищурившись, Федор посмотрел на озеро. — Вон оно какое. Угадай, куда ее щука упрет. Разве только леска порвалась. Если так, к тому берегу надо.

А тот берег чуть синел на горизонте.

— Ну что, продуло, поди, рубахи?

— Кажется, просохли.

— Одевайся, идем. Теперь некогда рассиживать. А ты и сапоги утопил?

— Утопил.

— Худо без сапог. Под ноги лучше смотри.

Тайга подступила к самому озеру. Кедры, пихты, ели, изредка березы. Расползался в стороны плавун. Сучья деревьев начинались от самой земли. Вглубь ничего не видно: угрюмая темно-зеленая мгла.

«Недаром называют это место Диким урманом», — подумал Росин.

— Федор, может, здесь и нога человека не ступала?

— Не то чтобы не ступала, а следов не найти, редко бывают люди.

Комары, если не отмахиваться ветками, тут же покрывали лицо и руки.

Со сломанного сука липы рыжая белочка драла для гнезда лыко.

Темная, в белых крапинках кедровка, едва заметив людей, пронзительно закричала и спугнула белку.

На сухой валежине столбиками поднялись два бурундучка, третий расположился на кусте шиповника. Все рыжевато-серые, все с пятью черно-бурыми полосками на спине.

— Сколько тут бурундуков, — сказал Росин. — Хорошо. Ведь это один из основных кормов соболя.

Зелень молоденьких сосенок слилась с нижними ветками взрослых деревьев, образуя упругую зеленую стену.

— Смотри-ка, Федор, а от меня две тени. — Росин кивнул на зеленую стену. — Первый раз такое вижу.

— Чего же такого? Два солнца — одно в небе, другое в озере — вот и тени.

— Да это понятно. А все-таки интересно — две тени. Ах, собака!

Росин схватился за палец, уколотый об острый, как сломанная кость, сук.

— Сказывал, под ноги гляди! А то — по сторонам, «тени»... Шибко?

— Да нет, ничего, сейчас пройдет.

Федор сел на валежину, нагнулся снять бродни. Рядом, подставив мордочку лучам солнца, грелась небольшая ящерица. Кожа под ее горлышком быстро поднималась и опускалась.

Федор поспешно встал и, косясь на ящерицу отошел в сторону.

— Ты чего, Федор?

— Идем отсюда, от этой твари ползучей. Сроду терпеть их не могу, что змей, что этих.

— Эти же не ядовиты.

— Все одно. Такая же мразь холодная, ползучая. Идем подальше, сладим тебе обувь.

Федор снял свои новые бродни и отрезал голенища...

Почему-то Росин только тут по-настоящему понял серьезность их положения. Неожиданно из-за этих бродней стало понятно, что это не просто приключение, а что-то куда более серьезное.

Федор распорол голенища по швам.

— Иди-ка, ставь ноги.

Росин наступил на куски кожи. Федор ловко прорезал по краям дырочки, продернул в них по ремешку, выкроенному из этих же голенищ, и, загнув вверх края кожи, стянул ремешками под ступней. Ноги оказались как в коротких кожаных мешочках.

— Спасибо, Федор. Только можно ли ходить в таких... тапочках, что ли?

— Можно. Вот это болотце пройдем, кожа на ноге обомнется, удобней всякой обуви будет.

Как коралловые бусы, рассыпана по мху перезимовавшая клюква. Росин уселся возле ягод.

— Не торопись, Федор. Пока не наедемся как следует, не уйдем отсюда.

Федор тоже опустился на колени.

Мало-помалу оба исползали, очистили от ягод чуть ли не полболота.

Ду-ду-ду — застучал на взлете крыльями здоровенный бородатый глухарь.

— Ишь, рядом кормился, а мы и не заметили. — Федор проводил взглядом птицу. — Идем, нетто этой

ягодой наешься, оскомину только набьешь. За болотцем опять бурелом.

— Смотри-ка, Федор, какие цветы!

В низинке, у впадающего в озеро ручейка, росли удивительно крупные незабудки.

— Ты лучше в озеро гляди, в тростники. Не проглядеть бы лодку, — сказал Федор.

В мелколесье, возле ручья, всюду заливались птицы. «Варакушка, дрозд-рябинник, северная пеночка», — узнавал по голосам Росин.

То и дело с земли, из ельничка, взлетали рябчики и садились тут же, на первое попавшееся дерево.

— Вот ведь сколько мяса, — сказал Росин. — И совсем рядом подпускают.

Он с силой швырнул обломок сука. Рябчик вспорхнул, и палка ударилась о еловые лапы.

— Он, чай, не мертвый, видит, куда палка летит.

Над головой, возбужденно переговариваясь, косяк за косяком летели гуси. Из тростника вдоль берега то и дело поднимались утки. Над яркой синью воды летели два снежно-белых лебедя.

Тростник становился все шире. Приходилось влезать на деревья, чтобы сквозь заросли просматривать воду.

...Километр за километром пробирались вдоль берега. Уже давно потеряли счет деревьям, на которые приходилось влезать. А лодки все не видно.

Наконец вышли на лосиную тропу.

— Хорошо, хоть идти удобно.

— Лоси умеют тропу проложить.

Солнце клонилось к верхушкам деревьев. Все больше и больше появлялось комаров.

— Вот бы, паря, твой пузыречек, — вспомнил Федор. — Помазал малость — и не берет комар. Добрая была штука.

Комары забирались даже под одежду. Хотелось спрятаться от них куда-нибудь в траву, зарыться в мох.

Но надо было идти, искать лодку, снова и снова взбираться на деревья.

— Повремени малость, — сказал Федор, присаживаясь на валежину. — Не по моим летам вроде уж по лесинам-то лазить. Руки чего-то устали.

— Не в летах дело. Я тоже измучился, как собака.

— А может, потом передохнем? Пока не стемнело, поищем, а там и совсем на ночь остановимся, — сказал Федор, а у самого дрожали от усталости руки.

— Я уж отдыхать настроился. Ну ладно, не стоит, действительно, светлое время терять.

Федор медленно полез на пихту, а Росин отправился вдоль берега к очередному дереву.

— А, будь ты неладна!

— Ты чего там, Федор?

— Чуть не сорвался. Совсем, однако, руки не держат.

— Это от голода.

— Вода силы поотняла: столько проплыли. Да и не евши тоже.

Росин пробрался к намеченной елке и полез на нее, пробираясь меж ветками.

— Федор! Федор! Иди сюда! Лодка.

За широкой полосой прибрежных тростников, у кромки чистой воды, было хорошо видно перевернутую вверх дном лодку.

— Ты, паря, там сиди, направляй, а я полезу.

Раздевшись, Федор вошел в воду и, зябко поеживаясь, побрел к лодке, шурша раздвигаемыми тростниками.

— Полевее возьми! Левее чуть! — кричал Росин.

Глубина прибывала. По грудь... по плечи... по шею.

Подался вправо, влево — везде глубоко. Поплыл.

«Вот и нашли, подумал Росин. — Это главное. Теперь есть на чем выбраться отсюда».

Он опять отстранил мешающую смотреть еловую лапу и обмер: Федор взгромоздился на перевернутую «лодку», встал на ней во весь рост, а она не шелохнется.

— Лесина горбатая застрянула!

Ежась от холода и комаров, Федор натягивал на мокрое тело рубаху.

— Мы по тростникам рыщем, а ее, может, рыба таскает. Почем знать?

— Чего же делать будем?

— Искать, чего же. Без лодки дело худо.

Из тайги на озеро ползли сумерки.

— Готовь шалаш, — сказал Федор. — А я вон с той сосны еще обгляжу, тростник тут шибко густой.

По сплетению толстых, подмытых водой корней Федор подошел к стволу и с трудом полез вверх.

Росин ломал для шалаша еловые ветки.

Вдруг что-то прошумело и тяжело ударилось рядом. Федор приглушенно вскрикнул и застонал. Росин подскочил к сосне. Под ней, скорчившись, лежал Федор. Его нога застряла между корней. «Сломал!» — догадался Росин, глядя на неестественно согнутую ниже колена ногу. Он осторожно приподнял Федора, освободил ногу из змеиного клубка корней. Выше коротких, обрезанных бродней на широкой ссадине проступали и сливались капельки крови.

Глава шестая

Рысь насторожилась. Пугающий незнакомый запах заставил ее вспрыгнуть на толстый сук кедра. Отсюда низкий утренний туман не мешал осмотреть поляну. Там, где еще вчера не было ничего, стоял шалаш, плотно укрытый еловыми лапами. Вход был загорожен елочкой и заткнут травой.

...В лучах восходящего солнца незаметно растаял туман, и так же незаметно ушла от опасного места рысь.

Лучик солнца нашел в шалаше шелку и разбудил Росина.

Федор лежал рядом. Росин посмотрел на его ногу, затянутую в наспех сделанный лубок, надвигающиеся пальцы рук. «Не то спит, не то нет. Глаза закрыты, а пальцы двигаются. Впрочем, они у него всегда двигаются, даже во сне без дела оставаться не могут».

Федор тоже открыл глаза и, нахмурившись, смотрел куда-то сквозь низкую крышу шалаша.

— Как нога?

— Терпит... Спину что-то грызет. Расшиб, видно. Попали в проруху. Пошто было тебя сговаривать? Плыли бы тем путем. Спадет вода, пока нога держит.

Федор чуть шевельнулся, и лицо стало белей бумаги.

— Что с тобой? Может, повернуть как?

— Помолчи, — спокойно ответил Федор, а руками до белизны пальцев сжал сухую траву подстилки.

«Ему нужна срочная медицинская помощь. Что же делать? — думал Росин. — Ждать, пока спохватятся и придут на помощь? Но ведь это три, минимум два месяца. А вдруг начнется гангрена?»

Тело Федор расслабилось, пальцы выпустили траву, голова упала набок.

— Принеси, паря, напиток.

Росин оттолкнул прикрывавшую вход елку, вылез из шалаша и растерянно огляделся по сторонам. «А в чем же принести? Даже шапки нет».

— Из бересты сверни, — подсказал Федор.

Росин содрал кусок бересты, свернул конусом, а чтобы не раскручивался, зажег расщепленной палкой и принес воды.

— Давай посмотрим, что с ногой, — предложил Росин.

Федор чуть заметно кивнул.

Нога посинела, распухла. Росин осторожно снял лубок, легонько протер ссадины мокрым лоскутом от майки, приложил свежий сфагновый мох.

— Теперь берестой оберни потолще, — попросил Федор. — Потом уж палками обложишь.

Федор напился, отставил берестяной черпак к темнозеленой стене шалаша.

Росин обернул ногу берестой и опять накрепко затянул.

— Усну малость. Вроде бы полегчало.

— Только осторожнее, ногой не шевели. Не гипс.

Росин срезал пышную моховую кочку и положил под голову Федору.

— Пока спишь, что-нибудь на завтрак попробую раздобыть: черемши или хотя бы клюквы.

Росин прикрыл ветками вход в шалаш — поменьше будет комаров — и зашагал вдоль берега.

«Да, это, конечно, перелом. Только непонятно, — думал Росин, — одной берцовой или обеих?.. Все-таки, видимо, одной. Иначе бы, наверное, нога как плеть висела... Вроде затянул правильно...»

Впереди зашумело. В траве билась птица. Росин подбежал ближе. Это был гусь-гуменник. Когда до него

оставалось шагов двадцать, он перестал биться и, волоча крыло, побежал к озеру. В другую сторону метнулся какой-то зверек. Было видно, как раздвигалась трава, где он бежал. «Кто же напал на гуменника?» Росин бросился наперерез зверьку и увидел, как тот шмыгнул в кустарник. «Горностаи!» И вдруг Росин со всех ног пустился за гусем... Но птица уже добралась до воды, теперь ее не взять.

«Вот уж не к месту привычка, — досадовал Росин. — Надо бы гуся ловить, а я пустился выяснять, что за хищник. Как будто это сейчас важнее».

Гусь, тревожно вертя головой, торопливо плыл к тростнику.

«Такая добыча!» — Росин сокрушенно покачал головой.

Над тростниками вились чайки, перелетали утки, вдали точками чернели на воде нырки, над головой стая за стая летели к северу гуси.

«Всюду дичь, а попробуй добудь хоть что-нибудь с одним вот этим ножом. Почему-то совсем не видно черемши. Она бы сейчас была кстати».

Росин вздрогнул от резкого птичьего крика. Стая чаек шарахнулась в сторону, а мимо пронеслось что-то темное и с разлету ухнуло в воду, вздыбив каскады брызг. Через секунду' громадная бурая птица поднялась в воздух с крупной, извивающейся в когтях щукой.«Орлан-белохвост», — узнал Росин. Птица, подобрав лапы, прижимала к себе добычу.

Тяжело махая широкими метровыми крыльями, орлан пролетел мимо и скрылся за соснами. Росин, пробираясь по мелколесью, направился к этим соснам.

Гнездо орлана увидел сразу, как только обошел сосняк. Большущей кучей хвоста темнело оно высоко над землей на сучьях корявой сосны. Хозяев гнезда уже не было. Росин торопливо вскарабкался на дерево. Вот и гнездо. Схватился за край, из-под руки — шмыг! Чуть

не сорвался, отдернул руку, а это только воробей, что устроился в гнезде орлана. Росин забрался выше — и вот она, щука. Пара большеглазых птенцов терзала ее. Один намного меньше другого, но у обоих когти — как у больших орланов. Оттолкнул птенца поменьше, схватил щуку и тут же вскрикнул от боли: второй птенец яростно вкогтился в руку. Стиснув зубы, Росин затряс рукой, пытаясь стряхнуть остервеневшего птенца. Тот орал во все горло, но не разжимал когтей. Свободной рукой Росин выхватил из гнезда сук и ткнул им в птенца. Вдруг сзади шорох крыльев. Обернулся — в лицо ударила упругая волна воздуха. Перед глазами — клюв и когти огромного орлана. Росин увернулся за ствол. Орлан взмыл вверх и снова понесся на него со страшным клекотом. В распахнутых крыльях больше двух метров. Гнев этой сильной птицы, спасающей птенцов, ужасен. Она уже пробиралась меж сучьев, стараясь вцепиться когтями в дерзкое двуногое существо. С проворством белки Росин спустился ниже и, улучив момент, махнул суком. Из орлана дождем посыпались перья. Это сразу охладило его воинственный пыл. Теперь он летел с клекотом вокруг сосны и не решался на новую атаку. Росин слез и, не бросая палки, заторопился от гнезда в глубь леса...

А там тайга жила своей обычной жизнью. Степенно покачивали верхушками старые ели, трепетали молодые листочки осин, полосатый бурундучок пробежал по прошлогодней хвое и юркнул в лапки маленькой елочки. Суетились на своих дорогах муравьи, тоненьким свистом перекликались рябчики.

У небольшого холмика возле норы затеяли возню пять шустрых остромордых лисят. Рыжий клубок вертелся перед норой, и было непонятно, чья голова, чей хвост, чьи ноги. В суматохе кто-то всерьез пустил в ход зубы, кто-то огрызнулся, схватил невинного соседа,

тот — другого, клубок рассыпался — все врозь, и каждый скалил зубы.

Вдруг самый маленький испугался — к норе, и все за ним! Мелькнули хвосты, лапки — и нет лисят!.. Но тревога как будто ложная. Лисята вылезли, и каждый, не глядя на других, занялся своим делом: один, сладко зевая, щурился на солнышко, другой свернулся калачиком, а третий, склонив набок остроухую головку, с любопытством наблюдал за жужжащим шмелем. Четвертый, видно проголодавшись больше других, безуспешно старался разгрызть старую, брошенную кость.

Сидящий в стороне лисенок вскочил и, наострив уши, стал смотреть в кусты. Все, как по команде, тоже подняли головы. Кое-кто, то ли радостно, то ли виновато, замахал хвостиком. Вот все запрыгали и завизжали! Из кустов вышла лиса. В ее зубах был грузный, отливающий металлом тетерев. Она положила его, и тут же в него вцепились зубы лисят. Вдруг резкий свист!

Лиса в кусты, лисята в нору, а к брошенному тетереву подбежал Росин.

— Не делом занялся, — говорил потом Федор. — Ишь как промышлять задумал. У лисят стащил. У птиц отобрал. Прилети парой, они бы тебе глаза повыдрали.

— Сырым, что ли, есть будем? — Росин держал в руках чисто ошипанного тетерева.

— Сырым придется. Что, не вкусно?

— Голод меняет вкусы.

Федор принялся неторопливо жевать сырое мясо.

— Самим промышлять надо. Тут карасей пропасть.

Наутро, лежа на спине, Федор показывал Росину, как плетется верша.

— А туг вот так прут загибай. Смекаешь?

— Ясно. Мальчишкой сам корзинки плел. Тут почти также.

Долго сидел Росин среди вороха прутьев, вплетая их в вершу.

...Наконец нож в ножны, вершу на спину — и к озеру. Вдоль берега темно-серая полоса из погибших комаров или каких-то похожих на них насекомых. Местами эта полоса — метров четыре-пять шириной.

«Тут не то что караси — киты кормиться могут», — подумал Росин, прикидывая, куда бы поставить вершу.

Неподалеку виднелась упавшая сосна. Ствол над водой, вершина в озере, и как раз там, где в тростниках расходились круги от крупной рыбы.

С вершей на спине Росин тихонько переступал по стволу. Добрался до вершины, утопил вершу и повернул обратно.

У самого берега, в тине, зашевелился над водой плавник большого карася. Но вот черная толстая спина повернулась — карась мог уйти. Росин всем телом ухнул на него. Подняв грязное от тины лицо, быстро шарил под собой. Но карася не было. Росин встал. Отряхнул лохмотья тины, а под ногами — бульк! И перепуганный карась, лежавший рядом, метнулся в сторону. Росин за ним. Вот он! Цап! Да где там — только тина.

— Ты чего, Федор, такой хмурый? Опять нога? — спросил Росин, выжимая рубаху.

— Нет, паря, как не шевелишься, особо не болит. Нескладно получилось... Искать ведь будут. Весь Черный материк обшарят — и нету.хлопот-то людям! А мы вон где — в другой стороне вовсе.

— Подожди, Федор, почему же в Черном материке искать будут? А письмо?

— Нет письма... Помнишь, в одном месте особенно полыхало? Так это навал сушняка возле протоки горел... А письмо, сам знаешь, с ней рядом было.

— Почему же ты мне сразу не сказал об этом?

— Кто же знал, что эдак приключится? Вернулись бы к сроку, почто и письмо нужно.

— Вот, значит, как. Никто не знает, что мы здесь! И нечего надеяться на чью-либо помощь... Нога заживет в лучшем случае месяца через два. Но ты же говорил, что спадет вода и отсюда не выбраться?!

— Верно, в ту пору и со здоровыми ногами отсюда не уйдешь... Добро бы хоть припас был. Дожили бы до той весны.

Росин опустил на землю скрученную, не выжатую до конца рубаху и сел с ней рядом.«Дела...»

Возле речки, в зарослях черемухи, вовсю распевал соловей- красношейка.

— Нет, тут оставаться нельзя. Надо во что бы то ни стало найти лодку — и назад... Положу тебя в долбленку, как-нибудь выберусь.

— Полно, вдвоем с топорами насилу прорубились... Только если одному тебе выбраться... Скажешь там... Может, самолет пришлют.

«Может быть, правда, выбраться одному? Вылетит вертолет и заберет его. Но как же он туг один? В лучшем случае доберусь недели за две. Что он будет делать? Шевельнуться не может. И есть нечего... Нет, тогда он так и останется в этом шалаше».

— Нет, Федор, одному тебе оставаться нельзя.

Федор не ответил. Он лучше Росина понимал, что означало остаться одному.

«Ну вот, Оля, и сбылись твои тревоги, — думал Росин. — Мы, кажется, действительно попали в незавидное положение. Никто не знает, где мы... А мы за сотни километров от людей, за топами, без ружей, без одежды и даже без огня... Вдруг у Федора начнется гангрена? Ведь здесь и паршивенький аппендицит смертелен».

Глава седьмая

Ветерок сдувал с елок зеленый туман. Все тихие затоны озера припудрила пыльца цветущих елок. В тайге сильно пахнет еловая пыльца. Сколько Вадим ни бывал в экспедициях, каждый раз, вновь попадая в тайгу, он не переставал дивиться этим не знающим границ дебрям, этим рекам, с тысячными стаями дикий гусей на плесах, этим бесчисленным, кишачим рыбой озерам. Сравнить все это с какими-нибудь лесами или озерами в обжитых местах — все равно что сравнить перевернувшую лодку щуку с каким-нибудь несчастным пескарем.

— Почто на лесину лазил?

— Смотрел, не дымит ли где. Чем черт не шутит. Вот бы и огонь... Знаешь, Федор, посмотрел сейчас сверху: ни конца, ни края тайге. Кажется, и не выбраться отсюда.

— Выберемся. Руки только не опускай. Никто не привез сюда, сами пришли. Сами и выйдем.

— Как у тебя нога?

— Да вроде бы ничего.

— Давай посмотрим.

— Опять тревожить?

— Шины снимать не будем. Может, так что увижу.

В местах, которые можно было осмотреть, нога выглядела нормально.

«Кажется, все в порядке, — думал Росин. — Если бы началась гангрена, пора бы появиться каким-то признакам, хотя бы красноте, что ли... и чувствует себя он нормально».

— Вроде все хорошо, Федор.

Федор не ответил. «Чего уж хорошего — сломана нога».

Росин подошел к ямке, сдвинул траву. Под ней лежали пойманные вершей крупные, как лапти, бронзовые караси.

— Не могу больше есть сырую рыбу.

— И у меня, однако, душа не принимает.

— А есть — жуть охота. Надо как-то добыть огонь. Может, из кремня высечь?

— Фитиль нужен. Или трут. А их без огня не сготовишь.

— А может, трением попробовать?.. Как-то пытался в школе — не вышло. Может, силенки маловато было?.. Попробую! Ведь добывают же индейцы.

Возле шалаша вырос ворох сухого хвороста. Появилась натеребленная тончайшими полосками береста. В дупле добыты сухие гнилушки, которые, казалось, затлеют от малейшей искры.

Росин взял пару палок, сел поудобнее и принялся вначале медленно, потом быстрее и быстрее тереть их одну о другую.

Федор приподнялся на локтях, ожидая, что будет... Палки залоснились. На лице заблестели капельки пота. Дыхание участилось. Двигая руками, Росин как можно сильнее прижимал палку к палке. При каждом движении с лица срывались капельки пота.

Федор приподнялся повыше.

— Кажется, паленым пахнуло?

Росин кивнул и из последних сил продолжал тереть залоснившиеся палки. Руки двигались неуверенно, рывками. Наконец они бессильно опустились... А когда вновь приобрели способность двигаться, Росин встал и с силой отшвырнул палки.

— Больше того, что сделал сейчас, мне не сделать.

— Не похоже, что этак огонь добыть можно. Горящее полено три — огонь сотрешь, а ты хошь, чтобы загорелось. Видно, иначе как прилаживаются.

— Да, пожалуй.

Росин побрел к озеру. Смыл пот, утерся рукавом.

— Стяпай-ка вон ту березку, — кивнул Федор на небольшое, роста в два, деревце. — Полотенце сделаю.

— Полотенце?

— Давай, давай березку. Сучья обрубь, кору обчисти.

Лежа Федор соскабливал с березки тончайшие, но длинные стружки, похожие на спутанные ленточки идеально белой материи и ничуть не похожие на древесину:

— У хантов по сю пору эти стружки в ходу. Лишних тряпок на промысел не носят. И лицо ими утирают, и посуду, и патроны этой же строганиной запыживают.

Из-под ножа, ленточка за ленточкой, набрался большой белый комок. Росин приложил комок к лицу.

— А ведь правда утираться можно. Ни за что не скажешь, что древесина! Удивительно: березовое полотенце!

Откладывая березовый кол, Федор вдруг побледнел.

— Опять ногу подвернул?

Федор чуть заметно кивнул.

— Слушай-ка, а если тебя в лодку и волоком через завалы, пока вода держится? — несмело предложил Росин, комкая полотенце.

— Пустое. Сам дорогу видел. Да и лодка — где она? Искать надо, без нее и в другую весну не уйдешь.

...Из трех сухостоин Росин связал узкий длинный плот.

— Ты долбленку и по озеру посматривай, не только по тростникам, — наставлял Федор. — Может, мотается где.

— Хорошо, везде смотреть буду.

Росин оттолкнулся шестом. Плот медленно развернулся и поплыл вдоль берега.

Изредка, с надрывным кряканьем, вылетали из тростников утки... Солнце и сверкающая рябь мешали

смотреть. Шест вяз в иле. Местами полоса тростников была так широка, что приходилось забираться в нее. Подминая тростники, плот оставлял за собой дорогу. С лица Вадима капал пот... Поплескав водой в лицо, он опять брался за шест, и снова монотонно хлюпала в бревна вода.

«Пора, пожалуй, и отдохнуть, — решил Росин и направил плот в разрыв в тростниках. — Тут до самого берега чисто — легко причалить».

Росин приколол плот шестом, перешел поляну и с удовольствием улегся в тени, раскинув натруженные руки...

Но блаженство было недолгим. Появились комары. Росин поднялся и замер: на поляну выкатился медвежонок. Сам меньше собаки, а держался смело. Без опаски подбежал к плоту, понюхал и принялся лакать воду.

«Здесь можно попасть в неприятную историю. — Росин озирался по сторонам. — Появится мамаша... Тут оставаться нельзя. Этот несмышленыш может заметить и затеять игру. Тогда вовсе несдобровать».

С опаской оглядываясь, Росин побежал к плоту. Увидев человека, медвежонок перестал лакать, склонил голову набок.

«Все! Вот он, плот. Теперь наверняка отчалю... А что, если?..»

Росин схватил медвежонка за шиворот. Малыш, обиженный таким обращением, взвыл что есть мочи. Росин оттолкнул плот. На поляну выскочила медведица. От резких, сильных толчков плот оседал в воду, шест гнулся в дугу, вот-вот сломается. Но медведица плыла быстрее. Медвежонок широко расставил лапы и скулил, боясь свалиться с плота. Разъяренная медведица, прижав уши, настигала. Росин отшвырнул ногой медвежонка — пусть забирает! Но тот, вместо того чтобы плыть к маме, карабкался на плот. Мохнатая

фурия рядом! Росин бросил шест — и с головой в воду! Медведица ткнула мордой медвежонка и повернула к берегу. Малыш, всю работая лапами, торопился за ней.

Звери выбрались на берег, отряхнулись. Медвежонок, получив для порядка затрещину, припустил с поляны. За ним вразвалку пошла мамаша.

Росин взобрался на плот и принялся стаскивать мокрую рубаху. Медведица оглянулась и, увидев его с поднятыми руками да еще с рубахой на голове, как-то по-своему поняла этот жест и злобно рявкнула. Росин чуть не упал, схватил шест и заторопился подальше от берега, поглядывая на медведицу.

Долог день перед белыми ночами. Но и его только-только хватило, чтобы до темноты вернуться к шалашу.

Федор неподвижно сидел у шалаша. Сидел прямо и прямо держал голову, но глаза были закрыты — он спал. Видимо, нашел положение, при котором притупилась боль в спине. Поза для сна, конечно, была неудобной.

— А я поджидал: в лодке приплывешь, — разочарованно сказал он.

— Нет. Весло вот нашел, а лодки в тростниках нету.

— Неужто все по озеру ее таскает?

— Не видел.

— В ту вон траву не утянула ли? Видишь, по правую руку?

— Был там. Нету.

— Вот напасть. Может, под воду уволокла? Вокруг коряги какой лесу замотала. Силы у нее хватит.

— Ты ел чего?

— Карася жевал. Давай и ты поешь.

Росин махнул рукой:

— Давай лучше спать.

...Всю ночь стоял непрерывный, нудный писк комаров. Голову приходилось прятать в сено. Вокруг

непроглядная мгла. Шуршали в листьях и траве мыши, лазали в рыхлой подстилке, ворошили сено под ухом.

— В рот заберутся, — ворчал Росин и стучал кулаком по подстилке.

Мыши стихали. Опять совал голову в сено. Душно, пыльно, осока царапала лицо, но зато не было комаров.

Не успел Росин как следует заснуть, крепкие пальцы сжали плечо.

— Где вата?! Ты выбросил ее?! Она была...

— Лежи, лежи, Федор, ты что? — принялся успокаивать Росин. — Какая вата? Ложись, ложись на место.

— Да очнись ты! — рассердился Федор.

— Что с тобой? Я думал, ты бредишь.

— Надо вату. Когда искал спички в твоих штанах, в заднем кармане была.

— Откуда она там?.. А пожалуй, верно, есть. Как-то проявитель фильтровал. Да зачем она тебе?

— Как огонь добыть, припомнил!

Глава восьмая

Бесшумно летящая болотная сова резко шарахнулась в сторону. Из шалаша, поживаясь от утреннего холода, вылез Росин и чуть свет отправился в тайгу.

Когда солнце поднялось над вершинами и лежащий на озере туман оторвался от воды, Росин вернулся с парой коротких досок, выстроганных ножом из найденных в буреломе щеп.

— Теперь все есть. Повременим, покуда роса пообсохнет, и попытаем... Давай-ка бересту помельче натеребим, чтобы как паутинки, как порох.

— Куда же еще? И так уж мелко.

— Не ленись. Не загорится — всё. Ваты только на раз. Поднялся и растаял туман над озером... Мало-помалу подсохла роса...

Федор оторвал от ваты примерно треть и чуть поплевал на нее.

— Без этого нельзя. Надо, чтобы плотнее скаталась, — пояснил он, скатывая клочок ладонями.

Скатал, завернул в оставшуюся вату и опять осторожно скатал.

— А я, паря, лежу и вспомнил: маленьким был, мужики у нас — спичек нету, а они прикуривали... На, бери.

Росин положил сигарку из ваты между досок и принялся осторожно двигать взад-вперед верхней доской. Чем плотнее скручивалась вата, тем быстрее становились его движения.

— Чувствуешь, Федор, паленым пахло?

— Води, води руками быстрее. Хорош! Давай!

Росин отнял доску, Федор схватил скрученную вату, разорвал и подул. В середине огонек, как на кончике

папиросы!

— Федор, огонь! Огонь же!

— Почто орешь? На, разжигай!

Росин припал к хворосту. Обложил вату берестой и принялся раздувать тлеющий огонек. Тончайшие нити бересты свертывались, как живые, и вдруг вспыхнули язычки пламени.

— Ура! Федор! Ура!

— Так-то, паря, так! Горит, елки-колючки!

Язычки разбежались по веткам, лизнули сухую хвою, и вот вся куча, треща и стреляя искрами, пылала большим, веселым огнем.

Росин вскочил и колесом, с ног на руки, с рук на ноги, завертелся по поляне.

— Ишь ты, полубелый, шею свернешь. Полно! — уговаривал Федор, а самого только больная нога удерживала на месте.

— Ну что, Федор, карасей будем жарить?

— Можно... Почто палку берешь? Давай в глине, так вкусней.

Росин отобрал пару самых крупных карасей, обмазал слоем глины и зарыл в пышущие жаром угли вовсю пылавшего костра.

— Как дым навернул, спасу нет, курить охота. Сверни хоть листочков каких.

Росин сделал маленькую сигарку из прошлогодних листьев. Федор затаился и чуть не задохнулся от едкого, удушливого дыма.

— Не годится.

— Может, что-нибудь другое завернуть?

— Не, повремени покуда. Пока пекутся, чайку, паря, надо устроить.

Росин притащил с берега десяток ровных, с куриное яйцо, камней, отмыл и положил в костер на угли. Федор с трудом согнул спину, приподнялся и сел.

— Ты чего? Опять разболелась?

Федор чуть повернул больную ногу руками и снова осторожно лег.

— Почему ты не можешь попросить меня? Даже перевязываешь сам. Неужели не так сделаю?

— Полно. Сам справлюсь, почто просить. Проверь лучше, что там с рыбой.

Росин выкопал из сыпучей золы замурованных карасей, отбил глину. Чешуя отстала вместе с ней.

— Смотри, Федор! Вот это деликатес! — восторгался Росин, перекладывая на бересту дымящуюся рыбу. — Наконец-то человеческий обед. Жалко, соли нету.

— Ничего. Ханты сказывают, раньше вовсе соли не знали.

Оба принялись за карасей, и через несколько минут на бересте остались только косточки.

— Ну вот, паря, и без соли управились. Даже про чай забыли.

Росин подхватил палками камень, быстро обдул его и опустил в большую, налитую водой берестяную миску. Пустив облачко пара, вода зашумела; Росин достал из углей второй камень — и тоже в миску, за ним третий, четвертый, еще и еще, пока не закипела вода.

— Шипигу положил?

— Шиповник? Весь корешок уже там.

— Добре. От шипиги чай что цветом, что вкусом не хуже правдашнего.

— Ты знаешь, Федор, что напоминает мне этот чай? Как-то маленьким лизнул языком щелок, в котором мать белье стирать собиралась. Вот наш чай тоже вроде этого щелока.

— Пей, благо горячий. Эка беда, золы малость попало. Крепче будет. Наливай еще.

— Да нет, вроде напился... Замечательный сегодня день: и огонь добыли, и напился, наелись по-настоящему. Еще бы побриться. — Росин притронулся к

заросшим щекам. — Никогда такой щетины не было. Жуть как колется.

— А я по привычке: на промысле месяцами без бритвы... Ты поболее дровишек припаси, чтобы до завтра хватило.

— Что же, теперь так и придется все время огонь поддерживать, как пещерным жителям?

— Так, однако. Вот и буду при деле.

— Сейчас бы для тебя лучше без дела полежать.

— Без дела никогда не лучше.

— Ну смотри. Дров я тебе хоть на двое суток наготовлю.

Неподалеку от костра выросла большая, раза в два выше шалаша, куча хвороста и бурелома.

— Хватит покуда. Теперича меня на еловые лапы — и выволоки из шалаша. Чтобы до дров и к костру дотянуться.

Росин нарезал седой прошлогодней травы, разостлал возле дров и уложил Федора.

— Добре. Ты, кажись, к затону собирался?

— Да. Может, как раз там лодка. Ведь почти все озеро объехал.

— Ступай. За огнем погляжу. А как и там не будет, нечего и время провожать. Погодим до осени. Покуда трава поляжет.

...В затоне зеленые пятна листьев кувшинок, кустики тростника, и всюду коряги. На них неподвижно стояли кулички. Под каждым, в зеркале воды, такой же длинноносый куличок, только вверх тонюсенькими ножками.

Берегом, прокладывая первую «людскую» тропу, пробирался Росин. В руке перед лицом — спасение от комаров: дымящийся сизоватым дымом гриб-трутовик.

«Вряд ли забьется в такое мелководье, — думал Росин о щуке. — В первых корягах застрянет с лодкой. Дальше и идти нечего».

Только повернул назад — из-за мыса, поросшего осокой, выплыл зеленоголовый селезень. Не замечая Росина, опустил голову в воду. Росин упал в осоку. Как только птица снова опустила голову, Росин прополз вперед.

До селезня теперь уже метров пять, не больше. «Еще раз голову в воду опустит — и мой», — ликовал Росин, сжимая палку. Но птица неторопливо поплыла от берега. «А может, все-таки вернется?» Росин не вставал из осоки.

С озера тяжелым темным валом накатывала туча. Вода в затоне зарябила, пропали отражения куличков. Над самой головой вдруг грянул гром. Селезень взлетел и тут же скрылся в сетке дождя. «В такой дождик, — подумал Росин, — мать выносила из дома комнатные цветы». Заблестели мокрые листья березок, запрыгали над водой хрусталики.

За озером Росин увидел как будто дымок паровоза. Он двигался вдоль противоположного берега. Это зарождался смерч. Он быстро вытянулся до тучи. Самая широкая часть его была внизу, у озера. Смерч двигался и медленно раздваивался посередине на два столба. Теперь он шел вдоль озера к их берегу. Росин со страхом смотрел на него, опасаясь за Федора. Но середина столбов посветлела, и смерч растаял. Опять он стал похож на дым идущего за лесом паровоза, а вскоре пропал совсем. Росин побежал к деревьям, заскочил пол елку, но ее пробивали упругие струи дождя.

И вдруг Росин кинулся прочь. Припустился под хлещущим ливнем, не чувствуя ни колючек шиповника, ни царапающих сучьев, перескакивал валежины, продирался сквозь кусты, падал, вскакивал, опять бежал, бежал что есть силы!

«Огонь! Ведь ваты больше нет, а Федору не убережь огонь от ливня!»

Глава девятая

После дождя все как умылось. Тайга еще сильнее пахла травами, прелой хвоей, отмытыми листьями. Редкие капли падали с веток на притихшую воду, по которой расходились ленивые круги.

Росин выбежал на поляну и увидел бушующий на ветру костер. Усталость и радость нахлынули разом. Он схватился за ствол березки и, прижавшись к ней, никак не мог отдышаться. Весь запас дров пылал. Возле громадного костра лежал на земле Федор, каким-то чудом перебравшийся на новое место.

— Как же ты успел поджечь? Ведь он сразу ливнем хлынул. Я даже тучи не заметил, пока совсем не подкралась.

— А я загодя приметил. Лежу, чую: трава и кусты гуще запахли, пихты лапы приспустили — все приметы к дождю. Ну и давай головешки под дрова подкладывать. Вовремя они взялись. Вон как поливало, маленькому костру нешто выдюжить?

На другой день рядом с шалашом появилось подобие другого шалаша, гораздо меньших размеров, но зато сделанного из камней и глины.

— Теперь в этой печке будем огонь хранить. Тут уж не зальет, — сказал Росин, мяся босыми ногами глину.

— Поди-ка. На вот. — Федор подал фитиль, свитый из ниток, натеребленных из куска рубахи. — Ты бы возле озера кремь нашел. Там, у воды, всяких камней полно.

Росин принес небольшой красновато-бурый камень, Федор положил на камень обожженный конец фитиля, вскользь ударил тупой стороной ножа по острому краю и высек яркий веер звездчатых искр. Попав на

обожженный кончик фитиля, искра превратилась в красный огонек.

— Добрый фитиль. — Федор, чтобы потушить, задернул тлеющий конец в трубочку из пары связанных деревянных створок.

— Теперь, может, и незачем огонь хранить? От фитиля разводите будем.

— Хлопотное дело. Покуда раздуешь, половина фитиля сгорит. Всю одежду на фитили переведешь. — Федор завернул фитиль в бересту и передал Росину. — Спрячь вон в то дупло. Только в крайности от него разводите будем.

Росин спрятал фитиль и опять принялся месить глину.

— Может, хватит, Федор?

— А кто ее знает. Не приводилось этим ремеслом заниматься.

На куске бересты Росин подтащил промятую глину к Федору, и тот полулежа начал лепить первый горшок.

— Судя по размерам горшка, аппетит на уху у тебя богатырский. — Росин засмеялся.

— Из большого не вывалится... Никак вот не прилажусь: потоньше стенки пустишь — ползут, а не ползут — уж больно толсты, в три дня уху не сварить.

— Оказывается, без гончарного станка не так уж просто горшок слепить... Но ничего, по-другому сделаем...

Росин быстро сплел небольшую корзиночку и обмазал изнутри глиной.

— Вот и готов горшок. Обжечь — и все. Прутья обгорят, горшок останется.

— Ловко придумал.

— Это придумали тысячи лет назад. В раскопках черепки от таких горшков находят. — Росин поставил обмазанную глиной корзинку на бересту.

— На, и мою поставь. — Федор подал Росину глиняную кружку. — Маленькую-то не хитро лепить, не горшок ведерный.

К вечеру на широких кустах бересты стояли гончарные изделия обоих мастеров: горшки, миски, чашки и даже глиняные сковородки.

Когда «сервиз» немного просох, Росин чуть ли не докрасна раскалил каменную печку и поставил всю посуду на пышущие жаром угли. Задымилась, загорелись прутья, лопнул один горшок, второй, потрескались чашки, рассыпались сковородки... Груда черепков от всех изделий.

— Первый блин комом, — сказал Росин, выгребая из печки черепки. Выгреб, сел рядом с Федором. На озере поблескивала мелкая чешуйчатая рябь, а Росину она казалась блестящими, усыпавшими воду черепками. — Мы тут изоощряемся, а где-то вот в этом озере все наше снаряжение... Знаешь что, Федор, привяжу-ка я завтра к плоту уключины и сплаваю поискать. Ведь что я, в конце концов, теряю? А какой-то шанс есть.

— Полно, что иголку в сене найти, то и тут. Нешто упомнил, где перевернулись?

— Нет. Но все равно поплыву.

На другой день, лежа возле шалаша, Федор наблюдал за медленно двигавшейся по озеру черной точкой. «Кажись, там ищет. Может, и вправду чего найдет».

До позднего вечера ползала по озеру черная точка. Едва держась на ногах, Росин вышел на берег. Подошел к Федору и улыбнулся: на кусках бересты опять были расставлены глиняные горшки, миски, кружки.

— Ты прав, Федор, надежнее самим все сделать, чем найти в озере.

Глава десятая

На небольшой песчаной косе стоял медведь и настороженно смотрел в воду. Стайка маленьких рыбок, поблескивая серебристыми бочками, проплывала у самого берега. Медведь нагнулся — хватать лапой прямо с песком. Посмотрел — ничего, кроме песка. Бросил его в воду и опять уставился, смотрит... Вода отстоялась, подошла новая стайка. Опять всплеск — и снова неудача.

А в это время у шалаша старались другие рыболовы. Утопая в ворохах прутьев, Росин и Федор плели верши.

— Теперь уже скоро карась заикрится, — говорил Федор, поглядывая на набухшие бутоны шиповника. — Как шипига цвет выкинет, карась стеной попрут. Примета верная. В день столько поймать можно, сколько потом и в месяц не словишь.

Руки Федора легко, без единого лишнего движения делали свое дело. Казалось, прутья были живые и сами вплетались в вершу.

— Знаешь, Федор, смотрю на твои руки: прямо симфония.

— Что-то непонятное сказываешь.

— Красиво, говорю, делаешь.

— Что же в верше красивого? И у тебя такая.

— Да я не о том...

На стволах елей и сосен блестели тягучие, золотистые капли смолы. Нежно-зеленые, еще не совсем отросшие игольчатые листочки лиственницы будто хватало пламенем: побурели их кончики, опаленные солнцем.

Сейчас сам воздух, настоящий на смоле и хвое, казалось, пах солнцем.

Белка, которую жара застала далеко от гнезда, забралась в другое, наспех сделанное гнездо, устроенное только для того, чтобы спастись в нем от жары.

— Да, и на жару Сибирь не скупится, — сказал Росин, стаскивая гимнастерку.

— А у вас в городе такая жара бывает?

— Еще хуже. Все каменное, так накалит — асфальт под каблуками протыкается.

— Что это — асфальт?

— Ты асфальт не знаешь? — удивился Росин.

— Может, и знаю, может, у нас в деревне как по-другому называется.

— Нет, — засмеялся Росин, — у вас в деревне его нету.

Росин положил гимнастерку и щёлкнул пальцем по глиняной миске.

— Смотри-ка, Федор, как просохли, — звенят.

— Звенят. Обжигать пора. Теперь уж, поди, не лопнут. Столько времени на солнце жарятся. Просохли как надо, не то что тогда.

...Стоящий у воды медведь вдруг приподнялся на задние лапы. Черный кончик его носа беспокойно задвигался. Медведь проворно отскочил от воды.

Над кустами, приближаясь к берегу, покачивалась верша. Это Росин нес ее к озеру. Подошел, сбросил в воду. Вершу утянул на дно заложенный внутрь камень. Росин сделал напротив затеску на дереве и заспешил обратно — плести новые верши.

А через несколько дней уже на многих деревьях вдоль берега белели затески.

Восходящее солнце осветило кроны деревьев. Ветки лениво шевельнулись от легкого ветерка, будто проснулись и зашептались о чем-то перед дневными делами.

Внизу, куда еще не заглянуло солнце, Росин из шалаша вытащил на еловых лапах Федора.

— Глянь-ка, шипига зацвела! — обрадовался Федор, увидев заалевший куст шиповника. — Теперича работы будет.

Прибрежные тростники качались и шуршали от подошедших к берегу косяков рыбы.

Росин, кренясь от тяжести, тащил корзину, до краев наполненную увесистыми темно-бронзовыми карасями. Вываливал рыбу возле Федора — опять к вершам.

Федор, вытянув увязанную в шины ногу, сидел возле широкой плахи и торопливо чистил карасей. Как ни проворно двигались его облепленные чешуей руки, он не успевал за Росиным. Все прибывал ворох отсвечивающих красной медью карасей.

— Полно таскать. И с этим до ночи не управиться. Ты, где верш больше, отгороди загончик, садок устрой. Туда всю рыбу. А горячка пройдет, перечистим.

Росин развесил готовую к сушке рыбу на вешала и, забрав нож, ушел к вершам.

Федор чистил карасей каменным скребком. Приладился и к этому инструменту. Одного за другим отбрасывал вычищенных карасей.

«Ха-ха-ха!» — закричали над вешалами чайки-хохотуньи, метя поживиться чужой добычей. Федор запустил в них палкой, и стая врассыпную.

Росин, закатав повыше штаны, поленом забивал в дно кол за колом. Сплошным, почти без щелей, частоколом отгораживал от озера маленький затончик...

Отгородил. Подцепил деревянным багром ближнюю вершу. Дернул... Не поддалась, будто зацепил за корягу. Снял рубаху и прыгнул в воду. Нет, не коряга, действительно верша. Но такая тяжелая, даже в воде не поднимешь. Катком выкатил ее на берег. Она — как длинная, сплошь набитая рыбой корзина. Того гляди,

лопнет. Выпустил рыбу в садок, выкатил вторую, третью... еще и еще перекошенные от рыбы верши. Из последней выпустил не всю, набрал в корзину и притащил Федору.

— Густо карась прет, — радовался Федор. — Из веку его тут не ловят.

— Скоро надо бы план работы составлять. Смету на новый год... А я тут с карасями занимаюсь. Распределят деньги по другим статьям, оставят на все воспроизводство крохи.

— Что же, начальство не знает, сколько денег надо?

— Знает... Другие расходы есть. Каждый год из-за сметы войны... Поставят прошлогоднюю сумму, вот и топчись потом на месте.

Росин снял с вешал связку рыбы.

— Не хватит ей сохнуть?

Федор взял пару карасей и постучал один о другой.

— Как сказывал? Гремят — просохли как надо. Эти, слышишь, что лучина.

Росин принялся складывать сушеных карасей в большой плетеный короб, подвешенный к толстому суку кедра, чтобы не забрались мыши.

— А не уйдет время урман-то под соболей смотреть? — озабоченно спросил Федор.

— Не уйдет! — Росин невесело усмехнулся. — Времени у нас теперь на все хватит... А для обследования вторая половина лета даже лучше.

...Через несколько дней короб был полон сушеной рыбы.

— Сейчас бы с удочкой посидеть. Поймать хоть одного такого карася на крючок. Жалко, ни крючка, ни лески, а то бы попробовал.

— Слышь-ка, никак гром? — насторожился Федор. — Этого еще не хватало. Неужели дождь? Сколько рыбы пересушивать придется. Лабаз делать надо, с крышей.

— Да, лабаз капитальный нужен... Я здесь не так далеко видел — елки хорошо стоят: все рядом и почти ровным кругом. И сучья толстые. В общем, как раз для лабаза.

— Вот там и делай.

На высоте примерно в два человеческих роста на прочные сучья Росин уложил толстые жерди, надежно прикрутил их к стволам ивовым корьем и прутьями. На раму из толстых жердей положил настил из жердей потоньше.

Федор оставил на время рыбу и лыком сшивал куски бересты для крыши лабаза. Делал он все без спешки, но как-то очень споро. Видно было — работает он не только руками, но и головой: все продумано, все складно, все одно за другим.

Росин то и дело слезал на землю, взяв в пук ветки, обхватывал сплетенной из лыка веревкой и, опять забравшись по сучковатому стволу, втягивал наверх, на настил. По бокам настила росли плетеные, как украинский плетень, стены лабаза... Хоть и длинен в эту пору северный день, но вот уж и тени во всю поляну и сумрак в чащобе. А крыша только начата.

Федор рогулькой подвинул горшок к углям.

— Уж который раз стынет уха. Вот, думаю, придешь, вот придешь, а ты все там. Поел бы.

— Думать, Федор, о еде не хочется. Все рыба, рыба, все пресное, пресное! Хоть бы одну солинку! Ведь так и загнуться можно.

— Помаленьку привыкнем. Другой старик хант и по сю пору соль не признает, а покрепче нас с тобой. Будешь, что ли, есть?

— Доделаю лабаз и буду. Теперь уж немного осталось...

Совсем потух день. Росин втащил на крышу последний кусок бересты. Укрепил, слез и, пошатываясь, побрел к костру.

— Федор, а ведь дождь собирается.

Федор посмотрел на луну.

На неяркий диск мохнатыми клочьями наплывали края низкой тучи.

— Похоже.

— Придется рыбу в лабаз таскать.

— Совсем с ног собьешься. На вот, выпей чаю. С брусничным листом. Малость силы прибавит.

И опять цеплялись за сучья усталые пальцы, опять, взобравшись в лабаз, Росин перебирал руками веревку, теперь уже втаскивая корзины с сушеной рыбой.

В полной темноте последний раз сбросил он пустую корзину, спустился на землю и, едва дойдя до костра, рухнул на осоку рядом с Федором.

— Поешь, Вадя. Ты же сегодня весь день не евши.

— Нет, Федор, завтра. Давай я тебя в шалаш затащу — и спать. А то ведь тут комары сожрут.

Кое-как заткнув вход травой, Росин вытянулся на сене... Но сон пропал. Болели натруженные руки, ломило уставшие от лазания ноги. В темноте не за что было зацепиться глазу. За нетолстой стенкой шалаша шуршали листьями мыши.

«Что подумает Оля, не получив письмо?.. Начнут искать — не найдут. Матери сообщат: погиб или пропал без вести. А ей ведь никто ничего не скажет... И хорошо. Пусть ждет...»

Через несколько дней садок кишел рыбой. На всякий случай Росин забил еще несколько кольев, укрепив загородку.

Над садком с криком кружили чайки, привлеченные всплывшими дохлыми карасями. «Надо, пожалуй, выбросить уснувшую рыбу».

Росин вошел в салок. Вола словно вскипела. Десятки рыбьих морд натыкались на голые ноги. Росин шагнул назад, наступил на скользкого, затрепетавшего карася и выскочил на берег. «Ладно, чайки вытащат».

Однажды утром Росин прибежал от озера к Федору.

— Ты знаешь, как обрезало! Все верши почти пустые.

— Значит, все, кончилась страда. Однако ладно, порядочно насушили. Да в садке, сказываешь, раза два по столыку?

— Да, там основной улов.

— На зиму хватит... Ступай притащи оттуда корзиночку, чистить буду.

Вскинув корзинку за спину, Росин зашагал к садку. Еще издали увидел, как над кустами, скрывающими садок, белыми хлопьями металась чайки.«Вот ведь сколько собралось. Пусть поработают» — думал Росин. широко шагая проторенной за эти дни тропкой.

Голоса чаек становились все громче. А заметив человека, птицы заорали еще пронзительнее.

«Никогда не видели столько рыбы, поэтому и орут».

Росин вышел из кустов и обмер... В садке, бойко работая лапами, орудовал медведь. Весь мокрый, он проворно поворачивался то влево, то вправо и обеими лапами торопливо вышвыривал на песок рыбу.

— Ах ты, бурая тварь!!! — заорал Росин и пустил в медведя корзиной.

Перепуганный зверь отскочил назад и свалил колья. Одним прыжком он выскочил из воды и напролом ринулся в чащу, преследуемый орущими чайками.

Росин подбежал к садку. Из грязной, мутной воды через пролом уходила рыба.

Глава одиннадцатая

Росин склонился к Федору и, чуть прищурившись, следил за острием ножа. Со своего сыромятного ремня Федор срезал узкую длинную полоску.

— Тебе неудобно, дай-ка я. — Росин нетерпеливо забрал у Федора нож.

Опять склонились к ремню, но тут же выпрямились — полоса перерезана посередине.

— Почто торопишься? Спортил все. Режь теперь с другой стороны, что ли, — рассердился Федор.

— Нет, уж лучше ты.

И снова: ни миллиметра вправо, ни миллиметра влево. Осторожно срезал Федор узкую полоску для тетивы. Срезал, подергал за концы, пробуя на прочность.

— Должно быть, подойдет, крепкая...

Зажав между коленями желтое, как кость, упругое древко лука, выстроганное из сука кедра, Росин привязал скрученную тетиву. Стрела приготовлена еще раньше. Росин положил ее на лук, натянул тетиву — и через всю поляну промелькнула стрела, пронзив ветки дальних елей!

— Ишь ты! Как далече! — удивился Федор. — А ну-ка вверх.

Росин сбегал за стрелой, и она взвилась, почти пропав из глаз. Только темная точка не больше мошки. Запрокинув голову, Федор смотрел на эту точку. Потеряв где-то там, в вышине, силу, стрела перевернулась и понеслась вниз, прямо на Федора. Он сжался, закрыл руками голову, подобрал здоровую ногу. Тук! — глухо ударила стрела в метре от него. Росин облегченно вздохнул.

— Перекалечишь со своим луком. Посмотри, как впилась!

— Ну уж если на тебя, — засмеялся Росин, — стрела нагнала страху — дело будет. Во всяком случае, для охоты на рябчиков оружие вполне подходящее.

Сделав десятую стрелу, Росин скомкал сухую траву в шар чуть ли не с глухаря, отошел шагов на двадцать и одну за другой выпустил в него стрелы. Но все мимо... Ни одна не попала в цель.

Федор укоризненно покачал головой.

— Ничего, Федор, цыплят по осени считают.

Росин собрал стрелы и снова одну за другой выпустил в травяной шар. Опять неудача. Опять собрал. И так — пока не заныли пальцы...

— Вот теперь и на охоту можно. — Росин нагнулся к комку и вытащил из него все десять стрел. — К ручью пойду там рябчики попадались.

Только подошел к ручью, в ельнике перепорхнул рябчик. Росин опустился на колени, натянул тетиву, и рядом с рябчиком промелькнула стрела. Мелькнула еще стрела... И рябчик, хлопая крыльями, закувыркался на земле.

— Ну-ка, ну-ка! И правда убил! — удивился Федор. — Ты понимаешь, мясной суп! К черту рыбу! Понимаешь? Мясной!

Затрещал костер, запахло паленым пером, и вскоре языки пламени уже лизали бока маленького глиняного горшка.

...Миски опустели мигом. Росин еще раз заглянул в горшок. Пусто. Взял лук, стрелы.

— Пойду опять. Что за обед — рябчик на двоих?

Пришел снова в тот ельник. Ни живой души... Но вот на ветках у самой вершины какое-то движение. Над гроздью шишек сидела освещенная солнцем белка. Рыжий пушистый хвост прижала к спинке, будто прикрылась им от холода. Заметив Росина, белка

перестала грызть шишку и неподвижно сидела на ветке. Уши зверька были без кисточек, мех рыжий, только около передней лапки белело брюшко. Росин стоял неподвижно. Зверек бросил шишку и умылся так же, как умывается кошка, только не одной лапкой, а сразу двумя. Умывшись, она сжала лапки в кулачки и будто утерлась покрытыми шерсткой кулачками.

Цепляя одеждой за сучья и отводя еловые лапы. Росин стал пробираться вдоль ручья. «Когда не надо, везде порхают, а тут ни одного рябчика. Хорошо бы, тетерева на этой поляне кормились. Вот бы за этим кустиком. Сидели бы, клевали что-нибудь. Или рябчик вот на эту елку сел». Но тетеревов на поляне не было, рябчик не садился, а Росин все мечтал. Увидел подходящее место — мох, клюквенник и думает: «А вон там бы глухарь сидел. Шею бы вытянул и на меня смотрел». Росин нагнул голову, стряхивая с шеи попавшие за ворот хвоинки, и снова взглянул под сосенку. Там, вытянув шею, стоял и вопросительно смотрел на него глухарь! Росин оторопел: «Кажется или не кажется? Глухарь или не глухарь?»

Он не верил своим глазам, а пока не верил, глухарь побежал, захлопал сильными крыльями и улетел! Росин от досады пустил вдогонку стрелу. Но где там — глухаря уже и видно не было среди деревьев.

Наконец почти из-под ног взлетел рябчик. Сел на елку, припал к сучку и блестящим глазком следил за Росиным. «Поближе подойду, подпустит». Пригнувшись, Росин подошел к елке и поднял лук. Рябчик замер, готовый в любую секунду сорваться. Стрела мелькнула рядом. Росин схватился за другую, но поздно — птица пропала в ельнике.

— Тут-то промахнулся, — ругал себя Росин. — Каких-нибудь метров шесть — и мимо!

...Ельник сменился чахлым низкорослым сосняком. За ним березовая роща, совсем такая, какие есть и в

Подмосковье. Только без грачиных гнезд.

Ду-ду-ду! — захлопал крыльями бородатый глухарь, поднявшийся от крайних березок. Росин спешно пустил стрелу. Но она пролетела намного в стороне от птицы. Роща перешла в частый тонкоствольный березняк. Видно вокруг на тридцать—сорок шагов, не больше. Всюду белый частокол деревьев. На зачахших от нехватки света березках разрослись лишайники. Всюду на стволах грибы- трутовики, похожие на лошадиные копыта. В сумраке и сырости гнили упавшие деревья. В ямах под выворотами стояла темная, почти черная вода.

От воды взлетел куличок и, кланяясь, сел на верхушку высокого березового пня. Росин прицелился и отпустил тетиву. Стрела вонзилась в трухлявый пенёк, а куличок, испуганно крича, понесся над вершинами.

Росин бросил лук и сел на кочку. «Ружье бы... А то не охота— одно расстройство». Росин посмотрел на лук. «А ведь когда-то и ружье вот так чуть не бросил. А потом... По тысяче прицеливаний в день. Все стены в комнате, как зоологическая карта, в фигурках зверей и птиц. А всякие скользящие, летящие мишени! Что только не придумывал. И ведь сенсация была на стенде. Первый раз стрелял — и норма мастера спорта... «Без тренировок!» — как все считали».

Только когда над солнцем раскрылся веер предзакатных лучей, Федор наконец увидел Росина. Тот целился в кого-то, заслоненного пнем. Федор приподнялся на локтях. Мелькнула одна стрела, вторая, третья. Никто не вылетал, не выбегал. А Росин пускал стрелу за стрелой. Выпустил последнюю и неторопливо пошел к пню.

— Да в кого ты стрелял? — удивился Федор.

— Так, тренируюсь. Дал себе слово не ходить на охоту, пока не научусь как следует стрелять. Сегодня раз двадцать промазал...

И с этого дня началось. Наскоро приготовив обед из ненавистой рыбы, Росин брался за лук и часами стрелял в небольшой, меньше кулака, комок травы. То клал его на землю, то насаживал на кол, то забрасывал высоко на дерево и выпускал в него стрелу за стрелой. Стрелы ломались или застревали в сучьях. Росин лез за ними или делал новые и опять стрелял, стрелял без конца.

— Ты, как на дерева лезешь, штаны с рубахой снимай. Нечего об суки драть. И в трусах не холодно. Одежду поберегай.

— Хорошо, хорошо, Федор, — отмахивался Росин, а сам опять за лук.

Уставали натягивать тетиву пальцы правой руки — перехватывал лук и учился стрелять левой...

Руки порой уставали так, что стрелы пролетали от цели дальше, чем в первые дни тренировок. Но Росин не переставал стрелять. Он собирал стрелы и вновь и вновь целился в комок, чтобы сделать задуманную тысячу выстрелов. Иногда он доводил себя почти до полного изнеможения.

Даже Федор начинал увещевать его:

— Полно тебе, отдохни, потом достреляешь. Почто сам себя изводишь?

Но Росин только отмахивался: не мешай, мол, считать.

— Когда же спать-то будешь? Ведь за полночь.

— Как за полночь? Светлым-светло!

— Светлым-светло! — усмехнулся Федор. — Жди теперь темноты недели две.

Росин опустил уставшие руки и сел на валежину. Вот она, белая ночь. Только на время какие-то напряженные сумерки. Кажется, вот-вот потемнеет, а начинает больше светлеть. Без ночи утро. А озеро все-таки уснуло. Прикрылось туманом — и спит... Светло как днем, а всю летают летучие мыши.

Едва просыпаясь, Росин прямо из шалаша выпускал все стрелы по любой подходящей цели. Будь то прошлогодний лист на земле, темная кочка, гриб-трутовик у самой вершины... И так изо дня в день, пока не загубели от тугой тетивы мозоли на пальцах, пока не стали послушными стрелы.

Однажды Росин разделил десяток стрел пополам. Пять легонько воткнул в землю, пять других взял с собой и отошел шагов на пятнадцать.

— Смотри, Федор.

Федор повернулся на бок и приподнял голову. Первая стрела сбила одну из воткнутых стрел, вторая — вторую, третья — третью, четвертая и пятая тоже не пролетели мимо.

— Ловко стрельнул. Ну-ка еще!

И опять все стрелы — в цель.

Глава двенадцатая

Росин с головой зарылся в сено. Но это не помогло. Даже стенка шалаша дрожала вместе с ним.

— Что же это, Федор? Почему такой холод?

— Мороз.

— С чего же мороз? Ведь лето, — удивился Росин.

— У нас в любую пору заморозок может, хошь вот и летом...

Росин выглянул из шалаша. Вся трава побелела от инея. Никто не пролетит, не прокричит. Все попряталось от мороза.

Росин выскочил на мороз, приплясывая от холода, выхватил из каменной печки головешку, сунул в приготовленный хворост и юркнул обратно в шалаш.

Сгоняя вокруг белизну с травы, разгорался костер. Как суслик на солнышко, вылез Росин. Подбросил дровишек, вытащил на еловых лапах Федора.

— Избушку, Федор, строить надо. Твой вариант, пожалуй, самый подходящий.

Прежде чем приступить к любому значительному делу, Росин старался продумать несколько вариантов и потом уже, выбрав лучший, приступал к делу. Теперь тоже были варианты. Первый — землянка, второй — что-то вроде чума, третий — изба, стены которой сложены из дерна, четвертый вариант — изба наподобие зимовья. Но в землянке было бы сыро, в чуме — холодно: покрытые берестой жерди вряд ли удержали бы тепло. Делать стены из дерна тоже не хотелось: ненадежные, да и неприятно — земляные стены. Бревенчатое зимовье с одним ножом не сделаешь. Самый удачный вариант предложил Федор. И тепло, и без топора сделать можно. И сырости не будет, не в землянке.

— Надолго мороз? — спросил Росин.

— Должно, днем отойдет.

— Тогда сегодня и начну. А то тут летом ноги отморозишь.

— Ты нож на палку привяжи, пальму сделай. Рубить сподручней будет.

Через несколько дней на поляне около лабаза появился остов будущего жилища. Пока вместо стен двойные ряды высоких кольев. Но рядом уже громоздился большущий ворох ивовых веток.

«Ну что же, пожалуй, и хватит, — решил Росин. — Пора плести стены».

Взял несколько веток и прочным плетнем принялся оплести колья. Вплетал, осаживал ветки ногой, плел дальше. Быстро поднимались двойные стены. Федор был тоже при деле: лежа возле шалаша, плел из свежего лыка веревки.

— Поесть не пора ли, Федор?

— Давно пора. Чего ты запропал? Все стены доплести хотел, что ли?

— А что, немного осталось.

Росин взял лук, пару стрел и торопливо ушел к ручью...

— Скоро ты обернулся, — удивился Федор. — Веревку не довел, а у тебя уже рябцы. Шибко глаз наострил. Опять без промаха обоих?

— Опять, — кивнул Росин и, присев возле Федора, принялся щипать рябчика. Федор взял второго. — А не проморозит зимой наши стены, Федор?

— Почто проморозит? Чуть не на метр плетень от плетня. Набьешь между ними мха, куда же такую стену проморозить.

— Многовато мха надо.

— Не на лето строишь — на зиму.

...В низине лежало широкое моховое болото. Над чахлыми сосенками стояло колышущееся марево.

Разинув от жары клюв, сидела на суку кедровка. Из сосенок выбежала к озеру лосиха. Над ней роем вились слепни. Лосиха ухнула в озеро и замерла, выставив только морду. А к ней уже спешили, шлепая по воде лапками, маленькие шустрые утята. Не обращая внимания на лосиху, ловили вьющихся над водой слепней. Один утенок вскочил лосихе на нос. Она аккуратно стряхнула его на воду.

Вдруг лосиха еще больше спрятала голову в воду.

На поверхности остались только глаза и ноздри. Неподалеку с пригорка спустился Росин и принялся таскать длинный, пропитанный водой мох. Вырастала кучка за кучкой тяжелого от воды сфагнума.

...А Федор по-прежнему лежал около старых, трухлявых пней и вил веревки. Сами собой закрывались глаза. Он отложил приготовленное лыко и лег заросшей щекой на моховую кочку.

Перед глазами сероватые сосновые иголки, не одну зиму пролежавшие под снегом. Кусочки сосновой коры, прошлогодней травы, по которой, как по лесу, пробирались крупные коричневые муравьи. Вовсю пекло солнце.

Пахло растопленной смолой, нагретым песком... Федор закрыл глаза.

...Бугор уже, как под снегом, белел под сохнущим мхом.

«Все, — решил Росин, опрокинув корзину, — на сегодня хватит».

Не торопясь пошел к шалашу. Вышел на поляну и замер. «Что это?» Федор лежал, втянув голову в плечи и высоко подняв босую здоровую ногу. Не шевельнется, лицо побледнело.

Росин подбежал.

— Что с тобой?

— Тише, тише, — зашептал Федор. — Оттащи меня с этого места: змея подо мной!

Осторожно, чтобы не разбередить больную ногу, Росин приподнял Федора, положил на другое место, прямо на землю.

— Расковыряй сено, там она, тварь подколодная! Размозжи ей башку! Ишь, проклятущая!

Росин ковырнул палкой сено, ковырнул еще — зашевелились живые черные кольца.

— Так ее! Так! — приговаривал Федор. — Еще разок хрястни! Теперь в муравейник! Муравьям ее!..

— Что тут произошло? — спросил Росин, вернувшись от муравейника.

— Проснулся, а она на меня глядит! Тварь ползучая, в упор прямо, в глаза! И жалом — мельк, мельк! А под рукой ничего, только веревка тоненькая. Шасть ее веревкой! А она как вильнет — и под меня, в сено. Я ногу вверх босую, а больную-то не шевельну. И не встать... Замер, не шелохнусь. Тяпнет, думаю, через рубаху или штаны. А случись в шею или затылок? Помрешь! Втянул голову, насторожился: не шуршит? Вроде молчит. А как услышал бы — ползет, вскочил бы, хошь отвались нога.

— Здорово она тебя перепугала, даже в лице переменялся.

— Переменишься, как под тобой змея...

— Надо скорее избушку строить. Жить хоть будем как все, в четырех стенах.

— Слышь-ка, Вадя, а давай сейчас туда переберемся, — оживился Федор. — Стены есть, крыша скоро будет. Чего же еще?

...Целыми днями трепетали над водой крыльями крачки. Заметив добычу, птица ныряла в воду и поднималась в воздух с рыбешкой в клюве. На торчащей из воды коряге во все горло кричал птенец. Крачка отвечала ему, роняя из клюва рыбешку, но тут же, на лету, подхватывала и, не тормозя полета, ловко совала птенцу в рот. Цапли, расправив над гнездами

широкие крылья, прикрывали ими от солнца маленьких птенцов.

«А ведь уже июнь, — думал Росин, глядя с недоделанной крыши на птенца. — Бежит время».

— Так какую печку делать будем, Федор? Где в крыше дырку оставлять?

— В углу оставляй, — отозвался Федор. — Русскую ни к чему, почто с ней возиться. Хантыйский чувал надо. С ним завсегда тепло и светло. Дрова опять же любые, хошь пол-лесины жги.

Наконец слаженная без топора и единого гвоздя избушка готова. Стены внутри и снаружи оштукатурены глиной, смешанной для вязкости с илом. Из пары плетеных щитков, с сеном между ними, сделана дверь. Она имела, пожалуй, только одно сходство с настоящими дверями — точно так же скрипела.

Посреди избушки, на вбитых в землю кольях, стоял стол, собранный из множества пригнанных друг к другу осиновых палок. Вдоль стен — застланные душистым сеном нары. Федор уже лежал на своих. В дальнем углу — хантыйский чувал: каменный пол и над ним широкая, из обмазанных глиной жердин труба. Рядом с чувалом добротная полка, уставленная глиняными горшками, мисками, плошками. Потом каждая вещь сама найдет место: что чаще нужно, будет ближе, а что-то перекочет в самый дальний угол.

В берестяной туесок Росин набрал земли и посадил туда кусты вечнозеленой брусники. Хотелось нормальной человеческой жизни.

Росин сидел у стола на коряге и смотрел на сложенные на коленях руки. «Какие они стали за это время... Грубые, узловатые, даже вроде в ладонях шире. И тяжелее, пока лежат без дела. Ими все сюда принесено, встроено, вделано». Росин обвел взглядом потолок, стены...

— Вот тут, паря, и перезимуем.

Росин не ответил.

— Чего нахмурился?

— Примета дурная... Без новоселья поселились.

— И что?

— Клопы заведутся, — буркнул Росин.

Глава тринадцатая

Росин от неожиданности бросил рябчиков, лук. Распахнул дверь... Посреди избушки стоял Федор, и больше никого.

— Ты как встал? — удивился Росин. — А нога?

— Мало-мало терпит.

— Это ты поставил весло?

— Я. Вместо костыля брал.

— А я уж думал, какой-нибудь хант заплыл... Как же ты встал?

— Вроде полегчало, и встал. А то, однако, совсем залежался. Хотел на волю выйти, на весло оперся, а несподручно с ним.

— Федор, ведь у тебя перелом. А вдруг еще плохо сросся. Стронешь — и все. Полежи пока... Хотя бы еще недели две-три.

— Она куда хватил! Да что же я лежать буду, если нога терпит? Ты мне палки потолще принеси, костыли слажу. И не отговаривай. Я ж ногу на весу держать буду.

...Под вечер Федор опять поднялся с нар.

— Опробую, что за ноги сделал.

Оперся на костыли, сделал шаг, нахмурился, сделал еще, сел на нары.

— Не больно складно: нога терпит, а в пояснице чего-то ноет... Но ковылять полегоньку можно... И тебе руки развяжу. — Федор, отставив костыли, лег на нары. — Теперь сам себя обихожу. А тебе припас промышлять надо: ягоды, грибы пойдут.

— И урман пора начинать обследовать.

— Ты заодно белку с бурундуком промышляй. Нам теперь всякая шкурка нужна. Нечего ждать, покуда выкунеют. Померзнем в такой-то одежде.

— Что же все-таки у тебя с поясницей, Федор? Видимо, не просто ушиб. Тоже, наверное, чего-нибудь хрустнуло.

— Да бог ее знает... Пройдет. — Федор махнул рукой. — Ты что в урмане-то делать будешь? Может, чего дельное подскажу.

— Дел много. Угодья просмотреть надо, запасы кормов, гнездовье, защитные условия... Да мало ли всякой работы. Во всем самому разобраться надо, все описать.

Росин обточил ножом осколок кости и склонился над чистым куском бересты. Легко двигалась по бересте косточка, оставляя четкие буквы, слова...

В утренней тишине необычно громко скрипнула дверь. Из избушки вышел Росин и, передернув от утреннего холода плечами, зашагал в урман.

— Не заплутай, речушки держись! — напутствовал подковылявший к двери Федор.

Прихотливо извивалась по урману речушка, то замирала в омутах, в которые смотрелись кедры, то в ярко-зеленом бархате бережков пересекала полянку, а то вдруг ныряла под громадный завал и вновь выбегала оттуда, тихонько журча, будто посмеиваясь над большой, но неловкой преградой.

Берегом реки, по никем не примятой траве, шел Росин с берестяным туесом за плечами. Трава росла от самой воды. Только изредка кое-где примята она перебиравшимся через реку медведем или лосем.

Большой пестрый дятел заметил Росина, спрятался на другую сторону дерева и, высунув из-за ствола голову.

следил за пришельцем. Но из-за кустов ему было плохо видно. Он скрылся за деревом, забрался по стволу повыше и опять высунул голову. Росин не шевелился. Дятел подлетел к дуплу. Там сразу запищали птенцы. А из летка высунулась голова самого

шустрого дятленка. Дятел сунул жука ему в клюв и стал наблюдать, как птенец есть. Тот не справлялся с добычей. Дятел вытащил из клюва жука, раздолбил и стал давать по кусочку. Он терпеливо ждал, когда птенец проглотит одну часть, потом давал другую. Наконец дятленок съел все, и дятел улетел за новой добычей.

Иногда попадались звериные тропы. Ноги на них отдыхали недолго — тропы уходили от речки. И опять приходилось лезть напролом нехоженым берегом.

На сломанной вершине старой лиственницы кучей хвороста — большое гнездо. Росин ударил палкой по дереву. Вскинув почти метровые крылья, большеголовая с черной бородой сова нехотя слетела с гнезда. Потрепыхала в воздухе и полетела куда-то в кедры.

«Такая легко возьмет соболя, — подумал Росин. — Буду надеяться, их тут немного. Надо записать эту встречу».

Росин сел на валежину, достал из туеска бересту и начал писать осколком кости.

Вдали дружно закричали журавли. «Опять там же кричат, — подумал Росин. — Наверное, озеро. И эта речка, пожалуй, к нему течет».

Над головой шум, свист крыльев. Росин едва успел заметить промелькнувшего тетерева. За ним пронесся ястреб. По ту сторону речки затрещало, зашумело по веткам. Росин, разбрызгивая воду, перебежал речушку. За кустами, чуть приподняв крылья, сидел на тетереве ястреб. Увидев человека, он попытался взлететь, но ему мешали сучья. Росин бросился к птице, но ястреб замахал крыльями, не выпуская из лап тяжелую добычу, медленно поднялся в воздух и, набирая высоту, улетел. Досадно было упустить такую добычу, но что делать?

То на один, то на другой берег перелезал Вадим по нагроможденным валежинам, останавливался,

осматривал деревья, завалы, древесные кроны... И писал, писал. По расположению летков в дуплах дятлов, поползней, синиц Вадим отмечал направление преобладающих здесь весенних ветров: летки, как правило, птицы устраивают с подветренной стороны. Один за другим ложились в туес исписанные куски бересты.

Впереди замаячил просвет в кедрачах. «Скоро озеро. Даже, как утки крикают, слышно».

Кончились кедры. Но вместо озера — широкое, кое-где поросшее чахлыми сосенками болото. Тонкой извивающейся змейкой вбегала в него речушка, пропадая за буйной зеленью растущей по кочкам осоки. За болотом опять темнели кедрачи.

«Надо посмотреть и их». Росин шагнул на мох, оплетенный тонкими красноватыми стеблями клюквы. Как пружинный матрас, закачался под ногами зыбун. «Тут надо осторожней».

Очистил от сучьев прочную жердину, взял ее поперек и пошел дальше.

Волнами перекатывался под ногами зыбун. И вдруг прорвался! Росин ухнул в торфяную жижу. И сразу же по грудь. Ушел бы с головой — спасла жердина.

Опираясь на нее, Росин выкарабкался из трясины и ползком пробрался до твердой земли.

За болотом речушка бойчее и шире. «А как она бежит? Может быть, в озеро? А может, в другую речку, побольше? — думал Росин, отмывая коричневую торфяную грязь. — А что, если попытаться сообщить все-таки о себе? Кто знает, куда течет эта речка?»

Вадим выбрал подходящий обломок сухого дерева, обстрогал его и вырезал: «Щучье. Помогите. Ф. Суров».

Покачивая, течение понесло дощечку. Росин провожал ее глазами, держа в руке второй обломок. Но уже на первом повороте речку перегородил завал. «А

сколько впереди таких завалов», — безнадежно подумал Росин и вернулся к своей работе.

За работой время шло незаметно. Пора на ночлег.

Из еловых лап Росин устроил постель. Вместо подушки — толстый корень кедра. С мягкой прослойкой мха это даже удобно. Ворох сухой прошлогодней травы — одеяло...

Зашуршали прошлогодние листья, и Росин увидел забавную лесную сценку. Впереди взрослая землеройка, размером с пару наперстков, а за ней гуськом тянулись маленькие землеройки. Каждая держалась зубами за шерсть впереди идущей, а первая за шерсть матери.

Когда уже изрядно сгустились сумерки, в куст рядом с Росиным влетела небольшая птичка. Села на ветку и распушилась, устроившись на ночлег. Вдруг она заметила Росина. С недоумением смотрела на него, но не улетала. В темноте Росин даже не разобрал, что это была за птичка. А та, посидев немного, решила перебраться в более спокойное место, вспорхнула и пропала в темноте.

В сумерках небольшой заливчик речушки напомнил Росину пруд в лесу, неподалеку от их поселка, пруд, в котором мальчишкой ловил корзиной карасей. Там же он нашел ответ на не такой уж простой для себя вопрос.

И дома, и в школе все говорили: Бога нет. Нет никаких чертей, ведьм, водяных. А тетя Даша говорила — есть, и рассказывала страшные истории. Он, конечно, не верил ни в Бога, ни в черта, ни в водяных. И вот тогда-то пришел он ночью один к лесному пруду, разделся и вслух сказал: «Если есть водяной — схвати меня!»

Потихоньку вошел в воду и поплыл. Доплыл до того берега. Вылез по тине. Пошел краем к своему белью, все еще ожидая, что вот-вот кто-нибудь схватит. Подошел к белью, взял его и торжествующе сказал: «Ага, значит, тебя нет! И никого, значит, нет!» Оделся и

напрямик зашагал через лес к дому, не боясь трещать ветками.

Засыпая, Росин улыбнулся этим воспоминаниям.

Вдруг в темноте раздался непонятный звук. Казалось, треснула ветка. Росин приподнял голову... Ничего не слышно. Опять лег... Снова шорох. Теперь с другой стороны... Росин стряхнул с головы траву. Кто-то бродит неподалеку. Медведь?.. Лось?.. А может, росомаха или рысь?

Комары сразу налипли на лицо и шею. Пришлось опять зарыться в траву.

«Может, все-таки медведь? И вдруг не из пугливых? Есть же в енисейской тайге такие, что сами ищут встречи с человеком... Ладно, как будто первый раз в тайге ночью...»

Наутро по когтистым следам у выворота Росин увидел, что приходил всего-навсего мирный барсук.

«Ну что же, пора опять за дело. Теперь прямо отсюда к озеру, — решил Росин. — Будет второй маршрут».

...Сумрачная вечерняя тайга. Бурелом, борода на деревьях. Все кругом похоже на декорацию к сказке про Берендея. Над деревьями всплыл желтый, как свет в деревенском окошке, месяц...

На ветке устроились на ночлег синичата. Они прижались друг к другу и распушились так, что не сосчитаешь, сколько же их сидит.

Росин вышел к затуманившемуся, притихшему озеру.

Мрак постепенно густел.

Засверкали звезды. Чем больше загоралось звезд, тем меньше света оставалось в тайге, как будто звезды — это собирающийся в блески, уходящий с земли свет.

В черно-синих тростниках ворочались караси, время от времени всплескивали щуки. Бесшумно, почти коснувшись крылом лица, пролетела сова и тут же

пропала в ночи. То и дело мелькали над водой летучие мыши.

Наконец мелькнул и пропал в темноте огонек. Единственный огонек на сотни километров укрытой мраком тайги. Дорога здесь и в темноте знакома.

Росин поправил туес с объемистой пачкой исписанной бересты. «Побольше бы таких деньков. Целая кипа наблюдений. Жаль, что столько времени приходится тратить на всякие хозяйственные дела... Ну ничего, и то, что сделаем, не надо будет делать другим».

Огонек вспыхнул опять, и теперь его уже не скрывали невидимые в темноте деревья. «Там Федор. Сейчас и я буду там. А со стороны вот так же будут глядеть ночные звери». Росин даже нагнулся и посмотрел сквозь кусты на огонек. «Вот так будет видеть окошко рысь... А если приподняться — медведь». Росин заторопился к избушке. Вот и она. Открыл дверь, щурясь от яркого света, шагнул через порог. В избушке разгром, на полулежал Федор.

Глава четырнадцатая

Только утром Федор смог рассказать, что случилось.

— Как ты ушел, походил малость — нога ничего. И спина только чуть поламывает. Вышел, прошел возле избушки. Ладно все. Гляжу, пихтовый обломок лежит, метра всего полтора. Дай, думаю, к избушке подтащу, сожгем. Поднял на плечо даже. Ничего вроде, совсем не тяжелый. Вот, думаю, и ладно, теперь хоть дрова могу собирать. Шагнул — и света невзвидел! И ногу и спину как прострелило. Упал, хоть землю грызи! Отлежался, к избушке пополз. Вроде рядом, а полз дотемна. Думал, в чувале огня не застану. Взгляну на трубу — не дымит, воздух только теплый дрожит, угли, значит, остались. Вполз в избушку — и все, с места не сдвинусь. Так на полу сутки и пролежал. Брошу в чувал палку, которая полегче, и опять лежу. А двинуться хошь — так круги в глазах.

— Удивляюсь, Федор, ты же взрослый человек!

Росин прошагал из угла в угол и, придвинув корягу к Федору, опять сел.

— Говорил же, лежи, лежи, Федор! Рано вставать. А он — на тебе, дрова таскать вздумал!

— Сам бы побыл без дела, другое бы говорил.

— Сейчас-то как у тебя?

— Ничего, терпит.

Росин сел к столу и на маленьком куске бересты выколол кончиком ножа: «SOS! СССР. Тюменская обл. Поватский р-н, оз. Щучье. Росин. Суров. SOS!»

— Ну а как в урмане-то, сделал что?

— Да, — оживился Росин, — два маршрута описал... В общем, хорошо поработал.

— Ты так и делай свои дела. Нечего со мной нянчиться.

— Ничего, Федор, хватит еще времени, успею. У меня пока и тут дела есть.

...По заросшему ивняком берегу Росин пробирался к глухим заболоченным заливам. Птенцы выпи вылезли из гнезда, устроенного на заломе тростника, и теперь на своих цепких ногах перебирались по ивовым веткам. Один прыгнул на слишком тонкий сучок, тот согнулся, и птенец оказался в воде. Забултыхался в ней и, помогая себе крыльями, забрался на другую, более крепкую ветку.

Солнце было уже высоко и всю припекало. Росин вошел в тростники, побрел по воде. Начались разводья. Над пылающими листьями и цветами белых лилий летали голубые, как небо в этот жаркий день, стрекозы. У края воды перед стенкой тростника темно-зеленая полоска хвощовых зарослей. В прозрачной воде всевозможные водоросли образовали подводные джунгли, в которых сновали бесчисленные мальки.

Крупный карась поднялся из зарослей реки к поверхности, остановился перед Росиным, пожевал губами и, дав рассмотреть свою темную широкую спину, неторопливо поплыл, шевеля листьями кувшинок. Не успел отплыть этот, а в тине зашевелился второй, подальше проплыл третий.

«Вот бы сюда рыболовам, — подумал Росин, — отвели бы душу».

Щупая палкой дно, Росин побрел краем тростников, с трудом вытаскивая из ила ноги.

Поднялась и неторопливо полетела над зарослями темно-бурая птица с желтоватой головой. «Болотный лунь», — узнал Росин. За болотом суетился журавль. Он подбрасывал вверх черную ленту, опять ловил. Наверное, поймал змею и убивал, прежде чем съесть.

Наконец твердый грунт — Росин вышел на сухой островок. Из-под ног, хлопая крыльями, кинулись к воде утята. Росин упал и схватил утенка. Другие тут же

пропали. Упрятав утенка в туес, Росин осторожно нагнулся к высунувшейся на поверхность точке с парой маленьких дырочек. Пап! И в руках, вытянув шейку, завертел головкой утенок. Пальцы чувствовали, как быстро-быстро колотилось сердечко. Росин обернул вокруг лапки утенка маленький кусочек бересты и прочно привязал его самой тонюсенькой веревочкой, какую только могли сплести из лыковых волокон искусные руки Федора. Вскоре с зовущим на помощь берестяным письмом на лапке шмыгнул в тростники и второй утенок.

Булькала вода, шуршал раздвигаемый тростник, все дальше и дальше уходил Росин, едва выделяясь побелевшей от солнца гимнастеркой среди тростников...

До самого вечера доносились с острова тревожные крики уток...

Наконец опять зашуршал тростник, забулькала вода, и на ближайший к берегу островок вышел Росин. Едва передвигая ноги, брел он своим следом назад. У заливчика, где поймал первых утят, взлетел с земли болотный лунь. Росин увидел перья. Подошел ближе. В траве лежал растерзанный лунем утенок, и на лапке берестяное письмо.

«Ну вот, из четырех осталось только три. Стоит ли тратить силы на эту затею с письмами? — Росин опустился на кочку, невидящим взглядом смотрел на берестяное письмо и пальцами задумчиво перетирал сухой коричневый листок болотной травы. — Мы будем ждать, а они вот так будут лежать в траве. А потом и под снегом... Нет, все же стоит! Но как можно больше надо писем. Скоро у уток линька. Больших кольцевать буду».

Весь день маячил перед глазами растерзанный утенок с письмом на лапке, весь день сжимала сердце тоска.

— Как ты здесь, Федор? — спросил Росин, войдя в избушку.

— Не болит вроде... После того раза в спине будто вправилось чего.

— Хорошо бы «вправилось»... Тогда, может, завтра в урман сходить?

— Сходи, конечно.

— Начну-ка я учет мышевидных. Его пока и тут, поблизости, вести можно.

— Неужто всех мышей сосчитаешь? — удивился Федор.

— Всех не всех, а приблизительно сосчитаю. Затем и пришли, чтобы определить, смогут ли тут жить соболя. Не утонули бы ловушки, все просто: установил на пробные площадки, проверил через сутки. А теперь придется ловчие канавки рыть.

...Росин, как ломом, долбил колом землю. Раздолбив, брался за обломок оленьего рога и его лопастью выбрасывал из канавки землю. То и дело приходилось ножом перерезать корни.

...На другой, на третий, на четвертый день все тот же кол, тот же обломок рога, такие же канавки, только места другие: сосняк, кедрач, листвяга, сумрачный ельник...

Уходя в урман, Росин готовил для Федора все необходимое, стараясь избавить его от лишних движений. Все расставлял так, чтобы Федору не нужно было не только вставать, но даже тянуться за чем-либо. Стоило лежа опустить руку, и он мог взять кружку с водой, еду, дрова, чтобы подбросить в чувал, бересту или палку, если захочется что-нибудь мастерить.

Федору было неприятно, что за ним ухаживают, как за ребенком. Заметив это, Росин готовил все как бы невзначай, незаметно для него. Но когда Федор все же пытался встать и сделать что-нибудь сам, тут уж Росин устраивал ему скандал без всяких церемоний.

Вечером с куском бересты и костяной палочкой в руках Росин обошел ловушки, пересчитав улов. Присел на валежину и тут же сделал ориентировочный пересчет данных улова на всю предполагаемую площадь. «Здорово! Такая плотность красных и красно-серых полевок! Раздолье будет соболям».

Вдруг сзади что-то шоркнуло. Резко обернулся — никого. «Что такое? Уже в который раз: то сучок хрустнет, то ветка колыхнется против ветра... Чу! Опять в ельнике шорох».

Росин побежал от ельника, продрался сквозь кустарник — и сразу на сосну. Забрался, ждет... Все тихо... Вдруг легонько шоркнули кусты, и Росин увидел: медведь! Чуть постоял и пропал в кустах... Росин спустился и, оглядываясь, пошел.

«Опять, кажется, похрустывает. Что заставляет его следить за мной? Обычное медвежье любопытство?.. Пойду-ка лучше к избушке».

Солнце село. В лесу стало сумрачно и по-вечернему тихо. Только шорох собственных шагов — и больше никаких звуков во всей тайге...

А вот между деревьями избушка. У берега в озере было видно зарю и перевернутую крышу. Вода так спокойна, что у причала не отличишь, где кончаются опоры и начинаются их отражения. И вдруг он то ли услышал, то ли как почувствовал, что сзади кто-то есть! Резко обернулся — перед ним маленькие злые глаза медведя! Прыжок — Росин у дерева... Но взбираться не пришлось. Глухо рявкнув, зверь отскочил и тут же пропал среди выворотов.

«Что ему надо? Обычно медведи не нападают первыми. Может, просто рассмотреть хотел поближе? Во всяком случае, надо быть осторожней».

Через несколько дней Федор опять поднялся с нар.

Росин от зари до зари пропадал в тайге. А по ночам все переводил бересту — считал, писал...

— Что ты последнее время какой веселый? — спросил Федор, глядя, как Росин, насвистывая, с охотой собирался в урман.

— С чего ты взял? — уклончиво ответил Росин. — А пожалуй, на самом деле хорошее настроение. Это, наверное, оттого, что в последнее время есть нужная, определенная работа. Понимаешь, она как будто связывает с миром. Теперь и мы как все, не просто существуем, а делаем свое, не только нам нужное дело.

— Да, с хорошим делом на душе светлее. Много ли тебе еще работы?

— Самые глухие места остались. Тут в одном месте сплошные завалы, видимо, когда-то ураган полосой прошел, почти все деревья вывернул. Как-то обойти хотел, километров восемь прошел, а полоса все тянется, и конца не видно. Пожалуй, самый глухой угол. Туда все медвежьи следы уходят.

Федор как мог старался помочь Росину. Ему лучше удавалось приготовление бересты для записей. Он наготовил ее такую кипу, что хватило бы на солидное собрание сочинений.

Земля была завалена деревьями, потерявшими кору. Над упавшими поднялись молодые. Местами полусваленные деревья еще цеплялись корнями за землю и тускло зеленели невеселой, болезненной зеленью.

Пролетело гонимое ветром перо рябчика... Пролетело второе. Росин осторожно пошел встреч ветра, нанесшего эти перья. На поляне, на голом бугорке, сидел ястреб-тетеревятник и когтями и клювом ощипывал рябчика. Крылья и ноги у жертвы были уже оторваны, теперь ястреб сощипывал перья. Быстро разделавшись с ними, он поднялся и полетел, неся в когтях тушку. Пролетая над гнездом, на лету бросил рябчика сидящей на гнезде самке. Та ловко

поймала его и принялась терзать, отрывая куски и засовывая их в голодные глотки птенцов.

Пробираясь по завалу, Росин спустился в низину. Под ногами зачавкала вода. Припал к земле, напился из старого медвежьего следа, поднялся было идти дальше... А дальше некуда — щетина сучьев, острых, как штыки. Кое-как, на четвереньках, забрался на завал. Гнилая валежина, на которую оперся, рухнула, и Росин полетел вниз, царапаясь о сучья. Но в последний миг как-то изловчился и повис над сучьями, острыми, как колья в ловчей яме. Осторожно выбрался на завал и вдруг увидел тропу! «Вот эта тропинка идет к людскому жилью. Пройти за деревьями с полкилометра — и будет небольшая деревушка с обычными деревенскими избами, с петухами, с лаем собак. Ходят люди, играют на зеленой траве-мураве ребятишки, женщина в красном платке идет за водой с коромыслом...» Росин вздохнул: тропинка говорила не о близости человеческого жилья, а о его отдаленности. Это была торная медвежья тропа. Росин спрыгнул на нее. По сторонам были разрыты бурундучьи норы, перевернуты колодины. На стволах отметины страшных когтей. До многих не дотянуться. Немалые, видно, звери ходят.

Тропа — то влево, то чуть ли не назад, то вправо. «Если на одном из поворотов встречу с медведем, — думал Росин, — не миновать беды. Но не лезть же по завалам».

Сбоку лежала перевернутая колодина. Одним концом она совсем недавно была под муравейником. На ней еще стоял запах муравьиной кислоты. Росин чуть передвинул нож на поясе. Тропа петляла меж нагромождений деревьев. «А как же хороши эти завалы для соболей! Безусловно, в этом районе будет большая часть их гнезд».

Завалы кончились как-то сразу. Тропа разделилась на несколько тропок, но и те сразу пропали в светлом

лесу, где березок больше, чем кедров и елок. «Надо поподробней записать все об этих завалах».

Росин присел было, но тут же вскочил от медвежьего рева. Медведь взревел опять. «Э, да он кем-то обижен, — понял Росин. — Но кем?..» Стараясь не наступать на сучья, пошел в сторону рева, подобрался к поляне и... неслышно засмеялся. По траве катался и шлепал себя лапами небольшой медведь. Над ним густым роем вились пчелы. Наконец мишка не выдержал — и во всю прыть с поляны!

Метрах в пяти от земли, в стволе елки, чернело небольшое дупло. Вокруг по свежим царапинам медвежьих когтей ползали пчелы.

«Неплохо бы медку! — подумал Росин. — Топорик бы надо! Смахнул ночью елку — и вырубай мед. И воск бы пригодился на свечи. Там его...» Шлепнув себя по щеке, Росин проворнее медведя пустился с поляны. Заскочил в березник, послушал — не гудят. Потер ужаленную щеку. «Ведь там этого воска на столько бы свечей хватило! А может, попробовать без топора?»

...Вечером в березняке уже стояло большое берестяное лукошко. Тут же лежала увесистая дубина. Рядом — остро заточенные березовые клинья.

Пока еще жужжали возле летка пчелы, у другого конца поляны Росин собирал сушняк.

Погас на верхушке пихты последний луч, пусто и тихо стало у дупла... Росин обложил хворостом ствол елки. Достал из туеса фитиль с кремнем, высек огонь и долго возился, раздувая пламя.

Ярко вспыхнул в вечерних сумерках костер. Испуганная белка недовольно ускакала по веткам...

Медленно обгорал ствол елки. Неподалеку глухо поскрипывали деревья, будто похрапывал лес во сне. Длинной палкой Росин счищал со ствола нагар.

«Мечты, мечты... Собирался в это время уже отчет кончить, в Москву поехать, Олю увидеть... А вышло...»

Давно зажглись и заметно передвинулись по небосводу звезды. Опрокинулся ковш Большой Медведицы. Росин все сидел у костра. Время от времени поднимал голову, подбрасывал в огонь дрова. Пламя вспыхивало ярче... и опять тихонько оседало.

Чуть слышный треск. Росин встрепенулся. Это треснул подгоревший ствол. С минуты на минуту елка должна упасть. Подбросил еще немного дров. Большой огонь нельзя: спалишь и мед и елку. Да и маленькому огоньку работы теперь немного: даже неслышный ветерок заставлял елку потрескивать... Наконец дерево глухо треснуло, нехотя накренилось и рухнуло на землю, взметнув сноп искр. Росин схватил берестяное лукошко и вылил в дупло воду.

Опять горел костер, пережигая елку у дупла. При свете костра Росин рассек кору, сделал вдоль ствола насечки для клиньев. А потом до самого рассвета колотил дубиной по клиньям, пока наконец не развалил бревно надвое. Сразу же зажужжали пчелы: видимо, намокли не все. Росин отломил кусок от сотов и стал сосать душистый, самый свежий мед. Пчелы зудели над ухом, запутывались в волосах, в бороде. Одна ужалила в лоб, вторая — в губы. «Нет, надо сматывать удочки!» Росин принялся торопливо вырезать соты и складывать их в берестяной туес...

Невыспавшийся, опухший от пчелиных жал, Росин пошел к избушке. Вот и тропа. Что-то прошуршало впереди. Росин остановился, всматриваясь в завалы.

«Как будто никого... А вдруг опять медведь? Вот ведь отметины каких когтищ! Такая лапа одним ударом перебивает хребет лосю. Но что стоять? Надо идти, другой дороги нету».

И вдруг от удара в спину Росин упал на тропу.

Глава пятнадцатая

Росин выхватил нож, полный решимости как можно дороже продать свою жизнь.

Но сзади никого... Спереди тоже... А спину — будто разламывает!

Ж-ж-ж— услышал он и увидел крупного шершня. Один! Второй! Росин схватил лукошко, туес. И если бы шершни могли, они бы удивились: впереди — никого, сзади — никого. Был человек — и нету. А Росин, как спринтер, мчался по тропе...

— Как это тебя угораздило? — удивился Федор. — Весь в ссадинах.

— Да вот сумел... В завале упал. Еще повезло, задержался, ниже такие пики торчали — ой-ой-ой! А это ерунда.

— На-ка вот, замажь все. — Федор подал берестяную баночку с пихтовой смолой. — Разом затянет.

Росин рассказал, как пчелы изжалили и как на шершней угораздило нарваться.

— Как шарахнет в спину! Думал, медведь позвоночник перебил.

— А тут без тебя медведь к лабазу подходил. Рыбу причуял. Шумнул на него в окошко — сбежал.

— Вот бы его самого в лабаз.

— Да, — согласился Федор, — это бы дело.

— Ловушку какую-нибудь придумать... А что, если с ножом? На какого поменьше.

— Ишь ты, с ножом! — рассердился Федор. — Сунься. Больно ловкий. Хватит лапой — отдашь душу. Брат у меня, вдвоем были, с ружьями, и то... Верно, то шатун был — в берлогу не лег. А шатун завсегда лютый, напролом идет. Случайно наткнулись. Стрел ил я —

неладно. Он волчком на месте. Никола — бац! Медведь к нему. Я — патрон, а он Кольку сгреб — кости хрустнули... Пробуравил я косолапому череп, да уж поздно... А ты — «с ножом». Ловкач какой... Ловушку сладить — дело другое. Только без топора уж и не знаю как.

— Слушай, а ты ничего не слышал про медвежью болезнь? — вдруг спросил Росин.

— Что за болезнь?

— Читал я. раньше на медведей так охотились. Ни ружья, ни ножа не надо. Выследи пасущегося медведя, подкрадись и загрохочи со всей силой по заслону от печки. Шарахнется перепуганный медведь в сторону. Пробежит немного и подохнет от этой самой медвежьей болезни: кровавого поноса.

— Как же. слышал. Сказки, поди, все.

— А может, и не сказки. Я об этом не раз читал. И ты ведь слышал. Надо попытаться. Чего мы теряем? А вдруг действительно медведя добудем? Только вот какую погремешку сделать?..

Вместо заслона вытесали широкую доску из разбитой молнией колодины. Высушили ее над костром, и теперь, если по доске ударить такими же сухими палками, раздавался громкий, резкий звук.

— Вот и готово орудие. Можно караулить.

— Вперед место приискать надо. А то все лето прокараулить можно — и не увидишь. Ты по урману много ходишь, вот и приглядывай поляну лучше. Сразу поймешь, на которой часто кормится.

...Однажды Росин прибежал в избушку.

— Федор, поляну нашел, во! — показал большой палец. — Почти наполовину без дерна! Весь в рулоны на краях скатан!

— Во-во! Червяков искал.

— Ну да, вся когтями перерыта. И дудник поеденный. И еще целый есть! В общем, завтра иду

караулить. Тем более что обследование почти закончил.

...На другой день Росин встал затемно. Подбросил дров в чувал и при его свете собрал оружие. За спину повесил доску-барабан, в карманы сунул палки, на пояс, как обычно, нож.

Светлело быстро. На тропинке стала видна даже сплошная сетка следов, оставленная ночью множеством дождевых червей.

Росин почти бежал.

Хоть и светло, но ни деревья, ни трава, казалось, еще не проснулись. Росин пошел осторожней... А вот и совсем остановился. Достал из туеска кусок толстой еловой коры. Подвязал к ногам под подошвы. «Теперь не учует».

На поляне вскарабкался на березу, присмотренную с вечера, уселся в развилку, приготовил «шумовое оформление». Даже в чаще сумрак уступил место ровному, чуть туманному свету утра. До самой земли свисали отяжеленные росой косы березок. На листке спала стрекоза с посеребренными росой крыльями... Слабый ветерок тронул верхушки деревьев, и они, будто проснувшись, первыми увидели солнце.

Росин взглянул вниз. Среди серой травы резко выделялась зеленая полоса. «Да это же мои следы! Сбил росу, когда шел. Если медведь увидит следы, пропала затея! Почувявшего опасность не перепугаешь до смерти», — заволновался Росин.

На нижний сук сухой пихты села небольшая, меньше голубя, ярко-оранжевая птица. «Ронжа», — узнал Росин. Подлетела вторая, и птицы принялись перелетать с дерева на дерево, присаживаясь только на самые нижние ветки. И фая, они несколько раз облетели поляну.

Бельчонок кольцом обвился вокруг шеи матери, и с этим живым воротником белка прыгала с дерева на

дерево. Потом она спустилась на землю и побежала в молодой ельничек.

Незаметно поднялось над деревьями солнце, а медведь еще и не думал появляться.

Мысли переносились с одного на другое.

«Оля теперь уже ждет писем, думает — вернулся... Пождет, пождет и, наверное, напишет маме. Ведь адрес-то у нее есть. Как, интересно, будет в извещении: «Пропал без вести» или «Погиб»? А вдруг машинистка не углядит разницы, и Оля прочитает: «Погиб при исполнении служебных обязанностей»... Да нет, не может этого быть... Ну а вдруг?»

Солнце поднималось все выше, Росин уже прятал голову в тень от ствола березки. По стволу вверх-вниз начали ползать муравьи. Пришлось посторониться. Росин наблюдал, как эти маленькие труженики тащили к муравейнику то гусеницу, то какую-нибудь букашку, а то и погибшего муравья.

Уже, наверно, в сотый раз он старался примоститься поудобнее... Затекали ноги, уставали руки. А день все тянулся и тянулся без конца...

Росину и раньше приходилось бывать в засадах, подолгу сидеть у птичьих гнезд, наблюдать за кормлением птенцов. Приходилось сидеть и на засидках во время охоты. Он вспомнил, как мальчишкой, еще без ружья, уходил в поле и караулил там зайцев. «Ведь главное, — думал тогда, — увидеть зайца, как видит его настоящий охотник». Свою первую засидку он устроил в большой навозной куче на колхозном поле. В лунную морозную ночь он сидел в этой разрытой сверху куче и во все глаза высматривал зайцев. Снизу шло тепло от слежавшегося навоза. Вся одежда пропиталась этим запахом. Но для него тогда это было неважно. Важно, что совсем близко видел живого зайца.

Вечером Росин уже не сидел, а стоял на суку. Стоять он еще кое-как мог. В чаще начал густеть сумрак. Вдруг внизу зашуршало!

Росин оглянулся — всего лишь ежик. Он с трудом пробирался в высокой траве, цепляясь колючками за стебли. Сопел, подсовывал нос под листья, находил слизняков и ел их, чавкая, как маленький поросенок.

Все дальше и дальше шевелилась раздвигаемая ежом трава. Самого уже не видно. Только едва слышно доносилось чавканье с другой стороны поляны.

...На следующий день, чуть свет, Росин опять пришел на поляну и спрятался на березе. Но прошел и этот день, и третий — медведь не приходил.

— Может, он подходил, да причуял тебя или услышал. Коли так, не придет больше.

— Вряд ли. Кажется, тихо сидел и все время по сторонам смотрел. Пожалуй, должен первым его заметить... В общем, наберусь терпения, просижу на этой поляне десять дней, не придет — буду искать другую.

Прошло еще два томительных дня.

— Опять не пришел?

— Нет, Федор... Я уже там всех обитателей знаю. Под старым пнем горностаи живет, в ельнике гнездо оранжевой ронжи, в кустарнике справа — ежик. И утром и вечером оттуда выходит, травой шуршит. Заяц иногда прибегает... Белка еще по ту сторону поляны живет. Всех каждый день вижу, а он ни разу не показался.

— Не бросить ли тебе эту затею? Причуял, поди? Потратишь время зря. Доделывал бы свои дела, и к зиме готовиться надо. Уж не за горами.

— А для чего же караулю? Что лучше медвежьей туши для зимы можно придумать?.. Нет, десять дней все же отсижу.

...Еще чуть рассвело, а Росин давно уже на своей березе.

«Ведь шестой день. Неужели все десять дней пропадут? Ладно, игра стоит свеч. А пока лучше о чем-нибудь другом думать. Что бы, например, сейчас в Тюмени делал? Наверное, дорабатывал бы статью для журнала. Она у них запланирована. Так и не получают теперь... Нет, лучше погадаю, кого сегодня увижу первым... Наверное, ежа, — решил Росин и стал вглядываться в траву. — Не шевелится ли? Нет, пока все спокойно». Перевел глаза на другой край поляны — медведь! Зверь словно поднялся из травы. Раскачивая башкой, шел к дуднику. Вместо того чтобы застучать во всю мочь, Росин замер от неожиданности. Большущий, с седеющей лобастой башкой, медведь присел возле дудника и пригнул к себе лапой молодые растеньица. «Вот это да!» — подумал Росин, глядя на громадные когти звериной лапы. Осторожно, не спуская с медведя глаз, взял палки и что есть силы забарабанил по доске! Для большего шума или от возбуждения заорал сам. Вдруг как-то соскользнул с сука и полетел вниз. Стук и крик прекратились разом. Ударившись о землю, Росин тут же вскочил и поспешно полез на дерево. Торопиться было отчего. Вместо того чтобы умирать со страха, медведь приподнялся на задние лапы и с интересом смотрел на Росина.

Глава шестнадцатая

Росин удивленно пожимал плечами и говорил Федору:

— До сих пор не пойму: глухой, что ли, медведь попался? Или просто не из пугливых? Я до сучьев не допрыгну, а он смотрит на меня, и дудник изо рта, как папироса, торчит.

— Я так и думал — пустая затея. Ловушку ладить надо.

— Как же без топора?

— Пень подходящий найдешь — и без топора управимся... Только редко такой пень увидишь. Надо, чтобы вместо сердцевины у него дупло, а край чтобы — как кость, а то в злобе разворотит. — Федор уперся руками о нары, приподнялся и сел. — Сбоку дырку прорежешь до дупла. В нее бревно. Наклонно. Другим концом бревно в лесину упруешь, паз там выбрать надо. И все дела — ложи в дупло приманку. Полезет лапой, стронет насторожку, бревно концом-то шмыг! В дупло. Придавит лапу и не отпустит. А дергать станет — пуще прижмет, потому как бревно другим концом в пазу осядет.

— Совсем ведь простое устройство! — удивился Росин.

— Нехитрое. Только пень найти задача. Нарочно не ищи, так, между прочим присматривай. А то прождал неделю, теперь две проищешь. А его тут, может, и нету. А время сейчас особенно беречь надо. К зиме, почитай, окромя рыбы, никакого припасу.

«Нет, Федор не прав, — думал Росин, шагая по урману. — Конечно, нелепо ходить по тайге и искать дуплистый пень для ловушки, если топором за это время можно сделать десяток ловушек или с ружьем

выследить зверя. А у нас ни топора, ни ружья. И потому нужно специально заняться поисками этого пня. Тем более что обследование почти закончил».

Росин круто свернул в сторону и подошел к столбообразному пню, оставшемуся от сломанного ветром дерева. Постучал по нему рукояткой ножа... Постучал еще... Пожал плечами и, обхватив пень, полез на него. Добрался до вершины, заглянул в торец и сполз вниз.

«Надо идти в завалы, — решил Росин. — Там больше сломанных деревьев».

И опять пришлось лазить по завалам, на этот раз — разыскивая пни. А разыскав, карабкаться, чтобы увидеть торец. Низких пней почти совсем не попадало. Деревья почему-то ломались высоко от земли.

...Однажды Росин добрался до затона озера. Нагнулся к воде — из озера на него смотрел бородатый, с загубевшим лицом старик.

Росин смахнул со лба пот, отогнал рукой плавающие хвоинки, зачерпнул в пригоршню — напился. Зачерпнул еще — плеснул в лицо. Вытер рукавом лицо и бороду, сел на замшелую валежину. Под валежиной опустевшее гнездо тетерки — небольшая ямка, выстланная сухими березовыми листочками. «Что же делать? Уже три дня лазаю по завалам, и ни в одном ни малейшего признака дупла. Может, тут действительно нет ни одного дуплистого пня?»

Когда вечером, едва держась на ногах, он появился на пороге избушки, руки и ноги были у него в ссадинах и, что гораздо хуже, в нескольких местах порваны брюки.

Не раздеваясь, рухнул на нары.

— Чего же ты так себя изводишь? Эдак и совсем свалиться можно... Поел бы.

— Не хочу, Федор, потом.

Росин лежал уткнувшись лицом в сено. Федор налил в берестяную кружку заваренный брусничными листьями чай, поставил кружку на стол, взялся за костыли и сделал шаг. Переставил кружку ближе к Вадимовым нарам, сделал еще шаг. Опять подвинул кружку и снова освободил руки для шага на костылях...

— На-ка, выпей.

Росин приподнялся на нарах и взял кружку.

— Нечего больше и искать.

— Спасибо, Федор. Хороший чаек.

— Вот и ладно, что не пойдешь. Может, такого пня и во всем урмане нет.

— С чего ты взял, что не пойду? Разве можно заготовить за это время столько продуктов, сколько даст медвежья туша? А шкура? Готовая шуба! Нет, Федор, отступить нельзя.

— Да ведь пня-то такого, может, и нету!

— В крайнем случае вырежу дупло ножом. Пусть на это уйдет десять, пятнадцать дней! Все равно игра стоит свеч.

— Опять за свое! От поперечный! — рассердился Федор. — Снимай давай штаны. Опять вон обтрепались.

Уже все карманы были отпороты и пущены на починку. Теперь Федор наполовину укоротил рукава у своей рубахи. «Почто они мне? Ты вон всегда с засученными ходишь».

Если Росин хоть чуть рвал одежду, Федор обязательно замечал это и еще до того, как Росин просыпался, обязательно чинил ее. Как, из чего он скручивал нитки, что у него вместо иголки, Росин не видел. Видел только, что утром на одежде не было никаких дырок. Она была искусно заплата, прямо-таки залечена. Если бы не забота и умение Федора, давно бы ходил в лохмотьях.

Утром Росин опять был в урмане. Наткнулся на заросшую травой лосиную тропу. Пошел по ней. В тропу

вливались другие тропы. Она становилась все шире и вскоре превратилась в настоящую лосиную дорогу, выбитую когда-то тысячами копыт. А к ней все примыкали старые лосиные тропы.

Росин даже забыл про пни. Он почти бежал.

Высокую, заросшую елями грядку рассек ручей. Вдоль него и уходила тропа. По обе стороны высились крутые склоны оврага. У воды ни кустика — все выбито копытами животных. Только на склонах кусты. И там, где они подходили близко к тропе, серели кости лосей.

«Да это же медведи устраивали здесь засады... А вон один и сам сложил голову!»

У куста, как известь белый, медвежий череп. Из-под хищных зубов, из глазниц пробилась трава.

Тропа привела к большой, как на стойбище выбитой копытами, площадке. И за ней... Росин остановился в изумлении. Перед ним была громадная пещера. Пещера, которую в отвесной стене оврага... выгрызли и вылизали звери!

«Так и есть — солонец, выход соли!.. Вот зачем шли сюда лоси — нужна соль... И нам нужна не меньше!»

Росин поспешно вошел в пещеру, отковырнул ножом кусок земли. Лизнул... Лизнул еще... Бросил. Подошел к другой стене. Отковырнул... Тоже бросил... Попробовал с третьей...

«Несолоно... Может, вылизали все? Потому, наверное, больше и не ходят. А ведь десятки лет ходили. За меньший срок такую пещеру языками не сделаешь. Может, на потолке соленая? Там все не вылижешь!»

Росин схватил палку, ткнул в потолок. Отковырнул кусочек... «Вроде соленая!.., или кажется? Горькая больше. А все-таки вроде и соль есть».

...Распахнулась дверь избышки — на пороге сияющий Росин.

— Никак пень сыскал?

— Нет, Федор! — радостно крикнул Росин, сбросил тяжелый туес и протянул Федору комочек земли. — На-ка, лизни!

— Ты что?

— Да лизни же! Прошу — значит, надо. Во! — И Росин, испачкав язык, сам лизнул землю.

Федор нехотя, с опаской поднес комочек ко рту. Росин вопрошающе смотрел на Федора.

— Как на вкус?

— Земля как земля, наверное. Кто ее знает. Первый раз пробую... Да сказывай, чего удумал?

— Из солонца земля... Соленая?

— Не разобрал... Дай-ка еще... Нет, несоленая будто.

— А по-моему, соленая. Во всяком случае, попытаюсь добыть из нее соль. Разболтаю землю в воде, дам отстояться, а потом солью эту воду и выпарю. Посмотрим, что получится...

— Отрава получилась, — сказал на другой день Федор, попробовав грязно-желтый налет, припекшийся ко дну широкой глиняной миски.

Росин тоже наскреб щепотку. Попробовал.

— Фу, горечь какая!.. Нет. Федор, лучше потом помрем от недостатка соли, чем теперь от этой отравы.

— Ты, однако, не выбрасывай. Может, когда помаленьку и возьмем. Какая-то малость соли есть. Зверь туда недаром шел... А что, пень-то не сыскал?

— Пока нет. Завтра опять пойду.

За молодым ельником Росин почти столкнулся с лисенком. Перепугавшись, тот юркнул в дупло лежащей поблизости колоды. Росин остановился, не зная, что делать. В торце замшелой колодины зияло большущее черное дупло. «Жаль, что не годится для медвежьей ловушки, — подумал он. — Колода уже почти сгнила, да и валяется, а нужен пень... Но что же делать с лисенком?.. Поймаю. Притащу в избушку — пускай живет. Сгребу руками посильнее, сожму — и все.

Подумаешь, раза два укусит». Росин лег на землю и полез в дупло. Чтобы протиснуться в него, пришлось вытянуть вперед руки. В дупле стало темно — собой закрыл свет. Где-то в темноте сидел лисенок. Ближе к нему дупло стало таким узким, что Росин уже с трудом протискивал плечи. Вытянутыми вперед руками он цеплялся за неровности дупла и кое-как подвигался вперед. Стало слышно дыхание лисенка, но плечи намертво уперлись в стенки, а руки еще не доставали зверька. Росин попытался чуть сдвинуться назад и тоже не смог. Гимнастерка на спине зацепилась за что-то и не пускала. Он попробовал сдернуть ее или порвать и изо всех сил уперся руками в гнилые стенки. Труха крошилась под пальцами, а он не мог сдвинуться с места. Опять и опять яростно пытался хоть сколько-нибудь податься назад. В темном, сдавившем дупле становилось душно. Было уже не до лисенка. Хотя бы чуть сдвинуться назад: там шире.

Выбившись из сил, положил голову на вытянутые вперед руки и представил, как будет медленно умирать в этом гнилом дупле рядом с лисенком...

Отдышавшись, он ощупал дупло и нашел выступ, о который можно было оттолкнуться. Но, упираясь руками, невольно раздвигал плечи, и они заклинивали его в дупле. Тогда он стал ногами нащупывать какую-нибудь неровность, чтобы зацепиться носком и вытянуть себя назад.

Ремешок, которым был подвязан бродень, зацепился за что-то. Росин осторожно потянул ногу к себе. Держит, не обрывается сучок! Сгибая ногу и отталкиваясь от стенок пальцами, он чуть стронулся с места и немного повернулся. Плечам сразу стало свободнее. Гимнастерка валиком закатывалась на теле, но он все же выползал из дупла! Выбрался, сел на валежину, но вспомнил о лисенке и поспешил уйти, чтобы и тот мог выскочить.

...Глухо треснул под ногой сук... Крупная рыжая птица испуганно метнулась над завалом.

«Да это же сова! — обрадовался Росин. — Вон из того пня вылетела, который выше всех».

Росин торопливо пробрался к пню и принялся стаскивать к нему сучья, обломки гнилых стволов.

«Ведь эти совы на день прячутся в дупла. Наверное, дупло!»

Быстро выросла груда древесного хлама. Росин забрался на нее, заглянул в торец пня. Перед глазами было глубокое, темное дупло!.. И опять с утра до вечера Росин в завалах. Пень, в обхват толщиной, надо было перерезать ножом, сделать гораздо ниже, надо расширить дупло, чтобы медвежья лапа опустилась туда свободно, надо подобрать бревно, вырезать паз, надо...

Но что бы там ни было надо, а настал день...

— Все, Федор, настроена ловушка!

— И рыбы положил?

— Положил. Даже меду немного в дупле есть.

— Теперь ждать будем. Даст душку рыба — придет. Если ходит поблизости. А стружки собрал ли?

— Как же, ни одной соринки! Карасей вместо щепок набросал. Даже которых на обед брал, выбросил. Только бы быстрее пришел.

...На столе был расстелен большой кусок бересты. По углам, чтобы она не свертывалась, лежали четыре камня. «Картосхема Дикого урмана» — выведено вверху аккуратными буквами. Озеро, граница урмана, старые кедрачи, завалы — все обозначено на схеме. Росин тщательно вырисовывал кружочки в местах предполагаемого выпуска.

— Что, конец работы? — спросил Федор, помельче нарезая приготовленную на щи крапиву.

— Конец, Федор.

— Добре! Теперь у нас одна забота: припаса в зиму наготовить.

— Да, Федор, одна забота...

Но такая жизнь, когда все время и силы тратятся только на то, чтобы выжить, казалась Росину слишком пустой и скучной. Разыскивая дупло для ловушки, он считал все дуплистые деревья, чтобы точнее знать возможности урмана для устройства соболиных гнезд. Собирая на зиму ягоды, закладывал пробные площадки и точно определял урожайность ягод. Подсчитывал, сколько муки можно добыть из сотни корневищ кувшинок. Собирая дрова, задавался вопросом, сколько кубометров сушняка можно собрать в тайге с одного гектара. Он старательно отмерял шагами гектар. Плотно складывал сушняк, не зная, представляют ли какую-нибудь ценность для лесников полученные цифры. Но он все вымерял сушняк, потому что сбор дров имел теперь в какой-то степени и научный смысл.

...Росин лег на плотно слежавшееся на нарах сено, заложил руки за голову.

За стеной тоскливо поскрипывали елки.

Росин вспомнил, как мать уговаривала его не поступать в этот институт: «Не живется, как всем. Учился бы на инженера — в городе работать. Или дома бы строить научился. Самому под старость любо посмотреть на свой труд. А то нашел работу — по лесам бродить. В воскресенье с ружьем-то находишься».

«Да, хорошо, что она пока ничего не знает».

Вспомнилось, как в детстве нашел кусок старого брезента, отстирал в канаве, высушил, а потом мать скроила и сшила из него полевую сумку. Он уходил с этой сумкой в лес или на болото, искал там птичьи и звериные следы и аккуратно зарисовывал их в свой блокнот. В сумке, кроме карандаша и блокнота, лежали простенький школьный компас, перочинный ножик со сломанным концом и на всякий случай кусок веревки,

который мог пригодиться в походе. Сумка висела рядом с кроватью и всегда была готова к походу.

«Через несколько недель экзамены в аспирантуру. Пропадет целый год, — продолжал думать Росин. — Скоро уж разыскивать начнут. И где? В другой стороне совсем! Потом и матери сообщат... Ведь десятки людей искать будут...»

Росин поднялся с нар.

— Дай я тебе щи, что ли, помогу варить!

Глава семнадцатая

Белым-бела вся поляна вокруг избушки. Тяжелый иней склонил траву.

— Смотри-ка, Федор, какой мороз! А ведь сегодня только двадцатое августа.

— Рановато нынче холода, — сказал Федор, вслед за Росиным выходя на костылях из избушки. — Шишки чуть вызрели, а уже иней. Теперь и до зимы недалече... А лабаз, почитай, пустой.

— А медведи от таких холодов досрочно в берлогу заберутся. На медвежатину надеемся, а она под сугробы, бай-бай. Вчера опять ловушку смотрел — пусто..

— Нет, зверь раньше срока не ляжет. Жиру на зиму нагулять надо... Только нечего на жир надеяться. Орехов нонче много. На всю зиму припасем. Через неделю можно начинать.

Отступил перед теплым еще солнцем утренний иней. Опять зазеленела трава, но теперь уже тусклой, поблекшей зеленью. И по листьям деревьев заметно — на исходе недолгое лето.

Запахами грибов, спелых ягод наполнилась предосенняя тайга.

Пропали комары, но вместо них живой серой пылью вилась назойливая мошкара. Она забиралась в рукава, под рубаху, в брюки, в бродни, ухитрялась кусать даже между пальцами ног. К счастью, ночью мошкара спит, ночью можно выйти из избушки и спокойно посидеть, слушая, как щелкочут клювами на мелководье утки. Долго тянулись теперь ночи. Не в пример быстро мелькавшим дням...

— Теперь в управление ребята, наверное, приехали на практику... Студенты охотоведческого факультета.

Обычно я их себе забирал, места под выпуск ондатры обследовать. Теперь Алексей Михайлович, наверное, учеты проводить пошлет... Хорошо бы все-таки нескольких человек на обследование южных озер направить. Дело там нехитрое. Не хотелось бы до следующего года оставлять.

— Вадя, а ты фитиль тогда взял ли? Который возле шалаша, в дупле, прятал.

— Забыл, Федор... Да и зачем нам второй? Все равно огонь день и ночь не тухнет. И одного хватит. Схожу в крайнем случае, если понадобится, — не десять километров.

— Ну ладно, пускай лежит.

Федор легко обстругивал кол, срезая с него крупные стружки. Бывает, смотришь на руки человека и понимаешь, какая в них недюжинная сила. По движению рук, по тому, как человек берет что-то, чувствуешь силу. Такими были и руки Федора. Росин давно заметил это и все же удивился, когда однажды, подбрасывая в чувал дрова, Федор взял толстую, похожую на кость, короткую палку и тут же с хрустом переломил ее. Переломил в руках ту палку, которую Росин пытался и не мог сломать о колено. Росин покачал головой и подумал в шутку: «Он, наверное, не понимает, что у человеческой силы может быть какой-то предел».

Федор приладил прочную трехметровую ручку к громадному чурбану.

— Вот, готова тебе колотушка орехи сбивать. Колот по-нашему.

Росин робко смотрел на колот, в котором вместе с трехметровой рукояткой больше трех пудов веса.

— Федор, а ты уверен, что это как раз то, что надо? — спросил Росин. — Не великоват?

— Что ты. Раза в два, в три тяжелее бывают. Те, верно, человека на два, на три. А тебе одному стучать

придется, так что как раз. Малость разве легковат. Вон ведь какие деревья простукнуть надо, — кивнул Федор на толстые кряжистые кедры.

— «Легковат!» Да я его в руках едва держу, не размахнешься. А ведь бить надо, чтобы шишки сыпались.

— Посыплутся. Иди-ка вон вдарь потому.

Росин подошел к увешанному тяжелыми коричневыми шишками кедру. Держа колот обеими руками посреди черенка, повернулся всем телом и ударил по стволу. Одна-единственная шишка тукнулась о землю.

— Не держал, видно, в руках! Разве так стучат! — кричал от избушки Федор. — На попа ставь колот. Возле самого ствола. Вот, вот, на землю ручкой. А теперь верх с чуркой отведи и вдарь!

Росин отвел колотушку от ствола и с силой толкнул вперед. Удар! Тук, тук, тук... — падали шишки. Хрясь! — угодила одна прямо в лоб, и даже колот выскользнул из рук.

— От ты напасть какая! — заругался Федор. — Глаза вышибет. Вдарил — прячься под колот, под чурку. А ты вверх смотреть! Нешто можно.

Федор подковылял к кедру, поднял шишку, вылушил орех, попробовал.

— Пора, спели орехи.

Медленно вернулся к избушке, сел на валежину, положил рядом костыли.

— Теперь вся деревня за орехами подалась. Наталья, должно быть, тоже. А что без меня наделает? Намается только. Ни орехов не наколочу, ни на промысел не попаду. Нескладный год. И она там одна.

— А Надюшка?

— Что Надюшка? Цветами только в избе мусорить. Какой еще из нее помощник... Крышу нонче летом перекрыть собирались... И Матвеевне бы надо.

— Что за Матвеевна?

— Соседка у нас, старушка. Тоже бы пора крышу подновить... Одинокая она.

— Да, Федор, я во всем виноват.

— Почто ты? Нога вот... Ладно, однако. Погляди, как кедровки на орехи насели.

— Они еще зеленые клевать начали.

— Завтра с утра и ты начинай.

Чуть свет с колотом на плече Росин вышел из избышки. Всюду сновали кедровки. Набивали объемистые подъязычные мешки орехами и летели прятать куда-нибудь под старую кору или в мох.

Росин подстрелил из лука кедровку, собиравшуюся запрятать орехи под корни трухлявого пня. В подклювном мешке сто восемь кедровых орешков. «Через полмесяца не останется ни одной шишки целой», — подумал Росин и, бросив кедровку в туес — пригодится на суп, принялся бить колотом по деревьям.

Испугавшись ударов колота, слетело несколько тетеревов. Они тоже лакомились орехами, вышелушивая их, как кедровки, прямо из шишек.

А кедровок не стесняло соседство Росина. Они лущили шишки даже на дереве, по которому он бил колотом. «Ладно, всем хватит, — думал Росин. — А кедровки ведь и пользу приносят: рассаживают кедры. Кое-что уцелеет из их запасов и прорастет на следующий год».

На каждом дереве гирлянды шишек.

«Наколочу побольше, потом собирать буду», — думал Росин.

Вдруг там, где только что был, тревожно закричали кедровки. «Уж не медведь ли?» Росин осторожно пробрался к поляне. А там росомаха расправлялась с только что сбитыми шишками, выгрызая из них орехи. Ветерок потянул от Росина. Росомаха подняла мордочку и, понюхав воздух, неуклюже припустилась с поляны.

«Надо, пожалуй, сразу подбирать шишки, а то их тут быстро растащат», — подумал Росин, глядя, как их обрабатывали еще и кедровки...

Под вечер Росин ворвался в избушку:

— Федор! Ты посмотри, что в кедраче творится! Сплошь кедровки! На каждом дереве, наверное, по сотне. Как саранча! И все летят и летят. Знать, со всей тайги!

Федор поковылял к открытой двери.

Прямо над избушкой, и слева, и справа от нее, стаями и в одиночку летели и летели кедровки.

— Худо дело. Все орехи оберут. Поспешать надо. Ты шишки не таскай, прямо там, в кедраче, хорони под хворост. Собрать потом успеешь. Второй раз за всю жизнь такую напасть вижу. Все черно! Смотри-ка, так и мельтешат! И в деревне ничего собрать не успеют, — сокрушался Федор.

Шишки исчезали прямо на глазах.

Росин принялся колотить по кедрам. Сбитые тут же собирал в кучу и закрывал хворостом. С каждого следующего кедра шишек падало все меньше и меньше. Кедровки работали проворней... Росин торопился, но уже темнело, трудно было искать сбитые шишки...

Чуть свет в кедраче опять застучал колот Росина.

Но не спали и кедровки. Их стало еще больше. Огромные стаи заполонили урман. Везде эти птицы. Уже попадались начисто обобранные кедровки. Выклевав два-три ореха, кедровки бросали шишки на землю, а тут не зевали мыши, бурундуки. Эти зверьки добрались и до сбитых Росиным шишек. Хворост для них не преграда.

Глухари, тетерева, белки, ронжи тоже накинудились на орехи.

Теперь после удара колота шишки не сыпались дождем. Росин запуская в кедровок палками. Птицы

отлетали. Но прилетали другие, глядя на них, возвращались спугнутые, и опять продолжался погром.

Вдруг — почти не тронутое кедровками дерево. Шишек много — птицы ни одной. А на соседних деревьях кишели кедровки. «Почему так? — удивился Росин и пошел к этому высокому, густому кедру. — Может, орехи какие-нибудь несъедобные? Вряд ли». Поставил колот возле ствола, отвел подальше назад — надо протолкнуть вон какое дерево — и ударил со всей силой по кедру. Сверху с ревом почти на голову свалился медведь! Росин в сторону, медведь в другую! Падали кусочки содранной когтями коры, а зверя и след простыл.

«Вот это да! — покачал головой Росин. — Даже испугаться не успел. Хорошо — пестун попался. А если бы старик?.. Надо же, медведи и те за орехи принялись».

Со всех сторон летели кедровки. Чтобы опередить их, Росин торопливо застучал колотом.

Еще через день в кедрачах совсем не осталось шишек. Опустошив кедрачи, птицы так же быстро пропали, как и появились.

Пришлось по-другому добывать орехи.

Вооружившись ножом, острым колом и маленькой лопаткой из оленьего рога, Росин разыскивал по урману белые колышки, заранее поставленные около найденных бурундучьих норок.

Отыскав норку, Росин гибким щупом из ивового прута определял место бурундучьей кладовой и рыл над ней узкий шурф, прорезая чуть ли не полуметровое сплетение корней. В кладовой были отборные кедровые орехи, без единого гнилого или пустого.

...За день два берестяных туеса полны орехов. Взяв их наперевес, Росин шагал к избушке.

По деревьям темным туманом заползали сумерки. Вокруг высокие старые сосны.

Из дупла, выдолбленного в сухой сосне черным дятлом, выглянул и пропал какой-то зверек. «Белка», — подумал Росин.

Зверек опять показал маленькую мордочку с крупными черными глазками. «Да это же летяга!» — узнал Росин таинственного ночного зверька. Выбравшись из дупла, летяга забралась на самую вершину дерева, сжалась в комочек и, резко оттолкнувшись, бесшумно полетела, похожая на серо-белый треугольник. Пролетев метров тридцать, почти у самой земли схватилась за кору дерева, быстро вскарабкалась на вершину и вот опять, растопырив передние лапы и вытянув задние, расправила летательную перепонку и, исчезая в сумерках, спланировала к третьему дереву.

Росин спустился к ручью. У воды стоял небольшой кустик шиповника. На самой верхней веточке краснела всего одна ягодка. К этой ягодке карабкался бурундучок. Но стебель, на котором она росла, так тонок, что согнулся даже под тяжестью этого маленького зверька. Он сорвался и упал в траву. Стебель выпрямился, и на нем по-прежнему краснела ягода. Бурундучок выскочил из травы, снова полез на куст. Добрался до тоненькой веточки, и повторилось то же самое — опять свалился и снова полез. Росин опустил лук. «Это, наверное, тот самый бурундучок, которого не удалось поймать в этой норе, — подумал Росин, глядя на раскопанную неподалеку нору. — Там еще сухой шиповник рядом с орехами был. Все ягоды, наверное, давно перетаскал, а до этой добраться не мог. А теперь, после погрома, пришлось лезть и за ней.

Опять качалась под бурундуком тоненькая ветка. Вот она резко склонилась вниз! На этот раз зверек не упал — вися вниз головой, вцепился в нее лапками. Веточка перестала качаться. Осторожно перебирая лапками, бурундучок спускался вниз, к ягоде,

краснеющей теперь уже под ним, на самом кончике перегнутой ветки. Добрался, откусил и спрыгнул с нею в траву.

Нахмурившись, Росин зашагал к избушке.

Глава восемнадцатая

Искать начали давно. День за днем над Черным материком и на пути к нему гудели вертолеты.

Деревушка опустела. На берегу остались только старые, разбитые обласки^[8]. На всех других люди уплыли на поиски.

Наталья знала, как страшен лесной пожар. Она ушла с поисковой группой, которой было поручено обыскать пепелище по обоим берегам реки.

Для этих мест пожар был несильным, и о нем забыли. Теперь пришлось вспомнить. Не один день ворошили люди прибитый дождями пепел, пытаюсь найти хоть какие-нибудь следы трагедии. «Не могло же сгореть все, — думали они. — Должны остаться хотя бы обгоревшие ружья или ножи... Если, конечно, все это не утонуло в реке».

Поиски осложняло и то, что Росин мог отклониться от основного маршрута, чтобы проверить, не пригодны ли ближние речки и озера под выпуск бобра и ондатры. Беда могла случиться и там. Их искали и в стороне от основного русла. Но слишком много было вдоль реки коварных топей, которые могли бесследно похоронить людей. Могла бы остаться лодка. Но вертолеты, не раз пролетавшие вдоль реки, не разыскали ее...

Солнце закатилось за лес. Над затоном то здесь, то там начинали посвистывать крыльями утки. На красной от зари воде, неподалеку от камыша, появился какой-то слишком густой кустик. Но он так мал, что даже первый, с опаской опустившийся на плес селезень не увидел в нем ничего подозрительного. Утки, подломив крылья, одна за другой, а то и целыми стайками плюхались на воду. Вокруг нарастал шум от стрекота цедающих воду утиных клювов.

Одна из уток подплыла к густому зеленому кустику и как-то шумно, неуклюже нырнула, а кустик зашатался. Но утки не обратили на это никакого внимания. Они даже не заметили, что утка так и не вынырнула...

Так же безвозвратно, одна за другой, нырнули еще три утки. А птиц слеталось все больше. Плеск, гомон стоял по всему затону. И вдруг вся эта масса птиц со страшным шумом сорвалась с затона и, испуганно крикая, в беспорядке заметалась над ним. Посреди затона стоял Росин с густым зеленым кустиком вокруг головы.

Дрожа от холода, не обращая внимания на мечущихся над затоном птиц, он побежал по мелкой воде к берегу, держа в посиневших руках по паре уток. На берегу отряхнулся и, не чувствуя заочеченными ногами земли, припустился к избушке.

— Ты чего же удумал! — ругался Федор. — Свалиться захотел! И летом-то вода холоднющая, на берегу местами лед подо мхом не отходит. А он после инея столько в воде просидел. Залазь быстрее на нары, чего стоишь!

Синий от холода, Росин покорно шмыгнул в сено и клацал там зубами.

— Не встать тебе завтра. Знамо дело, сляжешь, — ворчал Федор, торопливо заваривая чай из листьев смородины.

Но назавтра Росин встал как ни в чем не бывало.

— Что, Федор, у тебя уже завтрак готов?

— Повремени малость. Пусть как следует упрет.

— Опять бурда из манника? Ну, хорошо, хорошо, — поспешил исправиться Росин, — каша! Буду с удовольствием есть! Крикни, когда поспеет.

Росин вышел из избушки и с силой швырнул нож в ближайшее дерево. Нож вонзился и мелко задрожал рукояткой. Росин выдернул его, отступил на несколько

шагов от дерева и с еще большей силой швырнул в ствол. Острый конец глубоко вонзился в древесину.

Из избушки вышел на костылях Федор.

— Все бросаешь? Погляди, как ручку оббил. Совсем поломаешь. И что тебе далось нож кидать?

— А вот научусь как следует в цель попадать — и охотиться с ним можно. Посмотри, насколько в дерево входит. На близком расстоянии такое оружие не хуже ружья.

— Уж не на медведя ли аль на лося собрался?

— А почему не попробовать?

— Ты взаправду не вздумай в кого из них кинуть. Попасть-то попадешь, видал, ловко у тебя получается. Только звери-то шибко на рану крепкие. Уйдут с ножом — ни мяса, ни ножа. А без ножа нам... — Федор развел руками.

Росин еще раз швырнул нож в прилепленный к сухостоине березовый листок. Лезвие вонзилось чуть ниже листка.

— Вот видишь — мажу... Ты о чем задумался, Федор?

— Теперь, поди, ищут нас. Всех в деревне от дел оторвали. Добро бы хоть там искали, где надо, еще куда ни шло. А то ведь в пустом месте.

— Думать об этом страшно. Люди бросят все и будут искать, где нас никогда и не было. Еще, не дай Бог, самолеты пошлют. Нам соболей выпускать не всегда их сразу давали, а туг без всякой пользы мотаться будут... А может, сюда какой по пути залетит?

— Ближнее ли дело — «по пути». Сюда лететь да лететь. А почто? Тайга не изба — всю не обыщешь.

— А давай сигнальные костры зажжем! Может, какой самолет и заметит.

— Может, и заметит, который пожары смотрит.

К вечеру на берегу выросла гора хвороста и зеленых веток.

«Дня на три палить хватит», — с удовольствием думал Росин.

Наутро от головешки из чувала задымилась куча хвороста, а когда затрепетала клокастым пламенем, Росин бросил на нее охапку пахучих зеленых веток.

Клубами завертелся густой серый дым и поднялся над тайгой высоким косым столбом.

И началось. Методично, одну за одной тащил охапку, бросал в костер, шел за другой, приносил, бросал, снова шел... И так без конца.

Бушевало пламя. Мокла от пота рубаха. Росин свернул к озеру, сунул рубаху в воду, не выжимая, натянул на себя.

— Поотдохнул бы. Гляди-кось, ветки-то к концу, — сказал Федор, укрепляя на колу уток, чтобы коптились в дыму.

— А я ведь думал, дня на три хватит... Ну ничего, сигналить так сигналить! А меньше что за дым?

То и дело Росин посматривал в голубое небо... Но там только редкие, просвеченные солнцем облака.

Чайки и крачки уже привыкли к дыму. Сновали возле самого костра, пролетая порой сквозь серые клубы.

— Полно. Не шибко часто тут самолеты. Лучше бы те дрова да в зиму...

Росин подошел к озеру, зачерпнул обеими руками воду, плеснул в лицо. На губах горько-соленый вкус пота.

— Ладно, Федор, теперь до вечера недолго. Подымлю, если уж взялся. На худой конец, утки лучше прокопятся.

Село солнце. На берегу догорал сигнальный костер, разнося по воздуху белый пепел сгоревшей хвои.

— Кончи, паря, звезда вон небо просверлила. Кто теперь полетит.

...В небе и тихих затонах замигали звезды. Потонули во тьме берега, слились с небом контуры деревьев.

Федор сидел возле костра и неторопливо мешал деревянной ложкой щи из кислицы. Росин подтолкнул в огонь недогоревшие концы веток. Федор опустил руку с ложкой и невидящим взглядом смотрел на огонь.

— Да, беспокойство дома. Наталья, поди, ревет втихомолку... А Надюшка, должно, в школу пошла...

Улыбался Федор редко. Но когда разговор заходил о Надюшке, лицо его всегда теплело и становилось особенно добрым от этой отцовской улыбки.

Но вот оно опять стало хмурым.

— Портфелью сулил ей купить...

«И Оля теперь уже занимается, — подумал Росин, — Кончились каникулы...»

В костре зашумели убежавшие щи.

— Давай-ка есть, — спохватился Федор. — Готово давно.

Оба молча принялись за еду.

Крупные звезды горели зеленоватым светом, как горят в темноте кошачьи глаза.

Все больше на небе звезд, все гуще сумрак. Костер теперь как в шатре из непроглядной мглы. В этот шатер то и дело влетали ночные бабочки и, опалив крылья, гибли в огне.

— А у меня мать еще ничего не знает. Волнуется, конечно, у калитки безрукого дядю Яшу с почтальонской сумкой встречает. А он: «Нет, Катерина, опять ничего. Да ты не грусти, напишет...» А ведь скоро из управления напишут: «Пропали в тайге».

Росин замолчал. Вспомнилось неутешное горе матери, когда дядя Яша принес извещение о смерти отца.

— Ничего... Что мы, померли, что ли? Вернемся, опять ладно все будет.

— Не знаю. После смерти отца у нее сердце здорово пошаливать стало.

— Ничего. Мать, она как раз сердцем чувствует, жив или не жив.

Возле притухающего костра стало холодно. Росин поднялся, ушел в темноту... Вернулся с сушняком. Федор спал. Положил голову на кочку и спал. «Что ж, ведь он вырос у костров... А мне вот что-то не спится».

Росин подбросил дров. «Да, хорошо бы, если люди могли чувствовать сердцем, — думал Росин, вспоминая Олю. — Тоже ждет писем...»

Вспомнилась первая встреча. Поздняя электричка. По окнам извилистые струйки дождя.

И вдруг она! Вошла и села напротив вместе с подружкой. «Не знаю, как проберусь в этих туфельках. Дождь, темень». — «Говорю, пойдем ко мне, — предложила подружка. — Переночуешь, а утром съездишь». — «Что ты, если брат просит приехать, значит, надо». — «Тогда счастливо добратся. Я схожу. На лекции встретимся». А перед следующей остановкой пошла к выходу и она.

Тоже вышел в тамбур.

«Возьмите». — «Фонарик? Зачем?» — «Берите, берите», — почти силой впихнул, когда была уже на платформе. — «Как я его верну?» — «Я найду вас».

И нашел. Потому что на штампе ее книжки видел: «Московский медицинский институт».

Оказалось, приехала в Москву с Байкала. И глаза у нее под стать Байкалу — голубые, бездонные.

Над озером засверкала луна.

«Может быть, ее видит Оля... А все-таки странно: вот эту луну сейчас видят люди, которые спокойно живут, работают, ходят в кино. Им и в голову не приходит, что есть где-то вот такие дебри и люди, которым уже начинает казаться, что на свете и нет ничего, кроме этих дебрей».

Что бы я сейчас отдал за какой-нибудь приемник! Ведь сколько всяких событий! А у нас о них ни малейшего представления. Слушал бы без конца и день и ночь!

Все-таки какое же чудо приемник! Сидя вот здесь, знать, что творится в мире. Даже слушать репортаж о футбольном матче... Как далеко все это! Можно сойти с ума».

Глава девятнадцатая

Росин услышал шум мотора. Выскочил из избушки. Но никакого шума уже нет. Вернулся в избушку — опять шумит. Хотел снова ринуться, выбежать, да понял: это Федор тихонько храпит на нарах.

— Вставай давай. Чего ты храпишь, как самолет.

Возле избушки пирамидками наставлены длинные прутья с нанизанными на них грибами.

Одна из пирамид потихоньку шевелилась. Осторожно, на цыпочках, Росин подошел к ней. Не замечая его, белка старательно разгрызала гриб, чтобы снять его с прута. Разгрызла, взбежала с ним на дерево и ловко засунула в развилку сучьев.

— Смотри-ка, Федор, там уже десятка полтора грибов!

Испуганная голосом Росина, белка цокнула и замелькала между веток.

— Вот так-то. Ты бурундуков грабить не хошь, а белка нас грабить не совестится... Хороший нонче год для промысла: белки много. Дела у нового председателя складно пойдут... Хоть бы пса моего на охоту кто взял. Неужто весь сезон без дела будет?..

— Уж очень молодой у вас председатель. Мальчишка совсем.

— Ничего. Собьется где, старики поправят. Только у него пока все как надо идет. Звероферму вон наладил. На ней бабы не меньше нашего зарабатывают, и для колхоза прибыль... Парень он расторопный, грамотный. До него всё старики колхозом правили. Привыкли по старинке тихонько жить, а он у нас парень хваткий. На-ка вот, готов. — Федор подал Росину только что сделанный деревянный совок с длинными, как пальцы, зубьями, переходящими в лоток. — Вот так прямо: зубья

— в брусничник и встряхивай легонько. Вся ягода в лотке будет.

Забрав совок и самую большую корзину, Росин пошел к завалам. Там, неподалеку от медвежьей ловушки, лучший брусничник.

Посмотрев вслед Росину, Федор подумал: «Должно, ночью дождь соберется: лишайник следа не оставляет. Поотсырел, неломкий. И чаек далеча слышно. Вон где орут, а словно у берега. Грибы надо убрать».

А Росин шагал к брусничнику.

Путь недалекий, привычный, давно уже протоптал тропинку, проверяя ловушку...

Вот и брусничник. Блестели на солнце твердые листочки, а крупные гляцевитые ягоды окрасили все в красный тон. Прошел немного, оглянулся назад — полоса ярко-красных следов.

Шумно хлопая крыльями, поднялся взматеревший выводок тетеревов. Черные, краснобровые петухи веером разлетелись в стороны. «Опять с этого же места. Знают, где кормиться. Тут самая крупная ягода. Здесь и оставлю корзинку. Взгляну на ловушку — и попробую, что за совок».

Росин остолбенел. У ловушки медведь! Громадный, рыжий! Росин подбежал было ближе... Но медведь отошел от ловушки. Росин замер, боясь шевельнуться. Зверь повел носом, определяя, откуда же идет заманчивый запах. Вот подошел к пню, сунул в дупло нос и сразу удивился, почуяв мед и рыбу. Но голова не пролезала в дупло. Сунул лапу — и взревел от боли! Бревно осело в пазу. Медведь рванулся с такой силой, что Росин испугался за прочность ловушки. Зверь ревел, дергался, но ловушка держала. «Надо что-то делать!» Росин вынул нож и пошел к медведю. Увидев человека, зверь так рывкнул, что Росин невольно остановился. Медведь рванулся к нему и, не в силах выдернуть лапу, принялся крошить желтыми зубищами пень... Как

бессилен казался нож перед этим беснующимся чудовищем тайги! Росин отошел за деревья, вырезал прочную палку, привязал к концу нож и с этой наскоро сделанной «пальмой» пошел к медведю. Завидев его, зверь снова принялся рваться. Казалось, он мог сейчас оторвать свою лапу. Дикая, неистовая злоба в глазах, клыки в пене... Такая громадная туша, а скакала у пня легче кошки. Рядом с ним никакая ловушка не могла показаться прочной. Росин медленно подходил. Дергаясь всей своей тушей, зверь пытался оторваться от пня. Больше подходить нельзя. Клочья пены летели на рубаху. «Только бы не промахнуться, — думал Росин, нацеливаясь в сердце зверя. — Сейчас он рванется из последних сил, и, если сдаст ловушка, — все». Удар. И страшный рев потряс тайгу! Еще удар! Еще! В агонии когтистая лапахватила по пню, и след от нее — как от осколка снаряда!

...Росин рукавом смахнул пот со лба. У ног лежал убитый медведь. Кое-где еще судорожно дергалась шкура. Нож и трава в крови. На передней подвернутой лапе когти сантиметров по десять. Что-то вдруг отказали ноги. Росин сел на землю. Перед глазами бурая туша. А ему вспомнилась Оля в легком белом платье, и он в отглаженных брюках, в белой тенниске. А сейчас? Заросший, оборванный, в крови. «Но все-таки живой! — подумал Росин. — И буду живой!» Он вдруг вскочил и пустился в дикий, неистовый пляс!

Прибежал к Федору:

— Я медведя убил!

— Полно болтать-то... Что-то бледный шибко... Елки-колючки, неужто правда?!

— Да разве этим шутят!

...Вешала, на которых в начале лета сушилась рыба, теперь были заняты длинными узкими ломтями медвежатины. Старых вешал не хватило, пришлось

сделать несколько новых. А туша еще едва ли разделана наполовину.

— Ничего, Федор, вид! — Росин кивнул на вешала, а сам уже жевал только что отварившуюся в здоровенном глиняном горшке медвежатину.

— Не худо глядеть... Только вот на небе-то больно толсто. Дождик соберется... Некстати. Сейчас бы солнца.

Влажный ветерок усилился, и вечером заморосил мелкий, обложной дождик...

Он не переставал всю ночь. И утром с серого, низкого неба неторопливо, нудно сыпал все такой же, как вечером, дождь. Он не стал ни сильнее, ни тише.

Два поползня склевывали с нижних сторон веток каких-то насекаемых. В этот пасмурный день все букашки перебрались на нижнюю сторону веток.

Ближние к избушке вешала опустели. Мясо с них в несколько рядов развесили возле чувала. В чувале, не переставая, пылал огонь. Федор то подклады вал дров, то переворачивал висящее возле огня мясо.

Росин возился под наскоро устроенным, покрытым еловыми лапами навесом. Там у него костер, и возле костра тоже были развешаны куски медвежатины. С мокрого лапника на спину, за ворот падали холодные капли. Дрова, как и все вокруг, намокли, костер горел вяло, дымно, мясо не сохло.

В небе никакого просвета. Все было сплошь затянуто низкими серыми тучами.

Несколько дней вокруг избушки стоял тяжелый запах разлагающегося мяса.

А дождик по-прежнему сыпал и сыпал с хмурого неба. Земля уже не впитывала воду, и теперь она лужами стояла в промытой траве.

— Да, подвела нас, Федор, погода. И трети не пересушили.

— И это еще сберегчи надо. Не то что мясо, в лабазе всю рыбу сгноим в такое ненастье.

Но дождь наконец вылился. Проглянуло долго пропадавшее солнце. Только не повеселел урман от его тусклых лучей, пробравшихся сквозь белесую мглу.

Хмурым бродил Росин. Выкопал возле шалаша яму и палкой сгребал в нее смердящие остатки мяса.

Федор опять едва передвигался по избушке — от ненастья снова разболелась зашибленная спина. Но он все-таки возился с мясом: что-то досушивал, пересушивал, готовое укладывал в туеса.

Росин лег на нары.

Озеро, тайга, избушка — все вокруг становилось ненавистным! Хотелось бросить все и вот так, как есть, идти через тайгу. Он готов был ползком пробираться по топям, готов был плыть хоть на бревне, только бы идти, идти туда! Но он никуда не шел. Рядом скрипел костылями Федор... Росин старался уснуть. Он уже по опыту знал: наутро все опять станет более-менее сносным.

— Куда ты в такую рань поднимаешься, поспал бы, — говорил Федор.

— Сколько же можно спать? Часов семь проспал: чего же на ненужный сон время тратить? Ты знаешь, мы с этим медведем и о слопцах^[9] забыли. Ведь я тогда еще десяток сделал. Уж больше недели стоят. Схожу проверю.

— Ступай. Нелишнее будет, коли что попало.

Осенней сыростью, поздними грибами пахла тайга.

Пни как расцвели — все в опенках. По ярам маленькой таежной речки, по кромкам сосновых грив и болот тянулся ряд слопцов. Издали было видно: во многих ловушках упали бревна. Значит, с добычей. Обошел все слопцы и едва увязал добычу. В тяжелой связке были и глухарь, и заяц, и тетерева, и рябчики.

Путь до избушки неблизкий. В дороге застал вечер. Глаза постепенно привыкли к темноте, и идти даже в густых сумерках было не так уж трудно. Только ноша тяжеловата. Часто приходилось садиться на валежины и отдыхать. Росин так и шел от одной удобной валежины до другой.

Ночью высоко поднялась луна. Свет ее узким лучом прорвался сквозь ветки, упал на высокую седую траву и будто пригнул ее своей силой. Березки на берегу словно светились изнутри мягким серебристым светом. Над озером было так светло, что казалось, сорви какую-то невидимую кисею перед глазами, и будет светло как днем. «Что это, — думал Росин, — так ярко светит луна или глаза начинают видеть в темноте, как глаза зверя?»

Из небольшого залива донесся всплеск, непохожий на всплеск рыбы. Опять всплеск. Еще. Росин понял, что там происходит, и осторожно подобрался к заливчику. Теперь было видно, как плескалась вода. Это выводок выдр охотился за рыбой. Они загнали ее в узкий мелкий залив и принялись ловить всем выводком. С добычей зверьки вылезали на берег. В траве их почти не видно. Росин слышал только, как в разных местах похрустывала рыба. Наевшись, одна из выдр забралась на крутой глинистый берег и на брюхе съехала в воду. Забралась еще раз и опять прокатилась с горки.

На озере кончили переговариваться гуси — время подходило к полуночи. В последнюю неделю Росин замечал, что гуси до полуночи сидели на открытой воде, метрах в трехстах от берега. Там они держались плотной стаей и часто переговаривались. А после полуночи тихонько подплывали к берегу, выбирались на него и там уже, чтобы не привлечь какого-нибудь хищника, сидели совершенно тихо.

Уже глубокой ночью добрался Росин до избушки.

— Федор, если каждую неделю по стольку попадать будет, то и медведя жалеть нечего. Посмотри! Глухарь,

три тетерева, три рябчика и даже заяц случайно попал.

— Добрая добыча. В ладном месте слопцы поставил. Понимаешь, где птица ведется.

— И это, Федор, после недели дождей. А сколько же за неделю хорошей погоды попадется?! Раза в три больше, вот увидишь!

— Не загадывай, тут нонче одно, завтра другое.

Глава двадцатая

Тайга залита солнцем. Не осталось и следа от низких серых облаков. Ярко проступили осенние краски. Зелень кедров и пихт, пурпур осин, лимонная желтизна берез, как будто вобравших в себя солнце. Все не шелохнется, как на холсте. И только на осине, как на большом ветру, трепетала кучка багряных листьев. Воздух предельно прозрачен. Далеко-далеко были видны черные точки пролетных птиц.

Избушка в ярко-оранжевых гирляндах рябины, заготовленной приманивать к слопцам глухарей, выглядела как-то особенно уютно и даже весело. Федор сидел возле избушки и щучьей икрой натирал мездру медвежьей шкуры.

— Как же ее такую мять? — спросил Росин, кивнув на шкуру — Она местами почти в сантиметр толщиной.

— Ничего, от икры поразмякнет, помаленьку сомнем. Нам, чтобы колом только не стояла... А ты далече ли собрался?

— Слопцы проверять. Опять неделя, как не был.

Заросший бородой, в заплатанных беличьими шкурами штанах, в полосатой бурундучьей шапке, Росин шагал к слопцам. Он шел по невысокому бугру и вдруг в низине увидел сжавшегося на лежке зайца. Зверек тоже заметил Росина, но не побежал, а крадучись, словно кошка, стал выбираться из частой поросли ивняка. Он еще надеялся, что человек не видит его, и торопливо переставлял лапки, припадая к земле. Только выбравшись из зарослей, он, как обычно, задал стрекача.

...Бревна всех слопцов упали. Росин подбежал к ближней ловушке — пусто. Бревна отодвинуты в сторону, колышки повалены, под ними глухариные

перья, а на земле царапины крупных медвежьих когтей... У других ловушек тоже перья глухарей или тетеревов и следы тех медвежьих лап.

«Да, прав был Федор, тут сегодня одно, завтра другое, — думал Росин. — И как аккуратно ворюга вычистил.

ни одного слопца не прошел. Придется каждый день про верить».

Вечером следующего дня Росин опять у ловушек. За сутки упали бревна в двух слопцах. Но снова только перья. Опять опередил медведь.

— Теперь туда и непочто ходить. Он завсегда раньше тебя осмотрит. Ведь ему не идти: он рядом, — говорил Федор, а сам не переставал возиться с медвежьей шкурой. — Сходи только бревна в слопцах урони. Чтобы не попадала птица. Добычи ему не будет — уйдет.

Росин вернулся к слопцам и принялся палкой страгивать насторожки. Бревна падали и, если он не успевал отдернуть палку, прихлопывали ее к земле.

«Что это?» — вдруг обернулся Росин. Неподалеку раздался непонятный звук. Ему ответил такой же, но приглушенный расстоянием стон. «Да это же лоси вызывают друг друга на бой...» Голоса ближе. Идут навстречу. «Вот там, наверное, должны сойтись».

Крадучись побежал к месту предполагаемой встречи. Голоса быков все ближе. Росин пробирался от дерева к дереву, стараясь не качнуть ветку, не хрустнуть сучком. Лоси ревели уже совсем близко. Но дальше деревья, сучья которых высоко от земли. «На эти быстро не заберешься... Что делать? Рискнуть, перебежать этот участок? Нет, лучше обожду здесь. Сейчас им все нипочем — с землей сровняют».

Впереди прошумели кусты, хрустнули под острыми копытами ветки. Один из лосей бросился навстречу сопернику. Гулкий стук рогов, фыркание, храп, хруст

веток, опять стук рогов. «Теперь им не до шорохов», — подумал Росин и побежал ближе к лосям. Нагнув головы и выставив вперед широченные рога, лоси вновь бросились друг на друга и, сцепившись рогами, теснили один другого. Неожиданно один из лосей кинулся в сторону Росина. С проворством белки Росин оказался на дереве! У края поляны молодой лось отпрянул в сторону и, быстро повернувшись, ударил рогами в шею соперника, чуть не сбив его с ног. Лось потряс головой и, оправившись от удара, ринулся на противника. Тот подставил рога, но удар был такой, что молодой лось «отъехал» назад, взбороздив копытами землю. Не давая ему опомниться, старик ударил рогами в бок.

Лось упал, но туг же вскочил и кинулся бежать. Победитель неторопливо пошел в поросшую осинником низину — где-то там осталась лосиха.

Вдруг рядом каким-то особо грубым голосом возвестил о себе еще один лось. Ободренный только что одержанной победой, сохатый с угрожающим храпом бросился к новому сопернику. Но вместо лося к рогачу выскочил обманувший его медведь! Необычно легкий прыжок — медведь на спине лося! Тот шарахнулся в сторону. Медведь вцепился в загривок, лапой схватил лося за морду, стараясь свернуть ему шею. С боков и с морды лося текла кровь. Он метнулся в сторону, в другую, но медведь прочно вкогтился в спину. Из рта лося клочья пены. Он мотнул головой и освободил ее от когтей. Медведь заревел и вонзил зубы в загривок лося. Сохатый захрапел, и, вскинув морду, ринулся напролом, в гущу деревьев. Медведь ударился башкой о сук, перевернулся и хрястнулся спиной на землю. Вскочил — и в погоню. Но впопыхах в другую сторону. Поняв оплошность, заметался. Росин оторопел. «А вдруг меня найдет?!» Но медведь отыскал пахнувший кровью след и кинулся за лосем.

Стараясь не шуметь, Росин слез с елки. До земли оставалось не больше метра, и он прыгнул. Шорк! — что-то шумно повернулось рядом. Отброшенный будто пружиной, Росин взобрался на елку.

В кустах, вместо медведя, покачивался длинный сук. Видимо, когда прыгнул, наступил на конец, скрытый во мху. «После таких страхов и сука испугаешься».

Росин пошел по следам зверей. На рыхлой лесной подстилке были четко заметны следы широких лосиных копыт. Местами рядом с ними виднелись царапины когтей медведя. Но вряд ли теперь догонишь сохатого. Его следы уверенно уходили в чащу.

Повернув к избушке, Росин остановился у слопцов. «А может, теперь медведь и не вернется?.. Насторожу-ка слопцы и завтра же проверю».

...Но снова медведь опередил Росина. Та же картина: разваленный слопец, следы медведя, кое-где перья. Только по ним и видно, какой тут был трофей.

«Сюда бы ты, медвежьё, ловушку, — думал Росин. — После того медведя стоит там без толку. Этот бы забрался. Наглый, стерва...»

Росин вышел к озеру.

День был вроде и не пасмурный, но какой-то тусклый. Облетали с берез листья, осыпалась желтая хвоя с лиственниц. Стаи гусей и уток заполнили озеро. Казалось, прилети еще стая, ей негде было бы сесть. Куда ни посмотри, повсюду птицы. Сейчас это пернатое царство уныло, тихо. Не было и в помине того веселого гомона, который стоял тут весной.

Щемящая тоска сдавила сердце Росина. Улетали птицы. Они улетали, как будто перед страшной катастрофой, которая вот-вот обрушится на этот край. Они торопились, а им с Федором суждено остаться здесь. Вадиму казалось, что оттуда, с севера, за последними стаями птиц придет на озеро какая-то мучительная беда...

«Пора еще раз поискать лодку. Тростник поредел, теперь самую широкую полосу просмотреть можно. Уж если и на этот раз не найду, то нечего больше и искать».

В сером небе плыл большой треугольник журавлиной стаи. В тон их печальным голосам так же тоскливо стонала на ветру березка. Росин остановился и, пока не скрылись из виду, провожал глазами птиц.

А в это время по верхушкам деревьев, по болотам бежала тень: над протоком летел к Дикому урману поисковый вертолет. В болотных окнах коротко вспыхивало солнце...

Из Черного материка возвратились последние поисковые группы. Никто не нашел ни людей, ни следов трагедии. Предположения строили разные: сгорели в таежном пожаре, погибли в какой-нибудь топи, ушли в другое место, может быть даже в Дикий урман.

Отправить в урман поисковую группу на лодках было уже поздно. Вот-вот замерзнут реки, и тогда сами спасатели окажутся в труднейших условиях. Решено было осмотреть район с вертолета.

Дочка Федора. Надюшка, видела, как летчики рассматривали карту. Один, самый высокий, склонился над столом, другой оперся на локти, а третий водил по карте карандашом. Этот третий показался Надюшке добрее всех. Когда он остался один, она тихонько подошла к нему, тронула за рукав и попросила: «Дяденька, найди моего папку!» Летчик ничего не ответил, только едва заметно кивнул и погладил девочку по голове. Он и по карте видел, что вряд ли могли пробраться люди в такую непролазную глушь. Не нашли в Черном материке, а тут и вовсе надежды мало. И опять над вертолетом сверкал серебряный круг блестящих на солнце лопастей. Опять все внимательно смотрели вниз. Но уже в самом начале полета пришло разочарование: проток был почти сплошь загроможден

деревьями. Но вертолет все летел и летел дальше, к Дикому урману, хотя каждый уже был уверен — люди здесь не могли пробраться на лодке. А когда проток совсем затерялся среди деревьев, все решили: пора возвращаться назад. Вертолет накренился и взял курс на Тарьёган.

Глава двадцать первая

Невеселым причалил Росин к берегу. Поставил плот на прикол, обернулся к озеру. Свинцово-серая, катящаяся крутыми волнами вода, редкий, шуршащий на ветру тростник. Пустые серые берега местами тоже перекатывались волнами. Это колыхался коварный зыбун. Ветер гнал по оголившейся земле листья, сметал их на холодную воду и долго мотал по озеру, пока наконец не прибывал назад к берегу. Печально, надрывно шумела тайга.

— Что, опять не нашел лодку? — спросил Федор, откладывая костяную иголку и недошитую рукавицу из бурундучьих шкур.

Росин покачал головой.

— И куда запропастилась? Илом, что ли, затянуло? — Федор взял пучок сухой крапивы, ловко расщепил ножом стебли, ободрал с них луб. У чувала сушились такие же пучки крапивы. Выбрал, какой всех суше, снял. На его место повесил только что расщепленный. Истолок в деревянной ступе просушенную крапиву, отбил от костры и из получившегося зеленого волокна принялся сучить нитки.

— А у тебя еще из медвежьих жил какие-то нитки есть, — сказал Росин, доедая кашу из манника.

— Те нельзя. Те на бродни. Бродни, особо подметки, крапивными нитками не пришьешь: там настоящая прочность нужна. Вот для бродней и берегу.

...К вечеру усилился ветер. Он поднимал на озере волны, гнул на берегу деревья. Почти беспрерывно, стаи за стаями, проносились над избушкой отлетавшие на юг птицы.

Федор с порога смотрел на летящие стаи.

— Валом птица пошла. К снегу али к морозу... Нам бы сейчас берлогу поглубже. Ханты сказывают, если в берлогу спать ляжешь, всю зиму проспичь, только весной проснешься... В деревне, поди, лодки на берег вытаскивают. Большие есть, на которых орехи с дальних кедрачей возим. Эти всей деревней тащить собираемся. Ворот делаем... Ворот-то я завсегда ладил. Теперь, наверное, Купландей будет. Тоже умеет... Сосед мой...

Федор помолчал, улыбнулся, как улыбаются наивной ребячьей затее, и продолжал:

— Весной ему кур привезли, четыре штуки. И петуха. Загородил их со всех сторон, в ограде держит. Видел, сколько собак в деревне? Они тут отродясь кур не видели. Им что — птица, значит, хватай, лови!.. Петух по утрам на всю деревню поет. Интересно слышать. Заголосит в тишине, собак в искушение вводит. Ограду хорошую сделал, может, и уцелеют...

Однажды утром Росин открыл дверь и не узнал тайгу. Деревья, озеро, поляна перед избушкой — все бело. Ни травы, ни тропинок — все укрыл за ночь первый снег.

— Вот, Федор, и зима.

— Да, этот намертво лег

— Ты знаешь, я рад, что зима настала: быстрее весна придет! Посмотри, снег какой. Даже ступать на него жалко.

— Добрая пороша. Теперь все следы пропечатаются.

Федор мало говорил о промысле. Но Росин понимал: думает он о нем часто. Да и как не думать: охотничий сезон для промысловика — время основного заработка.

...От избушки к озеру протянулись первые следы от бродней Росина. За ночь вода замерзла, и на лед тоже напорошило снегу. Росин долбил ножом прорубь.

— Вот время настало, — сказал он, вернувшись в избушку, — до воды и то не скоро доберешься.

— Не доберешься — и не надо. Теперь из снега воду топить можно.

— Нет, Федор, в воде из снега нужных солей нет.

— Мы на промысле завсегда со снега чай топим, и ничего, что без солей, — ответил Федор, ставя на угли чувала пустой глиняный горшок. — Давай воду. Эта вроде и в самом деле вкусней.

За чаем Росин иногда занимал Федора рассказами. Слушал Федор всегда со вниманием. Особенно любил он рассказы о незнакомых зверях и птицах. Порой задавал вопросы, на которые Росин не всегда мог ответить. «А какие у него глаза? — спрашивал он о еноте-полоскуне. — Зрачки какие? Круглые, как у собаки, или щелкой, как у лисы или кошки?» И очень удивлялся, когда Росин пожимал плечами. «Как же так, — недоумевал Федор, — близко видел зверя и не заметил, какие глаза?»

Хоть ночь напролет мог слушать Федор рассказы о неведомых для него краях: пустынях с песчаными бурями, горах, где даже летом на вершинах снега, степях без единого дерева до горизонта...

Но как бы ни был интересен тот мир, о котором рассказывал Росин, для Федора не могло быть лучше его родных мест. Он все понимал здесь, все было привычно и дорого. Окажись он в других краях, не было бы ему покоя без этих черно-зеленых кедрочей с густым моховым ковром, без глухарей на речной гальке, без россыпей звезд над крышей избушки. Он вырос в тайгу своими заботами и умением. А тайга вошла в его самое раннее детство елями у дома, зеленым мхом на крышах. Птичьими гнездами...

Федор любил бессуетную отшельническую жизнь промысловика. В тайге у него было время даже для того, чтобы постоять и подумать о жизни какой-нибудь маленькой пичуги. А то, что порой чуть не замертво валила на нары усталость, об этом он мало думал.

Стоило утром заискриться снегу, и опять не усидеть в избушке. И не надо ему жизни лучше.

...Возле избушки появились тропки. Одна к проруби, другая к штабелю дров, третья к лабазу, а четвертая, самая длинная, уходила в урман...

Облачившись в тяжелую медвежью шкуру, Росин брел по этой длинной тропе.

Еще на практике, когда чуть свет спешил в лес, Росин досадовал на людей, придумавших обыкновенные ботинки. «Не могли сделать с молнией. Раз — и все! А тут зашнуровывай, трать время!»

А теперь он был недоволен своим одеянием. К шкуре Федор пришил три пары тесемок. Завязывать их Росин считал лишней тратой времени и вместо тесемок пришил всего пару здоровых деревянных пуговиц. А у бродней, которые не совсем быстро налезали на ноги, не моргнув глазом располосовал верх голенищ.

Сейчас эта модернизация давала о себе знать. Под шубой гулял ветер, а бродни были полны снега. Но Росин старался не замечать этого.

С дерева на дерево, тихонько попискивая, перелетали синицы, ища в задирках коры какой-нибудь корм. В ельнике, распуская, как веер, хвост, перепархивала по нижним веткам ронжа...

Ветром накренило большую ель. Она не упала, а уперлась вершиной в стволы соседних деревьев. Оторванные вместе с землей корни не встали прямо вверх, а только приподнялись над землей, образовав глубокую нишу. Подтвыворотом на оголенной земле почти всюду виднелись следы рябчиков. Птицы прилетали сюда за камешками. Поблизости на снегу были следы горносталя. Под выворотом он ловил мышей.

А вот под соснами темные точки и черточки: глухарь кормился тронутой морозом хвоей.

Чуть в стороне раскопан брусничник. По маленьким крестикам следов было понятно: рябчик выкапывал из-

под снега ягоды.

Тропа тянулась вдоль ручья. Росин то и дело сворачивал с нее и заглядывал под густые еловые лапы. Там стояли спрятанные от снега плашки — деревянные ловушки на горностаю.

Наконец кто-то попал в ловушку. Росин поднял плашку — под ней колонок, небольшой, с золотистой шкуркой зверек, похожий на горностаю... А дальше опять пустые плашки, черканы, слопцы...

— Как, греет? — спросил Федор, помогая Росину освободиться от тяжелой шкуры.

— Как деревянная на морозе, совсем не гнется. Со всех сторон поддувает... Но все-таки ничего — выходить из избушки можно. Во всяком случае, теплее, чем этот жилет. — Росин кивнул на одеяние Федора, собранное из беличьих, заячьих, бурундучьих шкурок.

— Этот жилет скоро шубой будет. Добудем шкурок поболее, полы надставлю, рукава пришью.

— К весне, может, добудем. Во всех ловушках один колонок. Да вдобавок след росомахи видел.

— Худо. Пронюхает про ловушки, все оберет, хошь и приманку стащит.

— Федор, а почему росомаха по лисьему следу шла? Неужели лисицу поймать собиралась?

— Не, лису по мелкому снегу ей не пымать. А ходит за ней не зря. Самой охотиться лень, вот и подбирает объедки. А успеет — и все заберет, глухаря там али зайца. Она чаще за медведем ходит. А теперь медведь спит.

Росин подошел к чувалу погреть озябшие руки.

— Вот и еще один день прошел.

— День теперь короче птичьего носа.

— Скоро Октябрьские, Федор. Надо будет тоже, вместе со всеми, отметить. Пусть хоть это будет как у всех.

...Никогда еще стол в избушке не был накрыт так богато. Жареная медвежати́на, вареная рыба, грибы в особом кулинарном исполнении Федора (не то жареные, не то вареные), клубеньки стрелолиста вместо картошки и даже лепешки из муки, добытой из корневищ кувшинок. Был тут и богатейший набор сушеных ягод: земляника, черная смородина, малина, черника, черемуха. А клюква, брусника, шиповник, рябина были поданы в замороженном виде.

По случаю праздника Федор решил принести даже меду.

— Садись, Федор. У тебя как, богатое воображение?

— Чего, чего?

— Ты можешь вообразить, что в наших изящных бокалах, — Росин поднял увесистую глиняную кружку, — в наших изящных бокалах не вода, а неведомое бургундское?

— Брага, что ли?

— Ну ладно. Пусть будет брага. Выпьем вместе со всеми.

— Почто не выпить? Давай выпьем.

Они чокнулись кружками. Получился глухой короткий стук.

— Все-таки мы не совсем оторваны от мира. Там праздник, и у нас праздник, вместе со всеми.

— Дома-то без нас не больно веселый праздник.

— Это верно, Федор... Твои-то давно узнали, а вот матери, наверное, только сообщили... Совсем еще не остывшее горе.

— Ничего, ты же не помер. И ей, поди, написали — пропал. А пропал — может найтись. Она же понимает... Я вот за своих не опасаюсь: выдюжат. Оно, конечно, тяжело без мужика в доме одной управляться. Ну так что же поделаешь? Всяко вот бывает...

— Уже полгода ни копейки матери не посылаю.

— Письмо бы ей от тебя нужно, а не деньги.

— Письмо-то письмо, что и говорить... Слушай-ка! А ведь ей, наверное, мою зарплату выслали! Мне же там что-то причиталось.

— Конечно выслали... Может, и пенсию положили.

— А вот это уже плохо.

— Чего же плохо? Пушай получает, потом расплатишься.

— А что? Верно!

— А я вот знаешь об чем беспокоюсь? Ведь не получу я винтовку-малопульку. Их нам по записи привезти должны были. Отдадут ее кому другому. А еще-то, кто их знает, привезут ли. А уж больно удобная штука. С ружья как: найдешь белку и гоняешь по дереву, покуда не загонишь, чтобы только голову из-за чувьев видать. Вот и стреляешь, чтобы дробь чего другого не захватила, не попортила шкурку. Чтобы, значит, первым сортом. А с малопулькой что: цель в голову — и лады. И патрончики дешевые, и унесешь хоть на всю зиму.

— Нашел о чем беспокоиться. Достану я тебе малопульку, как только вернемся. Ведь наше управление их распределяет.

Росин перестал есть.

— А что, Федор, в управлении уже, наверное, охотоведа вместо меня взяли?

— Должно быть...

— Какого-нибудь только кончившего институт... Ему, наверное, за мой стол садиться не хочется, думает, мол, после покойника.

— Полно болтать-то. Нашел о чем говорить. Ты в управлении вот чего расскажи. Народу у нас тут в тайге мало. Лежит, можно сказать, добро, а брать некому. Разве рыбы столько бы ловить надо... Или орех кедровый возьми. Много ли его берем? Если на каждую душу в колхозе считать — много. А прикинуть, сколько всего тут ореха, то каплю в море берем... С пушниной

худо. Раньше-то охотники как жили? По тайге — вразброс. Сейчас всех вместе собрали. В колхоз. Ребятишки учиться могут. Магазин есть, больница, кино. Раньше — как? Один тут живет, другой там. Каждый вокруг себя промышляет. А теперь все в одном месте. Бьем зверя в ближних урманах, дальше-то на оленях не уедешь. А уедешь, так и промышлять некогда: все время в дорогах. Так год из года и остается зверь в дальних урманах. Вернешься отсюда — пошевели там кого надо, пусть на нашу тайгу внимания поболее обращают.

Федор выпил еще воды и продолжал:

— Глядишь другой раз в кино — людей на разных машинах возят, на вертолетах тоже. Вот бы нам сюда вертолет. Одного бы на сколько колхозов хватило. Долго ли ему нас по тайге развезти? Развез, а месяца через два собрал. Тогда бы все угодыя опромыслили... Говорят, с вертолетом расходы большие. Так мы их покроем. Ведь не гулять — работать будем.

— Обязательно расскажу, Федор. В некоторых промхозах это уже есть — на вертолетах охотников развозят. Со временем везде так будет.

— Добро бы...

Федор задумался, видимо, представлял, насколько лучше пойдут дела промысловиков.

О многом говорили в тот вечер. Заснули только под утро.

Глава двадцать вторая

Росин проснулся и не верил своим ушам. Через заставленное льдиной окошко видно: уже рассвело. На нарах, зарывшись в осоку, посапывал Федор. И вдруг в дверь опять, на этот раз громко и уверенно, постучали! Росин соскочил с нар.

«Кто же это?! — пронеслось в голове. — Здесь, в этих дебрях, только два человека, я и Федор!»

В дверь снова постучали!

— Да! Войдите! — Росин бросился открывать дверь.

Разбуженный Федор изумленно смотрел на Росина.

«Да, войдите!» — это он услышал даже во сне. Ничего не понимая, поспешно слез с нар, подхватил костыли и тоже вышел из избушки... Росин босиком стоял на снегу и растерянно озирался по сторонам. У домика никого не было.

— Ты чего-нибудь понимаешь? — спросил Росин. — Неужели не слышал: стучали же!

— Полно тебе. Следов-то, смотри, нету. Послышалось, поди.

— Да что ты, я хорошо слышал! — возмутился Росин.

Тук-тук-тук — застучали опять.

Росин и Федор подняли головы и увидели на крыше дятла с желтой шапочкой. Склонив набок голову, дятел с любопытством рассматривал стоящих внизу людей.

Тут только Росин почувствовал, что босыми ногами стоит на снегу. Захлопнул дверь, а дятел опять: тук-тук своим прочным клювом, проверяя, нет ли чего съестного под корой на крыше.

— Ну что же. хорошо, что разбудил, — сказал Росин, натягивая сшитые из медвежьей шкуры бродни. — Пора за дела приниматься.

Накинув медвежью шкуру, он вышел из избушки и тут же вернулся с большим берестяным ведром. В ведре замерзла вода, и лед в одном месте даже разорвал шов. Росин сел возле чувала и то одним, то другим боком поворачивал ведро к огню. Прогрев его со всех сторон, осторожно перевернул, поставил на пол и приподнял. На полу, сверкая в пламени чувала, осталась стоять ледянка, в точности повторяющая форму ведра. Вверху Росин осторожно прорезал небольшое отверстие и вылил воду.

— Федор, готова ледянка.

— Вижу. На-ка вот. — Он подал Росину маленький, сделанный из толстой бересты туесок с мелкими дырочками в крышке.

Росин поднес туесок к уху.

— Шуршит.

— А как же... Ну, ступай.

Озеро теперь было громадным белым полем. Деревья на берегу окутаны снегом. Травы, кочек не было и в помине: все занесло. Синими, зелеными, красными искрами блестели на солнце снежинки.

Росин с ледянкой под мышкой брел по тропинке, припорошенной снегом... От озера тропинка повернула к мелколесью... Выбрав, где снег чаще истрочен следами горносталя, Росин зарыл ледянку в сугроб. К этому отверстию Росин приложил полученный от Федора туесок и осторожно, с уголков, приоткрыл. В ледянку шмыгнула мышь и зашуршала на дне сухим сеном. Росин подышал в замерзшие руки, потер одну о другую, спрятал в рукава и побрел по тропинке дальше. Где-то вдали на лету каркал ворон... И снова молчит тайга. В этой мертвой тишине необычно громким казался даже хруст снега под ногами.

«Сейчас все тут дикое, веками устоялось. Порой даже как-то не по себе становится, — думал Росин. — А появятся следы соболя — по-другому на всю эту

дикость смотреть будешь. Уж вроде и не глухомань, а освоенный человеком лес... Этой зимой уже можно было бы выпустить тут первую партию. Теперь придется отправлять их куда-то в другое место. А сюда бы надо в первую очередь — лучшие места... Сколько штук, интересно, получают? Хотя бы поменьше дали».

На поваленном кедре стоял, насторожен, черкан. Вблизи никаких следов. Росин пошел дальше — еще пустая ловушка... еще и еще. Запахнул поплотнее шкуру, побежал, чтобы перебороть мороз. Но, увидев издали еще пустую ловушку, постоял в нерешительности и повернул назад.

— Вот видишь, Федор, как получается, — говорил Росин, подсаживаясь к чувалу, — все ловушки не удастся проверить, потому что одежда плохая, а одежда плохая потому, что все ловушки не проверены.

— Верно, одежина нескладная. Поболе ледянок наморозить надо и ставить недалече. Горностаи, он и туг вертится.

— Надо прямо сейчас на мороз воду вытащить.

Росин вынес берестяное ведро и вернулся к чувалу.

— Что, снегу еще прибавило? — спросил Федор.

— Прибавило.

— Скоро нашим промысел кончат — собаки в снегу начнут вязнуть.

— Дни-то, Федор, настали, не успеешь оглянуться — темнеет. И сиди вот здесь... Сейчас бы почитать что-нибудь. Любую бы книжку читать стал. Вот бы каким-нибудь чудом английский сохранился. Уж тут бы я его вызубрил. А теперь, что и знал, забуду... Надо, пожалуй, словарик составить из слов, которые еще помню.

— Нам и в избушке делов хватит, — отозвался Федор, вырезавший из осколка кости новую иглу. — Зима-то, она хоть и длинная, а пройдет. Лодку делать пора.

— Страшно начинать... А может, все-таки на плоту попробуем?

— Пустое. Сам видел, что делается. У первого завала его бросишь. Долбленку и ту едва протолкали, а ты — плот.

— Ну что же, бросили у завала один плот, за завалом другой сделаем. Так и будем пробираться.

— Сколько же плотов ладить придется? Да без топора. До пол пути не доберешься — паводок кончится. В первом зыбуне отдашь душу.

— Значит, все-таки ножом вырезать лодку?

— Терпение да труд все перетрут. Вырежем помаленьку... Лоси вон языками пещеры вылизывают... Только осину подходящую подыскать надо.

...Среди сутр оба. вокруг ствола самой толстой в округе осины, горел костер. Возле костра, укрыв спину медвежьей шкурой, сидел Росин. Время от времени он вставал и палкой обивал нагар со ствола. Уже немного работы огню. Вот-вот подгоревший ствол рухнет... Запрокинув голову, Росин посмотрел на осину. «В какую же ты сторону повалишься? В ту, наверное. Вроде сюда чуть наклонилась. Или наоборот?.. Нет, все-таки сюда. Надо перебраться на другую сторону». Только хотел шагнуть, подгоревший ствол хрустнул и медленно повалился на него. Росин кинулся в сторону, но запутался и упал в сугроб! Отбросил шкуру. Вскочил!.. Но поздно, да и незачем бежать: осина рухнула рядом, на шкуру.

Отдышавшись, Росин взялся за угол шкуры и потянул. Не подалась. Дернул сильнее — ни с места. Ствол угодила как раз поперек шкуры и зажал между валежиной и собой.

Ежась от холода, Росин подергал с другой стороны. Никакого толку... А сам уже дрожал от холода. «Что же делать? Прежде всего надо поближе к костру, пока не совсем замерз. Надо отжечь часть ствола для лодки, а

потом колом сдвинуть бревно со шкуры. Хорошо еще, дров запас много. А то бы и шкуру не вытащить, и до избушки не добежишь — замерзнешь».

...По ровной белой пелене протянулась широкая полоса, как будто снежную целину пробороzdил танк. «Да, порядочно намесил, — думал Росин, стирая рукавом пот. — И еще дня три придется так же вот, по чуть-чуть, двигать колом это бревно...»

На четвертый день бревно наконец около двери. В избушке, чтобы освободить для него место, переставлена вся мебель: стоявшие в центре стол и коряги перенесены вплотную к стене.

По толстым кольям-каткам бревно водворили в избушку. Оно едва уместилось в ней с угла на угол.

— Ладную осину выбрал. Давай нож, потихоньку начну. А ты залазь на нары, умаяло бревно.

— Нет, Федор, пока не стемнело, хотя бы ближние ловушки проверю.

Белой канавкой вилась по глубокому снегу промысловая тропка.

Вот и ледянка. Ее не видно. Заметно только маленькое отверстие в снегу. Возле него свежие следы горносталя. Росин нагнулся и заглянул в отверстие. В ледянке метался снежно-белый, с черным кончиком хвоста, горносталя. Маленький хищник не мог добраться по ледяным стенкам до узкого отверстия вверху...

Вернувшись, Росин не узнал бревна. Вместо черных, обугленных концов белела чистая, ровно обструганная древесина.

— Когда же ты успел все это, Федор?

— Велико ли дело горелое-то срезать? Нож вот малость притупился. Подай-ка камень... А у тебя как? Добыл чего?

— Вот, три горносталя. — Росин поднял руку со связкой белоснежных зверьков. — Два в плашки, один в ледянку попал.

— Добре. Везучий нонче день.

Утром Росин что есть силы нажимал на рукоятку, срезая крупные стружки. Нож глубоко врезался в оттаявшую древесину. Стружка за стружкой падали под ноги, и скоро они засыпали весь пол...

Ворох стружек рос, а бревно казалось все таким же, нисколько не убыло сверху.

«Буду резать не по всей длине, — решил Росин, — а на одном месте. Но зато не кончу, пока не срежу все до отметки». И он с еще большей силой стал нажимать на нож. Волосы спадали на глаза, на лице проступали капельки пота. Начали побаливать ладони и пальцы. А до отметки еще далеко. Росин зашел с другой стороны бревна и с ожесточением продолжал срезать уже не так податливую древесину... На ладонях и пальцах покраснела кожа. Стружки стали куда мельче. Но Росин все резал и резал, видя перед собой только отметку. От непривычного напряжения деревенели руки. Чтобы они могли еще работать, Росин то и дело менял движения: резал то в одну, то в другую сторону... Наконец отложил нож и едва разогнул спину.

— Много ты сделал. До самой отметки? — удивился Федор, возившийся все это время с горшками возле чувала. — Эдак мы быстро с лодкой управимся.

Росин взглянул на свои руки и тут же, чтобы не заметил Федор, опустил их. На ладонях вздулись водянистые мозоли.

После завтрака Федор встал из-за стола и, придерживаясь за стену, без костылей добрался до осины. Наточил нож и принялся строгать. Неторопливо, кажется, совсем без усилий, срезал небольшие, ровные стружки, гораздо меньше тех, которые валялись на полу.

«Нет, Федор, — подумал Росин, — если такими стружечками срезать будем, вряд ли вырежем к весне».

Росин взял кусок чистой бересты и принялся писать на ней, заглядывая в старые записи.

— Чего же ты опять строчишь? — не переставая строгать, спросил Федор. — Сказывал, закончил работу, а сам все пишешь.

— Отчет по обследованию. Мы это обычно в управлении делаем. Тут только материал собираем... А в этот раз на все времени хватит: и на обследование, и на составление отчета.

«Как закончу отчет, — подумал Росин, — займусь статьей об акклиматизации соболя в Поватском районе».

Кончик костяной палочки опять задвигался по бересте.

Росин исписал один кусок бересты, взялся за второй. Исписал и его. Взялся за третий. Наконец отодвинул бересту и повернулся к Федору.

— Вот это да! Как же ты ухитрился? Как топором стесал!

— Да и ты немало срезал, — ответил Федор, не переставая работать ножом. Движения его рук были предельно экономичны. Резал понемногу, не спеша, без всякого усилия.

Росин подошел к Федору.

— Покажи-ка руки... А у меня посмотри что делается.

— Как же это?.. Теперь вот жди, пока заживут. Почто так на нож нажимал?

— Срезать больше хотел.

— Разве так больше получится... У росомахи учись. Неторопливо вроде бежит — ханты на лыжах догоняют. А как возьмет след оленя, считай — ее олень. Туг на ура не возьмешь, — кивнул Федор на осину. — Больше терпения надо, чем силы. Особливо, когда внутри выбирать начнем.

Немало прошло дней, прежде чем Росин опять смог заняться лодкой. Нож теперь только глубокой ночью лежал без дела. А весь день Росин и Федор резали, сменяя друг друга.

Руки так привыкли к работе, что теперь сами, почти механически, срезали стружку за стружкой. Время от времени Росин точил нож и опять продолжал однообразную, наскучившую работу.

— Ты чего? — спросил Федор, увидев, что Росин перестал строгать, а нож не кладет.

— Москву вспомнил... Прямо перед глазами стоит... Огни, улицы, суета, метро...

— Добро бы там побывать. Красивый, наверное, город?

— Красивый, — улыбнулся Росин. — Как-то там сейчас?..

Глава двадцать третья

Пламя в чувале длинными языками поднималось до потолка.

— Еще злее мороз будет. Сильная тяга завсегда на мороз» — сказал Федор, подбрасывая дрова.

Росин облачился в медвежью шкуру, вышел из избушки, хватил морозного воздуха и замер, боясь еще раз вдохнуть. «Видно, за пятьдесят. Даже кедры и те покрывают».

Молчалива, пустынна тайга. На деревьях тяжелая кухта. Снег набился между хвоинок и смерзся, образовав пудовые навалы, согнувшие ветки. Сухой, белесый от мороза воздух, как песком, драл горло. Пропали следы горностаев. Зверьки теперь промышляли мышей под снегом, не выходя на мороз.

Росин подставил к лабазу сукастый обломок дерева, влез по нему и набрал в небольшую корзинку рыбы, сушеного мяса, ягод. «С тех пор как стали ходить сюда, чтобы брать, а не класть, уже не ели досыта», — подумал Росин.

В нескольких шагах от двери избушки, на воткнутом в сугроб колу, столиком был укреплен кусок толстой еловой коры. Посиневшими пальцами Росин отщипнул кусочек сушеного мяса и положил на кору.

Продукты Росин отнес в дальний от чувала угол, всегда белый от инея, повесил на протянутую под потолком жердину медвежью шкуру, поставил на угли глиняный горшок с водой и сам сел к чувалу, ожидая, когда закипит вода.

— Ты чего такой хмурый, Федор?

— Невод у меня колхозный лежит... После промысла бригада наша рыбу ловить начнет, на озере, подо льдом.

— Сетью, может быть, а не неводом? — усомнился Росин.

— Неводом. По прорубям жерди с веревками пропускаем подо льдом, а потом и невод весь тянем. Так вот, в этом неводе дыра с прошлого года осталась. Как раз в самой мотне. Неужто ребята не посмотрят?.. Мука такой лед зазря долбить!

— Как же не посмотрят? Посмотрят, наверное.

Федор подсел к окошку и принялся осторожно соскабливать ножом иней с льдины.

«Как скучно, монотонно тянется время, — подумал Росин, глядя на Федора. — Вот он скоблит льдину, потом перейдет к лодке и так же неторопливо будет строгать ее... Потом я буду строгать. Потом обед, потом опять строгать, потом спать. И так изо дня в день».

Росин взял глиняную сковородку, насыпал на нее рябины и поставил на угли. «Где-то ведь живут люди, что-то творят, строят... А мы здесь, как дикие звери, существуем почти без всякой пользы. Только и забот: как бы не помереть с голода, не замерзнуть... Что эта работа? — Росин посмотрел на стопы исписанной бересты. — Будь все нормально, ее можно бы сделать в десять раз быстрее».

Росин обжарил рябину, ссыпал в маленькую деревянную ступку и принялся толочь, готовя суррогат кофе.

— Скука у нас тут, Федор, как в тюрьме. Даже, наверное, хуже.

— Не знаю, не был там. Из нашей деревни никто там не бывал.

Помолчали.

— Последние деньки мне из Тюмени газеты идут. Скоро все — и почтальон начнет ходить мимо. Ни газет мне не будет, ни писем... Там я умер...

Опять помолчали.

— Федор, а почему ты пса Юганом назвал? — зевая, спросил Росин.

— С Югана он у меня, с реки. Слышал, поди?

— Как же, знаю, в Обь течет.

— Так я его у юганских хантов взял, щенком. Дельный пес. Хоть лося, хоть медведя держит. И по белке хорош. Засиделся, поди. Все собаки на промысле, а он на привязи. Неужели никто не догадается с собой взять? Ему ведь на привязи — что нам тут без дела.

— Федор, а сколько лет ты промышляешь?

— Много... Отец-то не своей смертью помер, вот сызмальства и пришлось вместо него.

— Как не своей смертью?

— Ездил тут раньше купец один. Товар на пушнину менял. Жадный, говорят, был донельзя. Увидит беличью шапку брошенную — собаки играют, так и ее возьмет, у собак отнимет... Раз приехал еще до промысла. Товар в лабаз спрятал, сторожа нанял. Говорит мужикам (а по-русски, сказывают, плохо говорил), толкует, чтобы на промысел взяли, сам. мол, пострелять хочу. С отцом просится — тот тогда больше всех промышлял. Пошел с ним отец. Так он ни одной белки не добыл, в избушке сидел. Отцу что? Сиди, твое дело, и так возами возишь. Потом отец берлогу нашел. Обрадовался он. «Убей, — говорит, — домой приедешь, много пороху дам». А сам что придумал, с ума, что ли, от жадности сошел? Ночью разрядил у отца патроны, пороху отсыпал. Только чуть под пулями оставил. Утром отец пришел на берлогу. Шпок! — хлопок легкий. Медведь на него. Сграбастал. Остался отец возле берлоги. А тот по следу пришел. Поглядел, лежит отец, снег в крови. Забрал отцову пушнину, на нарточки и в деревню, по старому следу. Говорит — схоронил. Медведь заломал. Поменял скорехонько товары и уехал... А мужики вскорости отца нашли. Не убил его медведь до смерти. Года два еще дома лежал... А тот больше не приехал. Жалел отец:

хотелось ему с ним свидеться... Я тоже не дождался. Конец купцам пришел...

— Прозевали! — спохватился Росин и торопливо пробрался через дрова к двери. Приоткрыл ее и поманил Федора: — Давай быстрее!

На кормушке из толстой еловой коры столпотворение. Серые синицы-гаички, отгоняя одна другую, подсакивали к твердому кусочку мяса, воткнутому в дырку, и, отщипнув, тут же отлетали.

Одна синица схватила весь кусочек, спешно порхнула с ним в кусты и пропала. Другие синицы, увидев, что мяса больше нет, тут же успокоились и разлетелись.

Две бородатые физиономии убралась за дверь.

Однажды Росин вошел в избушку, держа в руке маленькую елочку.

— Сегодня во всех домах елки, пусть и у нас будет...

А вечером, к удивлению Федора, к двум стоящим у «праздничного» стола корягам он притащил третью.

— А это еще почто?

— Пускай стоит... Что тебе, жалко?

Недолго просидел Федор за новогодним столом. Поужинал, встал и ушел на нары. Лежал он тихо, но Росин слышал, что не спит... Уснул только после полуночи.

А Росин еще долго сидел и ждал, когда отсюда Новый год дойдет в Москву, к Оле. Даже Новому году на это надо три часа...

На другой день Росин, как обычно, взял нож и подсел к лодке. Но Федор остановил его:

— Погляди, ножа-то скоро половина останется. Вон как сточили. Эдак мы нож наперед сточим, чем лодку сделаем. Где можно, выжигать надо.

Посреди избушки, в лодке, задымил маленький костер. Федор поддерживал ровное пламя, а Росин

протирал борта мокрым мхом и счищал нагар, когда Федор передвигал костер на другое место.

За новым занятием быстро прошел день...

Верхние языки пламени в чувале почти вылетали в трубу. Даже сквозь толстые стены было слышно, как трещали на морозе деревья.

Ночью, зябко поеживаясь, Федор слез с нар, подбросил дров в чувал и накрыл спящего в сене Росина медвежьей шкурой.

— Ты чего? — сквозь сон спросил Росин. — Сегодня же твоя очередь под шкурой спать.

— Лежи, лежи, я у чувала посижу, чего-то не спится. — Федор, придерживаясь за стену, без костылей подошел к чувалу и присел на корточки, вытянув к огню руки с растопыренными пальцами.

«Что это окошко больно посветлело? Сполохи, должно быть, всю играют».

Он встал, открыл дверь и выглянул наружу.

— Вадя, посмотри-ка, сполохи! Нонче за зиму первый раз такие.

Росин зашуршал сеном и, кутаясь в шкуру, тоже выглянул и замер: вся северная сторона неба пылала разноцветными огнями. Небосвод лизали громадные красные языки. То слева, то справа вспыхивали яркие полосы. Одни пропадали тут же, другие держались долго, переливаясь малиновыми, желтыми, зелеными оттенками. Этим краскам хватило бы, наверное, на миллион радуг. Вдруг все пропало... Черное небо... И вот на нем одна за другой повисли громадные сине-зеленые сосульки.

— Должно быть, к полуночи время. Ишь разыгрались.

— Смотри, сколько света, а небо совершенно черное, и все звезды видно.

— Тут светло, а там от сполохов завсегда темень.

— Какая же красота, Федор! Не знаю, с чем можно и сравнить!

— Прикрой дверь, холода напустим.

— Да ладно, не замерзнем. Держи край шкуры. Ты смотри, что делается!

В небе необычное движение. Появились цветные лучи. Вот они смешались, и вместо них вспыхнуло зеленоватое облако мелкой фосфорной пыли.

«Я уже видел что-то подобное, — мелькнуло в голове Росина. — Да, вспомнил, во время грозового разряда, весной».

Фосфоресцирующее облако погасло. На мгновение небо стало опять сплошь черное. Затем небосвод засветился, будто где-то за горизонтом раскинулся большой залитый огнями город. Замерцало над головой, и через все небо протянулись громадные тяжелые занавеси, сотканые из сверкающих лучей. Они колыхались, и по ним перекачивались крупные мягкие складки, то красные, то лиловые, а вот уж и не скажешь какие — всех оттенков. Вдруг полыхнуло зеленоватое пламя, холодное, как свежий скол льдины. Стало так светло — читать можно!

Пламя сменилось мелким голубым дождем. А из-за горизонта метнулись к Северной звезде ярчайшие лучи беззвучного, но грандиозного салюта. Все замерло. Темно и на земле, и в небе. Откуда-то снизу стремительно пронесся луч. Пропал. И вновь на черном небе целая симфония цветов, как будто где-то закружился волшебный шар, собранный из всех бриллиантов мира, и эти мчащиеся по небосводу лучи — огонь его бесчисленных граней... Шар замер, лучи остановились, потускнели, и в небе вспыхнул кроваво-красный пожар. Все шире, шире, охватил все небо! Все горит!

Глава двадцать четвертая

Целую неделю стояла солнечная, с жестокими морозами погода. А потом небо заволокли хмурые низкие облака. Леденящий ветер, казалось, пронизывал тайгу насквозь, стучал оголенными ветками, переметал сугробы.

Ночью Росин открыл глаза. Вокруг непроглядный мрак. Не видно даже окошка. Свистел, выл ветер, шурша по стенам сыпучим снегом. Ни одного уголька не светило в чувале.

Поеживаясь, Росин слез с нар. По полу гулял ветер.

— Опять дверь открылась, — заворчал он. Закрыв, нашел палку, копнул золу. Копнул еще — ни уголька. Бросил палку, разгреб золу руками. Она чуть теплая.

Зашевелился и Федор.

— Почто огонь не разводишь?

— Погасло все! Опять от фитиля раздувать придется. — Росин зашарил по столу, разыскивая фитиль и кремень. — Ну и холодина! Даже вода в кружке замерзла.

Росин подул на руки и ударил тупой стороной ножа по кремню. Ударил еще, еще. Искры вылетали мелкие, бледные, фитиль не затлевал. Росин бил и бил по камню.

— Попробуй ты — руки совсем окоченели.

Федор долго прилаживался, и вот снопами полетели звездчатые искры, освещая на мгновение кремень и руки.

— Отсырел, что ли? — удивился Федор, ощупывая в темноте фитиль. — Сухой вроде. Леший его знает, почто не загорается. — И он опять принялся выбивать сноп за снопом. — Нет, однако, до света придется мерзнуть, а там поглядим, чего с фитилем.

Федор зашуршал сеном, Росин тоже зарылся поглубже...

С соседних нар уже доносилось ровное дыхание спокойно спящего человека, а Росин все еще ворочался с боку на бок. Наконец, не вытерпев холода, вылез из сена, закутался в медвежью шкуру и, чтобы согреться, принялся прыгать на одной ноге. «Давно бы надо. Так-то лучше... Кажется, отогрелся. Надо еще попытаться».

Опять в темноте вспыхнули снопы ярких искр.

— Что, не прикуривается?

— Никак что-то, — с досадой ответил Росин и, положив кремень, опять принялся прыгать.

...Когда наконец рассвело, оба увидели — на фитиле не было нагара, на котором могла бы прижиться искра.

— В темноте все сбили.

— Худо. Надо еще попытать. Может, какая искра и прилипнет.

Федор осторожно ударял по кремню, стараясь не сбить с фитиля остатки нагара... Сочные, яркие искры попадали на фитиль... Но он был по-прежнему холоден.

— Нет, Федор, надо идти за тем фитилем, который летом в осине спрятали.

— Куда же пойдешь? Погляди, на воле-то что!

Он продолжал бить по кремню, осыпая фитиль искрами. Иная даже держалась на нем доли секунды, но фитиль не затлевал.

— Я же говорю, за другим идти надо.

— Ждать надо, покуда метель кончится. А то до смерти ознобишься.

— Вряд ли она скоро кончится. Пока дождемся, в избушке как на улице будет. Совсем замерзнем. — Росин стал натягивать шкуру.

— Нет, Вадя. В такой одежде сейчас нельзя.

— Да далеко ли здесь? Полчаса туда и обратно.

— Полчаса! — горько усмехнулся Федор. — Этого сейчас нешто мало?

— Да что я, первый раз в мороз выхожу?

— Полно. Забирайся в сено. К вечеру поутихнет, тогда поглядим.

За дверью неистовствовал ветер.

«Ладно, — подумал Росин. — Действительно, лучше обождать».

— Да не одевай ты меня шкурой! — кричал он Федору из-под сена. — Мне пока и так не холодно!

— Береги тепло. Оно тебе пригодится...

Долго лежали молча, слушая, как выл ветер.

— Федор, а вдруг и с тем фитилем что-нибудь случилось? Что тогда?

— Тогда замерзнем, — отозвался Федор.

— Не верится что-то... Столько всяких трудов. И для чего? Чтобы замерзнуть вот так, на нарах, в тысячный раз пробуя поджечь фитиль... Представляешь, картина. Заметенная снегом избушка, а в ней день и ночь сидят друг против друга два заледенелых человека. И кремень с фитилем в руках — огонь добыть хотят.

— Полно. Нашел, что говорить.

Опять замолчали.

Весь день одинаково серый. То ли все еще утро, то ли полдень, а может, уже и вечер. В избушке становилось все холоднее. Росин соскочил с нар, взял пару кусков сушеного мяса, сунул один в сено Федору, другой забрал с собой и, зарывшись в сено, тщетно старался разгрызть его...

— Валя, — позвал Федор. — Пожалуй, вечер скоро. Что делать будем? До завтра, может, подождем? Может, поутихнет.

— Ты что, Федор! Сейчас замерзаем, а за ночь совсем все вымерзнет.

Росин надел шапку, натянул медвежью шкуру.

— Погоди, на-ка вот, поддень. — Федор снял телогрейку из шкурок.

— Ты же тут замерзнешь.

— Одевайся, в метель идешь. Поберегайся смотри.

Росин открыл дверь и поспешно отвернулся от ветра, который, казалось, сдирал кожу. Через порог белыми змейками заструился снег.

— Ишь распогодилось. Переждать бы еще ночь.

— Замерзнем за ночь. Пойду.

Внизу, вверху, по сторонам — всюду бело от свистящей метели. Даже к лабазу не было тропки. Белая кружащаяся мгла скрывала тайгу и озеро. Было непонятно, где снег лежал, где летел. Все смешалось в какую-то белую карусель.

Росин наклонился в сторону ветра и, барахтаясь в сугробе, пробивался к лесу. Ветер трепал шкуру, задувал под нее снег. Он таял на теле и тут же замерзал от мороза и ветра.

Впереди замаячили деревья — значит, конец поляны. Росин обернулся. Избушки не видно. А в пургу уходила глубокая траншея. «Обратно идти будет легче». И опять закопошился в сугробе. «Еще только треть пути, а замерз».

Среди деревьев ветер потише, уже не надо изо всех сил удерживать шкуру. Росин проминал и проминал сугроб.

«Здесь где-то осина... Рядом, помню, росли три елочки... Неужели другая поляна? Да вот же они, под сугробом! А вот и осина!.. Дупло заткнуто!.. Неужели кто-то вселился и выбросил фитиль?»

Запрокинув голову, Росин глядел на дупло, а ветер уже наметал вокруг сугроб. Росин сбросил шкуру и полез по обледенелому стволу. Бродни защищали ноги только до колен. А выше брюки намокли от снега и замерзли. Пальцы почти не гнулись. Ломило руки. «Только бы достать фитиль, пока совсем не замерз...

Так вот кто заткнул дупло — мохноногий сыч устроил кладовую. Росин выбросил из дупла мышей, добрался до дна. Вот что-то твердое. Вытащил руку — в ней небольшой берестяной сверток.

Руки и ноги ослабли сами собой. Росин съехал по стволу в снег. «Не отсырел ли?» А руки не держали сверток: пальцы были белы как снег. Росин сунул сверток за пазуху, вытащил из-под снега уже полузанесенную, затвердевшую на морозе шкуру, кое-как натянул ее.

Идти по промятой траншее легче, но и в ней снег глубокий, сыпучий. Дальше траншеи не стало — впереди поляна. С трудом проминая снег, Росин побрел по поляне. Опять вокруг только белая мгла метели. Все тело, казалось, промерзло насквозь. И лицо и руки уже не чувствовали холода. «Может, потерять снегом?.. Стоит ли? Надо быстрее к избушке...»

«Перестают слушаться ноги. Надо пробиваться быстрее... Наконец-то! Вон затемнела избушка... Раз... Два... Три... — считал Росин шаги. — Так, кажется, легче. Деревья?! Значит, это не избушка, пробрел мимо! Уже та сторона поляны...»

Метель слепила глаза, пронизывающий ветер, казалось, леденил сам мозг. «Вроде уже и не холодно, только жутко немеет тело... Надо разобраться, спокойно подумать. Прямо идти некуда — тайга. Значит, назад и немного вправо или влево... Все-таки влево».

Неуверенно, с трудом сделал один шаг, другой и остановился. В шуме ветра послышался новый, замирающий звук... «Вадя!» — опять донеслось по ветру.

— Федор! Федор! — закричал Росин.

Порыв ветра распахнул шкуру и отбросил в сторону. Росин упал в снег и из последних сил удержал ее. Тянул к себе, но не мог поднять против ветра.

— Вадя! Вадя! — опять кричал Федор.

Не в силах подтянуть шкуру, Росин наполз на нее кое-как завернулся прямо со снегом и, поднявшись на ноги, полез по сугробу. Снег то белый, то темный, а вот и земля начала качаться. «Дойду!.. Дойду!» А земля качалась все сильнее.

— Федор! Федор! — закричал он, вкладывая в этот крик последние силы.

...Малость согревшись в сене, Федор опять открыл дверь. «По времени должен вернуться». И вдруг среди метели увидел Вадима. Он стоял. Качался на ветру и шагу ступить не мог. Ладил только не упасть, устоять супротив ветра.

Как был босиком и раздетый, Федор заковылял к нему по сугробу Схватил и поволок к двери... Ввалились в избушку. Снег, занесенный ногами, не таял.

Глава двадцать пятая

Росин лежал на нарах. Его спутанная, клокастая борода торчала вверх, рот полуоткрыт, помороженное лицо в темных, коричневых струпьях.

На стенах, на потолке красноватый свет пламени чувала.

Федор напоил Росина чаем, заваренным сушеной малиной и корой черемухи, плотнее укрыл медвежьей шкурой, а сам снял висевший под потолком пук травы и, выбивая пыль, легонько ударил им о колено. Не торопясь развязал лыковую веревку и зашуршал сухими растениями, выбирая зверобой, богородскую травку, калган. Потом набрал сухих цветов мяты, отрезал корневище синюхи и целую ночь томился у чувала, уваривая в глиняном горшке зелье.

Утром он поднес ко рту Росина деревянную кружку с приготовленным за ночь снадобьем.

— На-ка, выпей.

Росин сделал глоток и отстранил, почти оттолкнул кружку.

— Ты что, отравить хочешь? В рот не возьмешь!

— Пей, пей, от озноба помогает.

Росин сделал еще глоток и поморщился.

— Какая-нибудь старуха научила этот яд варить. Ты еще пошепчи что-нибудь для порядка.

— Сроду не верю никаким шептаниям. Да пей! Опрокинь все разом — и дело с концом... Ну вот. На-ка, запей. Тут с медом.

Немало горького зелья выпил Росин. Толи оно помогло, то ли ежедневный чай из багульника, только наконец он поднялся с нар.

— Как твоя нога, Федор?

— Ничего. Еще походим. В кладовщики идти не придется. Совсем, можно сказать, зажила. В лабаз вот хожу...

— Давай я сегодня схожу. Хоть свежим воздухом подышу. Да и посмотрю, что там осталось.

— Мало осталось. Совладаешь ли с бревном? Тебя ведь без ветра качает.

— Справлюсь. Слушай, а может, на два дня всего принести? Чтобы тебе завтра не лазить.

— Нет. Еще не утерпим, съедим все сразу.

Росин вышел из избушки, и закружилась голова от свежего морозного воздуха. Придерживаясь за стену, жадно, захлеб упивался он чистейшим воздухом, будто после долгой, томительной жажды пил наконец ключевую воду.

На снегу, на гирляндах шишек искрилось солнце. К растущей рядом с лабазом елке прислонено сухое, сучковатое бревно. Росин добрался до него, обхватил обеими руками и попытался привалить к лабазу... Бревно не поддавалось... Росин уперся плечом. Бревно откатнулось от елки и привалилось верхушкой к лабазу. Отдышавшись, Росин потихоньку взобрался по бревну в лабаз. Взял там карася, кусок сушеного мяса и осторожно спустился вниз. Попробовал отвалить бревно назад, к елке, — куда там, даже не пошевелилось. «А ведь когда-то справлялся с этим одной рукой... Ладно, — подумал Росин, — завтра Федор отставит».

Утро назавтра выдалось серое, хмурое. Федор натянул бродни, завернулся в шкуру и вышел к лабазу за обычным дневным пайком. Как по лестнице, влез по бревну, заглянул в лабаз и... обмер! Мука, грибы, клочья бересты от лукошек — все перемешано и расшвырено! Мяса и рыбы почти не было вовсе... Только тут Федор заметил внизу следы росомахи, забравшейся ночью по неотставленному бревну в лабаз. Теряясь в снегу, во все стороны уходили эти следы...

Ни словом не упрекнул Росина. Он и не хмурился, как Росин. Только лицом стал темнее. Его бродни были полны снега: лез по сугробу, чтобы взять кусок мяса, который росомаха второпях плохо спрятала на нижних сучьях одного из деревьев.

Росин завернулся в только что снятую Федором шкуру.

— Ты это куда?

— Моя вина, мне и исправлять ее.

Он вышел из избушки, подвязал к ногам широкие еловые лапы и, неуклюже ступая, побрел на них по первому росомашьему следу... Чуть отошел от избушки — хрусть! — сломалась под ногой еловая ветка. Тут же сдала и другая. Росин по пояс провалился в сугроб. Секунду постоял в нерешительности и начал пробиваться дальше по следу. А росомаха на своих широких лапах ходила тут, как на лыжах.

— Полно, не дело то! — кричал с порога Федор. — Только на ноги встал, опять завалиться хочешь!

Росин будто не слышал. Карабкался дальше... Но слишком тяжела затея для обессиленного болезнью человека.

— Вадя! Слышь? Давай вертайся.

Росин повернул к избушке.

Увидев у избушки людей, синицы тут же слетелись к кормушке. Тихонько попискивая, они прыгали по ней, оставляя маленькие следы-крестики, заглядывая в щелки, в трешинки.

Федор посмотрел на них, ушел в избушку и вынес оттуда маленький кусочек мяса.

— На, положи им. Тоже ведь живые души.

К полудню Федор опять был у росомашьих следов. На ногах широкие снегоступы — овальные ободы с частой сеткой из лыковых веревок и прутьев.

Вовсе не увязая в снегу, он шел росомашьим следом, которым пытался пройти Росин.

След довел до куста и повернул обратно, к лабазу. Федор нагнулся к кусту, копнул палкой снег, копнул еще и достал из него небольшой кусок мяса.

Долго петлял по урману другой, выбранный Федором след. А когда наконец оборвался и он, Федор откопал из снега лишь маленького, раз укусить, карася.

...Поздно, когда уже совсем стемнело, вернулся Федор в избушку.

— Худо дело. И десятой доли не сыскал.

— Все следы обошел?

— Куда там. Дня три бы ходить, да снег вон пустился. До завтра все заровняет.

Утром Федор надолго пропал в лабазе...

— По сколько же теперь на день? — спросил Росин, когда Федор наконец вернулся.

— По столько вот до самой весны.

На шершавых, темных ладонях Федора лежало немного ягод, небольшая долька сушеного карася и совсем маленький, как спичечный коробок, кусочек мяса.

— На таком пайке до весны не дожить.

— Известно, не дожить...

— А это зачем? — Росин кивнул на нетолстое бревно, которое Федор приволок в избушку.

— Рожон сладим.

Первый раз видел Росин, как у Федора не ладилась работа. То с одной, то с другой стороны прилаживался он выстругивать рожон, но везде в этот раз было ему неудобно.

«Неужели медленная голодная смерть? — думал Росин. — Ведь даже при самой жесткой экономии не дотянуть до весны... — Он посмотрел на свои помороженные» еще незажившие пальцы. — И за тетиву не возьмешься... А вообще-то сейчас и с ружьем бы бродить не просто... Что же делать? Как нарочно,

невыносимо хочется есть». Росин сидел на нарах, обхватив руками ноги.

— Давай порежу.

— Руки бередить?.. Сам управлюсь.

Управился Федор только на другой день. На верхушке бревна вырезал три длинных острых зуба. Средний намного длиннее крайних.

— Как, ладно получилось?

— Кажется, хорош. Я ведь рожон только в книжках видел. Ты-то как думаешь, попадет?

— Пришла бы только. На этот вот длинный зуб приманку насалим, прыгнет за ней и угодит лапой меж зубьев. Повиснет — уж не сорвется.

К вечеру трехзубый столб вморозили в яму возле лабаза. На длинный, острый как кинжал зуб насадили крупного карася. «Попадет росомаха, — радовался Росин, — тогда на первое время еды хватит! А там что-нибудь придумаем... А может, пару поймает?»

— Федор, а может, их две было? Неужели одной столько растащить?

— Она оленя за ночь разгрызет и по урману распрячет. А то готовое не растащить!

Ночью Росин вдруг проснулся и резко приподнялся да локтях. Прислушался... Сел на нары. Чуть пощелкивали дрова в чувале, ровно дышал во сне Федор.

Тресь! — раздалось на улице.

Росин спрыгнул с нар, толкнул дверь и, вглядываясь в темноту, старался рассмотреть рожон.

— Почто бегаешь посреди ночи?

Федор приподнялся с нар.

— Шум какой-то был, думал, росомаха попалась.

— Спи. Лесины на морозе колются.

Наутро ни у лабаза, ни у рожона никаких следов. Не появилось их ни на второй день, ни на третий.

— Наверное, она совсем не придет. Запасов у нее хватает... Чего же делать будем, Федор?

Глава двадцать шестая

Федор нанизал трубчатую косточку на длинную, срезанную с ремня сыромятную полоску.

— Как петля захлестнется, костяшка как раз ему супротив зубов придется, — пояснил он Росину.

— А ты уверен, что заяц попадет в такую грубую петлю? — усомнился Росин.

— Попадет. Надо только на поляне ставить. По чистому ночью он ходко идет, не смотрит.

Забрав петли, Федор ушел в урман... Но вскоре вернулся обратно.

— Нету зайцев. Рысь посбирала. След ее видел. — Федор бросил петлю под нары. — По-другому еду промышлять надо. Сlopцы, что ли, порасчистить. Может, кто на рябину приманится.

— А если не приманится?

Не отвечая, Федор запахнул шкуру, взял нож и вышел из избушки.

— Вот это варить будем, — сказал он, вернувшись, и положил на стол желтую, промерзшую кору березы.

— Ты за этим ходил? — удивился Росин. — Это, пожалуй, все равно что пень варить. Вон, возьми у чувала и вари. За ним, по крайней мере, ходить не надо.

— Ели люди. И мы поедем. — Федор изрубил кору на мелкие кусочки, насыпал пригоршнями в горшок, залил водой и поставил на пылающие жаром угли.

— Сейчас бы такой чугунок картошки с огурчиками или грибочками, вздохнул Росин. — Хоть раз бы поесть по-настоящему.

Федор взял деревянную ложку и помешал в горшке. Избушка наполнилась запахом пареных веников.

— Ну что, может, готово? — спросил Росин.

— Да вроде размякло, попробуй.

— Нет уж, ешь первый... Впрочем, давай!

Росин зачерпнул желтую, распарившуюся пищу, попробовал и тут же чуть не бросил ложку.

— Нет, такую пищу я не переварю.

Федор взял ложку и, не пробуя, принялся есть.

— Ешь, переваришь. В мужицком брюхе долото сгниет.

— От муки из корневищ опухать начали, а от этой каши совсем ноги протянем.

— Это с голодухи пухнуть начали, а не от муки. Не худо бы такой муки поболее...

В углу избушки стоял глиняный горшок с зеленоватым пахучим настоем сосновых веток. Каждый день Федор выпивал кружку и заставлял пить Росина.

— Пей, не вороти нос, цингой еще заболеть не хватало.

И Росин тоже понемногу пил этот смоляной горький настой.

Зато другое противоцинготное лекарство он мог бы принимать хоть килограммами. Да Федор выдавал только по щепотке. Это были вкуснейшие сушеные ягоды черной смородины...

Т-ррр, т-ррр — донеслось из тайги.

Росин приоткрыл дверь. Неподалеку на верхушке дерева сидел большой черный дятел. Он посмотрел по сторонам и опять: р-ррр! — забарабанил клювом по стволу так, что головы от быстрых движений почти не видно.

— Ну вот, Федор, — торжествующе сказал Росин, значит, весна не за горами — дятел забарабанил!

Снаружи снова донеслась резкая громкая трель.

— Ишь разбарабанился, будто и впрямь весна. Какое же нынче число?

— Да еще только пятнадцатое февраля... Пятнадцатое февраля, — в раздумье повторил Росин.

«В середине февраля у Василь Васильевича персональная выставка. Интересно, как ее примут?»

Росин вспомнил, как однажды в тайге он встретил человека с мольбертом. Уже пожилой, с густыми бровями мужчина писал поваленную ветром ветлу. «Почему она заинтересовала его?» — подумал Росин, подошел и взглянул на картину. На полотне было подчеркнута то, что в натуре замечалось как-то не сразу. Поврежденное ветром дерево, как руками, подхватывали ветки другого дерева... «Посмотреть бы, что у него нового».

После обеда Федор принялся обстругивать борта лодки изнутри.

Построгал немного, взял камень и поточил нож... Вскоре опять попробовал острие пальцем.

— Что ты все нож пробуешь? Это, Федор, не нож тупой — руки с березовой каши не режут. Давай-ка я построгаю.

Федор отдал нож и, почти не прихрамывая, пошел к нарам.

— Что-то мне вспомнилось, Федор, когда собрание было, на передней скамейке хант сидел без ноги. У него еще палка длинная была с широким наконечником.

— Тауров это.

— Чем он в колхозе занимается?

— Промыслом занимается. Уедет на оленях в урман и скачет там на одной ноге с палкой. Да ловко как получается, только поспевай за ним. Всякую работу делает. Сердится, когда про ногу поминают. Мы уж привыкли, он вроде и не хромой у нас. Я его частенько поминал. Другой раз вздумается: «А ну как не заживет нога?» А его вспомнишь — и вроде веселей.

— А что у него с ногой случилось?

— У нас тут чаще одна беда — медведь покалечил...

...Вчера по-весеннему барабанил дятел, а сегодня как умерла тайга. Ни звука, ни малейшего движения.

Снег и деревья в тяжелых белых шапках.

С заиндеветыми усами и бородой, в бурундучьей, невесть как сшитой шапке, Росин брел по тайге, слыша только шорох своих снегоступов.

Вот и слопцы. В который уж раз расчищал их от снега. «Неужели ни один тетерев или глухарь так и не соблазнится этой рябиной?» С каждой вывешенной для приманки грозди Росин осторожно срывал по ягодке. Каждую четную клал в рот и, долго смакуя, жевал, каждую нечетную откладывал в карман, Федору.

Пуф, пуф — разлетался под снегоступами снег. Росин возвращался обратно. В руках наготове лук и стрелы. «Хоть бы вспорхнул кто-нибудь. Хоть бы белка где перескочила... «Хвост тушки белки, — вспомнил Росин какую-то старинную статью, ратующую за употребление в пищу беличьего мяса, — хвост тушки белки должен отрубаться по эстетическим соображениям...» Вряд ли бы мы сейчас хоть грамм мяса выбросили по эстетическим соображениям!»

Неожиданно, хоть только этого и ждал, из-под снега вылетел тетерев и уселся на сук березы. Росин вскинул лук и, преодолевая боль в помороженных пальцах, натянул тетиву. Не чувствуя за болью меры, натянул сильнее — треск! — и древко лука переломилось...

— Нам все ветер встречь, — проворчал Федор, увидев в руках Росина обломок лука. — Сильно, поди, натянул. Мороз ведь.

Федор положил на стол дневную порцию мяса, рыбы и ягод.

— Как думаешь, кошка бы этим наелась? — спросил Росин, глядя на разложенные на столе крохи.

— Может, и наелась бы, если не с голодухи.

— Ну а как ты думаешь, мы на этом пайке протянем еще хотя бы неделю?

— Не неделю протянем, если вот это есть будем. — Федор поставил на стол большой дымящийся горшок с

бурой массой пареной коры.

— Опять за свое. Ноги ты с этой коры протянешь! Надо хотя бы удвоить дневные пайки. Пусть не хватит до весны. Пока съедем все, найдем какой-нибудь выход, добудем что-нибудь.

— Сейчас добыть надо. Паек таким оставим, хотя помаленьку, а на каждый день.

— «На каждый день»! Да я через три дня с голоду сдохну!

— Покуда лабаз не совсем пустой, с голода не порем.

— Но я больше не могу! Не могу есть крохи, когда хоть раз можно наесться досыта! Я только и думаю о еде! Ни о чем другом не могу думать!

— А я еще о Наталье с Надюшкой думаю. Мне к ним вернуться надо. Потому вот и кору ем.

Росин прошел туда и обратно по избушке и резко повернулся к Федору:

— Ты думаешь, я меньше тебя вернуться хочу! — Еще раз прошелся туда, обратно. — Изверг ты. — Росин сел и, обжигаясь, принялся есть кору.

— Ты хоть подуй.

— Так вкуснее! Вернее, безвкусней. Горячо и, к счастью, вкуса не разбираешь.

Съели почти все, что было в горшке.

— Добре. А теперь вот этим закусим. — Федор повернулся к лежащим на столе крохотным кусочкам мяса и рыбы.

Росин не ел мясо, а, положив в рот, сосал, как будто так можно было высосать из него гораздо больше калорий, чем если бы просто съесть. Закончив обед, он забрался на нары и принялся «ломать язык», произнося записанные на кусках бересты английские слова... Но учеба, видно, на ум не шла.

— Мы тут крохи собираем, а под носом вон какого карася снегом порошит. Давай съедем карася с рожна!

Все равно теперь никто не поймается.

— А ты почему знаешь — не поймается?

— Да кто его теперь учует? Весь запах выморозился.

— Это мы не учуем, а зверь почует, ежели подойдет... Подбрось в огонь дров — и спать. Больше спишь — меньше ешь.

...Росин проснулся от неясного шума на улице. Не понимая, что происходит, он смотрел на лед окошка, сквозь который с трудом пробирался свет луны. В сумраке видно — и Федор приподнялся на нарах.

— Да это росомаха на рожне, — прошептал Федор.

Росин вскочил с нар, схватил из угла дубинку и бросился на улицу. Распахнул дверь и чуть не упал, отпрянув назад. Перед ним, лицом к лицу, стоял медведь-шатун! Оба замерли друг перед другом в потоке синего лунного света. Федор застыл на нарах. Первым опомнился Росин. Молниеносным движением захлопнул дверь перед самым носом зверя и отскочил к чувалу: там еще тлели угли. Схватил со стола ворох бересты, накрыл им угли, подул изо всех сил, раздувая пламя. За дверью возня, царапанье медвежьих когтей. Злобно ворча, зверь скребся в дверь, не зная того, что мог вышибить ее одним ударом лапы. Федор уже стоял с ножом наготове. Насколько годно это оружие против разъяренного шатуна, думать не время. Ничего другого под рукой не было. Береста вспыхнула. Росин пнул ногой дверь и сунул горящий ворох в морду зверя. Медведь рявкнул, ударил лапой по огню и припустился в тайгу — только снег задымился.

С руки Росина, задетой когтем медведя, капала кровь.

Глава двадцать седьмая

В нелюдимой, заиндевевшей тайге одиноко стояла избушка. Ни с какой стороны не подходило к избушке ни тропки. Не было даже тропки к лабазу... Но еще вился из сугроба на крыше дымок.

Федор сидел у чувала и помешивал в горшке, в котором уже не первый час варились лоскуты медвежьей шкуры.

Росин состругивал последнюю шероховатость.

— Все, Федор, готова лодка.

— Вытолкни на волю, там подкладни готовы, — ответил Федор, даже не взглянув на лодку. Для него она была готова уже давно. И с начерно обстроганными бортами вполне бы можно было плыть.

Облачившись в ставшую короче медвежьей шкуру, Росин потихоньку вытолкал в дверь долбленку и аккуратно поставил ее вдоль стены на подкладни.

— Смотри-ка, у нас теперь хоть танцуй, сколько места!.. Как там у тебя, скоро?

Федор зачерпнул ложкой несколько кусочков кожи, подул на них, потрогал пальцем.

— Нет, должно быть, не скоро.

— Схожу тогда снег измерю.

А когда вернулся, на столе уже ждал его горшок со студнеобразной едой.

— Как, Федор, пробовал?

Не раздеваясь, Росин зачерпнул ложкой.

— Ты, смотри, и правда, еда как настоящая. Куда там «березовой каше»! А главное, знаешь, что в тебе какие-то калории будут.

Льдина в окне уже потемнела.

Федор полез на нары.

Росин подошел к столу, поджег вставленную в расщеп кола лучину, сел и начал аккуратно переписывать свои записи... Лучина догорела до конца, свет начал меркнуть. Росин оторвался от записей, взял из пучка новую лучину, вставил в расщеп, поджег и снова принялся писать. На руки, на исписанную бересту медленно опускались плавающие в воздухе черные ворсинки копоты. Росин сдувал их и писал дальше.

Но вот он отложил костяную палочку, выпрямился.

«Черт возьми, а ведь где-то есть кино! Сиди смотри, наслаждайся! И никаких забот... А потом, — размечтался Росин, — прийти домой. Взять книжечку, сесть или даже лечь и читать... И лучину жечь не надо... Можно позавидовать городским жителям. А ведь раньше никогда не завидовал. Разве только москвичам, которые в любое время в Ленинскую пойти могут».

Росин пошевелил пальцами, разминая их, взял костяную палочку и опять принялся писать.

«Его уже за живого не считают, а он все пишет, пишет», — глядя на Росина, думал Федор.

Время вечерних занятий определялось запасом лучины. Сегодня она сгорела раньше, чем захотелось спать. Росин перебрался к чувалу, положил бересту на колени и снова принялся водить по ней костяной палочкой. Но береста на коленях скручивалась, да и свету было мало.

«Быстрее бы утро, что ли», — подумал он и с неохотой полез на нары.

На другой день Росин встал с нар, покачнулся и упал на пол. Федор подскочил, поднял его, помог опять лечь на нары.

— Ты что это, Вадя?

— Не знаю, Федор, что-то голова закружилась. И надо же, упал. — Росин виновато улыбнулся.

Федор ушел проверять ловушки и не возвращался. Не дождавись его, Росин съел положенную на день

микроскопическую порцию...

Только под вечер приплелся Федор. Скинул медвежью шкуру, проглотил приготовленный Росиным крохотный кусочек мяса и сел к чувалу.

«Он тоже скоро не сможет добираться до ловушек, — подумал Росин, глядя на его посеревшее, заросшее бородой лицо. — Его бы сейчас и Наталья не узнала. Щеки впали, глаза провалились, волосы стали матовыми и выпадают целыми клоچьями».

Посидев немного, Федор отрезал от шкуры узкий ремень и не торопясь принялся срезать с него шерсть, чтобы из кожи опять приготовить клейкую студенистую массу.

«А в Москве сейчас уже, наверно, продают мимозу, — подумал Росин. — Телеграммы бы послать к 8 Марта».

С каждым днем когда-то большая шкура становилась меньше и меньше. Теперь и этой клейкой массы не вдоволь: всю шкуру сварить нельзя, она нужна еще как одежда.

Росин перестал вставать с нар. В ушах появился какой-то звон, то и дело мутнело в глазах. Голод медленно делал свое дело. Давно уже началась атрофия мышц: руки и ноги стали страшно тонкими. Казалось, стукни нечаянно о край нар — и сломаешь.

Федор тоже не намного лучше. Часами он неподвижно лежал на нарах и молчал.

— Удивительно устроена память человека, — тихо, как будто в полузабытьи, заговорил Росин. — Я вот прошлые экспедиции вспоминаю. Сколько ведь всего было: и мороз, и ливни, и тонули, и горели, и голодали тоже, — а сейчас из всего этого только что-нибудь веселое вспоминается. Зато все хорошее как на ладони. Горная Шория.. Говорят, не хуже Швейцарии. Сейчас только и помню этот яркий осенний лес по склонам... А то, что со скалы там сорвался, уж как-то вроде и забылось... Вот так же, наверное, и после этих

приключений будет. Вернемся домой, отдохнем, и все забудется: и голод этот, и тоска, и холод. Неужели так будет? А, Федор?

Федор не ответил.

«Какое же сегодня число? — думал Росин. — Я уже сколько-то дней ничего не зачеркивал в календаре. И не помню сколько, совсем пропадает память... Вот так вот, наверное, и приходит смерть... Почему-то совсем не страшно... Федор что-то говорит. Что он говорит? Никак не могу осмыслить... А, понял, очень много снега, весной будет наводнение... Кого затопит? Ничего не пойму. О какой избушке он говорит, о каком озере? Не хочется думать. Лучше лежать, ни о чем не думая».

Стены, чувал, Федор — все начало кружиться, он что-то говорил, но сам не понимал себя.

Федор повернулся на нарах. «Что это с Вадей? Куда он встает?»

Росин, не одеваясь, без шкуры и босиком, подошел к двери, открыл и вышел из избушки.

«Неужто умом тронулся?» — испугался Федор и торопливо слез с нар.

Росин стоял босиком на снегу и смотрел пустыми глазами на озеро.

— Ты что это?

— Мы где, Федор?

— Как это где?! Ступай быстрее в избушку! Почто вышел?

— Не знаю. Что-то, Федор, с головой творится, кружится все как во сне.

— Поди ляг на нары.

Росин лег, закрыл глаза.

«Верно, с голода все, — думал Федор. — Поболе бы есть нам надо. — Он взглянул на шкуру. — От нее больше не отрежешь, и так уж едва прикрывает от холода. — Посмотрел в заиндевелый» дальний от чувала угол. Там, под кустиком бересты, остатки

запасов. — Если досыта — на пару ден, а надо, самое малое, на месяц протянуть».

Росин открыл глаза и смотрел на прокопченный потолок. Сейчас он был почему-то, как никогда, низко.

«Как в гробу, — думал Росин. — И мрак какой-то могильный».

Лицо отекло, мелко, неприятно дрожали руки. Во всем теле удручающая слабость.

Росин старался отвлечься, думать о чем-то другом. «Где-то сейчас Борька? Рулит, наверное, где-нибудь по Тобольскому тракту».

Вспомнилось, как два года назад в такую же вот зимнюю ночь часа полтора стоял на дороге — и ни одной машины... Наконец из-за поворота вырвались два белых в мельтешащем снегу луча. Росин поднял руку. «Давай забирайся!» — «О! Да у тебя «МАЗ»! Живем», — обрадовался Росин. «Живем! — согласился Борька. — Далеко?» — «В Тобольск». — «Торопишься?» — «Да надо бы побыстрее». — «Сегодня скоро не доберемся... Но все равно поехали. Раньше вряд ли кто приедет».

Борька не торопился. Катушку с высоковольтным кабелем, за которой ехал, можно было получить только завтра, во второй половине дня. Так что время у него было, и он чуть ли не всю ночь вытаскивал по трассе застрявшие в сугробы машины. «Такой уж у нас, брат, обычай. А у меня вон какой зверь! Черта из болота вытащит».

«А нас отсюда и Борькин «МАЗ» не вытащит», — подумал Росин.

Мысли сами собой возвращались к происходящему.

«Да, вот к чему привела тебя муза странствий... Неужели тут все и кончится? Сколько всяких планов... А что успел? Почти ничего. Не ахти уж какие важные экспедиции, шесть печатных статей, четыре папки необработанных материалов. И все. А сколько бы можно

успеть. Если бы не надеяться на потом. Этого «потом», оказывается, может и не быть».

Росин смотрел на потолок, стены. Они в багровых отсветах огня. Он отвернулся к стене... Но сон не приходил. Перед глазами многолюдная городская улица. «А что изменится, если в этой массе идущих людей не будет одного человека? Что из того, что какие-то книги буду читать не я, а кто-то другой? Кстати, я так могу и остаться должником в трех библиотеках. Надо было перед отъездом сдать книги».

Федор зашуршал сеном на своих нарах.

«И о нем, — продолжал думать Росин, — будут говорить, как на собрании о Якиме: «Полно мертвых-то вспоминать. Иван отведет. Что он, хуже Федора урман знает...» Где-то сейчас Оля? Пришла, наверное, из института. Может, в кино собирается... А может, брат, как тогда, перед отъездом, опять устраивает вечеринку по случаю какого-нибудь дня рождения... Весело было. Хорошие ребята. Днем работают, вечером в институтах. Выдается время — ходят в кино, в театры, дни рождения справляют и даже за город иногда выезжают все вместе... И у каждого есть мечта... Почему же мне всего этого мало? Ведь предлагали же место в институте... А может, Оля была у мамы и все узнала?»

Резкий, истошный крик толкнул спящего Федора. Он повернулся на нарах и уставился на Вадима.

Тот тоже поднялся на локти — слушал.

— От напужался, думал, с тобой опять что!

Над тайгой снова пронесся короткий злобный вой.

И вдруг два вопля будто захлебнулись один в другом.

Доносился какой-то клекот, шум, грызня!

— Рыси, что ли, сцепились? — спросил Росин.

— Так, верно. Гон у самцов. Ружье бы, обоих кончить можно. Они теперь шальные. А как у тебя голова?

— Ничего вроде. А что?

— Ты помнишь, нонче босиком на снег ходил?

— Припоминаю что-то.

Из тайги снова донеслись душераздирающие вопли больших длинноногих кошек... Росин пластом лежал на нарах. Он не спал, он просто не мог больше держаться на локтях. Его удивляло, как еще может держаться на ногах Федор. Голод как-то не брал его. Федор носил дрова, кипятил воду, ходил за березовой корой и даже кое-как старался поддержать порядок в избушке.

У Росина вначале слегка, потом все сильнее опять начала кружиться голова...

— Вадя, Вадя, — слышалось сквозь сон.

Открыл глаза. В избушке уже светло. Перед ним стоял Федор.

— На вот, ешь. — Федор протянул глиняную миску и ложку.

Росин удивленно посмотрел на Федора.

— Почему такой кусина мяса?! Сколько же тут норм? А у тебя? — Росин заглянул в миску Федора. Там такой же кусок, разве чуть поменьше.

— Ешь, так надо. Больше на малом пайке нельзя — помрем.

Росин открыл рот спросить еще что-то, но передумал и набросился на мясо и вкуснейший бульон.

Съел, и еще сильнее захотелось есть.

— Повремени, потом еще поешь, — сказал Федор, пристраивая на угли еще горшок с мясом.

— Ты что, Федор? — с испугом спросил Росин. — Мы же так за два дня все съедим. Сам говорил: «Не медведь, на зиму не наешься».

— Так нужно. Сил набраться надо... Есть у меня задумка... Пан или пропал.

Глава двадцать восьмая

Федор установил в углу бревно. Росин что было силы швырнул нож. Лезвие вонзилось точно посреди маленькой затески. Это получилось так ловко, что показалось Федору случайностью. Но Росин еще раз махнул рукой, и лезвие вонзилось в свой первый след.

— Однако ладно у тебя получается, хоть и нож покорооче стал. Недаром, почитай, все съели. Вернулась малость силенка, — говорил Федор, с трудом вытаскивая нож.

— Когда пойдем? — спросил Росин.

— Завтра надо. Послезавтра есть боле нечего.

...Яркая белизна снега. Щурясь от резкого света, Росин и Федор вышли из избушки. Не спеша встали на снегоступы и направились в урман.

В пестром, слатанном из разных шкурок балахоне шагал Федор. По его следам ступал Росин, одетый в короткую теперь медвежью шкуру. Оба в полосатых бурундучьх шапках. У того и другого шея спереди закрыта от мороза густой бородой, а сзади, как у попов, длиннющими волосами.

Вокруг закутанные в снег елки, кедры. По грядам сугробов угадывались заснеженные кучи валежника.

Федор остановился и кивком указал вперед. За валежником тянулись крупные следы.

Росин обошел валежник, зашел в густой ельник и, укрываясь за молоденькими елочками, остановился против следов. Федор пошел дальше, а Росин принялся осторожно обрезать мешающие смотреть сучки. Федора уже не видно. Росин отоптал ногами снег и теперь неподвижно стоял на месте.

На голом, полузанесенном кусту появились два алых цветка... Еще один... Это снегири уселись на ветке.

Яркое солнце смотрело сквозь ветки вроде с прищуром.

Тихо стоял Росин. Перелетевший снегирь сел чуть ли не на плечо...

Незаметно подвигалось за ветками солнце. Вот оно уже проглянуло из-за другого дерева. Не отрывая глаз, Росин смотрел и смотрел туда, где между деревьев пропадали звериные следы. От напряжения даже слезились глаза. Время от времени Росин поправлял шкуру, закрывая от холода грудь. Снял правую рукавицу, заткнул за лыковый пояс, а чтобы не мерзла рука, дышал в рукав.

Что-то серое шевельнулось вдали под еловыми лапами. Росин медленно опустил к ножнам согретую дыханием руку. Из-за стволов осторожно шла своим следом рысь.

Остановилась, чуть двинула кисточками ушей, подошла ближе. Росин медленно поднял руку с ножом. Рысь рядом — холеный пятнистый мех, дикие, с зеленым огоньком глаза. Сверкнул нож, рысь вздыбилась на задних лапах и бросилась к Росину. Росин бросился к ней, готовый сам зубами перегрызть ей горло! Но рысь упала, ломая сучья, лапы судорожно вытянулись, выпустив все когти.

— Федор! Готова! Давай сюда! — закричал Вадим, сложив рупором худые, костлявые руки.

— Ладный кот, — подходя, сказал Федор. — Пораньше бы. Разом его жиром помороженные пальцы залечили бы. Ишь, зайцами отъелся. Придется на ветках волочить: на себе с голодухи не осилим.

Рысь положили на широкие еловые лапы и поволокли к избушке.

— Федор, а мы ведь теперь живые!

Федор молчал, пряча в усах довольную улыбку.

— Федор, а ты не боялся, что рысь не пойдет по своим следам? Свернула бы куда-нибудь в сторону — и все.

— Почто же в сторону, если можно своим следом, а не целиком лезть? Она ведь глубокий снег не любит. Ну и с лежки так стронул, чтобы к тебе пошла, своим следом.

— Все это ясно. Ну а вдруг еще бы на какой след наткнулась и ушла?

...Весело потрескивали в чувале дрова. На жарких углях шипел большой, доверху наполненный мясом горшок. Росин уже не мог не улыбаться. Сияющий, суетился возле чувала, поворачивая вертела с шашлыками.

«Ишь, повеселел, — думал Федор, растягивая на жердине рысью шкуру. — А то ведь и выжить не чаял. Буковка к буковке отчет переписывал, чтобы другие, мол, разобратся могли. А теперь и переписывать бросил».

Федор достал из горшка громадный кусок мяса и, ухватив его обеими руками, принялся есть.

— Ну и вид у нас, Федор! Вот бы кто посмотрел. Наверняка бы пошел слух о западносибирской разновидности снежного человека.

Росин тоже ухватил здоровенный кусок.

— На каждый бы день такой горшок. Ничего бы, можно зимовать, а, Федор?

— Еще такого кота промыслим, вот и живи не тужи.

Через несколько дней Росин и Федор опять брели по заснеженному урману. Кругом ровная, нетронутая белизна снега. Изредка попадали старые, затвердевшие следы рысей.

— Что-то последние ночи тихо было, не орали рыси. Не ушли ли?

— Вот и я, Федор, думаю. Может, и было два самца. Одного убили, а другой с рысью ушел... Тебе, пожалуй, в избушку пора — не погас бы огонь. А я еще похожу, может, все-таки найду свежий след.

...Уже не солнце — месяц светил Росину, когда он возвращался к избушке.

— Ушли. Федор, рыси. Часа три по следам шел. Так и идут напрямую. Следы не очень старые. Дня два назад ушли.

— Худо дело, — в раздумье сказал Федор, поправляя палкой дрова в чувале. — Могут не вернуться: к весне дело... Опять на голодный паек переходить надо.

На другой день в избушке опять запахло пареными вениками, и снова на столе «березовая каша». И чтобы сэкономить силы, ни Росин, ни Федор почти не вставали с нар.

— О чем думаешь? — спросил Росин, увидев, что Федор лежит с открытыми глазами.

— О винтовке, — не поворачивая головы, ответил Федор. — Ларманкин, поди, мою забрал. Поначалу он не записался, а потом вроде бы и жалел.

— Помешался ты на своей винтовке. Сколько раз говорил, достану тебе винтовку! Ведь я же работаю там, где все разнарядки на охотничье оружие составляют.

— Теперь там другой работает.

— Ничего, винтовку я тебе все равно достану, об этом не беспокойся... А я знаешь чего бы больше всего хотел?.. Газетку свеженькую. Представляешь!.. От строчки бы до строчки. Скоро год — ни радио и ни газет. Как дикари... Приеду домой — целая стопа!

У Федора от этого разговора сами собой начинали двигаться пальцы, как будто свертывал самокрутку. У него разговор о газетах вызывал одно желание — покурить бы.

Он молчал. Задумался о чем-то... Задумался и Росин.

— Федор...

— Чего тебе?

— Тоска.

— Да... Не больно весело... На месяц, на два мы уходить привычные, а столько без дома — тоска... Каждую зиму на промысел. Привык вроде. А тут, на тебе, — тоска.

— Тебя вот нет, в тайге пропал. Выйдет там Наталья замуж. Молодая еще.

— Полно, так скоро не хоронят.

— Верно, не должны бы... Да скоро ли эта весна!

Росин встал с нар, распахнул дверь избушки и зажмурился. На озеро нельзя было глядеть: нестерпимо сиял снег.

— Федор, разве когда-нибудь раньше снег так блестел? А посмотри, тайга — на ветках ни снежинки. И солнце пригревает, прямо чувствуется! Сдаёт зима!

— Похоже, верно, конец зиме, — сказал Федор, заглядывая с нар в распахнутую дверь.

...Неспешно, но уступала зима свою власть весне. Недели полторы назад шел последний снежок. Он был особенно мелким, как будто ссыпались остатки снежинок. Все шире и глубже становились воронки вокруг деревьев. Местами на них проглянули зеленые листья брусники. Невидимая еще вода начала подтачивать сугробы. Серый, пропитанный влагой снег оседал со вздохом, будто надоело ему недвижно лежать эту долгую зиму.

Однажды в полдень Росин распахнул дверь и увидел: на озере, у берега проступила над снегом полоска воды.

— Вода! Федор! Вода! Ведь мы по этой воде домой, представляешь, домой поплывем! Как все, будем жить, ты только подумай, как все! — Вадим черпал пригоршнями и разбрызгивал сверкающую на солнце воду.

Федор тоже подошел к воде, хмуро посмотрел на кусты.

— Ты сюда погляди.

Росин пожал плечами:

— Ничего не вижу. Ты о чем?

— Вода прошлую весну гляди куда поднималась. — Федор показал рукой на едва заметную белесую полоску. — Если и дальше тепло так попрет, опять столько воды будет. Затопит избушку, а плыть еще рано, по протоку лед не промочит.

...На глазах, почти как сахар в горячем чае, таял снег.

В три дня потемнело, набухло озеро. Появились забереги.

И вот на одном из них зашевелился и поплыл ком снега.

— Федор! Да это же лебедь! Смотри, прилетел!

Птица настороженно, как палку, выпрямила шею, посмотрела в одну сторону, в другую и, взмахнув большими крыльями, полетела дальше, на север.

— Теперь недолго, — сказал Федор, провожая глазами птицу. — Потерпим и коры поедем.

Росин тоже стоял в дверях и смотрел на улетающую на север птицу.

— Опять с луком охотиться можно. Ты бы сшил что-нибудь непромокаемое, а то, где ни ступишь, вода.

— С таким инструментом не пошьешь. В избушке сидеть придется. Весной вода едкая, разом застудишься. Особенно на голодное брюхо. Вон уж у порога вода проступила. Скоро поплывем.

Красный шар солнца еще высоко над горизонтом завяз в непроглядном сером тумане. А под вечер над тайгой расползлась морозящая мелким дождем густая серая хмарь.

— Слышишь, Федор, как дождь шумит?

— Этот быстро снег сгонит, — ответил Федор.

Росину теперь было страшно спать. Он боялся, что уснет и больше не проснется. Каждый вечер его мучила

эта мысль. И когда он просыпался, то просыпался с радостью, что жив.

Неспешно горел в чувале огонь. Пламя расползлось по костру и будто глодало свою пищу, оставляя от дров только хрящеватые рядки красных углей... Поздно ночью последний язычок пламени мигнул... мигнул еще раз и пропал, унеся с собой свет. Сразу зашевелились на нарах Росин и Федор. Темно — значит, время подбросить дров. Они научились помнить это даже во сне.

— Лежи, Федор, я встану.

Росин прыгнул на пол. Бултых!.. И ноги в воде.

— Неужто вода в избушке? — испугался Федор.

— Холоднющая, как лед! — Росин был уже снова на нарах.

За стенкой шумел ливень.

Федор бросил на угли клок сена. Оно вспыхнуло и на секунду осветило избушку. Черная вода уже подбиралась к нарам, к чувалу. Она залила всю избушку. Плавали дрова, кое-где всплыли жердины пола.

Сено сгорело — опять только угли было видно в чувале.

— Озеро из берегов вышло! — не то с радостью, не то с испугом проговорил Федор.

За дверь шум ветра мешался с шумом ливня.

— Вадя, лодка!

Глава двадцать девятая

Лодку, к счастью, удалось найти.

Теперь она маленькой пирогой плыла по весенней, в солнечных зайчиках воде.

Впереди сидел Росин, одетый в остатки медвежьей шкуры, на корме — Федор в своем пестром, собранном из разных шкурок балахоне.

Пришел наконец этот долгожданный день, когда избушка осталась где-то позади... Но опасность предстоящего пути мешала радоваться. Руки едва держали весло, а впереди завалы и все тот же изнуряющий голод...

— А что, Федор, здорово перепугался, когда лодку унесло?

— Думать надо. Ладно, под елку загнало. А кабы в озеро?..

Время от времени Федор подбрасывал в миску сухие гнилушки, и из нее вился голубоватый дымок.

Оставляя над водой полоски дыма, все дальше уплывала лодка.

Теперь, когда избушка осталась где-то там, позади, Росину сделалось вдруг жалко ее. Жалко эту ненавистную избушку, в которой они жили оторванными от всего мира. Но ведь в ней они прожили почти год. Кроме бед, там были и радости.

Вот и соседнее озерцо. Поплыли краем, где лед отошел от берега.

— Гляди-ка, Вадя! — Федор резко затормозил веслом.

Из воды торчала, вмерзшая в лед, их старая лодка.

— Так вот она где! В другом озере, — удивился Росин. — Как же она с ней в протоке не застряла?

— Потемнела. И льдом ишь порвало. Теперь уже негодная.

Из озерца вода стремительно мчалась узкой ледяной канавой. Лодка осторожно скользнула в нее и понеслась так, что Росин и Федор едва управлялись на поворотах.

— Лодку бы не расшибить, — хмурился Федор. — Рановато тронулись.

— Уже двое суток, как карася с рожна съели, а ты — «рановато».

За поворотом вода неслась под висящий на берегах протока лед. Не слушаясь весел, туда же устремилась лодка!.. Росин изловчился и, ухватившись за куст, удержал лодку.

— Вылазь, волоком потянем, — сказал Федор.

Наступая на свои синие тени, они, как нарточку, потащили лодку по льду.

Внизу с шумом неслась вода.

— Не провалимся? — побаивался Росин.

— Не должны. Весу в нас теперь раза в три, поди, меньше.

В низине протока разлился, течение утихло. Теперь можно и осмотреться, не боясь разбиться на повороте или попасть под лед.

Вытаявший из-под снега муравейник, сиреневые от оживших почек березки, проглянувшая земля — во всем уже появилась и чувствуется необоримая сила жизни. Пахло оттаявшей землей. Там, где сошел снег, земля дышала — стоял чуть заметный парок. По окраинам луж появились первые зеленые ростки травы.

На верхушке осинки самозабвенно распевала белошапочная овсянка. Трехпалый дятел с желтой отметиной на голове прицепился к стволу березки, осмотрел белую кору и резко ударил по ней клювом! Пробил и принялся сосать из дырочки березовый сок.

— Нам тоже хоть березового сока напиться надо. А то ведь сколько времени ничего не ели. А в соке все какие-нибудь питательные вещества есть.

— Остановиться надо! — согласился Федор. — Только какой прок в соке. Шкуру надо варить.

Долго бурлила вода в закопченном горшке, где варилась шкура.

— Еда — и то мучение. Иначе и не назовешь, — ворчал Росин, давясь приготовленным из шкуры месивом. — Надо же, весь остаток дня ушел на то, чтобы приготовить эту бурду.

Неторопливо поплыл по небу узкий сверкающий месяц. Угомонились ручейки, и морозец начал затягивать пленочкой льда стоячую воду.

— Что же, Вадя, спать пора.

Из-под выворота, где горел костер, перебросили в сторону недогоревшие головешки, смели золу и угли. А на прогретую землю положили толстый слой кедровых веток...

Наутро, доев остатки вареной шкуры, снова в путь. Теперь уже приходилось внимательно смотреть, чтобы не потерять проток в сплошном разливе.

— Паводок-то какой... Этой весной собирался на Быстрянку поехать. Бобров мы там выпустили. Хотел посмотреть, не заливают ли весной норы.

На не затопленной водой гриве Росин увидел вытаявшие из-под снега кедровые шишки.

— Давай причалим, может, орехи в них остались.

— Полно, разве мыши оставят?

В дальнем конце гривы что-то мелькнуло.

— Федор, лиса!

Подхватив палку, Росин пустился по гриве. Между кустами, стелясь по земле, мелькала лисица. Федор, припадая на больную ногу, тоже торопился к кустарнику. Лисица метнулась по узкой полоске земли. Росин рядом. Размахнулся, но лисица — в воду и

поплыла. Росин с ходу за ней — и с головой в воду. Вынырнул — быстрее на берег.

— Почто ты в воду плюхнул?

— Думал, мелко.

Лиса доплыла до другой гривы и тут же пропала за древесным хламом.

— Вот, Федор, что значит высококалорийная пища. Не то что поешь, а только увидишь — сразу организм полон сил. Вон мы как с тобой по гриве скакали. Только хворост трещал.

— Хуже собак изголодались. Те лису не едят, а нам бы только дай.

Высушив возле костра лохмотья, поплыли дальше.

— Вот еще грива хорошая, — сказал Росин, — кажется, со всех сторон вода. Давай завернем, может, зайчишку какого поймает.

Федор направил лодку к гриве, но, не доплыв нескольких метров, резко отвернул в сторону.

— Тут нас самих словить могут. Глянь-ка, вон следы как лапти — медведь. Не хуже нас голодный. Только из берлоги. Видишь, на снегу валялся, шерсть оттирал. Давай-ка уж своей дорогой.

Время от времени проносились утки. Росин по привычке тянулся к луку, но руки теперь не могли даже как следует натянуть тетиву. Вчера почти вплотную подкрался к глухарю, но только ранил птицу. Та потеряла было равновесие, но быстро-быстро замахала крыльями и улетела... Не раз пытался добыть рябчика. Но стрелы летели мимо... Пробовал опять тренироваться — ничего не вышло. Дрожали руки. Надо было хоть немного больше есть.

Лодка лавировала между всплывших валежин, проплывала над замшелыми грудками полусгнивших деревьев.

— Высокая нонче вода. Местами поверх завалов плывем. Эдак мы скоро до русла доберемся! Особенно

если почаще напрямую срезать будем.

Через несколько дней, изможденные голодом и усталостью, они стояли на берегу реки и смотрели воспаленными глазами на ее полноводное русло. А по нему сплошной белой массой плыли льдины. Плыли беспокойно. Давили друг друга, вставали на дыбы, обнажая зеленоватый скол. Перевертывались, ломали края у соседних льдин.

В реку вдавался небольшой полуостров. Сейчас он был затоплен, и над ним тоже плыли льдины. С ними боролась пара стоящих рядом молоденьких березок. То одна, то другая льдина напозала на них, пытаюсь сломать. Березки вздрагивали, гнулись. Но сдерживали напор и медленно начинали выпрямляться, отжимая льдину обратно. Льдина разворачивалась и, подталкиваемая другими, проплывала уже сбоку. А у березок опять борьба — другая льдина хотела сломать их.

— Смекали плыть тут без горя, а обернулось — в самой поре ледокол! Разом лодку раздавит. Ждать придется, покуда лед реже будет.

— Как же, Федор, ждать? Ведь мы через день, через два с голода подохнем.

— Ничего, теперича недолго. Шкуру варить будем. Почто ее жалеть? Зима прошла.

— «Шкуру»! Меня от одного слова мутит... Ты пока тут устраивайся, а я пройду берегом, может, найду чего.

...Вернулся Росин не скоро. Проходя мимо лодки, что-то сунул под связку бересты и только потом подошел к костру.

— Нашел ли чего?

— Ничего, — буркнул Росин и принялся подтаскивать к костру валежник. Нечаянно задел суком за бересту, и из-под нее высунулся уголок свежей берестяной коробки. Росин поспешно прикрыл его.

— Чего это ты все прячешь? — удивился Федор.

— Да так, ничего, — замялся Росин. — А впрочем, посмотри. А то подумаешь, нашел, мол, что-то и один съесть хочет.

— Ты что, сдурел?

— Нет, все-таки посмотри и знай: на самый крайний случай запас есть, кое-что нашел.

Росин поднял крышку... На дне коробки лежала черная с разможенной головой гадюка.

— Да, — в раздумье сказал Федор. — Шибко помирать не хочется. Особенно сейчас, перед домом. Вроде уж и эта гадость не так воротит, зря прятал... Только не сейчас, убери покуда, а там видно будет.

Федор подсел к костру и принялся чинить бродни, прокалывая дырки шилом из прочного клюва черного дятла. Росин занялся шкурой — сегодня его очередь готовить обед. Вдруг он опустил руку с лоскутом шкуры. Федор тоже застыл в напряжении. Уши едва улавливали какой-то далекий знакомый звук...

И вот оба вскочили на ноги, завертели поднятыми головами. Теперь ясно был слышен гул самолета. Мотор ревел ближе, ближе, но самолета не видно: мешали деревья. Наконец в стороне показался не самолет, а вертолет. Федор что-то кричал. Росин тоже. Махали руками... Но вертолет летел своим курсом. Люди метались на берегу и, не переставая кричать, махали руками. А вертолет улетал все дальше и дальше... Он уже далеко, его не видно... Пропал и шум мотора. Опустив руки, оба молча смотрели на вершины деревьев, за которыми пропал вертолет.

— Федор, а ведь он за нами прилетал! Где-нибудь утку убили с нашим письмом.

— Как раз с озера летел. Верно, так.

— Представляешь, сегодня бы уже были дома.

— Душу только разбередил. Неужто дым-то не видел? — Федор ковырнул палкой в костре.

— Какой тут дым, одни угли. А может, вернется? В избушке нет — на реке искать будет...

— Почто ему вертаться? Кого в такой ледоход на реке искать?.. Да и далече с реки до избушки. Поди, и ни к чему, что мы тут...

— Не пора трогаться? — спросил на другой день Росин. — Поредел лед.

— Рано, однако. Попадем между льдин — раздавит. Еще ждать надо.

Наконец долбленка на воде.

— Смотри-ка, а устояли березки! — обрадовался Росин.

— Хорошо стоят: вместе. А по одной бы давно сломало.

Лодка медленно двигалась среди редких запоздалых льдин. Сейчас ее больше несло течение, а не весла, зажатые в бессильных от голода руках.

Вдоль берегов один за другим тянулись знакомые пески. Только сейчас они почти залиты высокой весенней водой.

— Течение что-то тихое... — Федор осмотрелся по сторонам. — Неужто затор? Гляди, как вода поднялась, даже из берегов повышла.

Спереди донесся шум падающей воды.

— Давай ближе к берегу, — заторопил Федор.

Осторожно пробиралась лодка краем вышедшей из берегов воды. За поворотом показался громадный ледяной затор. В нем тысячи кубометров льда. Льдины нагромоздились друг на друга. Лодка продвинулась дальше. Стал виден весь затор.

— Это что-то невероятное! Посмотри, Федор, это настоящая громадная плотина изо льда.

— Целое озеро воды держит. Грива тут не к месту. Поперек обоих берегов проходит, не перельешь. Давай-ка на сухое выбираться. Посуху затор обтащим.

Мягко ступали ноги на влажную зеленую прель.

— Смотри-ка, воды за затором почти нет, мало совсем.

— Нам хватит, — сказал Федор, заглядывая с гривы в реку. — Я думал, меньше будет, а это еще ладно.

— А если прорвет эту плотину?

— Как мух раздавит. Помнишь, на собрании Якима поминали? Как раз вот так попал. Поторапливайся, а то, чего доброго, на самом деле прорвет.

Сели в лодку. Росин еще раз обернулся назад. Ледяная глыба медленно сползла вниз и рухнула в воду. Федор обернулся на шум.

— Промывает помаленьку. Поплывем, покуда совсем не промыло.

Росин то и дело оглядывался.

Сзади опять что-то ухнуло в воду. Оглянулся — на воде колыхалась здоровенная льдина.

— Не отжимайся от берега.

Сзади донесся глухой, все нарастающий и вот уже страшный шум! Федор выскочил из лодки и что-то кричал Росину. Все заглушал шум воды. Федор выдернул из воды долбленку и так толкнул ее вверх по склону, что, казалось, это была ненастоящая лодка. Росин тоже карабкался вверх по яру. Под ногами осыпалась земля. Оба спотыкались, падали. Но отчаянно лезли вверх и тащили лодку. И вот предел: дальше яр высился стеной. Прижавшись к ней и повернув бородатые лица, ждали. Громадная масса воды, сломив ледяную преграду, мчалась, сметая все на пути. Льдины ударяли по прибрежным деревьям, подминали их под себя. Водяной вал перемалывал льдины, вертел деревья, шумел, шипел. Вот он уже возле них!.. Ревела, клокотала у ног вода. Вставали на дыбы, сталкивались и вдребезги разбивались льдины. И тут только стало ясно — нет, не достанет.

— Испужался? — Федор наконец пошевелился.

— Знаешь, не особенно. Не может быть, думаю, год прожить и под конец так глупо утонуть.

...Далеко вниз ушла из-под ног вода. Придерживая скользкую, как санки, лодку, спустились по склону. На земле борозды, оставленные льдинами, клочья пены.

Долбленка опять медленно двигалась по воде вместе с редкими запоздалыми льдинами... А ночью, пока спали у костра, уплыли и эти льдины. Едва двигая веслами, плыли теперь по чистой воде.

— Ничего, с каждым упором ближе к дому, — подбадривал Федор.

— Только поэтому и гребу.

Медленно уходили за корму плесы, пески, повороты. Вдруг Росин торопливо вскинул голову. Над ними живой, чуть колышущейся линией летели журавли.

— К гнездам вертаются. Ишь как весело машут — тоже, чай, домой-то радостно вернуться... Что-то покурить засосало!

Росин повернулся к Федору и стал подкидывать в глиняную миску сухие гнилушки. Федор вдруг перестал грести. Он смотрел вверх Росина. Росин взглянул на Федора и все понял. Обернулся, едва не опрокинув лодку, — на повороте в долбленке человек! И Федор видит — значит, не кажется! Оба разом — за весла и яростно грести: к нему, к нему!

Движение весла — и круто развернулась долбленка ханта. Уже плыла от них, быстрее от них! Росин и Федор опустили весла.

— Эй, ты куда? — крикнул Росин.

Хант перестал грести.

— Однако Купландей! — удивился Федор. — Да я же это, Купландей!

— Кто «я»?

И вдруг из лодки ханта метнулось в воду что-то бурое! Радостно визжа, к лодке плыла собака.

— Юган!.. Юган!.. — поднялся Федор.

— Ба! Федор! Живой! — Несколько взмахов весла — и хант подплыл вплотную. — Ай, ай, какой ты! Худой! Борода! Шибко плохой!

— Как дома?.. Живы?.. — спросил Федор, и рука, трепавшая загривок собаки, замерла.

— Почто не живы? Живы все. Где был? Весь Черный материк искали. Самолеты, вертолеты летал.

— Не был в материке. В Дикий урман ушли.

— Ай-ай! — качал головой Купландей и повернулся к Росину. — Зачем говорил: «Черный материк пойду»?

— Так уж получилось. — Росин не отрывал от ханта сияющих глаз.

— Сестра твой из Москвы прилетала, — улыбаясь, сказал хант.

— Сестра?! — удивился Росин. — Звать как?

— Еля. Шибко красивый. Волосы, как колонок, желтый. Смелый шибко. С нами в тайгу ходил: одна хотела искать. — Узкие глаза Купландея стали еще уже в лукавой улыбке. — Знаем, какой сестра. Наталья сказывал... И теперь, однако, письма пишет.

— Купландей, ведь мы с голода пропадаем! Давай сюда туес!

— Не, Федя. Шибко много нельзя. Худо будет.

— Знаем, давай хоть маленько.

Обо всем на свете забыли Росин и Федор, как только в руки к ним попало по ломтю настоящего ржаного хлеба.

Купландей подогнал к берегу обе лодки, вытащил из мешка и разложил в своей длинной долбленке сети.

— Сюда ложись, — показал на сети. — Домой повезу. Самим плыть долго, худой шибко, слабый. День плывем, ночь плывем — и дома.

Примечания

1

Шикшовник — низкорослый вечнозеленый ягодник.

2

Кальдера — котлообразная впадина с крутыми склонами и ровным дном, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана.

З

Фумаролы — отверстия и трещинки, по которым поднимаются из-под земли струи горячих вулканических газов.

4

Сивуч— млекопитающее из семейства ушастых тюленей

5

Алык — часть собачьей упряжи.

6

Кукуль — спальный мешок из оленьих шкур

7

Камус — куски шкуры с ног оленя, зайца, песца и пр. Используются для изготовления и украшения меховой обуви, рукавиц, одежды.

8

О б л а с к — легкая долбленая лодка

9

Слопец — ловушка на глухаря.